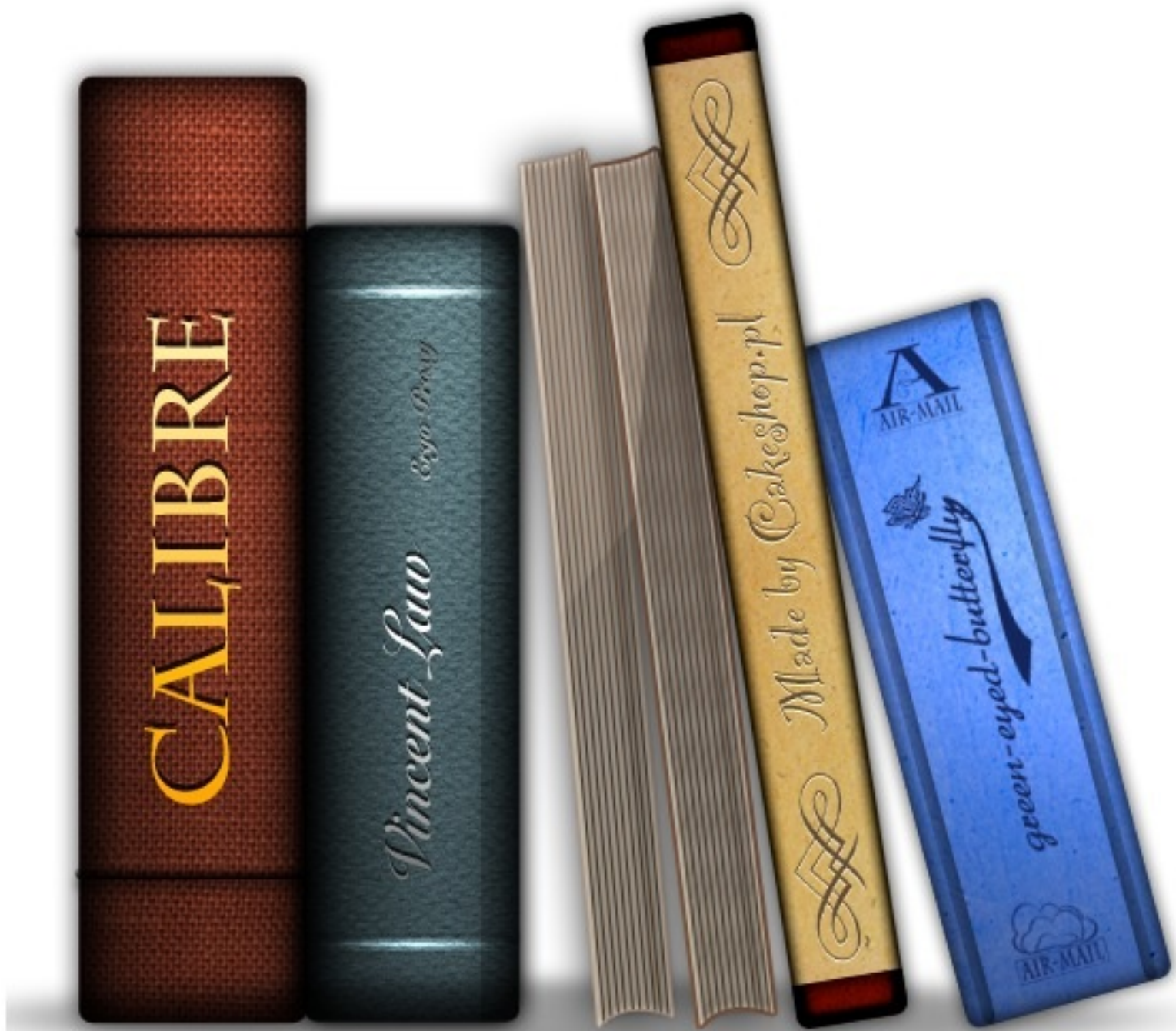

Кто услышит коноплянку?

lib.pravmir.ru

calibre 0.8.51

Информация о первоисточнике

При использовании материалов библиотеки ссылка на источник обязательна.

При публикации материалов в сети интернет обязательна гиперссылка:

"Сайт памяти Виктора Лихачёва" (www.liha.ru).

Преобразование в форматы epub, mobi, fb2

"Православие и мир. Электронная библиотека" (lib.pravmir.ru).

19 мая 2008 года не стало Виктора Лихачева, автора этой книги. Анна Лихачева, вдова писателя, любезно разрешила разместить произведения писателя в нашей библиотеке. В качестве благодарности и по личной просьбе Анны Александровны, пожалуйста, оставьте отзыв о книге на сайте памяти Виктора Лихачева по ссылке <http://www.liha.ru/memory.html>

ЧАСТЬ I. Глава первая

Гусиная стая, возвращавшаяся с далекого юга к родным северным озерам, над этим огромным скоплением домов, труб, машин и людей старалась пролетать как можно быстрее. Гуси летели сосредоточенно и безмолвно. Но серые путешественники напрасно опасались угрозы с земли: откуда им было знать, что люди в городах редко смотрят на небо. Особенно в этом городе. Вот и выбивались гуси из последних сил, только бы поскорее увидеть спасительную зелень лесов и голубую гладь озер. Могли ли они с высоты своего полета разглядеть улицу в самом центре города, старинный дом из серого камня? На третьем этаже дома, в тот самый момент, когда гусиная стая пролетала над городом, возле двери, на которой было написано: "Без вызова не входить", стоял человек средних лет. Точнее, он не стоял, а нервно расхаживал взад-вперед по коридору, в котором кроме него были еще люди. В другом месте, в другой очереди этому мужчине кто-нибудь наверняка сделал бы замечание. В самом деле, кому понравится, когда перед тобой беспрестанно маячит - туда-сюда - что-то бормочущий человек. В другом, но не здесь. И дело было не в особой терпимости окружающих его людей. Каждый пришел сюда со своей бедой - болезнью - и целиком находился в своих мыслях и переживаниях. Человек же продолжал мерить шагами пространство около двери. Бормотание становилось все громче: "Закон подлости, закон подлости... В такой день... осталось два часа..."

- Киреев! - раздался голос из кабинета, усиленный динамиками. Бормочущий вздрогнул и с радостным вздохом быстро шагнул за дверь. Обычно Киреев старался внимательно осматривать новое место, в какое попадал. Сейчас же он видел только врача и - краем глаза - молодую медсестру. Врач не посмотрел на него, ответив на приветствие кивком головы и продолжая писать. На груди его висела визитка: "Хирург Кравчук Владислав Игоревич". Молодой, цветущего вида. Киреев не без досады подумал: "Самоуверенный тип. Надо будет все красноречие свое пустить в ход, но обязательно убедить его сделать по-моему". В чем-чем, а в собственном красноречии он не сомневался. "Ну посмотри, посмотри мне в глаза, милый". Однако врач Кравчук Владислав Игоревич только бросил сухо, опять не глядя на Киреева:

- Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку.

- Эта язва, - раздеваясь и стараясь говорить как можно проникновеннее, заговорил Киреев, - меня со студенческих лет мучает. Сами понимаете, - портвейн дешевый, закусывали сырками плавлеными, если вообще закусывали... Ну вот, я и говорю, что обычно мне хватает попить недельку-две зверобоя - и все проходит. А этот год для меня тяжелым выдался, наверное, поэтому посылнее прихватило.

Он лег на кушетку, подошедший врач, попросив его немного согнуть ноги в коленях, стал пальцами ощупывать его живот.

- Вот здесь больно?

- Да, немного. И левее еще. Угу, вот тут... Интересное совпадение, Владислав Игоревич. На днях материал готовил, - я журналистом работаю. И одна женщина рассказала, как она своего мужа от язвы вылечила - сырыми яйцами. Пить нужно месяц натошак, без соли. Говорит, от язвы следа не остается...

- Одевайтесь, - опять коротко бросил врач. Киреев чувствовал, что ни его слова, ни его

доверительный тон не производят на доктора впечатления, и, как это с ним обычно происходило, перешел почти на скороговорку, обильно сопровождая речь жестикующей:

- Право, я удивился, узнав, что Марина Петровна меня к вам на консультацию послала. Мне, наверное, следует хорошенько пролечиться, да я это обязательно и сделаю. Но не сейчас, доктор! У меня сегодня, через два часа встреча очень важная. Очень важная. Хайкин, Иосиф Самуилович - слышали о таком? Банкир известный. Речь может пойти о крупном заказе... Я статью о нем, дай Бог, напишу. Друзья показали ему мои прежние работы. Сегодня звонят, говорят, ждет. Такой человек, нельзя опаздывать. Опоздаешь - и все...

Кравчук, считая себя опытным психологом, давал Кирееву выговориться. Он был неплохим человеком и всегда жалел больных, особенно тяжелых. Впрочем, другие в этот кабинет просто не заходили. Правда, в последние год-два эта жалость стала более отстраненной. Он понял, что у жизни свои законы, а он всего лишь доктор. Пусть даже хороший. Нельзя все близко принимать к сердцу - так долго не продержишься.

И еще одна особенность была у Владислава Игоревича. Он постоянно видел себя как бы со стороны. И ему хотелось всегда выглядеть достойно. То есть красиво. Кравчук и сейчас чувствовал, как на него влюбленными глазами смотрит медсестра Оля... Оторвав взгляд от амбулаторной карточки больного, долгим-долгим взглядом посмотрел на Киреева. Средних лет, со степенной бородкой, а сам весь какой-то суетливый. Лихорадочно засовывает рубаху в брюки, что-то говорит. Что он говорит?

- Очень важная. Хайкин, Иосиф Самуилович - слышали о таком? Банкир известный. Речь может пойти о крупном заказе... Я статью о нем, дай Бог, напишу. Друзья показали ему мои прежние работы. Сегодня утром звонили, говорят, он ждет. Такой человек, нельзя опаздывать. Опоздаешь - и все...

- Мне жаль, Михаил Прокофьевич, - Кравчук почти не играл теплоту в своем голосе, - но вам, по всей видимости, придется пересмотреть ваши планы.

- Вот, я так и знал. Вы молодой врач, Владислав Игоревич, поверьте, я полностью доверяю вам, но свой организм я знаю очень хорошо. Попью зверобоя, сырых яиц, а в больницу я не могу лечь.

- А я вас не могу заставить. Но мой врачебный долг сказать вам о всей сложности вашего положения. Как говорили древние римляне: терциум нон датур - третьего не дано. Киреев, который все утро думал о предстоящем разговоре с Хайкиным, представлял то, что он скажет банкиру, только после этих слов доктора почувствовал некоторое беспокойство. Он гордился своей интуицией, а она в этот раз молчала.

- Вы сказали - сложности?

- Передо мной ваши анализы. Марина Петровна, показав мне их, сказала, что вы живете один.

- Один, но какое это...

- Имеет значение? - Кравчук подчеркнуто перебил Киреева. Теперь говорить будет он. И говорить как можно весомее: - Самое прямое: бывают ситуации, когда я предпочитаю говорить с родственниками пациента. Но в данном случае я буду говорить с вами. "Что несет этот смазливый хлыщ? При чем тут родственники? Неужели..." Беспокойство нарастало, как снежный ком. Вспотели ладони рук.

- ...буду говорить с вами. Марина Петровна не напрасно послала вас сюда. Она

поставила язву двенадцатиперстной кишки под вопросом, но, к сожалению, все значительно серьезнее. Вы взрослый человек, так что я не буду ходить вокруг да около. Тем более я являюсь сторонником американского метода в медицине. В Америке больным говорят правду, какой бы суровой она ни была. У вас выявлено серьезное онкологическое заболевание...

- Рак? - не веря своим ушам, спросил Киреев. С этого момента все происходило будто во сне. Врач что-то говорил о современных средствах медицины, об операции, медсестра сунула ему в руку какое-то направление. Он автоматически что-то отвечал, смотрел в бумажку - и ничего не видел. Колотилось сердце, и в мозгу словно гвоздем кто-то невидимый выбивал одно-единственное слово: РАК. По позвоночнику пробежал холодок - это был страх. Самый обыкновенный, животный страх. Ноги сделались ватными. Позабыв попрощаться, он вышел из кабинета.

- Владислав Игоревич, мне показалось, что после того, как вы этому бедняге сказали его диагноз, он перестал вас слышать.

- Это называется шок, Оленька. Только что на наших глазах произошла катастрофа. Теперь ему не до Хайкина. Да, древние были правы...

- В каком смысле?

- В самом прямом: контра фатум нон датур аргументум.

- Ой, Владислав Игоревич, - кокетливо поправляя шапочку на голове, взмолилась Оля, - вы уж мне переводите сразу, я в медучилище с этой латынью намучилась. А то контра какая-то.

- Контра, Оленька, означает против. То есть против судьбы нет доводов. Ну да ладно. Вызывайте следующего. И, кстати, как ты относишься к футболу?

- А что? - Оля опять поправила шапочку.

- Матч завтра хороший будет. Сходим?

- Ой, Владислав Игоревич, так я в футболе ничего не понимаю!

- А я все объясню. И пивка возьмем, Оленька! Пиво ты, надеюсь, любишь?

- Мне больше шампанское нравится.

- Тоже неплохо. Но на трибуне надо пить только пиво. Лучше какое-нибудь чешское, но сойдет и "Клинское". И рыбка... - Кравчук мечтательно закатил глаза. - Ну так как? Впрочем, ответ Оленьки для нас уже не столь важен, тем более что спустя несколько секунд ее голос звучал уже в коридоре: "Найденова, заходите!"

* * *

Поспешим за Киреевым. Впрочем, поспешим - это так, к слову. Он плелся по Большой Пироговской, не видя перед собой ничего. Ноги и руки были словно ватные, в животе бурчало. Обгонявшие люди иногда нечаянно задевали его, но он никак не реагировал ни на извинения, ни на ругань. Только пройдя метров двести, Киреев понял, что это ему какой-то мужчина бросил на ходу: "Ослеп, что ли?!"

Ах, почему все это не сон, думал он. Пусть страшный, но все-таки сон: утром вскочишь с бешено стучащим сердцем - и через несколько минут забыл... Люди, они идут навстречу, их много. Кто сказал, что толпа безлика? Вот парень идет в обнимку с девушкой. Они, не стесняясь никого, прижимаются друг к другу, успевая одновременно есть мороженое. Вот отходит от палатки мужчина. Садится в машину, бросая на заднее сиденье букет цветов. И

еще люди. И еще. И никому до него, до его беды нет никакого дела. Ему плохо, очень плохо, а они... Кирееву стало невыносимо жаль себя. Слабость в ногах усилилась. Если бы он был сейчас в своем родном Новоюрьевске! Весь городок можно пройти за полчаса. На центральной улице, утопающей в зелени, только двухэтажные дома. В одном из них - горбольница. В Новоюрьевске он бы знал, куда пойти после такого страшного приговора. Там прожито из его неполных сорока лет - тридцать. А Москва... Москва так и не стала родным городом. Почему, почему жизнь так несправедлива? Так чудовищно несправедлива? Кирееву захотелось расплакаться - от жалости к себе, от обиды, от тоски. От того, что идет он сейчас по этой шумной улице абсолютно никому не нужный. Ему было хуже, чем той собаке, которая вдруг вспомнилась Кирееву: произошло это очень давно, в пору его студенческой юности. Он шел тогда, молодой, счастливый, шел рядом с девушкой, которая ему нравилась. С июньских тополей бесшумно падал пух, сквозь бойницы Тульского кремля виднелось синее небо - и вдруг раздался скрип тормозов и одновременно улицу огласил собачий визг. На середине улицы лежала собака, задняя часть ее туловища была словно расплющена катком. Бедное животное пыталось встать и отползти к тротуару, но у него ничего не получалось. Проходившие мимо люди, оборачиваясь и не останавливаясь, спешили дальше. А он тогда остановился, словно загипнотизированный. Ему захотелось помочь собаке, но он не знал как. А из растерзанного туловища уже вываливались внутренности...

Но тогда собаку хотя бы некоторые жалели, шепча: "Бедная собака". Может, ему сейчас тоже стоит шагнуть в этот мчащийся поток машин - и все. И не будет этого жуткого страха, этой обиды? Вечером покажут по телевизору, и Галя увидит.. нет, она не любит смотреть такие передачи. Галя... Надо же, он совсем забыл о ней. И о Хайкине забыл. А еще вчера... Киреев вспомнил свои вчерашние фантазии и впервые за весь день усмехнулся, если только можно назвать усмешкой ту гримасу, что на секунду привела в движение мышцы застывшего лица. Он вообще-то любил свои фантазии, они помогали ему коротать время - в метро, дома одинокими вечерами. Порою он так увлекался, что отдельные диалоги начинал проговаривать вслух. В своих фантазиях он был мудрым, из всех жизненных ситуаций выходил победителем. В последнее время отчего-то он часто фантазировал, как его приглашают на телевидение. Самые опытные полемисты не могли сбить его с толку. Интересно, что Киреев так входил в свою очередную мечту, что с трудом выходил из нее. Вчера он мечтал о том, как напишет очерк о Хайкине и его банке, как понравится написанное самому Иосифу Самуиловичу. Деньги... Да разве в них дело? А почему не в них? Но деньги - это само собой. Хайкин сделает больше: он назначит его сначала своим пресс-секретарем, затем Киреев должен будет обязательно дослужиться до его заместителя по связям с общественностью. Командировки, отдых за границей, секретарши. Уйдет навсегда эта проклятая бедность, эта унижительная погоня за лишней сотней. Только из-за этой бедности ушла от него Галя. А что еще она могла найти у Павлова, кроме его тугого кошелька? Фантазии плавно катились одна за другой. И вот Киреев словно наяву увидел себя во время делового ужина с Хайкиным. Тот доверительно спрашивает у него, Киреева:

- Дорогой Михаил Прокофьевич, вы случайно не знаете такую фирму - "Стикс"? Там еще директор... как его... Павлов?

- А что такое?- невозмутимо отвечает он, Киреев.

- Да кредит просит, дела у него плохие. Говорит, что заказы хорошие имеются, нужны только средства, да не верю я что-то ему...

Но все это было вчера. А сегодня он точно знает, что никогда уже не стать ему богатым, никогда не решать судьбу Павлова, а Галя... Киреев от неожиданности даже остановился. Он понял, что должен сейчас делать. Что же он сразу не догадался? Надо идти домой и срочно звонить Гале. Киреев еще не знал, что он скажет своей бывшей жене, но чувствовал, что от этого звонка будет зависеть его жизнь. Михаил Прокофьевич огляделся: оказывается, он дошел до Садового кольца. Близжайшее метро - в пяти минутах ходьбы. Киреев в этот момент был похож на утопающего, который схватился за соломинку и решил, что она даст ему возможность выбраться на берег. Он прибавил шагу и вскоре ритм его движений совпал с ритмом движений толпы. А в испуганной и жалкой душе его уже вила гнездо новая фантазия. Сам собой включился некий внутренний голос, который одновременно рассказывал и будто показывал то, о чем фантазировал Киреев. Вот он входит в комнату, снимает плащ, набирает номер: один гудок, второй - ну же, ну, возьми трубку. Пожалуйста.

- Павлов слушает.

- Привет. Ты не можешь...

- Да, конечно. Галя, это тебя.

- Спасибо. - Долгая пауза.

- Я вас слушаю, говорите.

- Извини, что беспокою. Я совсем быстро. Не знаю, правда, как начать.

- Киреев, случилось чего-то? Да не тяни резину, говорю. Что случилось?

- Вроде того. Короче, я у тебя прощения попросить хочу. За все. За мои слова, за поступки мои глупые - прости. И живите счастливо. И знай, что дороже тебя, ближе нет никого. ("Это, пожалуй, перебор, слишком цветасто", - перебил Киреев самого себя. Но диалог продолжается, словно существуя вне его.)

- Да что произошло?

- У меня рак, Галя. (В трубке долгое молчание.)

- Это что, шутка у тебя такая? Что молчишь? Ты думаешь, я раковых больных не видела, а ты на себя посмотри.

- Я у врача утром был. Говорит, третья стадия. Я думал, что это язва моя пошаливает, к врачу не обращался - некогда было. А потом допекло - анализы сдал, телевизор этот глотнул... ("Стоп, - опять перебил себя Киреев, - ты опять не то говоришь. Много слов. Более веско надо".)

- Я у врача утром был, третья стадия.

- Ошибки быть не могло?

- Нет.

- Что же делать будем?

- Врач говорит об операции, но ты же знаешь, какое сердце у меня.

- Слушай, Киреев. Я сейчас еду к тебе.

- Нет, ты не так меня поняла.

- Опять споришь? Еду. Только возьму кое-что из вещей.

- А как же Сергей?

- Он сильный. И... Неужели не понимаешь, ничего не понимаешь...

- Галя, я...

- Все. Дома поговорим... У входа в метро старушка торговала сигаретами. Народ, не останавливаясь, бежал мимо. Обычно она продавала товар молча, но сейчас, сильно озябнув, решила подать голос:

- Сигаретки, сигаретки покупаем. Молодой человек, - обратилась она к проходящему мимо мужчине. Это был Киреев. - Сигареты...

Он невидящими глазами посмотрел в ее сторону.

- Конечно, дома поговорим, - сказал и скрылся в пасти чудовища, в просторечии именуемой подземкой.

- Какие уж сигареты им, - старушка обернулась к стоявшей рядом товарке. - С утра уже нанюханые. Наркоманы несчастные.

- И не говорите. Разбаловался народ.

* * *

- Боже мой, уже половина первого! Ну и соней же ты Соня стала. Позор! - Молодая женщина, посмотрев на часы, потянулась от души, сразу же став похожей на кошечку. Та так же урчит от удовольствия, потягиваясь после сытного завтрака. - Жизнь прекрасна. Мир чудесен. Я обворожительна и великолепна. Сегодня сбудется все, что я захочу. Удача любит меня. Зазвонил телефон.

- У телефона...

- Мы все дрыхнем?

- Вот и нет. Настраиваюсь на предстоящий день.

- Это как?

- Надо проснуться и сказать, что жизнь чудесна, а у тебя сегодня будет прекрасный день.

- Кому сказать?

- Да ну тебя, дядя. Между прочим, этот настрой здорово помогает.

- Ну-ну. Значит, говоришь, жизнь чудесна?

- Чудесна, Смок. - Соня знала, что ее дяде приятно, когда она называет его именем любимого им героя Джека Лондона, но сейчас это имя вырвалось у нее непроизвольно. - Слушай, я тебя больше месяца не видела. У меня есть предложение: давай как в старые добрые времена - часиков в восемь махнем в "Аркадию", а? Рябчики жареные, фаршированные грибами... Сказка. Выбор вин за тобой. Ну что, договорились?

- У меня другое предложение, Софья Николаевна. Я сейчас на Кузнецком. Значит, у тебя буду через десять минут.

- Смок, постой. В час ко мне художник один прийти должен, затем я в Милан звонить хотела, по поводу...

- Милан подождет, художник - тем более. Разговор у нас будет, Сонюшка.

- Что-то серьезное?

- Да что в этой жизни может быть серьезного? Все прекрасно и чудесно, но поговорить нам, племяшка, надо.

- Хорошо, я жду.

Глава вторая

- Ответь мне, Софья. Дядя стоял и смотрел в окно. Девушка сидела в кресле и пила кофе из своей любимой чашки. Это был для нее святой обряд: кофе по-турецки, любимая чашка. Дядя от кофе отказался, сказал, что давление стало подскакивать. Молчал он долго и вот неожиданно заговорил. Софья даже вздрогнула.

- С тех пор, как ты институт закончила... нет, даже раньше, с тех пор, как ты после смерти своего отца ко мне переехала жить, я в чем-нибудь упрекнул тебя? Я даже с советами к тебе реже лезть старался.

- Не пойму, я что-то плохое сделала?

- Не перебивай, пожалуйста, - Владимир Николаевич Воронов повысил голос и наконец-то повернулся к девушке лицом.

"Видимо, что-то серьезное" - Софья знала, что если дядя повышает голос, что случается редко вообще, а на нее он никогда его не повышал, - лучше сидеть, молчать и слушать.

- Я знал, что ты у меня умница. Не скрою, порой мне начинало казаться, что ты не Николая, а моя кровная дочь... Да ты сама знаешь, - голос Воронова стал мягче, - кроме тебя у меня никого нет. Все, что у меня есть, - все останется тебе... Сейчас мы вроде бы разъехались, а я, уж ты прости, продолжаю постоянно думать, как ты. Не скрою, получаю кое-какую информацию о тебе. Знаю, что много души своей галерее отдаешь, что дела неплохо идут. Это хорошо, но это, согласись, и не подвиг. Мы, Вороновы, всегда так жили. Нас в Старгороде работягами всегда называли. Твой дед с войны без руки вернулся. Так вот, он себе и избу справил - один, без помощников - мы с твоим отцом еще малолетними были. И землю он одной рукой пахал, и какой сад вырастил! Соня смотрела на Владимира Николаевича - и ничего не понимала. Но огорчало ее не только это. Она могла дать себе голову на отсечение, что за тот месяц, что они не виделись, дядя в чем-то неуловимо изменился. Более нервными стали движения, а слова... Море слов, целая речь. Раньше он одной фразой мог объяснить суть проблемы.

- Смок, может, все-таки попьешь кофейку?

- Я же просил, дорогая, меня не перебивать.

- Молчу, молчу. Как мышка в норке.

- Так вот, как видишь, я остаюсь объективным. У тебя светлая головка - думаю, ты все поймешь. Меня беспокоит твоя личная жизнь. Да, да, не делай глаза круглыми. А поскольку это твоя, и личная

- жизнь, постараюсь быть тактичным... Говорят, ты мальчишками увлеклась? Меняешь их, как перчатки?

- Ничего не скажешь, очень тактично. И кто тебе это сказал?

- Глупый вопрос. Значит, этакий Дон Жуан в юбке. Только ты учти, моя дорогая, то, что мужикам легко сходит с рук, - им это даже в достоинство ставится, - то женщине не прощается - как бы умна, богата и красива она не была. Знаешь, каким словом таких любвеобильных в народе называют?

- Скажи. Скажи, что же ты замолчал?

- А ты не обижайся. Мне разве не обидно: какая тихоня была, все книги читала. Вспомни, тебя все встречные-поперечные тургеневской девушкой называли. И вдруг как с

цепи сорвалась. Это все богема твоя хренова.

- Дашь мне сказать? Или еще будешь мне мозги ввинчивать? - Теперь уже Софья завелась не на шутку. - Во-первых... - И вдруг она засмеялась.

- Что это тебе весело стало? - удивленно спросил Владимир Николаевич.

- Ты же сказал, что я умная. Зачем нам собачиться? Просто ты стареешь, Смок, и становишься ворчливым стариком. - Она встала и обняла Владимира Николаевича. - Я права?

- Подлизываешься? Лучше скажи, что происходит с тобой?

- Да ничего особенного. Люблю я жизнь, дядя, знаю, что не вечно молодой и красивой буду. Люблю все красивое - картины, посуду, машины, вина хорошие люблю - и одновременно пивом с селедкой не побрезгую. Ну и мальчиков красивых люблю. Они глупые, дядя, но.... как бы это тебе объяснить...

- Да тут и объяснять нечего...

- Нет, я действительно рада бы к кому-нибудь привязаться. Только ведь после тебя все мужики какими-то мелкими кажутся.

- После меня? Ох, и лиса ты, Сонька...

- Нет, я не лщу. Таких, как ты, я не встречала. А хотелось бы... Вот, а жить хочется, пока молода. Я их, мальчиков этих, просто использую. Ты ведь не прав: может быть, действительно, то, что умной и красивой нельзя, красивой, молодой и богатой - можно.

- Нельзя.

- Можно, Смок. И никто не осудит. Только завидовать будут. И я давно уже не тургеневская девушка.

- Сам вижу.

Странная это была сцена. Посередине комнаты стояли, обнявшись, высокий, поджарый мужчина лет шестидесяти и красивая девушка. Какая-то сдержанная нежность сквозила в их движениях, выражении глаз...

- Мог бы не соглашаться.

- Выводы из разговора сделаешь?

- Конечно. Только понимаешь, это еду очень хорошо оставлять на следующий день, но удовольствие следует получать не откладывая.

- Надо же, афоризм выдала.

- Приятно, конечно, слышать от тебя похвалу, но это не мои слова. Жила в восемнадцатом веке во Франции женщина. Красивая, богатая, умная...

- Ее, кажется, Нинон де Лонкло звали?

- Ох и... "Афоризм выдала!" Ну и хитрец.

- Мудрый я, мудрый. Хочешь, я тоже ее процитирую, не дословно, конечно. То, что мне нравится. Она однажды сказала: "Скромность везде и во всем. Без этого качества самая красивая женщина возбудит презрение к себе со стороны даже самого снисходительного мужчины". Расшифровывать не надо?

- Не надо. Я все поняла.

- Ну и умница. А наслаждаться жизнью... Кто бы спорил. Ладно. Перейдем ко второй части.

- Смок...

- Не бойся, морали больше не будет. Гришаня, неси ее сюда! На зов Воронова из кухни вышел один из двух его телохранителей. Он передал Владимиру Николаевичу какой-то сверток. Воронов долго его разворачивал. Наконец, бумага была отброшена в сторону и в руках у дяди удивленная Софья увидела икону.

- Акула российского бизнеса находит время на коллекционирование древнерусской живописи? - Софья не удержалась от иронии.

- Акула российского бизнеса устроит сейчас экзамен искусствоведу Софье Вороновой, хозяйке галереи "Белая роза", - в тон ей ответил Смок.

- А что ты хочешь узнать? Я же больше по современной живописи работаю.

- Ничего, ничего. Оцени, Сонюшка, вещичку. - И Воронов передал икону племяннице.

* * *

Киреев не вбежал - влетел в свою комнату. Это было как исступление: ему уже не казалось, нет, он верил, что от этого звонка зависит его жизнь. Не снимая плаща, Киреев стал набирать Галин номер. Гудок, второй, третий. В трубке что-то щелкнуло, но он не успел произнести и слова, как голос Павлова произнес: "Спасибо, что вы нам позвонили. Нас нет дома. Если захотите оставить свое сообщение, сделайте это после гудка". Оставлять сообщения Михаил не хотел. До него только сейчас дошло, что идет разгар рабочего дня. Однако больше всего расстроило Киреева и даже покорило это "нас", "нам". Он еле дождался вечера, не будучи в силах ни есть, ни работать, ни читать. Только тупо смотрел телепередачу, не понимая, о чем в ней идет речь. Наконец, после девятой или десятой попытки на другом конце знакомый до боли голос Гали - немного распевный, с нехарактерным для московского говора произношением буквы "г" на южнорусский манер:

- Я вас слушаю, говорите.

- Извини, что беспокою. Я совсем быстро.

- Не поняла, это кто?

- Галя, это Михаил. Извини, говорю, что беспокою.

- Я слушаю, слушаю.

- У меня проблемы тут возникли...

- А я здесь при чем? Послушай, Кира, давай все решим раз и навсегда. Я от тебя и ушла потому, что у меня вот где твои проблемы. Решай-ка их, дорогой, сам. Все.

- Галя, постой, не бросай трубку. Я заболел, причем очень серьезно. У меня...

- Киреев, если бы кто знал, как ты мне надоел со своими болячками! Иди в больницу. Лечись. И поменьше хитри. Ты думаешь, я не понимаю?

- Чего не понимаю?

- В том году у тебя приступ был серьезный. Помирал. Кира, не бери меня больше на жалость. Я к тебе все равно никогда, слышишь меня, повторяю, ни-ког-да не вернусь. У меня сейчас другая жизнь. Киреев был раздавлен. Впервые в жизни он не знал, что говорить. Рассказывать о болезни, просить прощения, как хотел раньше, - было глупо, и он это почувствовал. Положить трубку? Но она, наверное, это сейчас сделает сама. Однако, не дождавшись от Киреева ответа, Галина, похоже, удивилась сама. Голос ее стал мягче.

- Не обижайся, Кира. Что ты молчишь? Не пытайся ничего изменить - так будет лучше. Нас ведь ничего больше не связывает - ребенка и того не нажили.

- Ты же сама столько лет говорила, что надо на ноги встать.

- Вот-вот, все я должна была решать. А ты мужик или не мужик? Вон Павлов, он меня и спрашивать не стал.

- Спрашивать что?

- Ну и дурак же ты! А то самое. У меня уже два месяца срок.

- Ты беременна?

- Не хотела пока никому говорить. Сергей тебе, кстати, привет передает.

- Да, да... Спасибо... Горячий привет получился. - Для Киреева это был еще один удар. Но, как оказалось, не последний. Галя и не думала скрывать своего счастья. Киреев слышал в трубку, как она переговаривалась с Павловым.

- Что спросить, Сереженька? А... поняла. Кира, Сережа спрашивает, ходил ли ты к Хайкину? Это он тебя рекомендовал ему.

- Нет, не смог, я сегодня...

- Ну что ты за человек? - Галя опять вскипела. - Он, видите ли, не смог! За тебя просят, а ты... Нет, Сереженька, он не ходил. Не знаю, говорит, не смог. Конечно, сдурел. Почему не смог, слы... Киреев положил трубку. Значит, и к Хайкину его позвали потому, что... А какое, собственно, теперь ему дело до Хайкина, Павлова и всех-всех-всех? Киреев опустил на пол, обхватил голову руками. Ему очень хотелось плакать, но он не умел этого делать. И тогда он заскулил. На одной, протяжной и тоскливой ноте заскулил:

- У-у-у... Безжалостный, равнодушный мир вышвырнул его на обочину. Он еще не знал, что это за обочина, но уже понимал, что никому в этом мире не нужен. Осталось только разобраться в том, кто обманул его. Кто ему внушил, что он самый уникальный, неповторимый и что родился Михаил Киреев на свет, дабы свершить нечто великое, чему суждено остаться в веках? И только ждал, когда все это начнет сбываться. Сначала он думал, что настоящая жизнь начнется, когда поступит в институт, потом - когда его закончит... Когда женится... Когда, когда... Теперь уже никогда, никогда. Сколько ему осталось? Полгода, год? И снова из самой обыкновенной московской квартиры донеслось тоскливое:

- У-у-у...

Киреев слышал, что слезы облегчают, но они не приходили. Он повернулся к дивану и стал методично лупить по нему, сначала сдержанно и не очень сильно, а затем со всего маху кулаками:

- Ну почему, почему я? Почему, почему?

Стало жаль себя так, что вдруг пришли слезы. Он заплакал. Нет на свете более душераздирающего зрелища, чем плачущий мужчина. Но Киреева никто не видел. У него даже кошки дома не было. Плакал он долго, судорожно вздрагивая плечами и вытирая набегавшие слезы тыльной стороной ладони. Потом Киреев затих. Апрельские сумерки сменились ночью. Ему захотелось спать. Достав подушку и не раздеваясь, он устроился на диване. Последнее, что пришло ему на ум: "Надо завтра отметить сегодняшней день крестом. Самый тяжелый день в моей жизни, нет, - самый страшный. Думал, начнется новая полоса в жизни, а оказалось, все наоборот. А какое сегодня число... Не помню... Завтра... посмотреть..."

Глава третья

Софья, взяв из рук дяди икону, с искренним восхищением разглядывала ее.

- Потрясная вещь, как говорит одна моя приятельница. Я думаю, век восемнадцатый...

- Восемнадцатый?

- Да, это явно старая икона. Относится к типу так называемых Богородичных икон. На Руси было много типов таких икон. В нашем случае это Одигитрия...

- Одигитрия?

- По-гречески это означает Путеводительница.

- Богородица Путеводительница? А кого и куда Она ведет?

- Как куда? Послушай, Смок, не перебивай, хорошо? Я и без тебя собьюсь.

- Молчу и слушаю.

- Этот тип изображения Богородицы на Руси был самым распространенным. Смотри: юный Христос сидит на руках Матери. Одной рукой Он благословляет, в другой держит, в данном случае, свиток. А бывает, что икону или скипетр. Вообще-то, тут запутаться можно.

- В чем?

- В типах икон. Я смутно все это помню. Смотришь, положение руки другое, а икона уже по-другому называется. Но то, что это - Одигитрия, я ручаюсь своим дипломом.

- Не ручайся. "Запутаться можно" - чему учили вас только.

- Я, между прочим, на французской живописи второй половины XIX века специализировалась. Спроси ты меня, к примеру, о Тулуз-Лотреке, я бы...

- И не собираюсь о нем спрашивать. Карлик, сексуально озабоченный карлик, всех парижских продажных девок перерисовал и еще кое-что с ними делал.

- Ты не прав, у него...

- Я и спорить с тобой не хочу. Вот оно - настоящее искусство. - Смок почти с нежностью погладил икону.

- Одно другому не мешает.

- Зато в твоей голове мешанина. Нашла чем хвастаться! Хорошо хоть, что тип иконы определила.

- Ты опять заводишься? Что с тобой, почему ты злой такой стал?

- Прости. Продолжай дальше.

- Да я почти все рассказала. Вот здесь видно, что Младенец благословляет Мать, а Она, в свою очередь, одной рукой сына держит, другой показывает на Него. Наверное, поэтому икона и называется Путеводительницей. Она как бы говорит, что Христос для молящегося - путь к спасению. Ну что-то в этом роде или нечто похожее по смыслу. Да, еще вспомнила: есть легенда, что самую первую икону Одигитрии нарисовал, то есть написал евангелист Лука. Ее привезла из Палестины жена императора Византийского. А из Византии, вместе с греческими иконописцами, этот тип икон попал на Русь... Что еще? Оклад на ней был когда-то. Вот и все, пожалуй.

- Что ж, уже лучше. Это действительно Одигитрия. Императора звали Феодосий, а императрицу - Евдокией, как твою бабушку, между прочим. С твоей версией о названии могу согласиться, но есть и другая. Когда императрица привезла икону, то поместили ее в монастыре Одигон, отсюда и Одигитрия.

- Если все лучше меня знаешь, зачем экзамен устраивал?

- А ты не обижайся. Повторение - мать учения. Это во-первых. А то, что, упомянув этого французика, ты меня прилично завела - факт. Это во-вторых. Сонюшка, это не просто Одигитрия, это нечто большее.

- Ты что, верующим стал?

- Не смейся. Я этой иконой тридцать лет бредил, считал ее потерянной, а она нашлась. Разве это не чудо? - Воронов на глазах воодушевлялся. Он взял из рук Софьи икону и поставил ее на туалетный столик. - Смотри, смотри на нее, а я тебе о ней буду рассказывать. Хорошо?

- Хорошо, - Софья удивилась, но решила молчать. Зная о том, насколько богат ее дядя, она не понимала причину его восторгов. Ну - икона, ну - старая. Иди на Арбат и хоть с десяток таких покупай. Может, эта икона - фамильная ценность? Но она никогда не видела икон в своей семье. - Я вся внимание.

- Ты, наверное, думаешь, что сдурел старик. Иконе радуется. Это не простая икона.

- Прости, Смок. Я уже об этом догадалась. В чем необыкновенность?

- В чем? Начну с того, что она написана в начале пятнадцатого века...

- Шутишь!

- Нет, племянница. Я не сумасшедший и утверждать, что ее писали Рублев или Даниил Черный не буду, но мастер жил в их время. И мастер был прекрасный. Может, русский, может, грек. Согласись. Ты только не думай, что мне в каком-то салоне лапшу на уши навешали про барабан Страдивари. У нее, у этой иконы, есть своя история. И я ее хорошо изучил.

- Сдаюсь. Ты меня заинтриговал. Если это пятнадцатый век, школа Рублева - тогда иконе цены и вправду нет... Но как она к тебе попала?

- Начать мне придется с 1812 года. Это сейчас наш с тобой родной Старгород - маленький поселок, большая деревня. Тогда он городом звался. Восемь церквей имел. Народ старгородский жил добычей железной руды. Они ее на лошадях в Тулу возили, на оружейные заводы. А когда началась война с Наполеоном, оружия много понадобилось. Вот и решили старгородцы в два раза увеличить добычу руды. Патриотический такой порыв, понимаешь. Слово они свое сдержали. А это, кстати, совсем непросто было. Мало руду из ям выкопать, ее нужно за тридцать верст на завод свести. Лошаденки же не особо богатырские у мужичков были. Как только Наполеона из России турнули, пришла в Старгород благодарственная грамота от императора Александра I. В грамоте он благодарил старгородцев за труд, за патриотизм и - в качестве особой монаршей милости - передал им эту икону. Оклад на ней золотой был, а вот в этом месте, - Воронов показал на омофор Богородицы, - рубин блестел.

- Настоящий?

- Ты меня удивляешь. Русские цари стекляшек не держали.

- А что было дальше?

- До 1917 года, а может, чуть дольше, икона в Никольском соборе Старгорода находилась. Сам собор году в тридцать пятом разрушили, а икона исчезла еще раньше, в революционные годы. Когда я от одного старого учителя все это услышал - не поверил. Но как-то в одном музее увидел книгу. Это было описание церквей Тульской губернии. И,

представляешь, рассказ учителя подтвердился. Разумеется, книга до революции вышла, и о том, что икона исчезла, авторы знать не могли. А вот описание самой иконы, история ее появления в Старгороде - все совпало. Конечно, я понимал, что про рубин и оклад надо забыть. А вот саму икону мне очень захотелось найти...

- Дядя, а почему император такую древнюю икону отдал старгородцам? Не мог он разве более современную подарить?

- Это мы сейчас понимаем, что икона - замечательное творение искусства. А в те времена народ простой на иконы молился, а культурный слой общества икону не ценил. Полвека спустя после Александра I народ образованный на передвижников валом валил, а рублевская "Троица" - ты сама знаешь, где она находилась... Ее просто записали. До сих пор старообрядцы пишут темные иконы.

- Знаю. Все дело в олифе. Иконы олифили, а лет через семьдесят изображение от этого темнело...

- Да. А эта икона, видимо, в Оружейной палате хранилась. Ее не записали. Так что царь-батюшка жаловал старгородцам совсем не произведение искусства, а предмет культа.

- Ты как лектор заговорил.

- А я, Соня, научный атеизм сдавал в свое время. И на отлично, между прочим. Ты меня отвлекла. О чем я? Да, в Старгороде я еще застал старушек, икону помнивших. По их словам, к исчезновению образа церковный староста руку приложил. Правда, дальше мои поиски ни к чему не привели. Во всем Старгороде в ходу не более двадцати фамилий. Я узнал, что фамилия старосты была Рыбин. У нас Рыбиных семей сорок. Я поискал, поискал - ничего у меня не получилось. Для себя решил, что икона давно где-нибудь в Америке или Англии находится. На том и успокоился. Но про икону не забывал. И вот совсем недавно случай произошел. Один мужичок деньжат мне задолжал. Ты же знаешь, я человек терпеливый, могу долго ждать, но всему есть предел. Сумма, может быть, не ахти какая была, но почему я должен кому-то ее дарить? Одним словом, ребята мои мужичка того припугнули будь здоров, он ко мне прибежал, в ноги бухнулся. Мол, подождите, Владимир Николаевич, мы ведь земляки с вами. Я ему четко объяснил, что в нашем деле нет такого понятия - земляки. Есть партнеры, есть должники, кем он и является. И что в его интересах поскорее со мной расплатиться. Говорю ему все это, а до меня доходит, что фамилия у мужичка - Рыбин. Он между тем талдычит, что пока денег у него нет, но он готов и квартиру и машину продать. Я вначале хотел спросить, почему он раньше этого не сделал, а потом меня осенило. И вот какой разговор у нас произошел.

- Земляк, твое счастье, что я не бандит с большой дороги. Другой бы на моем месте тебя...

- Я все понимаю, Владимир Николаевич. Все понимаю. Поверьте, я обязательно выкарабкаюсь... И заплачу, верьте, до копейки все заплачу.

- Послушайте, э-э, Михаил Васильевич, бизнес - это риск. Я один раз вам поверил. Вы расписывали мне, какое у вас выгодное получается дело. Результат? Согласитесь, результат для вас плохой.

- Конечно, но я...

- Это все отговорки. Так как мне быть? Машину, положим, вам давно пора было продать. Небось, на "Мерсе" катаетесь?

- Что вы, простая восьмерка.
- Тогда это копейки. И дети, наверное, есть?
- Две девочки, одна школу заканчивает...
- Не жалобьте меня, прошу вас. Голова у вас есть на плечах. Думайте.
- Что думать?
- Бог ты мой, какой вы непонятливый. Впрочем, раз уж мы земляки...
- Конечно, Владимир Николаевич.
- Что конечно?
- Что земляки мы... И... Простите, перебил вас.
- Больше не перебивайте. Задам вопрос - тогда отвечайте. Рыбиных в Старгороде много.

Вы из каких?

- Мой дед директором школы был. А жили мы за Хлыновским ручьем.
- Так, так, припоминаю. Деда как звали?
- Петром Васильевичем. Он с палочкой всегда ходил.
- Он церковным старостой случайно не был? - стараясь говорить как можно безразличнее, спросил я Рыбина.

- Кажется, был. Точно, был. Дед об этом не вспоминал, а отец как-то обмолвился. Мы тогда выпили, стали говорить о том, что народ сейчас предков своих не знает. Ну он и рассказал, что Рыбины были уважаемыми людьми в Старгороде, а его отец церковным старостой избирался. Рассказывал, что настоятель собора в нашем доме частым гостем был.

- Икон, наверное, в доме много у вас? От прадеда.
- Да что вы! Время, сами знаете, какое было! Отец партийный. Хотя...
- Что?

- Одна икона у деда была. Он редко ее из сундука доставал. У нас в сенях сундук стоял. Там всегда рухлядь старая хранилась. И икона лежала. Мой брат, помню, предложил деду икону продать. Тогда на них мода началась, если помните, но дед чуть палкой не побил брата.

- Запретил продавать?

- Сказал, что это - реликвия семейная. И чтобы мы оба о продаже и думать не смели. Ни сейчас, ни когда вырастем.

- И что дальше?

- В восемьдесят седьмом брат женился, деньги нужны были. Отец кое-что из старого хлама - книги, посуду, икону эту в антикварный магазин свез. Отец с братом хотели денег побольше получить, особо они на икону рассчитывали. А оценщик за все про все сущие копейки предложил. Отец взбеленился. Ладно, говорит, горшки - они и есть горшки. А икона древняя, семейная. Продавец ему возражает, откуда, мол, мне знать, может быть, краденая икона. Я, говорит, не хочу за сбыт краденого сидеть. Отец кладет все привезенное обратно. Продавец чувствует, что икона от него уплывает, "сменил пластинку". С риском для себя, говорит, возьму. И добавлю пятьдесят рублей... Неожиданно Воронов обратился к Софье:

- А тебе интересно, что я тут рассказываю?

- И даже очень. Но... Чуть меньше бы подробностей, а?

- Ты права. Я про эту икону могу часами говорить. Закругляюсь, хотя подробности, поверь мне, любопытны. Отец Рыбина икону все-таки продал. Но здесь мистика какая-то

начинается. Икона словно покидать Старгород не хотела.

- Но сейчас-то она в Москве...

- В Москве, у меня. - И вдруг неожиданно Воронов будто погас. Глаза разом потухли, возбужденность сменилась привычной для Сони сухостью, голос обрел привычную ровность:

- Странная штука жизнь. То дело, которое нам доставляет радость, мы называем дурацким словом "хобби", и мечтаем выйти скорее на пенсию, чтобы оставить, бросить проклятую работу и...

- А ты не рано о пенсии заговорил, Смок? - перебила его Соня.

- Не знаю, не знаю. Устал я, очень устал. А работа у меня оказалась такая, что не знаю, доживу я до пенсии или нет.

- Ты пугаешь меня...

- Не обращай внимания. "Короче: русская хандра им овладела понемногу". Хотя... в моем положении надо быть готовым ко всему. - Воронов поднял руку, предупреждая встречный вопрос племянницы. - У меня небольшие... скажем так, неприятности, но я надеюсь, улажу их быстро. Они

- молодые да нахрапистые, а я - старый и злой.

- И еще мудрый. - Соне отчего-то захотелось увести дядю от мрачных мыслей. Тем более ее уже стали пугать эти неизвестные "они".

Но Владимир Николаевич словно не услышал племянницу.

- Сопляки. На готовенькое пожаловали. Точь-в-точь по старику Крылову получается: я каштаны собирал, жарил, из огня достал, а они пожаловали, кушать им подавайте. Подавятся! Но умный человек, Соня, всегда должен быть готов к худшему. Ты моя единственная наследница. Все денежные вопросы я утряс давно...

- Смок...

- Я же говорю, это крайний вариант. Мой адвокат в курсе дела. А вот про икону... Про икону, Сонюшка, никто знать не должен. Считай, это мое благословение тебе. Гроза пройдет, я ее заберу - все равно когда-нибудь твоей будет, а потом детей твоих. Пока же у тебя ее оставляю... Дней через десять мы встретимся. Вот тогда и посидим в "Аркадии". Договорились? Прощаясь, Софья неожиданно спросила:

- А этому... Рыбину, когда он тебе икону отдал, ты долг простил?

- Неужели ты думаешь, что я лох? Да ты не переживай: пусть благодарит, что жив остался, а на квартиру он себе заработает, поверь мне.

Глава четвертая

Проснулся Киреев посреди ночи. Он еще не успел ни о чем подумать, не успел даже вспомнить, что ему снилось, как жуткий, смертный ужас вошел в его сердце. Именно ночью, когда за окнами его квартиры спокойно спал огромный город, а свет от полной луны падал на подоконник и шторы, Киреев каждой клеточкой своего существа понял, что такое смерть. Он осознал, что такое небытие. Еще днем можно было на кого-то обижаться, возмущаться, даже просто плакать от горя и несправедливости к нему жизни. Сейчас, глухой ночью, он понимал только одно: пройдет несколько месяцев - и все. Слово "конец" приобрело совсем другой смысл. После одной прочитанной книги можно взять другую. После одного дня обязательно наступит другой, третий. А для него, Киреева, не будет ни дня, ни ночи, он перестанет мыслить, чувствовать, ощущать. Его не будет. Вчера пришла беда, которую он осознал умом. Сейчас, ночью, когда рядом не было ни одной живой души, даже кошки, даже мыши, которая бы скреблась в углу, - в полной, мертвенной тишине, когда только что проснувшийся ум не работал и его вечный спутник - "внутренний голос" молчал, на самом глубоком уровне - душевном - Киреев, нет, не почувствовал, а будто на секунду заглянул в глаза смерти и... прочитал свой приговор. Это глубинное понимание, которое нельзя объяснить словами, длилось мгновение, но оно показалось Кирееву вечностью. Затем он услышал, как бьется его сердце, как острым ножом свербит в желудке боль, почувствовал тяжесть одеяла на ногах - и ему ужасно захотелось жить. Как угодно - в одиночестве, с болью, без крыши над головой - только бы жить, только бы оттянуть свой уход в пустоту. А еще секунды спустя началась истерика. Киреев будто пытался спрятаться от этого животного смертного страха эмоциями и действиями. Он оделся, включил везде свет, даже в кладовой. Сначала бросился искать лекарства, затем кинулся к телефону. Повертев в руках трубку, швырнул ее на место и помчался к книжному шкафу. Киреев не понимал, что делает, что ищет. Он что-то бормотал, время от времени из груди его вырывались какие-то звуки, похожие на рыдания. На пол комнаты летели из шкафа книги, старые тетради, журналы. Спасительный "внутренний голос" не включался. Позже, вспоминая эту ночь, он удивлялся, что в памяти не осталось мелких деталей, которые обычно запоминаются. В тот момент Киреев больше напоминал обезумевшего волка, со всех сторон обложенного охотниками. Нет, волк в своей предсмертной агонии был бы наверняка благороднее, чем Киреев в тот момент. Не было такого унижения, на которое бы он не пошел, только чтобы кто-то мог подарить ему жизнь. Михаил Прокофьевич не понимал, что ему предстояло жить месяцы, а может быть, даже счет мог пойти на годы. Смерть - старуха в черной накидке - посмотрела ему в глаза из-под своего капюшона,дохнула на него могильным холодом - и он от страха забыл обо всем. Нет, не волком метался он по своей квартире, а несчастной крысой. Той крысой, которую окружают уличные ребята - самый безжалостный народ в мире - и потехи ради или просто от нечего делать бросают в нее камнями. Ребят много, их ноги и тела образуют сплошное кольцо. Крыса бросается от одной ноги к другой, а в нее летят камни. Один зацепил ее, затем другой. Крыса взвизгнула, ее движения становятся еще быстрее, еще беспорядочнее. Она ищет спасительный просвет среди ног, но вокруг только ноги, ноги, ноги. И еще камни. Крыса уже не чувствует боли. Ребята входят в азарт. Наконец, чей-то точный бросок прерывает крысиную беготню. Зверек пошатнулся, остановился, встал на

задние лапы, передними словно моля о пощаде. Но глаз мучителей не видно, только ноги... Несколько ударов следуют уже по мертвому телу. Ребята расходятся, споря о том, кто из них оказался более метким...

Восклицания и беготню Киреева из кухни в комнату и обратно прервал самый обыкновенный таракан, рванувший из умывальника в сторону холодильника, но почему-то остановившийся на полпути. Киреев чисто автоматически размахнулся, чтобы прибить прусака, но неожиданно... Со стороны, наверное, это выглядело нелепо. Полуголый, бородатый мужчина, что-то бормоча, бежит на кухню. Видит таракана, рука размахивается для удара... и вдруг замирает в воздухе, мужчина медленно оседает на стул и начинает плакать. Как баба - в голос и как ребенок - размазывая слезы руками. Беготня, бессмысленная и судорожная, прекратилась. Говорят, что если слепой от рождения человек получает возможность видеть, то первое человеческое лицо, которое он увидит, покажется ему самым прекрасным на свете. Самый обыкновенный таракан, вечный спутник и нахлебник человека, стал причиной того, что сознание вернулось к Кирееву. Более того, первая пришедшая в голову мысль показалась Михаилу Прокофьевичу самой глубокой и бесспорной из всех посещавших его когда-либо. Он всю жизнь считал, что раз он человек, то "звучит" гордо, что рожден он для чего-то обязательно важного. В тот момент, когда Киреев был готов прихлопнуть таракана и бежать дальше, прячась от постигшего его животного ужаса, он вдруг ощутил свое абсолютное ничтожество, понял, что является по сути дела таким же тараканом.

"Этот прусака вышел на пропитание, повстречался со мной и должен сейчас погибнуть. И ничего в этом мире не изменится: одним тараканом меньше, одним больше - какая разница? Он сейчас шевелит усами и вспоминает свою тараканью мамочку, надеясь, что я его не вижу. А я увидел и сейчас прихлопну. Но кто-то большой, огромный, перед кем я сам таракан, - природа ли, Бог или Космос, право, не знаю, - решил прихлопнуть меня. И ничего в этом мире не изменится: одним Киреевым больше, одним меньше - какая разница? И получается, что мы с этим прусаком - ровня. Мне тоже умирать страшно и жить хочется. Я тоже кричу криком, а никому до этого никакого дела нет... Не буду я тебя убивать. Кто знает, может быть, ты в моей квартире кроме меня - единственная живая душа. Хлеба нам с тобой хватит, Федя. Живи". На часах было около четырех. Странно, но слезы и одновременно пришедшее понимание собственного ничточества успокоили его. Он представил себя человеком, бредущим по дороге с повязкой на глазах. И вот кто-то снял эту повязку. Нельзя сказать, что он прозрел, наверное, другие повязки оставались на глазах, но кое-что Киреев стал видеть по-другому. Ему вдруг показались смешными прежние мечты о славе, богатой жизни, успехе у женщин...

"Дурак ты, Киреев, всю жизнь откладывал эту самую жизнь на завтра, на потом, а надо жить сегодняшним днем. Вон Федор, сидит сейчас в своей норке и радуется, что пронесло, что жив остался. А уйду я из кухни, свет выключу, он, бедолага, опять за пропитанием отправится. За что мне на жизнь обижаться? Все-таки сорок годков я прожил. Глупо прожил - это другой вопрос, но другим и этого не дается". И еще он вспомнил, что в холодильнике уже месяца три стоит непочатая бутылка водки. Вспомнил, что все последнее время он мечтал поскорее залечить якобы язву, а потому спиртного в рот не брал. До рассвета было еще далеко, Киреев придумал, чем он займется сейчас. На душе стало еще легче. Достал

бутылку, нашлась банка шпрот и кусок хлеба. Каждое действие, каждый шаг доставляли ему почти физическое удовольствие. И пока он доставал рюмку, пока открывал шпроты, "внутренний голос" спокойно вел свой монолог: "Киреев, ты понял, как чувствуют себя безногие люди? Они смотрят на тех, кто может ходить, завидуют и мечтают о том, чтобы пробежаться босиком по траве. А ходячие топчут землю и никогда не поймут безногих. Они для осуществления счастья как бы выставляют условия. А кому, собственно, выставляют? Копят, к примеру, одиннадцать месяцев деньги на отпуск. Накопив, берут с боем билетные кассы, а затем лежат где-нибудь в Крыму на пляже вверх животом и думают, что это и есть счастье. Глупые, счастья не бывает через одиннадцать месяцев. Сама жизнь - счастье. Нет, не так - это слишком громко сказано, а значит, фальшиво. Вот эта огромная луна за окном - счастье. Эта бутылка водки, запотевшая от холода, - счастье..." Первая рюмка пошла тяжело. Киреев привык водку запивать чем-нибудь сладким, но запивать было нечем. Внутри обожгло, боль стала еще острее. Зато спустя минуту стало хорошо. Уже несколько месяцев у Киреева не было настоящего чувства голода, а сейчас ему впервые захотелось есть. Он вспомнил, что последний раз ел почти два дня назад. Но он не стал закусывать, а сразу налил вторую рюмку. Дело пошло веселее. Ему вспомнилась история, которую когда-то рассказывал отец. У них в тамбовской деревне жил дед, глубокий старик. Сколько лет было деду, никто не знал, говорили, что не менее ста. Собрался тот старик умирать и попросил перед смертью рюмку водки: "За всю жизнь я ни капли не пригубил, хочу хоть перед смертью узнать, что же это такое и почему ее люди пьют". Принесли деду водки. Махнул дед рюмку, обтер губы - и замолчал. Долго молчал, а потом говорит: "Эх, какой же я был дурак!".

После третьей рюмки Киреев почувствовал настоящий прилив сил. Захотелось послушать хорошую музыку. Он вспомнил, что давно не доставал кассету с песнями Тухманова. Особенно Киреев любил ту песню, что пел Ободзинский. Эта песня была о нем, о его первой любви. Нашел кассету быстро, поставил ее на самый тихий звук - не потому, что дорожил сном соседей, сейчас он думал только о себе, - просто ему доставляла удовольствие сама мысль, что только он один будет наслаждаться этой песней. Дивный голос Ободзинского запел: "Льет ли теплый дождь, падает ли снег, я в подъезде против дома твоего стою. Жду, что ты пройдешь, а быть может, нет, стоит мне тебя увидеть..." Взгляд упал на валявшиеся на полу книги и тетради. Киреев принес из кухни бутылку, рюмку, остатки шпрот. Сидел на полу, подпевая певцу, листал книги. Незаметно увлекся. "Песню подобрал на гитаре я, жаль, что ты ее не слышишь, потому что в ней, грусти не тая, я тебя назвал самой нежной и красивой..." Ого, да это же все я писал двадцать лет назад... "Дневник прочитанных книг". А это что? "Мудрые мысли". С одной стороны, многое из того, что спустя столько лет вновь попало ему на глаза, Кирееву казалось наивным, но с другой... Он вдруг вспомнил забытое чувство радости от встречи с новым, доселе неизвестным, вспомнил, как он собирал книги по искусству. Вспомнил, как два раза в месяц выбирался в Москву. Программа была традиционной и очень насыщенной. Сначала он посещал несколько художественных выставок, затем пил кофе по-турецки в Доме журналиста на Гоголевском бульваре... Что было дальше? Дальше он в магазине на Новом Арбате покупал диски, нет, тогда говорили пластинки, - пластинки с классической музыкой... Покупал в "Балатоне" бутылку "Токайского" и шел на футбол.

"Где тогда "Торпедо" играло? В "Лужниках" или на Автозаводской? В "Лужниках",

конечно. А на последней электричке ехал домой. Господи, и все это - на студенческую стипендию в сорок рублей! И, самое главное, не ценил всего этого. Вот когда закончу институт, думал, тогда заживу. А потом думал зажить после женитьбы, после новой должности, новой работы... А сейчас - живу в Москве, а на футболе лет пять не был, о выставках забыл, пластинки под диваном пылятся, книги по искусству зевоту вызывают. Почему?"

Постепенно бутылка пустела. Закусывать было нечем, да Кирееву и не больно хотелось. В его архиве оказалось много записных книжек с выписанными умными мыслями из книг. Одну раскрыл наугад. "Вот на это я зря время тратил. Слышишь, Федор? Мысли-то они, может, и умные, но и смысл отчего-то не через голову до тебя доходит, а через собственную шкуру. Ну-ка, что здесь написано? Ага. "Самое страшное из зол - смерть - не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, мы не существуем. Эпикур". Представляешь, Федя, какую этот Эпикур глупость сказал? А я эту глупость когда-то переписывал. Положим, он прав. Эти философы не дураки были. Но скажи мне кто-нибудь такие слова вчера, когда мне врач тот, собака, приговор произнес, мне бы что, легче стало? А вот сегодня, после встречи с тобой, Федя, и выпитой бутылки, я его понял. И согласен я с ним. Вот сегодня, сейчас я живу, чего же я себя раньше времени хоронить должен? Почему, спрашиваешь, он глупость написал? Я неправильно выразился. Эпикур не глупость написал, он был глуп, когда думал, что человеческую мудрость от ума к уму передать можно. Нет, только от сердца к сердцу, и чтобы так проняло, как меня эта водяра жгет. А бывает еще хуже. Лев Николаевич Толстой - ты о таком слышал, Федя? Так вот, Лев Николаевич чуть ли не религию собственную сочинил, написал, что, поняв правду жизни, умирать легко. А сам перед смертью как из Ясной поляны рванул? Я думаю, что к нему эта... с косою постучала, как ко мне сегодня... вот он и рванул из дому. Я, положим, по квартире как оглашенный гонялся, а он на Кавказ от смерти убежать хотел. Наивный старик. А других ведь учил уму-разуму. Я читал где-то, как артист Дикой умирал. Был такой, очень Толстого уважал. К нему один человек пришел, а у Дикого, как и у меня, рак был. Лежит, значит, этот артист, огромный такой мужик, весь книжками Толстого обложен. И плачет. Обманул, говорит, гад, обманул... Вот почему вся эта философия, особенно сочиненная в часы хорошего пищеварения и после дневного отдыха - ни хрена не стоит... Эх, жаль бутылка кончается. Пей, немного есть еще. За тебя, Федор! Живи, сколько тебе суждено, только в эти самые, как их - приманки, не попадай. Я в рекламе видел: и сам заразишься, и товарищам передашь... А ничего водочка была. Завтра за другой бутылкой сбегает. "Ты, право, пьяное чудовище, я знаю - истина в вине". Федор, угадай с трех раз, кто это сказал. А-а, все равно не знаешь. Блок! А он не дурак был. И тоже умирать не хотел. А пришлось. И мне придется... А никто и не заметит, Федя. И слава Богу, что я писателем не стал. Журналист - это совсем неплохая профессия, Федор. О людях хороших писал. О плохих, правда, тоже. Каюсь, некоторых хвалил. Но токмо корысти ради, а не потому, что одобрял их. А вот про этого еврея... как его, Хайкина, писать не буду. Не хочу. И пусть даже не просит. Думаешь, мне слабо умные мысли на-гора выдавать? Вот сейчас возьму тетрадь и запишу первую. Свою собственную, слышишь, Федор, а не Эпикура или Сенеки. Пишу. Так. "Для нас ценно лишь то, что мы потеряли". Или теряем, как лучше?" Киреев был пьян, но в отличие от прошлых лет, когда ему приходилось напиваться и жена

после этого по два-три дня с ним не разговаривала, он от этого не испытывал угрызений совести. И это ему нравилось тоже. Нравилось, что хоть язык и нес окоlesiцу, голова все-таки работала четко. Ему действительно пришлось по душе мысль о книге. Ведь писать можно не только ради гонорара, но и для чего-то еще. Например, для души. Он понимал, что написанная им фраза отнюдь не нова, но сегодня ночью ему было радостно делать все. И если раньше он писал скорее из нужды, то теперь было совсем другое дело.

На кассете уже другой певец пел: "Не унять непонятную радость свою, так вот каждую ночь коротаю. Завтра снова с любимой до звезд простою и опять опоздаю-ю. Не жди ты меня, пожалуй, последняя электричка..."

"А жаль, что я не родился в Древней Греции, из меня бы неплохой философ получился. Эти греки с толком жить умели, хоть вино водой разбавляли. Глядишь, сидел бы целыми днями под кипарисом, смотрел на море и размышлял, есть ли у жизни смысл или нет. И если да, то в чем он. А может, в отсутствии смысла - смысл и есть? Надо же, парадокс получился. Парадокс... А вдруг этот самый парадокс и правит миром? Возьмем, к примеру, меня. Только узнав о том, что я смертельно болен, ад, грешный, почувствовал, как хороша жизнь".

Над Москвой светало. За окном начинался новый день. Шум, голоса, гул машин, но ничего этого Киреев не слышал. Он самозабвенно, забыв обо всем, писал. Мысль о парадоксальности мира привела его к желанию написать об этом что-то вроде притчи. И вот что вышло из-под его пера.

Петух и дождь

Петух был красив и голосист. Ему нравились в жизни две вещи: любить своих кур и рыться в навозной куче. Но в тот день с утра до вечера лил дождь, и петух был лишен радостей жизни. "Как же я тебя ненавижу, противный дождь", - думал петух, с тоской глядя на улицу. А в это время хозяйка петуха провожала внучат, приехавших к ней из города погостить. Передавая им гостинцы, она сказала: "Хотела вам петуха на дорожку зарезать, да дождь такой, что выходить из дома не захотелось. Вы уж не обессудьте". "Получается, этот дождь петуху жизнь спас?" - спросила бабушку внучка Маша. "Получается так. Я его теперь точно резать не буду. Пусть живет". А дождь все лил и лил. Петух засыпал на насесте вместе со своими женами, думая о том, какой бы у него был чудесный день, если бы не этот противный дождь. Киреев перечитал. Похвалил себя: "А что, неплохо". Пошатываясь, он убрал последние книги с пола. Из одной выпал листок. На нем его, Киреева, почерком было записано какое-то стихотворение. Ни автора, ни названия. Он перечитал стихотворение раз, затем другой. Попытался вспомнить автора - не вспомнил. Сон брал свое. Он сел на кровать и еще раз прочитал стихотворение. "А вот это еще лучше. Завтра, то есть сегодня, надо будет поразмышлять, почему именно это стихотворение буквально свалилось мне под ноги". И Киреев уснул, почти счастливый. Уснул в любимой позе - лежа на животе. В руке он держал листок из книги. Так закончилась эта ночь. А листок выпал из руки Михаила Прокофьевича и теперь белел пятном на темном ковре. Вот что на листке было написано:

Любой цветок неотвратимо вянет
В свой срок и новым место уступает.
Так и для каждой мудрости настанет
Час, отменяющий ее значенье.

И снова жизнь душе повелевает
Себя перебороть, переродиться,
Для неизвестного еще служенья
Привычные святыни покидая, -
И в каждом начинании таится
Отрада благостная и живая.
Все круче поднимаются ступени,
Ни на одной нам не найти покоя,
Мы вылеплены Божьею рукою
Для долгих странствий, не для косной жизни.
Опасно через меру пристраститься
К давно налаженному обиходу:
Лишь тот, кто вечно в путь готов пуститься,
Выигрывает бодрость и свободу.
Как знать, быть может, смерть, и гроб, и тленье -
Лишь новая ступень к иной отчизне.
Не может кончиться работа жизни...
Так в путь - и все отдай за обновленье.

Глава пятая

Однообразность будней, так раздражавшая Михаила Прокофьевича все последние годы, удивительным образом исчезла. После той памятной ночи прошло дней десять. Боли в желудке усилились, но, странное дело: душевный подъем не проходил. Киреев по-прежнему, как и тогда на кухне, наслаждался каждой прожитой минутой, каждым выполненным делом, даже пустяковым. Поскольку езда по городу, долгие разговоры всегда отнимали у него много сил, Киреев свел и то и другое к минимуму. Он, как в юности, с удовольствием просматривал альбомы живописи, перечитывал любимых поэтов - от древних японцев и китайцев до Рубцова. С каждым днем все толще становилась рукопись книги, которую Михаил Прокофьевич стал писать для души. Назвал он ее "Парадоксы", и состоять по его замыслу книга должна из коротких притч. Вслед за "Петухом и дождем" появились "Полководец и его жена", "Василек и Ромашка", "Жирный пингвин и гордый буревестник"... Но, самое главное, у Киреева появилось желание побороться за свою жизнь. Нет, об операции он и думать не хотел, зато раздобыл уйму народных рецептов от рака. Список получился внушительный: болиголов, чистотел, водка с маслом, цветки картофеля, сыворотка с яичными белками, горький перец, настойка из корней лопуха. Михаилу Прокофьевичу больше импонировала водка с маслом, но его так поразил случай с листком, выпавшим из книги, расцененным им как некий знак свыше, что он ждал своего рода указания, но указания пока не было. Вообще, с этим листком Киреев не расставался, хотя выучил стихотворение наизусть. Смысл его был не совсем ясен, но строчки несли в себе какую-то надежду. Особенно Михаилу Прокофьевичу нравилось одно место:

Как знать, быть может, смерть, и гроб, и тленье -

Лишь новая ступень к иной отчизне.

Не может кончиться работа жизни...

Вечерами, вместо того, чтобы сидеть перед телевизором, как он это делал раньше, Киреев любил размышлять над смыслом этих слов. Как-то незаметно, но все чаще и чаще Михаил Прокофьевич вспоминал Бога. Нельзя было сказать, что он верил или не верил в Него. Как и многие люди его круга, Киреев считал, что есть какая-то область таинственного, нашему разуму неподвластная. С другой стороны, олицетворять некое высшее начало ему было легче с абстрактным Космосом, нежели с Иисусом Христом, который ходил некогда по земле, а потом был распят и вознесен на небо. Еще меньше верил он в загробную жизнь. В свои студенческие годы Михаил Прокофьевич слушал лекции по научному атеизму. И даже тогда его позабавило объяснение преподавателя о причинах, заставляющих людей верить в Бога. Самой главной специалист назвал боязнь смерти. Юный Киреев не мог верить в Бога не в силу каких-то глубоких личных размышлений - наоборот, он, как все, записал доводы преподавателя в тетрадь, чтобы потом, на экзамене, быть готовым их повторить. Все обстояло проще: тогда еще была жива бабушка Дуня, которую Михаил Прокофьевич очень любил. Приезжая к ней в деревню и видя в кухне над обеденным столом иконы, школьник Миша Киреев горячо доказывал бабушке, что Бога нет. Бабушка не спорила, а только улыбалась: "Какой ты у меня умный. Может, ты и прав, но я верю в Бога и ничего с собой не могу поделать". А однажды, уже перед смертью, она сказала фразу, очень удивившую его. Сказала так искренне, что Миша, уже ставший студентом, не мог не

поверить ей: "Легче жить, в Бога не веря. Что для неверующего смерть? Уснул и все. А я бы и рада вот так уснуть, но не могу. Боюсь". - "Чего боишься?" - "Бога боюсь. Грехов у меня много, и за грехи эти он меня не помилует, а отправит в ад на вечные мучения". И хотя Киреев искренне смеялся над всем сказанным об аде и рае, в глубине души он не мог не преклоняться перед такой сильной верой его безграмотной бабушки. Сейчас, в отличие от бабы Дуни, его страшило вот это - "уснул и все", но в своем нынешнем положении Киреев не мог не оценить еще раз всей неправоты почти забытого преподавателя научного атеизма. Он размышлял так: "Ну, хорошо, я ухвачусь как за соломинку в неведомого мне Бога в надежде, что Он дарует мне жизнь после смерти. Но для этого мне необходима сила веры, которой обладала моя бабушка и ее сестры. Они боялись смерти, потому что боялись Страшного суда, я боюсь смерти, ибо страшусь исчезнуть из бытия. В любом случае, даже если я начну искренне верить в Бога, страх перед концом не исчезнет. Это как в "русской рулетке": из семи патронов только один несет смерть. То есть вероятность смерти для игрока - всего одна седьмая. Но что, ему от этого легче? Он перестает бояться? Так и для меня. Если даже неверия у меня останется всего на одну седьмую и я перед смертью причащусь и призову Бога, куда мне деться от страха? А раз так, то не страха ради люди верят в Него. Тогда ради чего?" Но в данный момент Киреева больше занимал другой вопрос. Для него стало чем-то вроде игры находить везде парадоксы. Если он встречал на улице парня с выкрашенным гребнем волос и в одежде, более подходящей для огородного пугала, Михаил Прокофьевич отмечал про себя, что этот человек весь состоит из комплексов и желание быть непохожим на других есть всего лишь подсознательное стремление избавиться от этих комплексов, а вовсе не свидетельство какой-то внутренней свободы. Если раньше Киреев легко "заводился", вступая с кем-то в спор, а спорить он любил до хрипоты, стремясь во что бы то ни стало доказать свою правду, то теперь Михаил Прокофьевич понял: победить в споре очень легко, для этого надо... не спорить, а сразу же согласиться с тем, кто с тобой спорит. Он сначала растеряется от такой легкой "победы", но затем уже без раздражения оценит и твои аргументы. И с удивлением подумает: "Кто его знает, а может быть, я не прав". В связи с вышесказанным Киреев не спешил, например, бросаться в "объятия" экстрасенсов. Чем большей славой было окружено имя того или иного "целителя", тем большее недоверие этот кудесник вызывал у Михаила Прокофьевича. К тому же ему был памятен один эпизод из его журналистской практики. Кирееву поручили написать об одной народной целительнице, якобы лечившей все известные в природе болезни. Бабка проживала в одном отдаленном районе Т-ой области. Добравшись до места, Киреев поспешил не к ее дому, а завернул в другую сторону. В этом заключался его метод: прежде чем составить собственное мнение о том или ином человеке, для большей объективности расспроси о нем тех, кто наблюдает и знает его много лет. Он тогда, кстати, один повернул в сторону, - остальные приехавшие дружно направились к дому бабы Нюры. Всю дорогу до деревни только и разговоров было, что о чудесах этой удивительной старушки. О том, как она собирает с молитвами траву, как определяет "на глаз", чем болен человек... Кирееву, имевшему с детства проблемы с сердцем, даже захотелось испытать на себе целительное искусство бабки Нюры. На лавке возле одного из домов сидел старик. Морщинистое загорелое лицо, обе руки опираются на палку - видимо, болят ноги, но прищуренные глаза смотрят по-молодому остро. И вот какой разговор получился у Киреева с этим стариком.

- Красивые у вас места.

- Да, благодатные, только нам за этой красотой некогда глядеть.

- Понимаю, работы много.

- У! Работа цельный год. А работать не будешь, не проживешь. А ты сам чей будешь? Вроде не нашенький. Али к бабке Нюрке?

- Хочу дочку свою, - соврал, не моргнув глазом, Киреев, - с женой на месячишко из города вывезти, вот езжу, ищу места покрасивее. А то все юг да юг, по мне так лучше наших краев нет.

- И то верно, - одобрил дед. - Ребятишкам у нас раздольно. Благодать. А сколько за постой готов дать?

- Так это обсудить можно. У меня с собой "беленькой" пузырек есть. Дед, назвавшийся дядей Ваней, без долгих колебаний согласился обсудить проблему за "беленькой". Он кликнул свою хозяйку, которая оказалась шустрой маленькой бабушкой. Быстро накрыли на стол. И под "беленькую", закусывая салом, яйцами и огурцами, они втроем сначала договорились о цене - сошлись на двадцати рублях, а затем Киреев будто случайно вспомнил:

- А про какую-то бабку Нюру вы мне говорили? - Спустя годы Киреев так бы определил свою тактику, исходя из принципа парадоксальности жизни: чем больше хочешь узнать, тем меньше задавай вопросов и не показывай своего интереса. Выпившие старики разговорились. И перед Киреевым открылась просто удивительная картина.

- Мы, конечно, помалкиваем, все-таки она наша, деревенская, но дюже удивляемся, как городской народ доверчив.

- Колдунья она, - перебила дядю Ваню его жена.

- Какая колдунья? Колдунья хоть лечить умеет, а я к Нюрке сдуру пошел ноги лечить. И что ты думаешь?

- Что? - поддакнул Киреев.

- Да ничто! Как болели - так и болят. Ноги! Куда уж ей за нутря браться?

- А Зинка Егорова говорила, что точно колдунья. И она, и Клавка, - опять встряла бабка.

- А Клавка - кто такая? - опять не показывая своего интереса, спросил Киреев.

- Это ейная помощница. Вот слушай меня, Прокопыч, как они вашего брата городского дурят. Травы

- это без обмана. Травы Нюрка собирает. Но и моя бабка их собирает.

- А как же! И липовый цвет, и зверобой, и...

- Да помолчи ты! У нас тебе в деревне любой скажет: заболит желудок - попей зверобойчику, если камни в почках - надо петрушку пить. Чего тут диковинного? А эту махинацию Клавка-то и придумала. Приходит к Нюрке человек, а перед домом очередь. Дожидаются, значит. А пока ждут, две-три наших тетки, деревенских, что при Нюрке кормятся, начинают громко гуторить, как, мол, Нюрка помогла тому или другому. Их послушать, рак для Нюрки все одно, что бородавка, - плюнет, пошепчет - и нет его. Само собой, люди уши развешивают. Затем Клавкина очередь настает.

- Она к людям подойти умеет, без мыла в одно место влезет, - подала голос жена дяди Вани. Он на этот раз не одернул ее.

- Точно. С ласкою пристанет, какая, мол, тебя нужда привела сюда, мил человек. А ты

сам, Прокопыч, знаешь, больному человеку пить не дай, токмо бы про болесь свою рассказать.

- Это так.

- А Нюрка в это время у себя в комнате сидит...

- Клавка с подругами треплють, будто она молится беспрестанно...

- Чушь собачья. Дрыхнет она.

- Точно, дрыхнет. Она всю жизнь, с девок, до работы ленивая была. Ей бы на печи лежать да семечки щелкать.

- Не тараторь, бабка. А Клавка будто вестовая от Нюрки - от нее к людям ходит. Само собой, все рассказывает про болячки их. Ну а дальше сам соображай, как происходит. Заходит к Нюрке человек...

- А Нюрка баба представительная...

- Да замолчи! Заходит, а та ему сразу: мол, тяжело болеешь, то-то и то-то у тебя, но ты не отчаивайся, помогу тебе. И протягивает травку.

- А ради чего все это? Деньги она берет с них? - спросил Киреев.

- Тут сам смекай. Нюрка говорит, что нельзя ей за лечение брать, грех это, а то Господь силу ее отнимет лечебную.

- Выходит, бескорыстная она?

- Погодь, погодь. Ей деньги предлагают, она человеку: мол, побойся Бога, не обижай. А потом одну из Клавкиных теток зовет: меня, говорит, другие люди ждут, а ты пособи хорошему человеку. Тетка выносит трехлитровую банку воды, будто заговоренной, начинает говорить, как Нюра на эти банки, на поездки за редкими травами свои последние деньги тратит, а нешто наш человек не понимает, на что ему намекают?

- Это раньше было. Сейчас Клавка за столик в прихожей своего племянника посадила деньги собирать.

- Гришку Беспалого? Да ты что! Бугай бугаем.

- Вот тебе и что. Перестали стесняться. А чего стесняться: люди вылечиться хотят, им для этого никаких денег не жалко.

- А вылечиваются? - задал последний вопрос Киреев. Дядя Ваня долго молчал, а потом сказал:

- Кто как говорит. Может, от такого внушения да от травы какие-нибудь болячки и излечивает себе человек. А вот рак... Не верю я... Это все трепотня Клавкина. В прошлое лето какой-то мужчина приезжал, у него жена померла, он сильно на Нюрку ругался.

- А Клавка всем сказала, что, видно, много грехов у его жены было. Господь не внял молитвам Нюрки...

Простившись с гостеприимными хозяевами, Киреев направился к дому Нюры. Все было так, как рассказывали дядя Ваня и его жена: очередь из больных, какие-то женщины, громко рассказывающие друг другу о чудесах бабы Нюры, наконец, Клава, не очень старая женщина с поджатыми губами и бегающими глазами. Клава ходила от одного человека к другому, пока не подошла к Кирееву. На все ее расспросы он отвечал одной фразой: "Болею, матушка". Ничего от него не добившись, женщина недовольная, ушла от него в дом. Киреев был в очереди последний, и когда он уже собирался увидеть собственными глазами знаменитую Нюрку, вышедшая из дома Клавка объявила, что прием на сегодня закончен. Кирееву было

предложено переночевать в деревне и прийти завтра, а то бабка Нюра очень устала. "Где же мне остановиться?" - спросил Киреев. В ответ Клава подвела к нему одну из теток, рассказывавшую всем о чудесах бабки Нюры. Киреев все понял, повернулся и поспешил на автобус, идущий в город. Материал он так и не написал... Вот почему на этот раз Киреев решил действовать по-другому. Допуская, что где-то есть настоящие целители, которые не чета бабкам Нюрам и им подобным, Михаил Прокофьевич решил пойти к раковым больным. Он вообще заметил, что в эти дни ему многое удавалось, получалось и то, что он задумал, тем более ничего сочинять ему не пришлось. Киреев уже давно слышал о хосписах - медицинских учреждениях, чьи работники ухаживали за умирающими больными. Был такой хоспис и в его районе. Он пришел туда как журналист одной из центральных газет, желающей написать о работе хосписа, его проблемах. Заведующая, ее заместители и врач, наблюдавший за больными, приняли его хорошо. Проговорили они несколько часов. Киреев задавал вопросы, женщины подробно на них отвечали. Собеседницы нравились Михаилу Прокофьевичу. Было видно, что они искренне болели за свое дело, жалели своих подопечных. Особенно приглянулась Кирееву врач, Наталья Михайловна. Симпатичная блондинка лет тридцати пяти, она совсем не старалась произвести впечатление на журналиста. Больше молчала. А если отвечала на вопрос, то немногословно, четко, без отступлений. Именно ей задал Киреев самый главный вопрос, ради которого пришел в хоспис. Он с трудом скрывал волнение:

- Скажите, Наталья Михайловна, через ваши руки прошло уже много раковых больных...

- Конечно. Я только в хосписе пять лет работаю.

- А кто-нибудь из ваших пациентов... может быть, хоть несколько человек...

- Простите, не поняла?

- Кто-нибудь из них выздоровел? Наталья Михайловна грустно покачала головой:

- Ни один человек. Мы же в хосписе обслуживаем больных уже в поздней стадии.

- А как же тогда болиголов, чистотел или, вот, о водке с маслом много пишут?

- Водка с маслом? Мои больные пьют. Причем от обезболивающих лекарств отказываются, но, увы...

- Почему же тогда в газетах... столько писем от тех, кто так вылечился?

- Не знаю. Это общеукрепляющее средство. Не более того. Если бы вы знали, как люди борются за жизнь, как цепляются за нее из последних сил, однако еще никто из моих хосписных больных не справился с этой бедой...

Когда Киреев от здания, где размещался хоспис, медленно шел к метро, его догнала Наталья Михайловна. Оба из вежливости обменялись парой фраз, а потом пошли дальше молча. Михаил Прокофьевич думал, что врач попрощается с ним, поспешит дальше, но она шла рядом, хотя Киреев двигался не по-московски медленно. Неожиданно Наталья Михайловна спросила:

- Вы нам сегодня задали столько вопросов... Девчонки говорят, что их никогда так подробно не расспрашивали.

- Обычно журналист спрашивает больше, чем потом идет в материал. Он должен...

- Нет, я не о том. Я не сомневаюсь, что вы все напишите как надо... Мне самой спросить вас хочется...

- Спрашивайте, - улыбнулся Киреев. - Даже интересно.

- Вы ведь не зря меня про больных спросили, которые излечились? Я права?

- Да.

- Вы сами больны? Киреев посмотрел ей в лицо. В глазах не было любопытства. Только участие. Он остановился.

- По мне уже видно?

- Просто я заметила, с каким волнением вы ждали моего ответа. Они уже спускались в метро. Буквально в двух словах Михаил Прокофьевич рассказал историю своей болезни. Наталье Михайловне нужно было ехать в другую сторону. Она взяла Киреева за рукав куртки и заговорила горячо-горячо:

- Вы только духом не падайте. У меня... у меня интуиция сильно развита, врачу без этого нельзя. Так вот, мне кажется, что все у вас будет хорошо. Если нужна моя помощь - звоните, мой телефон вы записали. Слышите?

Киреев давно не ощущал такого участия к себе. В горле встал комок, и Михаил Прокофьевич не мог сразу говорить. А когда хотел сказать что-то благодарное, неожиданно для себя брякнул:

- Чему быть, того не миновать. В вашу сторону уже второй поезд уходит. Давайте прощаться.

- Не гоните меня, Михаил Прокофьевич. Мои мужики привычные, они к моему приходу будут во всеоружии. А у вас, простите, есть жена?

- Наталья Михайловна, у меня все хорошо...

- Не верю. Я вижу, как огорошила вас своим ответом. Забудьте про него. Знаете, что я придумала? У меня есть пациентка, больная девочка. Ей восемь лет, зовут Лизой. Чудная девочка, умница. У нее лейкемия. Жить ей осталось от силы несколько месяцев. Давайте я вас познакомлю с ней.

- Зачем?

- У меня много больных. Есть нытики, есть привереды, а есть очень мужественные люди. А Лиза - она одна. Таких у меня еще не было. Вы с ней поговорите - и все поймете. Договорились? Напор этой странной женщины был такой сильный, что ему оставалось только кивнуть в знак согласия.

- Вот и чудесно, - просияла она. - Завтра и сходим. Я Бобровых предупрежу сегодня вечером, а завтра пойдем.

- Каких Бобровых?

- Родителей Лизы. Они чудесные люди, вы увидите.

- Для вас, наверное, все чудесные люди. А что вы им скажете?

- Это моя забота. Пока. - И, взмахнув рукой, Наталья Михайловна исчезла в толпе. Домой он пришел, еле передвигая ноги. Болело все - и желудок, и поясница, и голова. Киреев первым делом поспешил поставить чайник, мечтая поскорее добраться до постели. В дверь позвонили. "Кого еще нелегкая принесла? Неужели Галина? Ох уж эти женщины, когда ждешь - не придут, а не ждешь - тут как тут". Позвонили еще раз. "Иду, иду!" - крикнул Киреев и открыл дверь. На пороге стоял и улыбался молодой человек с тортом в руках.

Глава шестая

До наступления сумерок оставались считанные минуты. Такси мчал Софью Воронову из аэропорта в Москву, а она думала о быстротечности жизни. Вернее, даже о том, насколько быстро и почти не оставляя следа мимо нас мчатся события. А то, что оставляют как милостыню, мы называем воспоминаниями. Три последних дня она провела в Кельне. Вместе с подружкой и компаньоном Ольгой Кремер, некогда советской немкой, а ныне гражданкой Германии, восхищалась громадой собора, бродила по узеньким улочкам, напоминая ей то ли андерсеновские сказки, то ли "город мастеров"

- любимый фильм детства; часами они сидели в уютных кафе под открытым небом. Еще вчера и Кельн, и Ольга, и пестрая, улыбочивая толпа на немецких улицах были так осязаемы, так реальны. А сегодня они в прошлом, за окном машины - пригороды столицы, счастливая трепотня шофера: он рад тому, что в конце дня, казавшегося потраченным зря, удалось найти стоящего клиента. Еще день, другой - и все, образ Кельна будет таять, таять, пока ей не будет казаться, что все это происходило с кем-то другим, а не с ней. И лишь телефонные звонки от Ольги будут доказательством того, что все это было на самом деле.

Софья открыла записную книжку. Дядя научил ее расписывать собственное время на месяц-другой вперед. Дядя... Она и забыла бы об их договоренности встретиться, но в книжке было написано: "17.04 - Смок". Его прошлый визит привнес тревогу, от которой Софья никак не могла отделаться. Дядя вообще шутил, что интуиция - самая сильная деловая черта его племянницы. "Ум плюс воля, плюс интуиция и минус лень - вот формула успеха" - это было любимое выражение Воронова-старшего. Владимир Николаевич вошел в ее жизнь, когда умер папа. Софье было четырнадцать. Дядя приехал в Старгород на похороны папы, за неделю уладил все необходимые формальности - и увез ее к себе, в Москву. Жил он один, семьи никогда не имел. Тетя Вера, сестра Сониной мамы, говорила, что у Вороновых судьба такая - жить в одиночку. Сам дядя так отшучивался на постоянные приставания дальней старгородской родни о своей женитьбе: "Я ворон - птица одинокая. Мне семья противопоказана - превращусь в ворону". Кстати, и папа, потеряв жену - Маша Воронова умерла при родах дочери, у нее было очень слабое сердце - больше так и не женился. Воспитывал дочь один. Первое время тетя Вера приезжала к племяннице в Москву, много рассказывала о маме, отце. Потом стала приезжать реже, а потом и вовсе перестала. У нее заболели ноги, и она тихо доживала свой век в спокойном и уютном Старгороде. Но Соня до сих пор помнила их разговор на кухне старой дядиной квартиры. Тетя Вера смешила ее постоянным желанием, по десять раз на дню слушать прогноз погоды, раздражала своими постоянными нотациями - "ты должна", "ты обязана", но Соня ей прощала все хотя бы потому, что тетя оставалась последним связующим звеном с той, прежней старгородской жизнью. А еще потому, что Вера Ивановна Григорьева всегда с большой теплотой рассказывала о папе: "Я ведь ему после смерти Машеньки говорила: хватит убиваться, слезами горю не поможешь. Женись! Сонюшке мама нужна. И так я ему каждый год талдычила, пока ты в школу не пошла. Николай много лет молчал, а как-то вдруг возьми и скажи: "Я ведь не раз и не два жениться хотел, а один раз почти в ЗАГС пришел расписываться, но... Я всех женщин с Машей сравнивал и продолжаю сравнивать. Никто даже близко не стоит". Вот он, Сонечка, всю любовь на тебя и обратил".

Прошло почти десять лет с тех пор, как не стало отца. Дядя не просто вырастил Софью, дал ей все, что она сейчас имеет в жизни, он воспитал ее по своему образу и подобию. Нельзя сказать, что это удалось Владимиру Николаевичу легко. Всякий раз, когда она не соглашалась с ним или, как он говорил, проявляла строптивость, Воронов вспоминал своего младшего брата. В отличие от тети Веры, дядя был к нему настроен более критически: "Голова у него светлая была. А толку от этого? Идеалистом Никола жил, идеалистом помер. Будто нацепили ему в детстве розовые очки, так он в них и ходил, не снимая. Чужие люди из него веревки вили - я такой мягкотелости сроду не видел, а со мной до хрипоты спорил". Но Соня, в отличие от своего отца, с дядей никогда не спорила. И причиной тому была не только детская застенчивость. Дядя всегда подавлял ее железной крепостью своей логики. Единственное, что напоминало во Владимире Николаевиче Сониного отца, - оба очень любили книги. Дядя поощрял чтение племянницы, водил ее в кинотеатры, когда еще выходили стоящие, как он говорил, фильмы. Появилось видео - и вместе с Соней Смок стал собирать домашнюю фильмотеку. Как и отец, обсуждал с ней просмотренное и прочитанное. Но если папа напирал при обсуждении на мораль и действия положительных героев, то дядя подкупал ее нетривиальностью подхода вроде бы к очевидным фактам, парадоксальностью оценок. Этого он добивался и от племянницы: "На все, слышишь, на все имей собственное мнение. И чем оно больше будет отличаться от мнения большинства, тем оно вернее". Помнится, тогда в качестве наглядного примера Владимир Николаевич обратился к фильму, который Соня видела десятки раз и все равно смотрела с интересом: "Скажи-ка, Сонюшка, ты ведь считаешь положительным героем в "Белом солнце пустыни" Сухова?"

Разумеется, она так считала. А еще ей нравились Петька, Верещагин и Саид, которого спас от смерти Федор Сухов.

- А вот и нет, - возражал Владимир Николаевич. - Абдулла - вот настоящий герой. Софья ушам своим поверить не могла, она думала, что дядя шутит. А тот, наслаждаясь произведенным эффектом на девочку-подростка, продолжал:

- Я не шучу. Давай рассуждать вместе. Посмотри, даже Саид уважает Абдуллу. Я читал в одной газете, что по первоначальному замыслу у фильма должна была быть другая концовка - по Абдулле, убитому Суховым, плакали жены. Говорят, цензура заставила вырезать этот фрагмент. Я понимаю, кстати, и тех, кто вырезал, и тех, кто вначале придумал такую концовку. С одной стороны, вроде бы по отрицательному герою плакать нельзя, а с другой... Это же искусство: один мазок негатива, другой - и готов негодяй. Но Абдулла-то герой положительный! Он бандит? С чего ты взяла? Абдулла живет по законам своего народа, своего племени. Да, он дикарь, да, он бьет жен, но они его обращение воспринимают как должное. У них это в крови. Помнишь, что говорит Саид про Абдуллу: "Он воин". И для него, азиата, это высшая похвала. Абдулла все берет силой? Да так во все времена было, и не только в Азии. В этом мире побеждают сильные. Таков закон природы, и никому не дано его нарушить, понимаешь? И вот в тот азиатский мирок, с тысячелетними устоями приходят Сухов и Петька. Зачем? Мировую революцию, видишь ли, захотели устроить! Вот это точно в нашем русском характере. Жену лет пять не видел, без него дети выросли, наверное, с голодухи пухнут - без мужика крестьянской семье не прожить, а он, Сухов этот, в Тмутаракани новый порядок пытается установить. Только спросил ли этот служивый, хотят

ли они жить по-новому? Что, его просили остаться и помочь, а так он домой шел? Ерунда! Захотел бы - ушел. А Петька! Дома девок полно, а он за чадрой гоняется: "Открой личико". Разве не дурь: лица не видел, а жениться готов. Он даже не понимает, что девушка - чужая жена. Я могу много из жизни этих дикарей не понимать, но это - их жизнь. И посмотри, семьдесят лет они под суховыми прожили, им вроде как культуру привили, культуру в нашем понимании, а что толку? Ушла советская жизнь - и все вернулось на круги своя. Чеченцы как похищали людей в прошлом веке, так продолжают делать сейчас. Как были в Туркмении баи, так и появились опять. Вернее, они и не исчезали. Только назывались секретарями райкомов да председателями колхозов... Вот теперь мне ответь: нужно было Сухову пытаться переделать чужой мир? Петька в тех песках навсегда остался, а Сухов, предположим, вернется. Ты задумывалась о том, что он увидит дома? Вопрос...

Болтовня таксиста вернула Софью к реальности. Он даже что-то спрашивал. Воронова отвечала односложно, продолжая листать записную книжку: "24.04 - Д.Р. Аллы". Все понятно: день рождения у Аллы Петровой, Софьиной подруги. Хотя Алла лет на пятнадцать старше, они, действительно, хорошо дружили. Бывает так в жизни: полное несовпадение вкусов, привычек, большая разница в культурных пристрастиях, а дружат люди так, что водой не разольешь. Алла довольно успешно занималась продовольственным бизнесом. Работала она как каторжная, одна растила дочь. Встречались подруги не так часто, как хотелось, - больше по телефону общались, но зато если уж встречались...

Таксист уже начинал раздражать. Воронова не любила общаться с людьми, чьи слова, действия было легко предугадать. Только сев в машину, она поняла, что ее будут спрашивать о том, как там гниет Запад, затем шофер обязательно расскажет свое видение проблем российской жизни. Будто ей это надо. А таксист, видимо, думая, что развлекать пассажира - его обязанность, уже рассказывал о последних новостях. Софья прислушалась:

- Телевизор лучше не включай. Дурдом какой-то! Я лично, хотите верьте, хотите нет, с тоской вспоминаю прежние времена. Наш брат таксист первым человеком тогда был. А сейчас? В поисках клиента как собака носишься. Да и риск постоянный. Один наш в какую-то деревню подмосковную подрядился пассажиров подвезти. Все. Ни машины, ни парня. Жизнь человеческая ничего не стоит. Раньше были свои крайности, не спорю. По тому же телевизору то речь Брежнева, то весь вечер про уборочную. Но то, что творится сейчас, - ужас какой-то. Дурдом! Террористы, заложники, там свет отключают, там бастуют, эпидемия СПИДа, наркоманы. Вчера показали: почти в центре Москвы опять бизнесмена грохнули. Да зачем деньги тогда нужны, пусть миллионы, если за них тебя средь бела дня убьют, а убийцу никто и искать не будет. Бесполезно ведь искать. Вчерашний покойник, говорят, крутым был пареньком, а толку что? И его, и охранника завалили. Эх, паршивая жизнь, паршивая... Сама Софья так мрачно на жизнь не смотрела. Всегда убивали людей, точно так же, как всегда люди гибли в авариях, тонули и горели на пожарах. Это же не означает, что надо перестать ездить на машинах, летать самолетами или купаться в реке. Так и с убийствами бизнесменов. Можно подумать, что при Брежневе людей не убивали. Просто раньше об этом молчали, а теперь без криминальной хроники никуда. Кто будет читать газеты, если в них только про уборку урожая написано? Но, разумеется, ничего этого Софья таксисту не сказала. Как говорил дядя: "Бойся человека из толпы. Они все серые в толпе - заразить могут".

И все-таки как хорошо возвращаться домой, даже из самых замечательных поездок. Дарья, домработница, приходила днем, убралась. Все блестело и сияло. Не зря подруги называли Софью "Наполеоном в юбке" - она умела делать несколько дел сразу. Вот и сейчас, пока наливалась вода в ванне, Соня, включив телевизор, успевала просматривать почту, молотить себе кофе и прослушивать автоответчик. Человек пять, оказывается, хотели ее увидеть - кто по делам, кто просто поболтать. Алла просила позвонить, "как только приедешь". Софья успела сбегать в ванну выключить воду, как вдруг по автоответчику раздался голос дяди:

- Это я. Надеюсь, когда приедешь - не забудешь позвонить. И еще - обязательно встретимся, мне надо тебе многое рассказать. Я тебя все эти годы воспитывал, сейчас же мне хочется просто поговорить. По душам... Проблемы свои я, похоже, решил, но... Не знаю, стоит ли об этом говорить... Мысли всякие в голову лезут... Почему-то все время вспоминаю, как твоего отца хоронили. Я ведь всю жизнь его иначе, как неудачником, не называл. И по сей день так считаю. Только стоит все перед глазами картина похорон: тогда весь Старгород пришел Кольку проводить, и из Новоюрьевска люди приехали, из Липок. Телеграммы соболезнования со всей страны приходили. Один Колин ученик даже в Монголии как-то узнал о его смерти. Да ты, наверное, не хуже меня все помнишь. И как люди плакали и... А я порой смотрю на своих друзей и компаньонов и ловлю себя на мысли, что они ждут, чтобы скорее я "коньки отбросил". Нет, похороны по высшему разряду устроят, не удивлюсь, если на Ваганьковское снесут, но слез ни у кого не будет... Извини, Сонька, к тебе это не относится... Наступила пауза. Неожиданно длинная - дядя ничего не говорил, но и не вешал трубку. "Сейчас ему позвоню. Видимо, стареть стал Смок, опять хандрит", - успела подумать Соня. Автоответчик вновь заговорил голосом дяди:

- Короче, увидимся и поговорим. Пока... Нет, чтобы не забыть, еще пару слов напоследок. Ты меня Смоком называла... Помнишь, у Джека Лондона есть рассказ - "Вкус мяса" называется? Как Смок после северного перехода с огромным грузом впервые себя человеком почувствовал и вместо того, чтобы повернуть обратно, еще дальше на север отправился? Там строки есть о том, что ему захотелось отведать медвежатины, настоящего мяса. Это точно про меня. И груз я всю жизнь пер на своем горбу, и мяса вдоволь поел, а вдруг понял, что идти дальше не хочу. И мяса не хочу, наелся - на всю оставшуюся жизнь. И вот сел бы сейчас на лужайке, да чтобы солнышко светило, облачка легкие в небе плыли и коноплянка пела. Ты слыхала, как поет коноплянка? Лучше соловья, не вру. Мы в детстве с Колькой к соседу в сад за яблоками лазили, а в том саду коноплянка жила... Как пела! Да, Колька... Все, заканчиваю. Извини, что долго говорил. Пока. Звони. В словах Смока было столько невесть откуда взявшейся тоски, что Софья, забыв о ванне и кофе, потянулась к телефонной трубке. И в этот самый момент услышала слова женщины-диктора по телевизору:

- В московских деловых кругах продолжают обсуждать вчерашнее убийство известного предпринимателя, основателя и президента фирмы "Меха России" Владимира Воронова. Напомню, Воронов был расстрелян киллером прямо у подъезда своего дома. Предприниматель погиб на месте, спустя несколько часов в больнице скончался и телохранитель Воронова. Комментаторы считают, что убийство носит явно заказной характер и связано с переделом собственности в... До Софьи не сразу дошел смысл

услышанных слов.

- Надо же, - подумала она в первую секунду, - какая знакомая фамилия. Где-то я ее уже слышала. Потом она поняла, что "известный предприниматель" - это дядя. Убит? Софья подбежала к телевизору, включила его на полную громкость.

- Как убит? Вы что? Повторите! - будто диктор могла ее слышать, обращалась она к ней. Но та уже улыбалась.

- А сейчас переходим к обзору культурных событий. Давно Москва не видела такого количества прекрасных театральных коллективов, собравшихся на традиционный фестиваль... Самым жутким было сочетание живого голоса Смока, только что разговаривавшего с ней, пусть и по автоответчику, - с сообщением о его смерти, которое по телевизору передали почти скороговоркой. А вдруг это все ей показалось - с дороги, с усталости? Или это другой Воронов - мало ли на свете людей с такой фамилией? Да и по автоответчику никто не сказал о смерти дяди ни слова. Софья наугад нажала на кнопку автоответчика. Оказалось, что отматывает пленку назад. Остановила. Вновь нажала, на этот раз на другую кнопку. Снова говорил Смок: "...идти дальше не хочу. И мяса не хочу, наелся - на всю оставшуюся жизнь. А вот сел бы сейчас на лужайке, да чтобы солнышко светило, облачка легкие в небе плыли и коноплянка пела. Ты слыхала, как поет коноплянка? Лучше соловья, не вру. Мы в детстве с Колькой к соседу в сад за яблоками лазили, а в том саду коноплянка жила... Как пела! Да, Колька... Все, заканчиваю. Извини, что долго говорил. Пока. Звони". Щелчок. Гудок. Мужской голос, Софьин нынешний приятель Алекс: "Радость моя, пока ты пила пиво в европах, я жутко тосковал. Честное слово. Спроси у Толяна. Сижу, как монах, никуда не хожу. А о чем мечтаю - скажу не по телефону. Бай-бай". Щелчок. Гудок. А это уже Алла: "Сонечка, я на кухне была, мой прибежал, говорит, по телевизору про Владимира Николаевича говорили. Горе-то какое, Сонечка. Ты уж крепись... Прямо у дома убили, еще светло было, страх-то какой! Такого человека! Такого человека! Сонечка, я..."

Значит, не показалось? Значит, правда? Все, что она после стала делать, Софья делала автоматически. Переоделась, приняла ванну, вместо кофе выпила минералки и легла в постель. Внутри все словно окаменело, будто глыба гранитная встала в груди. Зазвонил телефон. Из Германии справлялась о том, как она добралась, Кремер. Ольга щебетала:

- Ты за порог, а я уже скучаю. Эти немцы, сама знаешь, народ хоть и улыбочивый, но по душам с ними не поговоришь. Слушай, у меня новость отличная. Гольдберг мне звонил, он внимательно слайды посмотрел...

- Оля, я тебе перезвоню, у меня...

- Плохо слышно? Повторяю, Гольдберг на слайдах картины масловские посмотрел. В восторге. Заказал десять штук. Пиши...

- Оля, я...

- Взяла ручку? Номер один: "Волжский берег", номер два "Портрет жены". Записываешь?

- Записываю. - Софья стояла босая на полу и писала что-то на листке, с трудом соображая, что она делает и о чем идет речь. - Все?

- Нет, еще икон приготовь. Гюнтер говорит, ну, Гольдберг этот, что у него какой-то русский бразилец несколько штук купил, еще просит. Поняла?

- Да, да. У меня есть кое-что. Что еще?

Глава седьмая

- Иван Прокофьевич? Ой, простите, мне всегда вас Иваном хотелось назвать. Михаил Прокофьевич, можно к вам?

Киреев сразу вспомнил этого человека. Когда года два назад он работал в журнале "Земля Российская" (журнал, правда, быстро прогорел), в редакции служил курьером и этот парень. Звали его не то Алексеем, не то Ильей. Был он, как говорят обычно, странный. Говорил мало, и то - если спросят, чаще сидел в уголочке корректорской и ждал поручений. Редактор взял его на работу из уважения к отцу - известному ученому. Алексей или Илья был в детстве чуть ли не вундеркиндом, а потом у него что-то случилось с головой. Зачем он, интересно, пожаловал?

- Чем, прошу прощения, обязан?

- Меня Арсением зовут. Помните, мы с вами в "Земле"...

- Конечно, помню. Вас кто-то послал?

- Да нет. - Сухой прием смутил Арсения. Улыбка погасла. - Я поздно, да? Вчера повстречал одного нашего общего знакомого, он мне сказал, что вы заболели серьезно, говорил, что зайти к вам собирается... Я вот тоже... решил зайти. Но если не вовремя, я пойду, только торт, пожалуйста, возьмите.

Кирееву стало стыдно. Единственным из всех, кто его навестил, оказался этот паренек, с которым они за все время работы и двух слов друг другу не сказали. Торт принес, а он его в дверях допрашивает.

- Заходите, пожалуйста. Я как раз чайник ставить собирался.

- Не помешаю, правда?

- Правда. Так кто вам про меня сказал? - спросил Киреев гостя, когда тот, приглаживая вихор, присаживался в кухне на стул. Во всем: в каждом движении, даже в том, как Арсений сел на самый краешек стула, словно на нем уже сидел кто-то, - была видна крайняя застенчивость.

- Он у нас в журнале за политику отвечал. У него еще бородка такая аккуратненькая была, как у испанского дворянина.

- Понятно, Добышев. А откуда ему про меня известно?

- Не знаю. Слухами, наверное, земля полнится. Говорит, что придет к вам. И я тоже... решил навестить.

- Арсений, только давайте договоримся: никаких сочувствий. Жалеть меня не надо. А за то, что пришли, - спасибо.

- Во славу Божью, - быстро ответил Арсений, но потом тут же поправился, будто сообразив, что сказал не то и не в том месте. - Пожалуйста, мне не трудно было это сделать. Они пили чай, Арсений рассказывал о своей новой работе - такой же незначительной и малоденежной, как и прежняя. Киреев, к своему удивлению, почувствовал, как незаметно отступила усталость. Несмотря на свою робость, Арсений оказался интересным и прямодушным собеседником. У него была своеобразная манера говорить: глядя в пол, а потом, в конце фразы, резко поднимая голову и смотря в упор на собеседника. Он рассказал Кирееву, что его знаменитый отец умер в прошлом году, живут они с мамой, живут бедно, но, как выразился Арсений, "мы довольны". Михаил Прокофьевич неожиданно для себя решил

показать гостю свои миниатюры: "В нем есть что-то детское, такой лукавить не будет - правду скажет", - мысленно оправдал свой несколько тщеславный поступок Киреев. Тем более приятной для него стала реакция Арсения: он читал рассказы вслух ("до меня так лучше доходит"), в удачных, по его мнению, местах бил себя ладонями по коленям и восклицал: "Однако!". А поскольку бил и восклицал Арсений часто, Киреев понял, что его писанина гостю понравилась. Картина была любопытная: Михаил Прокофьевич стоял у окна с чашкой чая, спиной к нему сидел Арсений и читал вслух. Один рассказ, особо понравившийся ему, Арсений прочитал дважды. Киреев не возражал.

Полководец и его жена

В одной древней стране жил великий воин. В сражениях он не знал поражений. Победив всех соперников у себя на родине, воин провозгласил себя царем, а затем покорил ближайших соседей. А поскольку остановиться он уже не мог, то ему пришлось покорить и не очень близких соседей (Арсений: хлопок - "Однако!"), и совсем дальних. От одного взгляда царя трепетали и стар и млад, его слово было законом для всех. Придворные льстецы сравнивали своего владыку с тигром, львом и даже называли его земным богом. И никто не знал, что жил на свете человек, которого царь боялся. Боялся панически. Этим человеком была его собственная жена (Арсений: хлопок - "Однако!"). Долгими одинокими вечерами, когда царь в очередном походе добывал себе новую славу, его супруга делилась со своей старой служанкой: "И послал же мне Бог муженька. У других жен мужья как мужья: днем на работе, ночью дома. А этого все носит где-то. А еще не понимаю: неужели люди так слепы? Бесхарактерный, безвольный, тряпка тряпкой, а не мужик. Вот садовник наш - вот это настоящий мужчина. (Арсений: хлопок - "Однако!")"

- А ведь он, царь этот, остановиться не мог, потому что дома сидеть не хотел. С такой-то женой...

- Вообще-то, это наброски... от нечего делать, - покривил душой Киреев.

- А мне нравится. Жизненно. Как вы говорите - парадоксы? Все верно, они кругом, парадоксы. Вот вы меня просили не жалеть вас, а я, не поверите, вам завидую. Кирееву показалось, что он ослышался и не успел ни обидеться, ни рассмеяться. А Арсений, словно боясь, что его не так поймут, продолжал говорить, не дожидаясь реакции Киреева на свои слова:

- Я не спрашиваю, но знаю, что у вас было великое отчаяние и, может быть, даже ужас, но потом вам стало легче.

- А откуда...

- Откуда знаю? Я сам такое пережил. Это теперь я понимаю, что Бог нас не оставляет и обязательно утешит нас, а тогда... Я только в восьмом классе должен был учиться, а сам уже в университет ходил. Про меня в газетах писали. - Арсений махнул рукой. - Вспомнить даже стыдно, как я возгордился. И остановиться не мог, как тот полководец. Одну олимпиаду выиграю, меня на вторую зовут. И вдруг однажды все вмиг переменялось. Голова стала болеть страшно. Боль была такая, что я выть хотел. И вроде как забывать стал, что знал раньше. Вроде бы помню формулу, а вроде бы и нет. А как-то раз среди бела дня упал на улице. Хорошо, что недалеко от дома. Но соседи сразу стали на меня пальцем показывать - мол, припадочный, доучился. А я и на самом деле: только за учебник возьмусь - голова на кусочки раскалываться начинает...

- Простите, Арсений, - перебил его Киреев. - Я что-то не понимаю: вы довольны тем, что заболели, что карьера ваша прервалась, наконец, что вас дураком, простите, называть стали?..

- Видите ли, Михаил Прокофьевич... А это тот самый парадокс, о котором вы хотите целую книгу написать. Кто я был до болезни для себя, для окружающих? Богом, не больше и не меньше. Гордыня во мне сидела и гордыней погоняла. Это же погибель...

- Кому погибель?

- Как кому? - пришла очередь удивиться уже Арсению. - Человеку. В данном случае мне. Господь нас для чего сотворил?

- Для чего?

- Вот вы смеетесь.

- Да нет, что вы. Просто я не знаю, кто меня сотворил и зачем, вот и спрашиваю. Арсений замолчал. Надолго. Молчал и Михаил Прокофьевич. Наконец Арсений заговорил, тихо- тихо:

- Я человек... глупый, пытаюсь объяснить то, что сам только чувствую. Всем сердцем чувствую, но как об этом рассказать? Я опять к вашим парадоксам вернусь. Вы их можете еще много вокруг себя встретить, но только для того, чтобы подойти к самому главному.

- Самому главному?

- Вы слышали о Тертуллиане?

- Что-то слышал. Он богословом, кажется, был.

- Может быть. Знаю, что жил в первые времена христианства и от нападок язычников веру защищал. Так вот, он однажды сказал: "Верую, потому что это абсурдно". Понимаете? То есть парадоксально! Вопреки разуму - верю!

- А если это самообман?

- А если наоборот: мы живем, как эта жена полководца, из-за узости собственного разума не способные подняться выше кочки, на которой сидим? Живем, суетимся, ставим себе какие-то цели... Разве вот вы, вы сейчас не понимаете, насколько все они мелки и ничтожны, когда речь касается вечности.

- Понимаю. Но я не понимаю, зачем Богу, если он действительно меня создал, нужно так карать меня?

- Вы не правы. Бог не карает. Он лечит вас.

- Лечит?!

- А еще останавливает. Как, скажите, Он мог иначе остановить ваш тараканий, простите, бег?

- Но почему меня? Я что, хуже всех?

- Но ведь и не лучше? И я знаю, откуда - не спрашивайте, что и вы сами теперь это понимаете, что вы - не лучше. А потом поймете, что хуже. Уж простите меня. Получается, что я вроде как поучаю вас.

Они опять замолчали. Арсений заговорил еще тише, Кирееву пришлось присесть рядом:

- Я многого не понимаю. Не понимаю даже, что сегодня на меня нашло и почему я вам проповеди читаю. А про то, что я завидую вам - это искренне. Господь ведь и сам крест Свой нес и нам заповедовал нести. Каждому свой. Но вот что замечательно: крест каждому дается по силам. Мне

- мой. Я вынужден долгие годы жить дураком. Кто за спиной это скажет, кто прямо в лицо. Значит, так надо.

- Кому, простите, надо?

- Прежде всего мне. Чтобы спастись. Один старец сказал такие слова, я, правда, не ручаюсь, что точно их повторяю: Бог ничего так не любит и не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение, что всякое добро в нас происходит от Него единого как источника всякого блага. Вот вы, Михаил Прокофьевич, умный и, я знаю, добрый человек - я же помню, как вы в редакции одного вашего коллегу отчитали, когда он мне вместо воды дал водки...

- Да ладно, нашли о чем вспоминать.

- Я к тому, что даже вы, которого Бог и талантом не обделил, о Нем и не вспомнили ни разу. Ведь так?

- Можно сказать, так. А сейчас, когда мне плохо, я вспомнил. Но неужели вы считаете, что Ему нужно, чтобы я через страх к нему пришел?

- Во-первых, страх Божий - это совсем неплохо. Люди из-за гордости своей этого не понимают. А во-вторых, не через страх вовсе - вы по-другому на мир посмотрели. В вашем случае можно вообще в один момент переродиться.

- Переродиться?

- Многие верующие годами молятся, постятся, смиряют себя. И тяжело им приходится в такой борьбе. А вы смерти в глаза посмотрели. Она - рядом с вами. Вы это знаете. Теперь все в ваших руках.

- А что именно?

- Не знаю, право слово, не знаю. Голова начинает болеть... Времени у вас мало, понимаете? Это и плохо и хорошо. Почему плохо - это ясно. А хорошо... Вы Бога в свой самый тяжкий момент взыскали.

- Ой, вряд ли.

- Не спорьте. Это разум ваш, еще по-прежнему гордый, не взыскал, а душа, которая в бездну адову заглянула и затрепетала, - взыскала. И вы уже совсем не такой, каким были недавно. Многие из того, что говорил Арсений, Михаил Прокофьевич не понимал, со многим он готов был спорить... Но такая убежденность звучала в тихих словах Арсения, что он верил, вернее, хотел верить каждому из его слов. И все равно, Киреев не сдавался.

- Положим, моя душа заглянула и взыскала, как вы сказали. Но как я узнаю, что Бог услышал меня?

- То, что с вами происходит, говорит о том, что Он вас услышал. Один человек, не помню, кто, чудесно сказал о Господе: "Мой негордый Бог". Если наша гордыня, тщеславие, сребролюбие непоколебимы, если мы не нуждаемся в Нем - Он и не подступит к нам. А если смиримся, поняв, что мы прах и пыль, если воззовем, как Давид-псалмопевец: "Виждь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя", - Он придет и исцелит.

- Тело или душу?

- А что такое душа без тела, Михаил Прокофьевич?

- Значит, говорите, каждому крест дается по силам?

- По силам... А вообще, я разговорился. Пора идти. Давайте-ка лучше сделаем так. Я вам тетрабочку одну подарю, - с этими словами Арсений достал из пакета толстенную тетрадь,

точнее, пять или шесть общих тетрадей, сшитых в одну. - Я когда в церковь начал ходить, книги духовные брать стал. Кое-что для себя выписывал. За пять лет вот сколько набралось. Сейчас ведь старцев настоящих мало осталось, а мудрости духовной учиться надо. Вот и находил я ее в книгах духовных. Вы уж не обессудьте, здесь только ссылки на того или иного старца без указания книги, откуда я это взял. Если вам будет без надобности - вернете, а если нужно - держите сколько хотите.

- Да я, право, не знаю...

- Берите, берите. И простите меня за многословие, ради Бога.

- Наоборот, спасибо, что просветили меня.

- Нет, нет, в лучшем случае я только вестник, просвещает нас Другой. И еще раз прошу: не отчаивайтесь и не ропщите. И уповайте на Бога. Больше никогда Киреев Арсения не видел...

* * *

У самого Киреева почерк был ужасный. На лекциях в институте он прилежно записывал за преподавателями, но готовился к экзаменам только по учебникам - не мог разобрать свои записи. Тетрадь Арсения Михаил Прокофьевич взял только потому, чтобы не обидеть молодого человека. Поздно вечером уже в постели решил заглянуть в нее. К удивлению, почерк у Арсения Гусева (тетрадь была подписана) оказался почти каллиграфическим. Киреев открыл наугад. Как он понял, в том месте некий старец учил искреннему смирению. Слова старца были подчеркнуты красным фломастером: "Укоряют - не укоряй, гонят - терпи, хулят - хвали. Осуждай себя - так Бог не осудит". В прежние времена из уст Киреева вырвалось бы только одно слово: "ерунда". А сейчас он призадумался. Все выходило как раз по его теории парадоксальности мира. Получается, некогда умные люди тоже думали об этом. "Укоряют - не укоряй, гонят - терпи, хулят - хвали. Осуждай себя - Бог не осудит", - повторял Михаил Прокофьевич как заклинание. Он ничего не мог с собой поделать: при всей своей внешней нелепости эта мысль притягивала его. И вообще, разговор с Арсением ему понравился. Много из того, что говорил Арсений, интуитивно чувствовал и он сам. С другой стороны - странно, откуда паренек мог знать самые потаенные чувства Киреева? Киреев стал перелистывать тетрадь. Попадались слова, пока что непривычные для его слуха: скорби, страсти, искушения... Про искушения и Арсений говорил. Интересно, что здесь про них написано? Вот: "Что умножает в нас духовную силу? - преодоление искушения". Слова-то какие: духовная сила. Подписано: о. Александр Ельчанинов. Маленькое "о." - наверное, означает отец, то есть священник. Но кто он и откуда - Киреев не знал. А мысль понравилась. Как ни приятно Кирееву было рассуждать о таких понятиях, как духовная сила или пока новом для себя - искушение, Михаил Прокофьевич понимал, что он словно встал перед дверью в огромный мир, мир непонятный, загадочный, волнующий, но дверь была только чуть-чуть приоткрыта. Случаен ли сегодняшней приход к нему Арсения? Случайно ли в его руках оказалась эта тетрадь? Киреев чувствовал: нет, не случайно. Как и листок с тем стихотворением. Но он боялся обмануться, как боялся в который раз уйти, но не в ту сторону. "Тараканий бег"? Хорошо, я готов остановиться, я уже остановился, но если Бог, которому верит Арсений и ради которого он готов терпеть унижения и насмешки над собой, - всего лишь иллюзия, плод его воображения? Главный парадокс - так, кажется, сказал Арсений?

...В эту ночь Кирееву приснилось, что Арсений просит его написать миниатюру-парадокс на тему: укоряют - не укоряй, гонят - терпи, хулят - хвали. Он отвечает: запросто, но ничего у него не выходит. Киреев в отчаянии: сейчас придет учитель, которого он ни разу не видел, и поставит ему двойку. Он проснулся, плача. И перед тем как окончательно проснуться, то ли во сне, то ли наяву услышал отчетливое: "Осуждай себя - так Бог не осудит". И Михаил Прокофьевич в один миг придумал, что ему надо написать.

Глава восьмая

И написал в то же утро, назвав миниатюру "Тертуллиан", но позже листок с рассказом затерялся куда-то, а возобновлять его Киреев не решился. Дело в том, что ему редко нравилось написанное им самим, большее удовольствие доставлял процесс сочинения. Время тогда летело незаметно, исчезала реальность, уходила боль. Когда же он ставил точку в рассказе, все возвращалось на круги своя. Наталья Михайловна не обманула и позвонила буквально через день после прихода Арсения. После того как они договорились о месте встречи, Киреев спросил ее:

- А что вы им сказали?

- Правду.

- То есть как? - растерялся Михаил Прокофьевич. - Вы сказали...

- Что вы журналист, заболели раком, что вы переживаете тот период, который врачи называют адаптационным. Не бойтесь, доверьтесь мне. Вы не стесните этих милых людей, а Лиза... Лизу увидите сами.

И вот они в обычной двухкомнатной квартирке. В большой комнате на диване, среди огромных подушек лежала маленькая девочка с огромными голубыми глазами. Папы дома не было, с Лизой знакомила Киреева ее мама, миловидная женщина, возраст которой Михаил Прокофьевич не взялся бы определить. "Наверное, это и не мудрено, - подумал он, - ведь столько лет в доме живет тяжелобольной ребенок".

Киреев чувствовал себя очень неловко. По дороге к Бобровым Наталья Михайловна рассказала, что в семье работает только папа - он торгует в Лужниках, мама все время при дочери. Лиза болеет около пяти лет. Шансов на выздоровление практически не осталось. Совсем недавно Киреев просил Арсения не жалеть его, но здесь растерялся сам. Он стоял перед постелью Лизы и улыбался. Чувствовал, что улыбка глупая, но продолжал улыбаться и молчал. Молчали и обе женщины. Лиза взяла инициативу в свои руки:

- Знакомьтесь, это моя мама Ира. Наш папа-бобер за пропитанием пошел, а мы с мамой целыми днями в хатке сидим.

Киреев назвал себя. Девочка искренне удивилась:

- Какое странное имя было у вашего папы. А как его все звали?

- Кто Прокофием, кто Прокопием, в детстве чаще просто Проней.

- Проня... Смешно. А что оно означает?

- Имя? Я не знаю даже... - Киреев явно не ожидал такой любознательности. - Зато знаю, что где-то в России речка такая есть - Проня.

- Вы не смотрите, что ей еще девяти лет нет, - вступила в разговор мама девочки. В ее голосе явно чувствовалась гордость за дочь. - Обожает про имена читать, по географии уйму книг прочитала, по истории.

К этому времени Киреев осмотрелся и увидел, что в комнате действительно много книг. На боковой стенке шкафа висело что-то наподобие простынки, на которой были развешаны значки, много значков. Ира перехватила взгляд Михаила Прокофьевича:

- Это все Лиза собирает.

- Какая молодчина, - искренне похвалил Лизу Киреев. - Я тоже в детстве значки собирал, но их так много стало, что я оставил только два вида - спортивные и города. Потом

все раздарил, растерял, но кое-что осталось. Тебе принести? Лиза кивнула.

- Мне тоже про города нравится собирать. Только я не всегда понимаю, почему на значке изображено то или другое.

Наталья Михайловна смотрела на них и улыбалась. Она чувствовала, что на ее глазах рождается дружба между двумя людьми - маленьким и большим. Впрочем, в данный момент надо было еще разобраться, кто в данном случае является большим. Киреев, не спрашивая разрешения Иры, снял простынку со значками, сел на диван, рядом пристроилась Лиза.

- Пойдемте на кухню, - потянула Наталья Михайловна Иру. - Мы там поговорим, а они пусть общаются.

Киреев поднял глаза:

- Извините, я, наверное...

- Что вы, что вы, - замахала руками Ира. - Я так рада. К нам мало приходят, а Лизоньке скучно: все одна и одна.

- Мама, у меня две подружки есть, Надя и Таня...

- Все так, дочка, но они в школу ходят, им некогда к тебе часто ходить... Женщины ушли на кухню готовить чай, а Киреев стал рассказывать Лизе о значках.

- В старые времена у каждого города был свой герб. Символ такой...

- Я знаю.

- В гербе все важно, даже цвета. Есть целая наука о гербах - геральдика называется. Ну а теперь давай показывай те значки, на которых непонятные гербы. Лиза показывала пальчиком, а Киреев разъяснял:

- У тебя очень интересные значки. И, я вижу, не знаешь ты в основном про гербы маленьких городов. Сейчас исправим упущение. Так. Это Талдом. Аист в сапоге, говоришь? Нет, это журавль. Городок маленький, а герб у него очень интересный. Сапог изображен потому, что в этом городе люди издревле делали обувь, а журавль тоже появился неспроста: в окрестностях Талдома в лесных болотах журавли, улетая на юг, останавливаются набраться силенок, отдохнуть. Потом они дальше летят. А некоторым так талдомские места понравились, что, возвращаясь с юга, они садятся на эти болота и остаются там выводить птенцов.

- Дядя Миша, а откуда вы это знаете?

- Друг у меня в Талдоме жил, я частенько ездил к нему... Вот тоже интересный значок. Как, думаешь, эта птица называется?

- Не знаю.

- А ты посмотри, как город называется?

- Скопин.

- Ну?

- Так этот город в честь птицы назвали? А я думала, что это сокол.

- Нет, эта птица называется скопа. Но она похожа на сокола. В старину в окрестностях этого города скоп много водилось, вот так город и назвали.

- А это откуда...

- Знаю? У меня в деревне бабушка с дедушкой жили, и мы туда на паровозе ездили по железной дороге, а через Скопин проезжали. В тех местах вообще, что ни город - то интересная история. А названия какие: Сапожок...

- Сапожок? - засмеялась Лиза.
- Сараи, Мичуринск - бывший Козлов, Старгород...
- И вы везде были? - ахнула девочка.
- Не везде, к сожалению. Но зато у меня гербы этих и других городов есть. Я обязательно тебе их принесу. А ты знаешь, что у тебя есть город-однофамилец?
- Как это?
- Ты же Лиза Боброва?
- Да.
- А в Воронежской области есть город Бобров.
- Он прямо так и называется?
- Прямо так. Лиза захлопала в ладоши. Бледненькое личико чуть порозовело, лучики, светившие в глазах, стали еще ярче.
- Мама, мама, иди сюда!
- Что случилось, дочка? - Ира вбежала в комнату с полотенцем в руке.
- Дядя Миша сказал, что есть город, который называется Бобров, как мы.
- А тебе разве папа об этом не рассказывал?
- Нет.
- Ну, хорошо, теперь и ты об этом знать будешь. Все, отпускай Михаила Прокофьевича, мы будем чай пить.
- А я тоже хочу с вами.
- Пить чай?
- Да.
- А давайте мы сюда столик перенесем, - предложил Киреев. Наталья Михайловна поддержала его. Ира не возражала, Лиза тем более.
- Жаль, папа поздно придет, - щебетала девочка, пока взрослые переносили стол вместе с нехитрым угощением из кухни. - Мы пир бы тогда устроили.
- А у нас и сейчас самый настоящий пир. Правда, Наталья Михайловна? - подмигнул Киреев врачу. Раньше у него были дни, когда не хотелось никого видеть, но приходилось с кем-то встречаться, разговаривать. Сейчас же происходило другое. То удовольствие от каждого мгновения жизни перенеслось не только на вещи, предметы, но и на людей. Встречи были редки, но каждая, как по заказу, - душевна и тепла. Кирееву было хорошо. Время от времени он ловил многозначительные взгляды Натальи Михайловны, словно говорящие: "Я же не зря вас сюда привела". Вновь говорили о городах. Лиза застыдила Наталью Михайловну: та рассказала, что родом из Вологды, но вспомнить герб своего города не смогла. Михаил Прокофьевич поведал историю о своем двоюродном брате, который с приятелем, уезжая с Курского вокзала, решил немного выпить пивка, а в результате вместо тульской электрички сел в горьковскую.
- С часик они поспали, а проснувшись, стали думать, куда в Туле пойдут. А рядом бабушка сидела, видимо, глухая. Она у них возьми и спроси:
- Сынки, я к сестре в Петушки еду, не подскажите, скоро ли мне выходить? Брат и приятель на весь вагон начинают втолковывать бабуле, как ей не повезло, и что Петушки - это где-то во Владимирской области, а они сейчас подъезжают к славному городу оружейников - Туле. А поскольку бабка глухая была, скоро в их сторону удивленно смотрел

весь вагон. Когда старушка начала понимать, что она не туда якобы едет - с ней приключилась истерика: "Меня же сестра вечером в Петушках встречать будет, а я в Тулу еду".

- Да, бабуля, - произнес сочувственно мой брат, - старость она ведь не радость. Не видать тебе Петушков, как собственных ушей.

- Это тебе скорее Тулы не видать, - произнес чей-то голос за спиной. Брат обернулся:

- И что вы хотите этим сказать? Пассажир в ответ показал пальцем в окно. Электричка остановилась, а голос машиниста объявил: "...следующая остановка - станция Петушки".

- Вы что, сдурели здесь все, что ли?! - заорал приятель брата. А сам брат позже рассказывал, что от смеха весь вагон буквально лежал - такие у них с приятелем лица были. Но это не самое интересное, - Киреев как опытный рассказчик сделал паузу.

- С ними что-то случилось в Петушках? - спросила Наталья Михайловна.

- С ними-то ничего. Та самая бабуля, вы ее, надеюсь, еще не забыли, вдруг решила выйти вместе с ними. Представляете? Ей все кричат: "Бабуля, ваша станция следующая", а она им в ответ: "В гробу я видела вашу Тулу, лучше сойду раньше".

- И что, сошла?

- Я бы рад соврать, да не буду. Кажется, все-таки ее остановили. Незаметно пролетело больше часа. Чайник разогревали три раза. Неожиданно Лиза погрузилась.

- Тебе плохо, доченька? - тревожно спросила Ира.

- Утомилась, наверное. - Наталья Михайловна поднялась, вслед за ней и Киреев.

- Да, нам пора и честь знать.

- Что вы, я не устала вовсе, - запротестовала Лиза. - Просто... Просто мне грустно стало.

- Почему, дочка?

- Люди такие счастливые: могут путешествовать, в другие города ездить. Если я вылечусь, обязательно буду много путешествовать.

- Ты обязательно поправишься, Лиза. Но Лиза словно не услышала слова матери.

- На юг я ездить не буду, если это для меня вредно. Конечно, море бы мне хотелось увидеть, но что хорошего под солнцем весь день лежать и лежать? Чтобы потом загаром хвастать? Я буду по русским городам ездить. В Скопине побываю, Сапожке, Талдоме...

- Мы с тобой обязательно в Старгород махнем, - непонятно, то ли в шутку, то ли всерьез подхватил Киреев. - А как насчет Боброва, а?

- Туда мы обязательно все поедим. Правда, мама?

- Правда, дочка.

- Интересно, какой он, этот Бобров? Когда они прощались, Лиза протянула Кирееву ладошку - маленькую, почти прозрачную:

- Дядя Миша, у меня первого мая день рождения. Я вас приглашаю. Вы мне очень понравились.

- Ты мне тоже. А за приглашение спасибо.- Киреев был искренне тронут.

- Правда, приходите. С Виктором, нашим папой, познакомитесь. А уж вы, Наталья Михайловна, обязательно должны быть...

Лиза перебила маму:

- И дядя Миша - обязательно, мамочка.

- Я же говорю... Уже на улице неожиданно горячо заговорила Наталья Михайловна. Они с Киреевым не спеша шли к метро, женщина взяла Михаила Прокофьевича за локоть. Он удивился, но вида не подал. А она рассказывала о Лизе, о ее родителях:

- Таких больных у меня еще не было. Я ее солнышком называю. Вроде бы ничего особенного не говорит, а скажет несколько слов, самых простых, улыбнется - и будто вдруг светлее становится. А если бы вы знали, Михаил Прокофьевич, какие эта девочка мучения претерпела. Сейчас ей вроде бы немного полегче - она только две недели, как из клиники вернулась. Заведующий клиникой, профессор Румянцев, - мой учитель, помогает нам. Периодически он Лизу к себе берет.

- А операция?

Наталья Михайловна только махнула рукой:

- Скольким детям такие операции нужны! Про одного-двух снимут сюжет, покажут по телевидению, а народ у нас сердобольный, глядишь, семья деньги на операцию соберет. А как быть остальным?

- Народ сердобольный, а государство?

- Вы же журналист, зачем такие вопросы задаете, ответы на которые сами знаете?

- Умолкаю. Простите.

- Ничего. Я иногда думаю, а за что людям приходится терпеть все эти мучения? Бобровым с Лизой еще в какой-то мере повезло - она не капризная девочка. В других "моих" семьях родителям куда тяжелее приходится. Больной человек, даже ребенок - сами понимаете. Нервная система расшатана...

- Меня это тоже ждет? Наталья Михайловна резко остановилась и посмотрела ему в глаза.

- Вас - нет.

- Вы уверены?

- Когда первый раз увидела - не была уверена. А сейчас... Что-то произошло с вами. Знаете, - она опять взяла его за руку и смущенно улыбнулась, - вы с Лизой чем-то похожи. Как отец и дочь. Правда. Вероятно, поэтому вы так легко сошлись.

- Похожи внешне?

- Нет, здесь вам с Виктором Ивановичем Бобровым конкурировать не стоит, - засмеялась Наталья Михайловна. - А может, чтобы человек стал тем, кем он должен быть, с ним должна произойти беда? Шучу.

В прежние времена Киреев на эти слова ответил бы: "А в каждой шутке есть доля правды", но сейчас ему не хотелось быть банальным. Он молчал. Молчала и Наталья Михайловна. В метро им опять нужно было ехать в разные стороны. Киреев бережно, почти нежно пожал протянутую ему руку.

- Спасибо за то, что познакомили меня с Лизой. Спасибо за поддержку. Давайте обязательно сходим к бобренку на день рождения. Если я буду жив, конечно.

- Куда вы денетесь? А с операцией решили что-нибудь? Лечитесь?

- Сегодня об этом не будем, хорошо? Не обижайтесь, но если бы вы знали, как приятно об этом не думать.

- Я знаю.

- Еще раз спасибо - и уезжайте. Ваши мужики вас ждут, а уже поздно. Внезапно она

качнула головой. Глаза были опущены.

- Я что-то не то сказал? - встревожился Киреев. - У вас неприятности?

- У меня - ничего.

- В каком смысле?

- В самом прямом. Приду домой, а в доме тишина. Одни фотографии со стен на меня смотрят.

- Фотографии? Чьи?

- Мужа и сына. Год назад мы машину купили... Несколько лет копили. Счастливы были - не передать. К морю поехать хотели...

- Наталья Михайловна, я ведь не хотел...

- Ничего. Сейчас боль глуше стала. Тоска острее, а вот боль - глуше.

- Они... погибли?

- Коля с Илюшей? Ехали мы на дачу, под Звенигородом. Коля что-то хотел мне сказать, я не расслышала. Он обернулся и... Машину вынесло на встречную полосу.. До сих пор не могу себе простить, что села на заднее сиденье, а Илюшку вперед посадила.

- Ему сколько было?

- Тринадцать... Неожиданно для себя Киреев поклонился Наталье Михайловне в пояс, а затем, ничего не говоря, не прощаясь, поспешил прочь.

Глава девятая

Иванов Григорий Романович, он же Гришаня, он же Барсук, сидел на кухне у своей старинной приятельницы Юльки и изливал ей душу. Вообще-то в настоящий момент Гришаня, как он сам выражался, "крутил любовь" с другой девушкой, но вчера, после похорон Владимира Николаевича, ноги сами привели его сюда. Разумеется, был риск кого-нибудь здесь встретить, как никак они не виделись почти полгода. Но, с другой стороны, Гришаня, будучи убежденным холостяком, имел удивительное свойство: он умудрялся тихо, без ссор, истерик покидать своих возлюбленных, а потом, так же тихо вновь появлялся на горизонте. Из всех его приятельниц Юлька была самой умной, или, как он сам говорил, "с понятием баба". Правда, это Гришаня понял, только оставив ее.

- Переночевать пустишь? - без лишних предисловий, стоя у порога, спросил Григорий.

- И всего-то? Если только переночевать - иди в гостиницу. Вот девка, даже бровью не повела, будто вчера последний раз виделись.

- Ты же знаешь, я ни от чего не откажусь. - Гришаню было тяжело смутить. Он отодвинул Юльку в сторону и прошел в комнату. - Ты одна?

- А ты не слыхал, я два дня как замуж вышла. Сейчас муж с работы придет.

- Болтаешь. Кому ты кроме меня нужна?

- Так уж и никому? Юлька сделала вид, что обиделась, но Гришаня понял, что, во-первых, мужским духом в квартире Юлии Антоновны Селивановой не пахло, а во-вторых, что он прощен. У нее была черта, которая очень нравилась обычно сдержанному и неразговорчивому Иванову: Юлька, несмотря на то, что любила поприкалываться, умела хранить тайны - и свои, и чужие. В отличие от абсолютного большинства других женщин. В его теперешнем состоянии это было важно. Будучи "бабой с понятием", молодая женщина сначала накормила гостя, затем постелила ему постель, не забыв сама лечь туда. Утром вновь накормила и лишь затем, вымыв посуду и сев напротив него, сказала:

- Ну, рассказывай. Вижу, что-то ломает тебя. Правильно, что ко мне пришел. Это вы, мужики, думаете, что баба только для постели нужна или детей рожать. Рассказывай. И он стал рассказывать. О том, как убили Воронова и погиб хороший парень, его сменщик Пашка Воробьев, у которого двое детишек осталось. И еще о том, что он, Гришаня, вроде бы радоваться должен: в тот роковой вечер ему с хозяином рядом находиться было должно, но проклятый радикулит скрутил и - "я дома три дня провалялся, а тут включаю телевизор, а там такое". Болит все равно душа, болит. Будто и Ворона предал, и Пашку подставил.

- Это ты брось, Барсук, - перебила его Юлька. - Ты первым делом должен был в церковь сходить, Богу свечку поставить. Считаю, что ты второй раз родился... А спина-то как, болит?

- Вроде бы лучше. А что?

- Да так, просто о здоровье справилась... А ведь никакого радикулита у тебя и в помине не было. - Юлька отхлебнула из бутылки пива и, усмехаясь, посмотрела прямо в глаза Гришане.

- Почему это не было? Я и справку могу показать. - Иванов разволновался. - Ты на что намекаешь?

- Да ни на что. Мы с тобой, Барсучок, в постели не в шахматы играли. Уж как ты кувыркался - акробат, ни дать ни взять. А я же не зря почти семь лет массажисткой

проработала, кое в чем соображаю. После приступа радикулита так не кувыркаются, дружок. Гришаня рассвирепел.

- Ты, в натуре, хочешь сказать, что я сейчас тебе лапшу на уши вешаю?

- Именно это и хочу сказать. - Юлька вновь пригубила пива и стала смотреть на него еще наглее. - А справку свою ты у Дмитрича за бутылку достал. Угадала? Ты здоров как бык, Гришечка. Неожиданно он схватился за голову обеими руками. Былого гнева не осталось и в помине.

- Что же мне делать, что же мне делать?

- Прежде всего не скулить. Ты здоровый мужик, а ноешь, как, прости меня...

- Если ты засомневалась в моей болезни, то уж милиция и подавно.

- Слушай, Барсук, мне до работы час остался, а еще собраться надо. Ты либо всю правду расскажи, либо умолкай. Ни шантажировать тебя, ни в милицию бежать я не собираюсь. Только, повторяю, врать не надо. Думаешь, я поверила, что ты по Ворону так убиваешься?

- Он хороший мужик был. Справедливый. И мне по жизни пару раз серьезно помог.

- Царство ему Небесное за это. Только у них, Гриша, у банкиров и прочих всяких олигархов, судьба такая. Много денег - много риска. И он знал, чем рискует. Потому и на охрану свою не скупился. А вот, видишь, и охрана не помогла. Я же не думаю, - она сделала паузу, - что это ты его тогда...

- Что ты, что ты, гадом буду - не я, но...

- Все, хочешь - молчи, а мне пора собираться.

- Сиди. Я расскажу. Думаешь, правду легко говорить? А тут такой случай - даже другу не расскажешь. И в себе все хранить - тоже мочи нет. Короче... Одним словом, виноват я в смерти Владимира Николаевича.

Юлька уже не усмехалась, да и к пиву притрагивалась все реже. А Гришаня, наоборот, выпил полный стакан, вытер рукавом рот и стал рассказывать:

- Я не любопытный, но поскольку всегда рядом с Вороном находился, кое-что знал. Месяца два-три назад у него неприятности начались. Какие-то люди прижимать его стали. Он вначале этому значения не придавал, но потом, видать, дело серьезный оборот приняло. Я как понимаю? Чем больше у тебя денег, тем больше врагов. Воронов своих старых врагов поборол - и успокоился. А в бизнесе это ошибка. И еще какая - я так думаю... Волк старый стал, а молодые волчата подросли и давай из его рта мясо рвать. Владимир Николаевич вначале думал по старым своим правилам с ними бороться. А у них, у волчат этих, правил вообще нет. Беспредельщики, одним словом. Но вначале вроде бы все у них усмирилось. Ворон наш даже немного повеселел, а то нервничал сильно. Даже покрикивать стал

- на меня, на шофера... Раньше за ним такого не водилось. Ну вот. Меня-то это если и касалось, то постольку-поскольку. У нас на фирме есть начальник охраны, а я рядовой исполнитель. Учили закрывать охраняемого своим телом, это - пожалуйста. Работа, привычное дело.

- Хочешь сказать, ты Матросовым работаешь, - опять съехидничала Юлька. - Каждый день шефа грудью прикрываешь?

- Я просто хотел сказать, что есть привычные вещи, к которым человек моей профессии должен быть готов. А вот когда не знаешь, что делать... На этот раз Юлька ничего не сказала, а только погладила Иванова по руке. Тот продолжил:

- Есть у меня кореш. Ты его не знаешь. Года два мы с ним не виделись, а тут вдруг позвонил. Давай, говорит, встретимся, поговорим за жизнь, прошлое вспомним, а заодно дельце стоящее обсудим. Я без задней мысли и пошел на встречу. Договорились в одной пивнушке на Никитской посидеть. Прихожу, а с ним, корешком тем, еще двое. Это, говорит, друзья мои. Выпили мы за знакомство. Поговорили. Говорили в основном мы с другом, те молчали. Я сразу отметил про себя - серьезные ребята. Даже мрачноватые. Слушали они нашу болтовню, слушали, а потом вдруг так спокойно говорят мне: хочешь, мол, и дальше жизнью наслаждаться, Григорий Романович, или подохнуть желаешь? Я вначале подумал, что шутят ребятки. Или водочки перебрали. А они мне дальше спокойно так втолковывают, без затей. О Воронове, о том, что ему скоро конец - серьезные люди за него взялись... Иванов замолчал.

- От тебя-то им что нужно было? Ты же сам сказал, что твое дело во всем этом - сторона.

- Они и били на это. Человек, мол, ты маленький. Мы тебя пожалели - кореш твой словечко замолвил, да и видим, хороший ты парень, правильный. Воронову все равно конец... Попросили они меня рассказать подробно о том, в каких основных местах бывает Владимир Николаевич, как охраняют его.

- И ты рассказал?

- Нет, я побежал к Воронову рассказывать о том, что его пришить хотят, - опять вскипел Барсук. - Это тебе сейчас легко вопросы мне задавать. Шанс мне эти ребята дали, понимаешь, шанс. Выжить. Короче, заваруха какая - особо не думаешь и под пулю лезешь без боязни. А здесь как? Ну, хорошо, послал бы я этих ребят, рассказал бы все Воронову. Он мне - премию в сотню баксов, а утром меня в собственном подъезде грохнули. Тот же кореш и грохнул бы...

- Ладно, успокойся. Потом что было?

- Рассказал я им все. Они посоветовали на ближайшие три-четыре дня больничный взять, что я и сделал. Остальное ты знаешь. Да, в милицию меня сегодня вызвали. К десяти. Задержался я, Юль.

- Подожди. Те ребята на тебя вышли?

- Пока нет.

- Кореш тоже не появлялся?

- После пивнухи я его не видел.

- Знаешь, мне кажется, что все нормально будет. С убийства Воронова сегодня пятый день пошел. Сразу не тронули, значит, не тронут совсем. Это раз.

- Не понял...

- Да тут и понимать нечего. Ты - кто? Свидетель? Нет. Они, думаешь, не понимают, что ты не совсем осел - в милицию не пойдешь на себя заявлять.

- Не пойду.

- Правильно. Теперь о милиции. Справка твоя не липовая. Сергей Дмитриевич не дурак себя подставлять. Радикулит не свинка, никто не докажет, что его у тебя нет. Только ты ходи соответственно.

- А как надо ходить?

- Хотя бы рукой за поясницу держись. И помедленнее топай. Движений резких не

делай. Теперь еще вот что: свидетели у тебя были, что ты три те дня в постели провалялся?

- Конечно. Ко мне и браток мой приходил, и Борька Семенов, и...

- Молодец, подробностей не надо. Так и отвечай, как было на самом деле.

- То есть?

- Не барсук ты, а баран. Не обижайся, я любя. Болезнь твоя, горе твое неутешное, алиби твое - это факт. А встреча в пивной - это...

- Как бы не факт?

- Точно.

Гришаня повеселел. Благодарный, он даже спросил у Юльки, пока она собиралась на работу, о ее житье-бытье.

- Как живу? Как видишь, не бедствую. Но крутиться много приходится. Даже у моих стариков в деревне под Вязьмой. Из салона массажного я ушла. Хожу по клиентам, кому массаж, кому маникюр, кому педикюр делаю. Народ доволен, я тоже не внакладе. Вот если еще и ты не раз в полгода будешь заходить...

- Гадом буду, Юлька. Ты - человек. Я ведь после тебя ни с кем...

- Ладно, не трепись только... Слушай, может, ты тоже подскажешь мне. У меня клиентка есть, жена консула... Страна в Южной Америке, забыла, как называется, то ли Чили, нет, не Чили...

- Бразилия?

- А, не помню. Не важно. Богатая тетка. Говорит по-русски неплохо. Скучно ей здесь, хотя она целыми днями по выставкам шастает, на концерты ходит. Рассказывала мне, что это она мужу карьеру сделала. Муж ее из бедных, а папа у синьоры миллионер.

- А папу зовут дон Педро, он из Бразилии, где много диких обезьян.

- Что-то в этом роде. Что же я спросить у тебя хотела? Ах, да! Ты как-то рассказывал, что у Воронова племянница есть.

- Есть. Софья Николаевна. Ребята говорили, что он воспитал ее.

- Она с картинами связана, иконами, да?

- С иконами? Нет, у нее, как это... галерея собственная есть. "Белая роза" называется. Я был там, смотрел. По-моему, дрянь, а не картины. Или я не понимаю ничего.

- Скорее, верно второе. А иконами она не занимается? Моя клиентка через полгода хочет домой съездить. У них там как раз лето будет, у нас зима. А она не любит зимы нашей.

- Как это - лето?

- Ты в школе географию проходил?

- Да когда это было...

- В южном полушарии все наоборот. Когда там жарко, у нас холодно, и наоборот.

- Понял.

- Так вот, эта синьора мне все уши прожужжала, как она в нашу культуру влюблена. Но покупать иконы в Измайловском парке ей не хотелось бы, мадам слышала, что там могут подделку всучить.

- Юль, не, икон у нее нет, разве что она людей каких знает.

- Поговори с ней, глядишь, мне чего перепадет, если моей синьоре что подыщут...

Гришаня вновь погрустнел, будто вспомнил что.

- Ты что? Впрочем, если трудно, не говори.

- Да это нетрудно. Я вспомнил, как вчера на похоронах она ко мне подошла. Тоже про болезнь спросила. И посмотрела странно так... Я, говорит, не чаяла тебя в живых застать, значит, долго жить будешь. Может, догадывается?

- Брось. Ну, злится, конечно, ты же телохранитель его. Его убили, а ты жив. Что же теперь, тебе прощения у нее просить? Или она тебя с работы попросит?

- Не думаю. Она дядиным бизнесом заниматься не будет, это точно. Свою долю получит - это да. Ворон ее любил, у него ведь ни жены, ни детей не было. Только она. Богатая, стервоза... Слушай, есть икона. Точно.

- Что?

- Икона. Древняя очень. Недели две-три назад мы как раз с Владимиром Николаевичем к Софье Николаевне ездили. Я на кухне сидел с домработницей, а он племянницу умуразуму учил. Вот. А потом икону ей передал. Я еще сам икону из "мерса" нес, только не знал, что это такое - она в бумагу завернута была.

- А откуда ты знаешь, что древняя?

- Разговор их немного слышал. Ворон говорил, что всю жизнь ее искал, что века она очень древнего. Юлька даже подпрыгнула:

- Древнего, говоришь? Здорово! Ты что, ничего не понимаешь?

- Нет.

- Барсук, ты случайно не в Виллабаджо родился?

- Нет, в Москве... Ты опять смеешься?

- Разве что самую малость. Ты рекламу не видел про "Ферри"? Чистят им посуду. В одной деревне умные люди жили, поедят всем миром - и этим "Ферри" посуду давай драить, а их соседи в Виллабаджо...

- Вспомнил! Сковорода такая большая, а они все моют ее, моют... Только при чем здесь я?

- А при том. Голова у тебя для чего?

- Я понял, куда ты метишь, не дурак. Только не продаст Софья Николаевна картину, тьфу ты, икону.

- И не надо. Мы с тобой продадим.

- Не понял.

- Ладно, объясню после. Скажи мне, Гришаня, а икона еще у нее дома или нет?

- Откуда же я знаю?

- Сходи, хороший мой.

- Да ты что? Кражами я не занимался и не буду.

- Не зарекайся. Ты сам говорил, что она богатая. Одной иконой больше, одной меньше. А для нас с тобой это целое состояние. И вот что еще. Когда к ней придешь...

- Да не пойду я к ней.

- Пойдешь. Расскажешь, как переживаешь, как места себе не находишь. А потом за меня попросишь.

- За тебя?

- А почему бы нет? Скажи, хорошая знакомая, ребенка одна растит, добавишь, что я массажистка классная, что могу дома клиенту и маникюр, и педикюр сделать. Я знаю этих дамочек. Из грязи они быстро в князи выходят, им нравится, когда их на дому обслуживают.

Кстати, ты не соврешь - я дело свое знаю. Она довольна будет.

- С чего ты взяла, что ей твои услуги нужны?

- А вдруг...

- Ну а дальше что? Придешь, икону - того... Дальше что?

- Не спеши. Может, иконы у нее нет. Ты, главное, сведи нас. Помнишь, что говорил

Наполеон?

- Ну ты, блин, нашла чего спросить... И чего он говорил?

- Что самое важное - ввязаться в драку, а там видно будет. Гришаня хмыкнул:

- А он прав, пожалуй. И перед самым уходом, уже на пороге спросил у Юльки:

- Ты правда считаешь, что моей вины в смерти Владимира Николаевича нет?

- Правда.

- Все равно его бы... Ведь так?

- Барсук, иди спокойно. Я знаю только одно: если бы убили тебя, он бы не плакал.

- Ну, Юлька, я как заново родился. Все-таки с понятием ты... женщина.

Глава десятая

Странно: чуть более двух недель прошло с того дня, когда начались его мытарства, а Кирееву казалось, что прошло не меньше двух месяцев. Столько всего вместили в себя эти пятнадцать дней! До этого целые годы пролетали, как стрижи над городскими крышами. Или как бекасы над болотом. Образ бекаса, пролетающего над болотной равниной, так понравился Михаилу Прокофьевичу, что вскоре появилась еще одна миниатюра, которую он назвал "Стриж и бекас". Хотя, честно говоря, охоту Киреев никогда не любил, а потому о том, как летает бекас над болотом, не имел ни малейшего понятия.

Еще он был горд тем, что из его жизни совершенно исчезло такое понятие, как "распорядок дня". Как было раньше? Михаил Прокофьевич жил строго по часам - и это при том, что самому ему все происходящее глубоко не нравилось. В одно и то же время он вставал, шел на работу, возвращался с работы, смотрел телевизор, ложился спать. У них с женой был круг приятелей, а потому Киреев знал, когда они пойдут на день рождения Петра Ивановича Кутикова, а когда на день рождения жены Петра Ивановича. Как знал, в какой день кому из родственников пора было посылать поздравительные телеграммы. Временами Киреев ощущал себя запрограммированным роботом. И вот после седьмого апреля, дня, когда он пошел к врачу на консультацию, все резко изменилось. Один день он мог целиком проспать, зато затем всю ночь напролет писал или читал книги. На другой день Михаил Прокофьевич спокойно уходил в Сокольники или Коломенское, гулял, предавался размышлениям. Критически настроенный читатель имеет право задать вопрос о том, на какие деньги жил этот человек, если он не работал. Сам Киреев ответил бы: на гаражные. Случилось так, что буквально на следующий день после памятной для него ночи Михаил Прокофьевич в булочной повстречал приятеля, жившего неподалеку. Тот сначала похвастался: купил машину, а затем посетовал: с гаражом проблема, негде машину поставить. Киреев сначала почти автоматически посочувствовал, а потом вдруг вспомнил, что сам имеет гараж, который стоит пустой почти семь лет. Когда-то они с женой мечтали о машине, копили деньги. В конце восьмидесятых Михаил Прокофьевич, довольно известный, правда в узких кругах, журналист, мог себе позволить покупку хорошего гаража под будущую машину... Что было дальше - рассказывать особо подробно не следует: реформа, резкое обесценивание денег - и об автомобиле пришлось забыть. И вот, купив хлеб и уже готовый распрощаться, Киреев неожиданно даже для себя предложил приятелю:

- А хочешь, покупай мой. Почти новенький.

- Ты это серьезно? Слушай, спасибо, только... Мы, как машину купили, поиздержались...

- Мое дело предложить.

- А сколько возьмешь?

- Ты же знаешь, сколько в среднем гараж стоит? Дели это на два, бери на себя всю бумажную волокиту - и гараж твой.

Приятель, боясь, что Киреев передумает, принес деньги ему на квартиру в тот же вечер. Оба остались довольны. Правда, у любых денег есть одно свойство: они всегда быстро заканчиваются, но Михаил Прокофьевич почему-то не думал, что будет делать, когда эта участь постигнет его "гаражные" деньги. Он просто жил. И еще он ждал нового знака, новой весточки. Где-то подспудно вызревала в его голове простая и радостная мысль: ему суждено

выздороветь. Обязательно. Мысль немножко наивная, как было наивным стремление Михаила Прокофьевича долгими вечерами и ночами дома дожидаться знака. В его сознании отложилось: вечером пришел Арсений, ночью выпал из книги листок с тем стихотворением, той же ночью на кухне он пережил удивительные по своей эмоциональности минуты. А вместо всего этого двадцать второго апреля (про себя Киреев отметил: в день рождения Ленина) пришло письмо из тамбовской деревни, где родились его отец и мать. Там до сих пор, в маленьком домике у речки, спрятавшейся в тени огромных ив (в деревне их называли "оскоря"), жило три дорогих для него человека: две бабушки - Анюта и Елена и сын Анюты Иван. Женщины были сестрами. Анюта была женой брата родного деда Михаила Прокофьевича. То есть его отцу она доводилась теткой, но он, сколько себя помнил, называл и ее, и Елену тетками. Тетка Анюта в войну стала вдовой, но замуж не вышла. Вырастила сына. Позже к ней переехала жить младшая сестра, также потерявшая мужа. К сожалению, в отличие от детских времен Киреев очень редко - последний раз в студенческие годы - виделся с ними. Но любил он их, наверное, еще и за то, что все они были для него последней связующей нитью с прежней жизнью. Жизнью его отца, матери, его предков. Родители Киреева рано покинули отчий дом, переехав в город, но до конца дней своих хранили глубокую привязанность к своей малой родине. Уже много лет не был Михаил Прокофьевич в Поповке. Московская жизнь затуманила образ деревушки на берегу маленькой, но глубокой Ситовки. Но Киреев помнил и пение сверчка длинными зимними вечерами, и вкус топленого молока, и сумрачный свет лампы... Помнил он и теток - веселых, со следами былой красоты и стати. Помнил Ивана, красивого, но очень несчастного парня. Никакая сила не заставила его жениться, не помогли уговоры и укоры матери и тетки. В деревне одни говорили, что на Ивана наслала порчу его бывшая невеста, другие вспоминали атомную подводную лодку, где служил Иван в молодости. Как бы то ни было, но так и остался он холостяком.

Сначала письмо вызвало некоторое раздражение: его звали в деревню, а Киреев был настроен дожидаться "знака" - ведь в его случае счет шел на месяцы. Но затем раздражение ушло, уступив место искренней печали: тетка Лена сообщила, что Анюта при смерти и хочет с ним проститься. Она писала: "Здравствуйте, дорогой наш родственник Михаил Прокопьевич! В первых строках своего письма хочу передать тебе поклон от меня, тетки Анютки, Ивана. Кланяется тебе Зинка Виногушкина, она твоя троюродная сестра, а еще Ванька Сидорин, он тоже тебе троюродный брат, а также бабка Поля. Она на Святки схоронила своего деда. Он дюже болел, с головой у него что-то стало, а потом помер. А у нас тоже не все ладно. Тетка Анютка слегла, говорит, силов никаких нет. А откуда им узяться? Старые мы стали. Ванька пьет. В колхозе денег не платят. За счет хозяйства и живем. Уж и не знаю, что будет. А надьсь Анютка и говорит: пуцай Мишка приедет. Любила она дюже отца твоего, Прокопия Васильевича. Хочет проститься с тобой. Ты уж приезжай, а то вряд ли когда свидимся. Тетка Лена".

И Киреев поехал. Благо, добираться было недолго: несколько часов поездом до Богоявленска, затем автобусом до райцентра Старое, а оттуда на попутке до Поповки. Привез подарков: колбасы, сыра, конфет, купил бутылку водки - для Ивана и сладкого вина - теткам. Дом теток не изменился, все было как много лет назад. В сенях на огромном сундуке лежала бабушка Анюта. Увидела его, попыталась приподняться, запричитала:

"Приехал, касатик! Ой, да тебя и не узнать. И бороду зачем-то отпустил? Неужто раньше времени стариком хочешь стать? Смотри, а то Галина тебя бросит".

Со двора на звуки голосов прибежала Елена. Постарела, но такая же статная, высокая - на полголовы выше Киреева. Обнялись. Первым делом он занялся больной теткой, отказавшись от предложения Лены что-нибудь перекусить с дороги. Оказалось, что все началось с зуба - в местной больнице тетке Анюте вырвали зуб. Придя домой, почувствовала себя плохо - Иван решил, что на мать плохо подействовал наркоз. На следующий день ей стало еще хуже: появилась слабость, вялость, пропал аппетит.

- Послушай, тетя Лен, а грипп или ангина у нее до этого были? - спросил Киреев. Оказалось, что за неделю до того, как вырвать зуб, тетка Анюта как раз и переболела сильным гриппом. Младшая сестра охотно объяснила:

- Простыла она. Вроде бы солнышко светило, а вечерок зябкий был...

- И как она лечилась?

- Да никак. Липовый чай с медом пила.

- А в постели хоть лежала?

- А кады лежать? То корову подоить надо, то поросенку корм приготовить. Я ведь тоже целый день на ногах, не управляюсь одна...

Киреев повеселел:

- Все, Анна Ивановна. Рано ты решила с миром попрощаться. Поживи еще. Жить, небось, хочется?

- Так-то оно так. Да, видать, пожила.

- Тетя Лен, слушай меня внимательно: завтра свезем твою сестру в больницу...

- Не буду я в больнице умирать.

Киреев будто и не услышал возражений тетки Анютки, продолжая спокойно объяснять ситуацию тетке Елене, которая сидела перед ним и беспрестанно вытирала руки передником:

- Иван все на бензовозе работает? Вот он и довезет. И хорошо, что вы мне сразу отписали. Еще недельку бы на сундуке поохала - тогда все.

- Так если б у нее что болело, а то про слабость говорит, есть отказывается, вот мы и решили...

- Ничего ведь не болит, Миша, - подала голос тетка Анютка.

- У тебя осложнение, на сердце осложнение. Понимаешь? Заболела гриппом. Весна, силенок мало. На ногах и здоровому человеку грипп нельзя переносить. Вот он и вызвал осложнение.

- Что же теперича делать? - почему-то начала охать уже Елена.

- Я же сказал - лечить. Я думаю, мы еще успеем. А лечить тетку сейчас же и начнем. Медпункт уже закрыт? Тогда сходи к кому-нибудь из знакомых, кто болеет часто. Нужен антибиотик - любой... Давай запишу, что надо.

- Запиши. У нас за три дома фельшерка живет, Надежда Петровна, мы у нее завсегда чего надо берем.

- Что ж ее не позвали к тетке?

- Миша, я же уже говорила: вроде ничего не болит, а бабка старая. Чего здесь еще думать?

- Так, пишу. Ампициллин или олететрин - это антибиотики, аспирин - это для крови и панангин - для сердца. Хотя он вряд ли у нее есть, я приеду, сразу вышлю вам. Не будет панангина - возьми аспаркам.

Полтора чудесных дня провел Киреев в Поповке. Вечером посидели за столом. Тетка хотела зарезать курицу, но Киреев отказался: "Пусть вам яйца несет". На стол сестры поставили все лучшее, что у них было. Приехал Иван. Постарел, отметил про себя Киреев. Но за столом Иван был молодцом. И ел, и пил хорошо. Михаил Прокофьевич немножко поел, только выпив немного водки. Тетка Лена тоже пила водку - кагор решили не открывать. Единственное, что хотелось Кирееву, - попить холодного топленого молока.

- Как не быть? Сейчас принесу из погреба. Только... Ты, случаем, не заболел? С дороги - и не пьешь. И бледный какой-то.

Долю секунды в Кирееве шла борьба: рассказать или нет. Но затем решил, что незачем понапрасну беспокоить добрых старушек.

- Жизнь, сами знаете, какая. Работать много приходится, видно, устал. Да и язва у меня старая. Иной раз беспокоит.

Тетки спрашивали о жене, о том, когда Киреев станет, наконец, отцом. Михаил Прокофьевич отшучивался:

- Я еще молодой, успею.

- Иван тоже так говорил... Тебе же уже сорок небось, да? За племянника вступился Иван:

- Да что вы к человеку пристали, балаболки? Ты мне лучше скажи, Миша, как нам жить дале?

- Как жили, так и будем жить.

Киреев наслаждался запахом, идущим от стен, пола, слушал сверчка, который, как и двадцать лет назад, о чем-то пел за печкой. О политике говорить не хотелось, но и обижать Ивана тоже. А Иван рассказывал:

- Все перевернулось, понимаешь? В школе вроде одному учили, а сейчас все по-другому. Кто трудится - тот дурак, а ворье процветает. Почему?

- Не знаю.

- Правда не знаешь? Ты же в Москве живешь, журналист... Впрочем, головой это не понять. Посуди сам. У нас же чернозем, тамбовский. Лучший в мире! До одиннадцати метров глубины доходит.

- Да, грязь непролазная. Я с детства помню: маленький дождь прошел - и не выбраться.

- Точно. А знаешь, Прокофьич, сколько мы зерна собираем? По восемь центнеров с гектара. По восемь! И то половину того, что собираем, разворовывают. Или в поле оставляем.

- А колхоз у вас остался?

- Не поймешь, какое-то товарищество у нас. В остальном все по-старому. Куда там - в сто разов хуже. Председатель - царь-бог. Денег не платят.

- Совсем?

- Совсем. Полтора года. Ребята, которые в поле работают, то сенца себе могут привезти, то зерна. А я? В шесть утра уезжаю - и на нефтебазу в Никифоровку. Сто верст туда, сто - обратно. Приезжаю вечером. Без выходных. Ни тетке помочь с огородом, ни для хозяйства

чего сделать. Вот ты говоришь

- завтра мать в больницу везти. А я не могу.

- И отпроситься нельзя? Все равно задаром работаешь.

- Отпроситься? А у нас один бензовоз на все товарищество это гребаное. Сев идет.

Потом покос. Потом уборка. И так цельный год.

- Что же вы не боретесь? За права свои?

- Это негры американские борются, а мы хуже их. С кем бороться? Председатель себе хоромы построил, кучкой прихлебателей окружился, а в район бесполезно жаловаться: он и начальника милиции кормит, и прокурора. Они сюда на охоту приезжают, мясо регулярно в Старое им на квартиры возим. С другой стороны, у кого похороны или свадьба, или сына в армию - идут к председателю, он выписывает мяса, денег дает.

- Да... Но ведь вы, по уставу вашему, его переизбрать должны. Взались бы миром...

- Миша, где у нас в деревне мужики? - присоединилась к разговору тетка Лена.

- Не встревай, тетка, - недовольно поморщился Иван.

- И встряну. Правду гуторю. Где они, мужики? Кто в деревне остался? Проходимцы да пьяницы. Или такие непутевые, как Ванька наш. Таких у нас в Поповке много. Они тихие, слова супротив начальства не скажут. Зато вот за столом - они герои.

- Да не считаю я себя героем.

- И правильно. Вон у нас в соседней Степинке старообрядцы живут. У них тоже начал председатель озорничать да людей обижать - пришли к нему на квартиру вечером человек пятнадцать...

- Да брешешь, тетка. Пятеро их было. Я их всех знаю.

- А хоть и пять. И сказали своему председателю: баловать с народом будешь - вмиг порешим. И ни одна милиция тебе не поможет. А нас всех все равно не посадут.

- Это точно, - кивнул головой Иван. - В Степинке серьезные мужики. У нас другой народ... А вот поди, рассуди: тихий народ, тихий, а друг другу пакости делаем. Ты заметил, я машину внутри двора ставлю?

- Что так?

- Воруют. Сняли у меня передние зеркала, представляешь? Да разве когда такое было?

- Грустные вещи ты, Иван, рассказываешь.

- Знамо, грустные. Комбайны теперь в мастерских не оставляют - к дому подгоняют. Иначе все разберут, до колесика.

- Вот так, Мишенька, и живем, - подвела итог тетка Елена. Но как ни сочувствовал своим родичам Киреев, на душе все равно было хорошо. Будто и не было огромной и светливой Москвы и будто он вновь - молодой паренек, у которого вся жизнь впереди.

- А помнишь, Иван, какие в Ситовке щуки водились? - неожиданно спросил он дядю. - Мой родной дед от вашего дома как раз наискосок жил, на том берегу Ситовки. А однажды мы угря поймали. Его у вас вьюном называют. Мы еще его в бочку положили, и он там жил...

- Эх, обмелела Ситовка. Выше ее по течению такая плотина была...

- Почему была?

- Спустили. Председатель с дружками. Рыбки им захотелось, язви их душу. А сама Ситовка сейчас мне по пояс. Да-а...

На следующий день Киреев переделал уйму дел. Отвез тетку Анюту в больницу. Вместе

с теткой Леной сходил на кладбище, где покоились все его родственники как с отцовской, так и с материнской стороны. Тетка крестилась перед каждой могилкой, а Киреев кланялся. День выдался замечательный. Высоко в небе пел жаворонок. Огромные деревья стояли тихо, как часовые. Могилка дочери тетки Анюты, погибшей в семь лет в результате несчастного случая, поразила его. Скромная ограда. Холмик. Деревянный крест. Но - чудо: крест стал расти и превратился в дерево. Как деревце могло существовать без корней - уму непостижимо.

С кладбища они шли молча.

- Теть Лен, - обратился к спутнице Михаил Прокофьевич. - Я, пожалуй, завтра поеду.

- Как знаешь, Мишенька. А то - поживи чуток.

- Рад бы больше, да надо ехать. А сегодня хочу по окрестностям походить, в дома дедовские зайду: и к Михаилу и к Василию. Ты не возражаешь? А к вам к вечеру приду. Посидим на дорожку, поговорим, а завтра с утра и поеду.

- Поговорим. Ты над нами, неграмотными, не смейся.

- Да я и не собирался, мне нравится ваш говор: гуторить, надысь, осокарь, арпей.

- А как правильно?

- Репей.

- Да ну?

- А мне по-вашему больше нравится.

- Ну и хорошо. Я вечером аржаников напеку, ты любил их в детстве.

- Аржаников? То есть ржаных лепешек? А, вы же говорите аржаная мука.

- Аржаная. С Иваном еще поговорите. А то, глядишь, только к холодным ногам моим и приедешь. Киреев подумал: "Еще неизвестно, у кого ноги раньше холодными станут", но ничего не сказал. На главной улице деревни они расстались: тетка повернула к дому, а Киреев направился в район села, который называли Маревкой. Там когда-то жили оба его деда.

Глава одиннадцатая

У дома деда Михаила, материного отца, Киреева ждало огромное разочарование. Люди, когда-то купившие этот дом, превратили его в сарай для сена, построив себе новый дом, по сравнению с которым изба Михаила Алексеевича Анохина казалась совсем маленькой. А она в памяти Киреева была большой, даже огромной. Вечерами за столом у русской печки собирались до двенадцати человек. Дед Михаил суровостью своей поражал издавших виды односельчан. Говорили, что взрослых сыновей он порол нещадно вожжами. А вот в своем единственном внуке души не чаял. Еще Киреев вспоминал, как целыми днями шел снег, заваливая деревенские дома по крыши. И как они с дедом выбирались через чердачное окно на улицу, расчищали проходы к дому. Высота проходов была выше роста взрослого человека...

И вот теперь перед ним грустно стоял чуть-чуть покосившийся маленький домик с крошечными оконцами. Острой тоской полоснуло по сердцу. Его увидели. Киреев коротко объяснил коренастому мужику в треухе, почему так долго стоит перед домом. Мужик любезно пригласил Михаила Прокофьевича пройти на усадьбу - "кое-что от старого хозяйства Михал Ляксеича осталось". Во времена его детства в этом саду росли яблоки сорта анис. Летом яблоки были жесткие и невкусные - они поспевали осенью, но в пору летних ливней, когда одновременно на сад, речку, ульи и дом с неба лились потоки воды и солнечного света, как чудесно блестели темно-розовым цветом под дождем и солнцем яблоки аниса... Михаил Прокофьевич представил на секунду, что тех яблонь в саду он тоже не увидит, - и отказался от предложения нового хозяина усадьбы. Впрочем, одна просьба у него была: на окнах старого дома остались наличники, сделанные дедом Мишей.

- Можно один оторву, возьму с собой на память?

- А хоть все бери. Зачем сараю наличники? От дома другого деда, Василия Ивановича, вообще не осталось следа. Грустный, Киреев тихо шел вдоль длинной деревенской улицы в сторону выгона. Со встречными людьми здоровался. Старушки торопливо отвечали, а когда Киреев проходил дальше - останавливались, козырьком прикладывали руку ко лбу и долго смотрели ему вслед, стараясь вспомнить, к кому мог приехать этот бородач. И лишь одна женщина напомнила ему прежних деревенских старушек, бойко крикнув вдогонку: "А ты чей будешь?" Объяснив свою родословную и со стороны отца, и со стороны матери, он пошел дальше, не сомневаясь, что к вечеру о его приезде будет знать вся Поповка. Поповка находилась в той части Тамбовщины, где леса не было, а бескрайние поля отличались ровностью обеденного стола - ни малейшего бугорка. На самом краю горизонта виднелся островок деревьев - значит, там находится деревня. Наверное, Пальное. На взгляд - до нее километров пять. Дойдет ли он? Киреев решил. Желудок болел как обычно, грусть от увиденного переполняла сердце, но шагалось легко. Впрочем, он и не спешил особо. То и дело присаживался на молоденькую травку, любовался облаками на огромном небе. А однажды просто уселся под большую березу и просидел под ней больше часа. Просто так просидел, ни о чем не думая. Грусть постепенно растаяла. Все, что бережно хранилось доселе в памяти, изменилось или исчезло совсем - так что из того? Ведь это же было, это осталось в сердце, в памяти. Как остались его родители, деды. Значит, это так же реально, как вот эта береза, это облако. Оно сейчас уплывет за горизонт - но ведь оно существует в

данный момент, он любит им. В такие минуты Киреев жалел, что не умеет рисовать. Облако на самом деле было замечательным: огромное, похожее на цепь из нескольких горных вершин. В Пальное он пришел поздно. В деревушке было домов семь-восемь - не больше. От отца Киреев слышал, что где-то здесь живут его дальние родственники, но ни искать, ни спрашивать о них не стал. Киреев уже собирался повернуть назад, как на самом краю деревни увидел несколько старых вязов и лип и еле-еле видневшуюся из-за их молодой листвы колокольню. Церковь? В этом медвежьем углу? Наверное, недействующая, просто хорошо сохранившаяся. И в этот момент на колокольне зазвонили - начиналась вечерняя служба.

Живя в городе, Михаил Прокофьевич в церкви не был ни разу. Он не любил чувствовать себя неловко. Боялся смущать верующих людей своим любопытным взглядом. Другим же свое категорическое нежелание входить в храм объяснял чуть ли не идеологическими причинами: "Христос проповедовал отказ от богатства, а у них в церквях золото да полы мраморные. А на священника посмотришь - уж какой там аскетизм...". А на иконы, которые Киреев высоко ценил и считал основным вкладом России в мировую культуру, можно было спокойно любоваться и в Третьяковке. И вот он стоял перед дверями храма в невидимой миру борьбе: "Вернуться домой? Тем более что тетка Лена, наверное, уже беспокоится, куда я запропастился. Или зайти на минуточку?" И он вошел, ступая осторожно-осторожно, будто желая остаться незамеченным. Внутри церквушка оказалась совсем крошечной. Полумрак. На возвышении около царских врат - священник. Две старушки у правого окна. Одна что-то читает. Видимо, это хор, догадался Киреев. Знания его в церковном устройстве были равны нулю. Еще он догадался, что в руках у священника кадило. Почти в самом центре стояла высокая узкая тумбочка, на ней икона. Отчего-то икону покрывала черная кружевная салфетка. Все это Михаил Прокофьевич увидел в доли секунды. Все трое обернулись в его сторону. Первое желание - повернуться и уйти. Но он, опустив глаза, остался стоять. В конце концов, ну и пусть не буду креститься и бить поклоны - я же имею полное право здесь находиться, подумал он. Но неловкость не проходила. Священник стал махать кадилом, расхаживая взад-вперед перед алтарем. (Киреев догадался, что за царскими вратами и фанерной перегородкой, на которой висели иконы, находится алтарь - самое святое место в храме. Еще он читал когда-то, что в алтарь не могут заходить женщины.) Запели старушки. Голоса их были тоненькие, пели они на церковно-славянском. Отдельные слова Киреев понимал, но целиком смысл песнопения не улавливался. Как это было далеко от рахманиновской "Всенощной" в исполнении одного из московских хоров - эту пластинку, привезенную ему из Болгарии, Михаил Прокофьевич любил слушать в молодости, правда, предпочитая все-таки музыку Баха и Вивальди. Он постепенно осмотрелся. Убранство храма, можно сказать, убогое. Икон по стенам мало. Роспись сохранилась фрагментами. Под стать церкви - священник. Маленький, худенький, лет пятидесяти пяти. Сивого цвета бородка. Большая лысина. Стираная-перестиранный ряса, из-под которой торчат брюки, заляпанные грязью. Старомодные ботинки. Нет, ни малейшего осуждения или брезгливости в мыслях Киреева не было, просто он привык фиксировать малейшие детали. Михаил Прокофьевич знал, что они очень красноречиво говорят о человеке. Неожиданно для него священник спустился с возвышения и стал обходить помещение, не переставая размахивать кадилом, из которого струился легкий дымок. Киреев растерялся: что надо делать? Почему я

не ушел сразу? Михаил Прокофьевич успел заметить, что, когда священник махал кадилом в сторону старушек, он им поклонился слегка, они поклонились ему. Священник все ближе. Помахав в сторону стены, повернулся к нему. Поклонился. На какую-то долю секунды глаза их встретились. Взгляд у человека в рясе был внимательно-испытующий, но одновременно мягкий, будто говорящий: не знаю, кто ты есть, мил человек, но стой себе на здоровье, нам ты не мешаешь.

Что произошло потом, Киреев не мог объяснить даже самому себе. В голову ударил запах ладана. Он, обрадовавшись, что креститься не надо, отвесил священнику глубокий поклон и повернулся в сторону алтаря. На него с иконы смотрели Богородица и Ребенок, которого она держала на руках. Мастерство иконописца, Киреев успел это заметить, оставляло желать лучшего, краска была нанесена не на грунт, а прямо на доску, от этого цвета на одежде Богородицы выглядели аляповатыми, никакого фона и в помине, но глаза... Михаилу Прокофьевичу пришла в голову мысль: глаза этого старичка и глаза Божьей Матери чем-то схожи - внимательно-испытующие и добрые. Только Она их не опускала, а продолжала смотреть на него. И от этого взгляда нельзя было укрыться, но он и не хотел. А дым от ладана клубился в сумеречном воздухе, мерцали свечи, пели старушки, что-то возгласил священник - голос как у старушек, такой же дребезжащий и тонкий. Вот и все. После в памяти Киреева наступил провал. Он не помнил ничего. Видел только эти глаза. Огромные, печальные. Киреев почувствовал себя маленьким и беззащитным. Голоса старушек стали удаляться, удаляться и вдруг превратились в ангельские - чистые-чистые, заполнившие собой всю церковь, всю его душу и, казалось ему, весь мир. А в центре этого огромного мира стоял он - маленький, глупый, беззащитный. Меньше того таракана на его кухне. Жалкий и смешной. И Она - прекрасная и печальная. Неужели Она обратит на него Свой взор? А Богородица и Ее Сын смотрели на него, жалкого и ничтожного, с огромной любовью.

Так, говорят, бывает перед расстрелом: вся жизнь Киреева промелькнула перед ним, как на экране. "Ну иди же, иди" - слышалось ему в этих голосах, от которых на сердце становилось сладко-сладко. Будто льдинки, сковывавшие сердце, отлетали, тая, одна за другой. Неожиданно Киреев как бы увидел весь мир с высоты птичьего полета. Голубые нити рек, зеленые островки лесов, желтые квадраты полей - и что-то огромное, белое, похожее на платок, покрывало всю землю. Он плакал, повторяя одно слово: "Прости! Прости! Прости!". И какая сладость была в этих словах, в этих слезах... Горькое осознание своей ничтожности сменилось радостью. Ибо он понял, что Та, Кто опускает на землю этот плат, любит его и такого - маленького и беззащитного. Ему захотелось также петь и славить... Кого? В тот момент Киреев об этом не думал. Он просто плакал, и ему казалось, что он бежит - к этим глазам, к этому свету...

Чья-то рука осторожно легла ему на плечо. Киреев вздрогнул.

- Молодой человек, служба закончилась, церковь закрывается... Михаил Прокофьевич удивленно смотрел на священника, с трудом понимая смысл сказанных им слов.

- Простите?

- Мы закрываем... Служба закончена. Вы приезжий? Кирееву совсем не хотелось разговаривать. Он только кивнул. Священник спросил что-то еще, но Михаил Прокофьевич, сказав "спасибо", отправился к выходу. Перед самой дверью еще раз оглянулся, словно

стараясь запомнить изображение Матери с Младенцем. Вышел. На улице было темно. Две старушки стояли поодаль и о чем-то разговаривали. Вновь возле него возник священник. Тихим голосом спросил:

- Вы в порядке? С вами ничего не случилось?

- Случилось. Только не спрашивайте меня ни о чем, хорошо? И еще. Как называется ваша церковь?

- Никольская.

- Спасибо. До свидания.

- Идите с Богом! - донеслось до него, и он почти бегом припустил в сторону Поповки. Добрался домой Киреев быстро. Но все равно Иван и особенно тетка Лена встретили его упреками: "Мы уж волноваться начали".

- Прогулялся. В Пальное сходил... В церковь зашел.

- На вечерне был? - Елена всплеснула руками. - Нешто в Бога веруешь?

- Нет... Не знаю. Просто сходил. Да ничего особенного. Давайте лучше потрапезничаем перед завтрашней дорогой.

- Так стол давно накрыт, тебя ждем. После ужина тетка опять было принялась расспрашивать Киреева о его житье, о родственниках, но ему по-прежнему хотелось молчать. Его ум упорно пытался осмыслить происшедшее. Гипноз? Не похоже. Что же тогда это было?

- Тетка, Иван, расскажите мне про пальновского священника. Что это за человек?

- Отец Георгий? Хороший человек, но, говорят, слаб на это дело.

- Кто это говорит? - возмутился Иван.

- Евдокия Иван-Степанычева говорила. Она пальновская. Зачем ей брехать?

- А затем, что все вы, бабы, языком чесать любите. И совсем он не слаб. Выпивает в меру, наша религия это позволяет.

- Почему же его тогда в нашу дыру перевели? Люди рассказывали, что он в большом городе служил, зачем его в нашу дыру сослали?

- А ты думаешь, среди церковников интриг нет? - не сдавался Иван. - Какой-нибудь молодой семинарию закончил, чей-нибудь сын, для него место освободили. А что Георгий? Он тихий человек. Жену похоронил, дети разъехались. Вот он и приехал к нам. Может, и выпивает от тоски.

- Про это ничего не скажу. А Дунька сама рассказывала, что к Георгию какие-то бомжи ходят...

- Бомжи? - удивился Иван.

- Ну, бродяги... Странные какие-то люди. Вот они и бражничают. Видал, какой он отекий ходит?

- А ты увидела!

Киреев не хотел становиться причиной ссор хозяев и немного сменил тему:

- Теть Лен, а почему в церкви народу никого не было?

- А кому там быть? Завтра воскресенье - поболее будет. Но раньше в основном наши, поповские, туда ходили, а ноне и у нас церковь работать начала, из Мичуринска батюшка по воскресеньям ездит. А откуда в Пальном народу взяться?

- Ну вот, объяснила. Завтра придет народ. Федоровские ходят, балабановские. Хотя...

Мало, конечно.

Видя, что Иван согласился с ней, пошла на уступки и тетка Лена:

- Человек он и впрямь хороший. И проповеди душевные говорит. А что бродяги к нему ходят, может, и впрямь бабы брешут.

Они еще о чем-то говорили, но Киреев уже засыпал. Увидев это, разбрелись по своим уголкам и хозяева. Ему, гостю, выделили кровать, на которой никто не спал. Иван вообще не стал раздеваться и лег на печке, на сундук, освобожденный теткой Анюткой, отправилась ее младшая сестра. Со стен на Киреева смотрели фотографии молодых Ивана, Елены, Анны. Запел свою ночную песенку сверчок. Тикали ходики - эти часы были старше Киреева, но ходили так же справно, как много лет назад. Все как в далеком беззаботном детстве, не хватает только звуков гармошки за окном и звонких девичьих голосов. Но не хватает не только этого. Тогда, в детстве, юный Миша был уверен, что каждый следующий день будет лучше предыдущего. А потому хотел, чтобы скорее наступило завтра. Сегодня он желал обратного. Чтобы не кончался этот вечер, чтобы подольше тянулось каждое его мгновение. Теперь он хорошо знал: завтрашнего дня может и не быть. Для него, тетки Анютки, тетки Лены... Сегодня в церкви его мир - внутри и вокруг него, раньше понятный и легко объяснимый, раскололся. Кто-то повернул трубочку калейдоскопа. Или снял еще одну повязку с глаз. Смутно он догадывался, что начинает смотреть на окружающий мир другими глазами. Глазами, на которых больше не было повязки... И совершенно неожиданно для себя он произнес слова, которые не говорил никогда, но которые давным-давно слышал от бабушки. Та, засыпая, всегда произносила шепотом: "Слава Тебе, Господи. И спасибо за все!" И он тоже произнес эти слова. Произнес и, словно застыдившись, прислушался. Но все оставалось по-старому: пел сверчок, тикали ходики, а с освещенной луной стены смотрели на него молодые хозяева этого дома.

Глава двенадцатая

Себя перебороть, переродиться,
Для неизвестного еще служенья
Привычные святыни покидая, -
И в каждом начинании таится
Отрада благостная и живая.
Все круче поднимаются ступени...

Когда Киреев повторял под стук колес скорого поезда ставшие любимыми строки и пытался объяснить себе, что же произошло с ним в маленькой сельской церквушке, Софья Воронова решала для себя самый главный на тот момент вопрос: идти ей на день рождения Аллы Петровой или нет. Покойный дядя учил ее, что решение можно принимать сколь угодно долго, но, приняв его, ни в коем случае нельзя жалеть о выборе. С одной стороны, не прошло еще девяти дней после смерти Смока. Целый год носить по нем траур, как безутешная вдова, Софья не собиралась, но все-таки: удобно ли идти на день рождения ей, племяннице недавно убитого человека? Причем она с каждым днем все более и более скорбела об утрате, понимая к тому же, какой опоры в жизни лишилась. Но тот же Смок подсказал когда-то ей средство от невзгод и житейских бед: "Займись делом, любимым делом. Войди в него без остатка - и любая скорбь отступит". Она так и сделала. И это помогало - пока она занималась делами. А вечером печаль возвращалась. Ей захотелось на кого-нибудь опереться, поплакаться спокойному, рассудительному человеку. И чтобы он был похож чем-то на дядю. Вспомнила про Алекса. Этот мальчик у нее хоть и задержался дольше остальных, но и к нему Софья серьезно не относилась. Но в тот момент, когда душевная пустота от утраты не давала покоя, она позвонила ему. Примчался он сразу, не успев толком сказать "добрый вечер", схватил ее за задницу и потащил в постель. Вот тебе и излила душу! Впрочем, Софья не подала вида, что разочарована. Более того, в постели постаралась быть очень нежной с мальчишкой: она поняла, что это их последняя встреча. Когда Алекс расслабился и закурил сигарету, отрешенно глядя в потолок, Софья неожиданно спросила его:

- Алекс, я тебя все по имени называю, а фамилию твою не знаю.

- Хочешь сменить свою? Я не возражаю. Только моя не слишком благозвучная - Слесарев.

- Алексей Слесарев. Разве плохо звучит?

- Алекс, просто Алекс - лучше.

- Ну, что ж, просто Алекс, давай прощаться. Он оторопело посмотрел на нее.

- Что случилось?

- Бал окончен, свечи погасли.

- Но я же... я же не игрушка. Поиграла - бросила? Скажи, что ты шутишь.

- Все, что делается в этой жизни, Лешенька, делается к лучшему. Ты можешь не быть игрушкой - если оденешься, поцелуешь меня в щечку и уйдешь. Навсегда.

- Но объясни, почему?! - Алекс чуть не плакал. Его большие карие глаза и впрямь налились слезами. - Ты только что была такая... нежная.

- Мне трудно объяснить. Когда ты пришел сюда - у тебя был шанс.

- Какой шанс?

- Остаться здесь надолго. Может быть, навсегда. Но я ошиблась. Одевайся. Он психанул. Одеваясь, то сыпал упреки, то давал обещания, не известно, правда, кому:

- Сначала звонит: приходи, дает себя трахнуть, а потом, как собачку...

- Ты ошибаешься, дорогой.

- Что?

- Это я тебя трахнула.

- Ну, ладно, ты еще прибежишь ко мне. Плохо ты меня знаешь. Сама приползешь, вот увидишь. Софья равнодушно слушала его причитания. Когда он оделся, спокойно спросила:

- На дорожку коньячку выпьешь? Хороший коньяк, армянский. Настоящий.

- Пошла ты со своим... - И он выскочил из квартиры. Это было вчера. А сегодня она вновь и вновь думала о предстоящем дне рождения Аллы. Была в этом деле и другая сторона медали. Подруге исполнится сорок один год. Прошедшую дату - сорок лет - из суеверных соображений Петрова отмечать не стала, и Софья ее тогда поддержала: "Мы с тобой в следующем году свое возьмем. Пир на весь мир устроим". Кто знает, стоит верить суевериям или не стоит, но для Аллы год выдался непростым, и она, на взгляд Софьи, с честью вышла из всех передряг. День рождения себе Петрова заслужила. А близких друзей у этой пусть взбалмошной, суетливой, но все-таки доброй и верной женщины было мало.

Все перевесил звонок Алле воскресным днем. Софья поздравила подругу, пожелала ей счастья. Алла, поблагодарив, неожиданно робко спросила:

- Сонюшка, ты... придешь? Я понимаю и не обижусь, честное слово. А может, перенесем мой день рождения, а?

- Глупости не говори.

- Нет, правда. Жизнь, как у желудя: не знаешь, с какой ветки свалишься и какая свинья тебя съест. Только чуть-чуть просвет наступает - и опять тебя по голове.

- Не переживай, у Воронова была своя жизнь, у тебя своя. Не должна ты свой праздник отменять. Ты что, плачешь?

Петрова действительно всхлипывала.

- Прекращай. У нее такой день, а она воду разводить вздумала.

- Сонь, у меня ведь беда...

- С дочерью что-то случилось? Что же ты молчала?

- Нет, с Наташенькой все в порядке. Собиралась ее в июне в Анталию свозить. Сама отдохнуть хотела. А то я, кроме базаров стамбульских, ничего в Турции не видела. Челнок челноком, одним словом.

- Так поезжайте. Слушай, прекращай реветь. Объясни все толком.

- Я деньги потеряла, - Алка взревела в голос.

- Понятно. И много?

- Много. Три тысячи баксов. Только поменять успела рубли.

- Алка, успокаивайся и слушай меня. В жизни есть только одна неразрешимая проблема - это когда человек умирает. Пока он жив - все поправимо. Нашла о чем реветь. Обидно, конечно, но не смертельно. Я тебя ссужу деньгами - отдашь, когда сможешь. Можешь частями, а не отдашь - не обижусь.

- Сонь, да ты что? Правда? - Алла на секунду прекратила всхлипывать, затем заревела

опять: - Так я еще паспорта, и свой, и Наташки, потеряла. Представляешь?

- Ну ты даешь, подруга. Как же ты умудрилась?

- На работу зашла. Ко дню рождения продуктов купила. Пакетов много было. А деньги, паспорта в маленькой сумочке лежали.

- Срезали, что ли?

- Нет. Мы с Тоней Шишкиной, ты ее знаешь, на бульваре посидели, покурили. Вот. Посидели, потрепались, а сумки все я от себя в сторонку положила.

- И дальше?

- А дальше встали и пошли. Может, сумка упала с пакетов, может, что еще... Я пакеты в обе руки, села в машину - и домой. Приезжаю, первым делом за деньгами полезла, а их нет. Ой, какая же я дура!

- А когда это все случилось?

- Два часа назад...

- Постой, а может, сумочка в машине лежит, под сиденье упала.

- Мы с Наткой все перетрясли, везде искали. Я уже и на бульваре побывала.

- Какой, кстати, бульвар?

- Волжский. Рванула туда, а вдруг, думаю, сумочка лежит там? Разбежалась, дура. Господи, ну почему мне так не везет?

- Ты же сама сказала почему.

- Почему?

- Ты сама сказала - почему. Судя по возникшей паузе, Алла решала, обидеться ей на "дуру" или нет.

- Что же мне делать, Соня? - Петрова решила не обижаться.

- Вечером встречать гостей. Ты уже приглашения всем направила. Ведь так?

- Обзвонила вчера, обещались семеро, если, конечно, ты придешь.

- Куда же я денусь? У меня, кстати, есть хороший знакомый в паспортном столе твоего округа. Думаю, решим проблему.

- Ой, что бы я без тебя делала, солнышко ты мое. Вороненок, а у меня тебе сюрприз есть.

- Какой еще сюрприз?

- Вечером увидишь. Целую, мне готовиться надо. Пока.

* * *

Почтительно относясь к годам, уважительно - к месяцам и неделям, снисходительно к часам, люди совершенно не замечают минуты. И напрасно. В нашей жизни все решают именно они. В тот момент, когда обезумевшая от потери Алла Ивановна Петрова лихорадочно бегала от одной скамейки на Волжском бульваре к другой, она и не догадывалась, что всего лишь пять минут назад маленькая сумочка из натуральной кожи светло-коричневого цвета спокойно лежала на земле, никем не замеченная. Впрочем, народу на бульваре было мало, а дворник Михеев, в чьем ведении находился этот участок, выполнил свою работу задолго до того, как тогда еще абсолютно довольная жизнью Алла Ивановна трепалась на скамейке со своей подругой. Итак, пять минут назад на скамейку присел среднего роста, средних лет мужчина. Это был Михаил Прокофьевич Киреев. Он никому не мог бы объяснить, почему он пришел именно на эту скамью. Случайность - скажет кто-то.

Судьба - возразит другой. Нам же только остается констатировать факт: он присел на краешек скамьи. "Сейчас отдышусь - и пойду дальше", - думал Киреев. Чувствовал он себя плохо. Во-первых, не выспался. Иван повез его в четыре утра в Богоявленск, где ему повезло - почти сразу удалось сесть на поезд, идущий в Москву. В поезде прикорнуть, разумеется, не удалось. Во-вторых, у него дико болел желудок. Вдобавок еще в дороге Киреева буквально вывернуло всего наизнанку. Наверное, топленька не пошла, решил он. Но тошнота не проходила. Тетка Лена, провожая, обещала писать. А еще попросила передать небольшой гостинчик сестре своего покойного мужа. Сестра жила на Волжском бульваре. Только что Михаил Прокофьевич выполнил поручение. Задерживаться в гостях у незнакомых людей не стал, а поспешил к ближайшей станции метро. Тошнота опять подступила к горлу, и он решил идти к метро не по улице, а бульваром, надеясь в случае повторения неприятности меньше привлекать к себе внимания. Так он оказался на скамье.

Сумочку Киреев увидел почти сразу, как только сел. Маленькая сумочка из натуральной кожи светло-коричневого цвета. Он почти инстинктивно осмотрелся по сторонам. Невдалеке прогуливалась молодая женщина с мощным ротвейлером, чуть поодаль два паренька пили пиво. И все. Никого. "А если там бомба? Дурак! В женской сумочке, да и проводов не видно. Больно много ты понимаешь в бомбах. Часовой механизм и все. А кого, простите, здесь взрывать? Меня и этого ротвейлера? Представляешь, через три дня в Москве траур - по мне и ротвейлеру". Внутри Киреева два разных "человека" завели разговор. Пока они спорили, Михаил Прокофьевич очень осторожно поднял сумочку. Он демонстративно положил сумочку на колени, чтобы ее было видно, и окликнул женщину с собакой:

- Вы не подскажете, который час?

- У меня нет часов, - в голосе женщины послышались кокетливые нотки. Все понятно, рассудил один "человек", одинокая.

- А какая у вас красивая собака. Как ее зовут? - не обращая внимания на "человека", продолжал спрашивать Киреев.

- Берта, - хозяйка собаки хотела сказать что-то еще, но Берта рванула что есть мочи, увидев впереди тощую черную кошку. Вместе с собакой рванула за кошкой женщина, крича: "Стой, маленькая, стой". На сумочку она не обратила никакого внимания. "Значит, не ее. Открывай". - "А почему она тяжелая такая? Косметика столько не весит. Теперь уже без Берты взлетим". - "Дураком быть не стыдно, стыдно быть трусом. Открывай". Киреев открыл. Деньги. Много денег. Сотенные долларовые купюры были аккуратно перевязаны красной резинкой. Раз, два, три, тридцать... Умножаем на сто. Ого! И еще чьи-то паспорта. Опять-таки почти инстинктивно Киреев закрыл сумочку и быстро пошел по направлению к метро. На ходу стал смотреть паспорта.

Петрова Алла Ивановна, адрес, год рождения. Почти ровесница. Манукян Наталья Владимировна, видимо, дочь. "Все ясно, гремучая смесь: новые русские и новые армяне, денег - куры не клюют. Старик, а ведь это шанс. Ты же никогда таких денег в руках не держал". - "Неудобно как-то, чужие ведь". - "Но ты же перестал верить в случайности. Деньги в руки к тебе неспроста пришли. Теперь и на операцию хватит, и на лекарства самые хорошие. Вот он - знак". - "Но если это знак, почему кроме денег в сумке и паспорта этих женщин? Чтобы я потом совестью мучился?" - "Брось антимионии разводите. Чувствуй себя Робин Гудом. Деньги, небось, ворованные". - "А если нет? И если она одна дочь растит - у

нее ведь другая фамилия. Вдруг она дочери на операцию собирала?"

- "Ты на их фотки посмотри - цветут и пахнут. Хорошо. Другой вариант: отошли им по почте паспорта и пятьсот баксов. Остальные твои - комиссионные". - "А Лиза?" - "Что Лиза?" - "Ей деньги нужнее, чем мне. Я все-таки пожил, а ей восемь лет". - "У нее отец и мать есть. Ну, хорошо. Отошли Манукянше только паспорта, деньги раздели с Бобровыми. Почувствуй себя и Робин Гудом, и Санта Клаусом. В одном флаконе. Ты сам посуди, кто тебе эта Лиза? Никто. Посмотри вокруг, таких детишек - больных, брошенных, умирающих - тысячи. О себе подумай, Санта Клаус. Если операцию делать не хочешь, купи путевку куда-нибудь на Кипр. Ты же последний раз на море лет десять назад был, да и то - на Азовском. Поживи перед смертью как человек". - "Но они же чужие". - "Заладил... Ты помнишь, что в "Бравом солдате Швейке" Гашека говорится об одном придурке, который нашел деньги, а затем их вернул?" - "Помню". - "Делай выводы". - "Мне мысль одна в голову пришла". - "Надеюсь, правильная? Говори". - "Когда я, читая тетрадь Арсения, размышлял об искушении, помнишь?" - "Конечно. Ты еще думал, что это препятствия на пути. Умничал, одним словом". - "Точно. Как легко в постели лежать и рассуждать о трудностях пути". - "К чему ты клонишь?" - "К тому, что, похоже, путь мой начался. С Поповки, вернее, даже с Пального. С той церквушки. Я думал, путь - это облака в небе, березка на обочине, трясогузка, сопровождающая тебя в пути. Устал - отдохнул - и дальше пошел". - "А разве не так? Правда, вместо облаков тучи могут быть, а так все верно". - "Не совсем так. Да, облака. Да, береза. И вот этот кошелек". - "Думаешь, искушение?" - "Еще не знаю". - "А для чего?" - "Помнишь, у Ельчанинова: "Что умножает в нас духовную силу? - Преодоленное искушение". - "Конечно, помню. А ты помнишь известную побасенку про одного верующего человека? Их деревню наводнение разрушило. Жителей деревни спасают, а этот отказывается от помощи: меня Бог спасет. К нему одна лодка приехала, вторая, третья, а он знай себе талдычит: меня Бог спасет. И утонул. А на том свете претензии к Богу предъявлять стал: мол, чего ж ты не спас меня? Господь ему отвечает: кто за тобой три лодки посылал, ты не подумал?" - "И к чему этот пример?" - "Да все к тому же: ты не подумал, что этот кошелек - лодка, посланная за тобой? Не смейся! Ты за эти недели понял больше, чем за всю прожитую жизнь. Значит, вовремя тебе болячку послали. Но ты же, Кира, сам чувствуешь: Он тебе поможет. А как без лекарств, без лечения, без денег это сделать? Поплачешь перед иконой - и все как рукой снимет, да?" - "Не расходишь. Я же просто думаю, ничего ведь не решаю. Мне понравилось твое сравнение про кошелек и лодку. Но почему там фотографии этих женщин были?" - "Ты уже достал, старик. С каких пор ты коммунистом стал?" - "При чем здесь это? Хотя, знаешь, в прежней жизни больше справедливости было". - "Соглашаюсь. Но это утопия, когда каждый человек и счастлив, и богат, и здоров. Понимаешь? Утопия! О себе думай, о себе. Как в той тетрадке написано, помнишь?" - "А именно?" - "У Серафима Саровского. Святой человек был, значит, знал, что писал: "Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи". - "Так он в другом смысле "спасись" подразумевал".

- "А пусть и так, только не живя, не существуя, можно вообще быть кем-то для других? То-то и оно".

- "Это действительно тяжело". - "Ты о чем?" - "Об искушении. Помнишь, каким счастьем для меня были заработанные сто долларов? Да что там сто, за десять пахал, как вол, писал всякую чушь". - "Конечно, помню. Сейчас в твоих руках три тысячи. Отошли

паспорта. Поверь, они рады будут и благодарны тебе бесконечно". - "А дальше что?" - "Как что? Вперед с песней по жизни. Забыл, как тебя рвало сегодня утром в поезде? Смотри, завтра хуже может быть. Ты же пока одну но-шпу глотаешь - это все равно что мертвому припарки. Берем деньги? Отвечай наконец. Есть такая мудрость народная: выбор сделаешь, легче станет". - "Ты прости меня, но, кажется, я его уже сделал". - "Выбор?" - "Да". - "Поздравляю, а почему - прости?" - "Отдам я эти деньги. Только молчи. Знаю, дурак я. Но хреново на душе становится, как только представлю, что я их себе оставил. Радости нет. Понимаешь?" - "Радости захотел? Она после придет. Когда вылечат тебя". - "А ты думаешь, что богатые не умирают? И с чего ты взял, что три тысячи долларов - это большие деньги?" - "Для тебя - большие". - "А для рака? То-то и оно. Все, давай закончим". - "Хорошо. Только у меня просьба одна". - "Какая?" - "Делай, что хочешь. Только как там, в рекламе?" - "Сделай паузу?" - "Сделай. Хотя бы до вечера. Вещей у тебя почти нет, есть ты не хочешь. Сходи в Коломенское. Или на футбол. Мне кажется, сегодня "Торпедо" играет. У них вроде тренер новый. Сходи, посмотри. А на худой конец - дома поспи. А?" - "До вечера, говоришь? Хорошо. Подожду до вечера".

Глава тринадцатая

Едва Софья переступила порог Аллиной квартиры, как из комнаты услышала голос Алекса:

- Смотреть, конечно, можно, но вот вопрос: стоит ли? Осетрина второй свежести - уже не осетрина...

- Это и есть твой обещанный сюрприз? - спросила Софья встречавшую ее хозяйку.

- Ой, Сонечка! Он позвонил утром, поздравил. А потом плакаться стал, я его и пригласила. Ты сердишься?

- Вчера я думала, что вижу его в последний раз.

- Ты знаешь, прогнать человека никогда не поздно. Вы такая чудесная пара...

- Что вы там в коридоре застряли? - раздался голос из комнаты. Петрович, сожитель Аллы. Кажется, уже навеселе.

- Сейчас идем. В общем, подруга, смотри сама. Он обещал шелковым быть.

- А он такой и есть. Ну, ладно, пригласила так пригласила. Это твой день рождения, в конце концов. Сопровождаемая Аллой, Воронова прошла в комнату. Одевать что-то особенное ей не хотелось - блистать должна именинница. И все равно ей нравилось, как она выражалась, "придавливать". Вот и сейчас эффект получился на славу: это непроизнесенное общее "ах!" Софья чувствовала каждой своей косточкой. Но, честно говоря, особой радости от этого она не испытывала. Человек привыкает ко всему, даже к обожанию. Тем более уроки Смока не прошли даром. Воронов-старший любил повторять: красота хороша только тогда, когда она сама себя не замечает. В данный момент Софья больше бы удивилась тому человеку, прежде всего мужчине, который остался бы равнодушен к ее присутствию. Но сегодня она, одевшись подчеркнуто скромно, сказав "здравствуйте" всем присутствующим, мышкой скользнула в свое любимое кресло. Гостей и на самом деле было немного, и всех Софья знала. Одних лучше, других хуже, но, самое главное, можно было обойтись без лишних слов.

- К столу, к столу, - гремел Петрович. - Время спать, а мы не ели. Да еще ни в одном глазу.

- Уж молчал бы, - прокомментировала Алла, неся тарелку с салатом.

- Не могу молчать! А тебе уже хватит суетиться. Приглашай гостей. Все, впрочем, было, как и происходит в таких случаях. Стол ломился от закуски и выпивки. Первый тост произнес Петрович. Выпив шампанское, несколько минут хорошо закусывали. Потом стали выбирать напитки в соответствии с пристрастиями. Большинство из собравшихся предпочли водочку. Коньяк пил только Алекс. Софья оценила внимание к ней хозяйки: перед ней стояла бутылочка красного французского вина. Впрочем, легкое раздражение не проходило. Алла могла бы сначала посоветоваться, если уж решила сделать доброе дело. Алекс, в свою очередь, избрал тактику, которую от него и ожидала Софья: он ее как бы не замечал, всю ухаживая за дочерью Аллы. Наташка млела, а сам Алекс боковым зрением наблюдал за реакцией Софьи: замечает ли она, что он ее не замечает? Это даже не забавляло ее. Единственный раз за вечер она открыла рот, когда Петрович, самовольно взявший на себя функции тамады, предоставил слово ей - "прекрасной и очаровательной Сонечке, лучшей подруге моей дражайшей Аллы". Софья сначала хотела сказать то, что обычно говорят в

таких случаях, но... Алла смотрела на нее с таким обожанием... В руках она держала рюмку, щеки уже заалели. Это был ее вечер.

- Петрович, - попросила-скомандовала Софья. - Там, в углу, стоит картина, разверни ее. Пузатый Петрович с неожиданной ловкостью выполнил приказание.

- Алла Ивановна, - начала Воронова. - Сегодня я дарю тебе картину. Это современный художник. Маслов. Живет где-то в деревне под Тверью. На мой взгляд, очень хороший художник. Мне он очень близок... Посмотри, Алла Ивановна, повнимательнее на картину. Кстати, выполнена не кистью.

- А чем же? - простодушно спросила Петрова.

- Сапожным ножом. Есть такая техника.

Гости зашумели.

- Богата же Русь талантами, - прочувственно произнес муж Аллиной подруги и компаньонки Тони Шишкиной.

- Разумеется, - выждав паузу, спокойно продолжала Софья. - Но я сейчас хочу сказать о другом. Видишь, Алла Ивановна, на картине то ли лес, то ли чаща. За деревьями угадывается домик. Светится огонек... Ты лучше меня знаешь, дорогая моя, как сурова и жестока жизнь - темный лес. Кому-кому, а тебе многое пришлось пережить... Петрова продолжала держать рюмку в руке, но голову опустила. Глаза наполнились слезами.

- И кто как не ты заслужила любовь, мир и покой. Я знаю, ты неугомонная и приключений еще много найдешь на свою голову..

- Это точно, - вставил Петрович. Алла свободной рукой вытерла слезу.

- ...но все равно, я верю, нет, я убеждена, что ты придешь к своему огоньку - дающему свет и уют, спасающему от бурь этой жизни. За тебя, дорогая моя. Будь счастлива! Софья протянула свой бокал Алле. Но та вышла из-за стола и подошла к Вороновой. Подруги поцеловались.

- Так за что пьем, я не понял? - спрашивал окружающих муж Тони Шишкиной.

- "Важней всего погода в доме, а остальное ерунда", - вместо ответа пропела ему жена.

- Пустяки, - поправил Тоню Алекс.

- Что - пустяки? Картина - вещь! Софья Николаевна в картинах толк знает.

- Я не про картину, а о песне. Там такие слова: "А остальное пустяки".

- О песне? Наташка, заводи музыку. Народ петь хочет. Внутри Софью все это немного покорило, но вида она не подала. Выпив из бокала, опять удобно устроилась в кресле. Прав был дядя, нельзя от людей требовать больше того, что они могут дать. В дверь позвонили. Алла, подсевшая к Софье, попыталась отправить в прихожую Петровича, но у того запас джентльменства иссяк.

- Небось, поздравлять кто-то пришел. Открой сама.

- Кто бы это мог быть? - С этими словами Алла вышла из комнаты. Но, похоже, это заметила только Воронова. Остальной народ, разбившись на пары и тройки, был увлечен разговором. И поэтому только Софья увидела появившуюся опять в комнате именинницу. Увидела и поняла: что-то произошло. Глаза Аллы, и без того округлые, казалось, готовы были превратиться в два шарика. Она пыталась что-то сказать - и не могла. Но, посмотрев на ее руки, Софья все поняла: сумочка, маленькая сумочка из натуральной кожи светло-коричневого цвета, похоже, вновь вернулась к своей хозяйке. Разговоры в комнате стихли.

Можно было бы сказать, что наступила тишина, но из магнитофона доносилось: Девушки бывают разные -

Черные, белые, красные.

- И еще очумелые, - пробасил Петрович. - Солнышко мое, ты глазки-то прикрой немножко, а ротик, наоборот, открой. Случилось что?

Алла, ничего не говоря, достала из сумочки деньги и паспорта. Тут дошло даже до пьяненького Петровича.

- Мамка, вернули?! - взвизгнула Наташка.

- Ой, я же ему даже спасибо не сказала. - Алла бросилась обратно, а вскоре с лестничной площадки доносился ее возбужденный голос: - Я прошу вас... ну, возьмите, пожалуйста... вы не представляете... день рождения... хотя бы... ну, прошу вас...

- Нет, я хочу на него посмотреть. Как Аллочке подфартило: какой уникум ее денежки нашел. Алекс вскочил, на ходу допивая свой коньяк, но выйти из-за стола не успел: Петрова уже вела в комнату мужчину средних лет, с небольшой русой бородкой. Черные джинсы, на серый свитер надета белая куртка. За спиной холщовый мешок.

"Удивительно, насколько русские мужчины безыскусны", - неожиданно подумала Софья, мельком взглянув на незнакомца. Ее хорошая знакомая, французская журналистка Моник Вернье, работающая в Москве, однажды сказала: "Знаешь, Софи, у нас говорят, что за каждым русским скрыт татарин, стоит только хорошенько потереть. По-французски звучит, как это - остроумнее. Да. Но татары - это восток. А я была на востоке. Там мужчины не ходят во всем сером, как ваши. Почему так, Софи?" Тогда Софья из патриотических чувств заступилась за русских мужчин, сказав, что серый цвет предпочитают скромные и благородные люди. И добавила: "В последние годы у нас в моду вошел малиновый цвет, но по мне уж лучше серый".

Но белая куртка с серым свитером и черными джинсами - это слишком. Было видно, что мужчина откликнулся на приглашение Аллы без особой охоты, однако держался спокойно. От горячительных напитков отказался, согласился выпить чая. Алла, не отходящая от нового гостя, быстренько представила своих друзей, мужчина довольно равнодушно бросал взгляд на представляемого, слегка кивая. На Софье его глаза задержались несколько дольше, на секунду их взгляды пересеклись. Бледное, под цвет куртки, которую он не снял, лицо. Наверное, поэтому глаза его казались еще более голубыми, чем они были на самом деле. Но внимательнее рассмотреть Софья не смогла - он быстро опустил взор. Свое имя мужчина назвал только после просьбы Аллы, бросив нехотя:

- Михаил.

Не успел он сделать и двух глотков из чашки, как Алекс, явно настроенный критично по отношению к "спасителю" именинницы и явно играя на публику, обратился к нему:

- Послушайте, как вас? Михаил - это же потрясающе! О вас надо снять передачу. У меня есть друг, редактор на телевидении, вы не возражаете, если...

- Возражаю, - спокойно, даже как-то устало перебил гость Алекса.

- Почему же? Вся страна узнает героя.

- Алекс, помолчи. - До Аллы дошло, что Михаила просто подкалывают. - Михаил, вы даже не представляете, как я вам благодарна...

Но Алекс не успокаивался:

- Алла Ивановна, я искренне, как друг, рад за тебя. Но, согласись, случай-то уникальный. Неужели такие люди еще есть в стране советской? Михаил, а вы читали...

- Читал...

Алекс растерялся:

- Вы же еще не знаете...

- Знаю. Я читал Гашека. Вы же о его "Бравом солдате Швейке" хотели меня спросить, правда?

- Правда, - простодушно ответил растерявшийся Алекс. Все засмеялись.

- Вы что же, мысли читаете? - спросила Михаила Тоня Шишкина. - Можете сказать, о чем я думаю?

Странный гость усмехнулся:

- А стоит ли? Хозяйка обидеться может.

Тоня вспыхнула. Алла непонимающе посмотрела на нее. Софья уже с интересом смотрела на этого человека. Он же, медленно поставив чашку, встал:

- Чай просто замечательный. Спасибо. Если не возражаете, я пойду.

- Михаил, вы мне такой подарок сделали, - Алла была искренна в своей благодарности.

- Посидите еще немного, а?

Мужчина впервые за все время своего присутствия здесь улыбнулся:

- Признаюсь вам, Алла Ивановна, что мне... не очень ловко слушать ваши слова благодарности. И скромность здесь не при чем. Если бы вы знали, как я до последней минуты боролся с собой, когда нес эти деньги...

- Но вы же принесли.

- И, поверьте, теперь только рад этому, - Михаил обвел всех глазами. - Мне было приятно познакомиться с вами. - И тут он увидел картину, стоящую в стороне от праздничного стола.

- Маслов?

- Что? - не поняла Алла. - Ах, да, моя подруга Софья подарила мне ее.

- Чудесная работа, - одобрил Михаил и, еще раз поклонившись, вышел из комнаты. Когда Киреев оказался на улице, страшная усталость обрушилась на его плечи. Он стоял у подъезда и дышал прохладным воздухом, мечтая о постели, как о манне небесной. Но до его дома на самой окраине Москвы надо было еще ехать и ехать.

- Простите, - раздался женский голос.

Киреев оглянулся. Из подъезда выходила та красивая девушка, которую он видел у Петровой. Обращалась она, кажется, к нему.

- Простите. Вас ведь Михаилом зовут?

- Да.

- Я могу подвезти вас. Вот моя машина. Киреев удивленно смотрел на нее. Там, в квартире, эта необыкновенно красивая брюнетка с синими глазами показалась ему высокомерной. Чего стоило только то, как она рассматривала его наряд. И вдруг это - "простите".

- Спасибо большое, но я далеко живу.

- А я не спешу.

- Посидели бы еще.

- Чувствую себя неважно. Да и вы, по-моему, тоже. Поедем?

Киреев назвал свой адрес, и они поехали. Оба молчали. Софья не понимала, какая сила заставила ее вдруг резко распрощаться с Аллой, чтобы затем предложить этому странному человеку, одним словом смутившему Алекса и определившему автора картины, довезти его до дома? Не меньше был удивлен Киреев. Он нравился женщинам, не прилагая для этого никаких усилий, - десять лет назад. После ему приходилось пускаться в ход все свое красноречие, чтобы привлечь внимание женщины, справедливо считая, что слабый пол любит ушами. Но сейчас Киреев меньше всего хотел кому-нибудь понравиться. Даже такой красотке. К тому же он не очень комфортно чувствовал себя в этой иномарке. А улицы Москвы утопали в огнях. Было поздно, но москвичи гуляли вместе с детьми. Молчание явно затягивалось. Софья начинала злиться - и на себя, и на этого чудака, сделавшего вновь счастливой Аллу.

- Я люблю ночную Москву, - заговорила первой Софья. - А наступят теплые дни - здесь просто столпотворение будет.

Киреев молча кивнул. Они опять замолчали.

- Может, вы меня высадите? Вон и метро, - неожиданно попросил Софью Киреев.

- Что ж, как хотите. Воля ваша, - Воронова не скрывала раздражения.

- Не обижайтесь. Ваш "Мерседес"...

- Это "БМВ", - сухо поправила его Софья.

- Серьезно? Впрочем, я ничего не понимаю в марках машин. Так вот, ваш "БМВ" и я - согласитесь, мы вместе странно смотримся. - И он улыбнулся, как в прошлый раз у Аллы - широко и по-детски доверчиво.

Он уже выходил из машины, когда она вдруг спросила:

- А откуда вы знаете Маслова? Он же не широко известен.

- Маслова? Кто же у нас еще шпателем картины малюет? И кому так удаются маленькие домики со светящимися окошками в глубине темного леса? Ну и наконец, Виктор мой хороший друг, - и с этими словами он исчез в толпе.

Пройдя метров пятьдесят, Киреев остановился и оглянулся. Машина стояла на месте. Он увидел, как Софья вышла из машины, как к ней подошли парень и девушка. Все трое поочередно поцеловались и стали беседовать, весело смеясь. Все трое яркие, красивые, нарядно одетые. И он - в потрепанных джинсах, свитере, в этой нелепой куртке и с холщовым мешком. Совсем другой мир! Мир, в который еще недавно он так рвался. Киреев вздохнул. Это был вздох пусть легкой, но все-таки грусти. Той грусти, которая посещает человека, когда он прощается с мечтой, пусть даже больше не зовущей за собой.

Киреев не мог знать, что Софья, разговаривая с друзьями, видела одинокую фигуру в белой куртке. Ей почему-то было приятно, что он стоит и смотрит на нее. А в том, что Михаил оглядывает не Пречистинку, а смотрит на нее, Воронова не сомневалась.

Глава четырнадцатая

Хороший сон приснился в ту ночь Кирееву. Обычно он забывал, что ему снилось, оставались только смутные ощущения, некие обрывки образов, колыхание теней. А этот сон проявился как снимок. Но, самое главное, Михаил Прокофьевич впервые проснулся с ощущением радости - впервые за много месяцев. А сон был и впрямь чудесный. Ему снилась речка. Не широкая - от одного берега до другого не более пятнадцати шагов. Не глубокая - по пояс. Огромные и спокойные ивы росли вдоль речки, образуя что-то вроде зеленой крыши, сквозь которую пробивались солнечные блики. Блики играли на темной воде - не быстрой и не медленной, по крайней мере, рано упавшие желтые листья ив, похожие на остроконечные лодочки, плыли по речке не медленно и не быстро. Листья не вертелись в водовороте, а плавно покачивали своими острыми носиками. Сверху казалось, а Киреев видел во сне речку как бы сверху, что листья не плыли, а неспешно парили в воздухе. Вода чудилась темной, даже черной от густой тени вековых ив, на самом деле она была удивительно прозрачной. Если всмотреться, можно без труда полюбоваться белыми камешками в крапинку, крошечной рыбкой, проплывающей меж гибких и тонких стеблей редких, но очень крупных кувшинок. Самое интересное, и это Киреев отчетливо запомнил: тихая и светлая речка несла свои прохладные струи не в поле или дремучем лесу. К более высокому левому берегу вплотную примыкали сады и огороды. От каждого к воде вели земляные ступеньки, по которым можно было спуститься к маленькому мостику. Некоторые из мостиков почти утонули в воде. Последний фрагмент киреевского сна: бурый листок, плывуще-летающий в бликующей воде, цепляется за покрытую зеленью доску мостика. Он на мгновение прервал свое движение, но вода не останавливала свой бег ни на секунду, и вскоре листок продолжил полет, присоединяясь к другим листьям-лодочкам - бурым, желтым, зеленым.

Киреев проснулся, но глаза ему открывать не хотелось. На душе было спокойно и хорошо. Болезнь, недавняя поездка в Тамбов, находка на Волжском бульваре и даже красивая девушка Софья в эти несколько минут после пробуждения стали как бы сном: снилось и забыл. А вот сон, чудесный, светлый, был так же реален, как подушка, чье тепло и мягкость он чувствовал затылком. Кирееву пришла в голову мысль о том, что сон действительно имеет право на такое же признание, как и реальность. Впрочем, а что такое реальность? Эти деньги, найденные им под скамейкой, разве они реальны сейчас для него? А вдруг они приснились ему? Как приснилась та девушка, Софья. Ее огромные синие глаза, нежный рот, пульсирующая жилка на тонкой шее - не сон ли все это? С другой стороны, разве не реально то чувство радости, что навеял ему приснившийся сон? И где-то на белом свете есть эта речка, этот мостик, и лист плывет по реке, и синее небо, отражающееся в воде. Разве не реально синее небо?

И вообще, Киреев с недавних пор стал все чаще задумываться над тем, что такое реальность. К примеру, все чаще ему вспоминалось новоюрьевское детство. Но Михаилу Прокофьевичу было трудно понять, какой Новоюрьевск, город его детства, более реален. Тот, что он помнил - с большими домами, деревьями до неба, заповедными уголками, город, в котором гораздо значимее были запахи, чем конкретные ощущения, или Новоюрьевск снов - хороших, грустных, оставлявших после себя щемящее чувство потери? Наконец, был реальный Новоюрьевск, в котором жила его сестра, город грязный после дождя, пыльный в

зной, с маленькими неказистыми двухэтажными домиками и кучей "близнецов" - панельных пятиэтажек, пухом от тополей, с разбитым асфальтом и вечным ремонтом теплотрасс. И постепенно эти три города - с одним названием, но разные по сути - стали сливаться для него в один. Реален ли был этот Новоурьевск? Киреев был убежден: да, реален. Грустно, конечно, что некогда аккуратненький, чистый и уютный городок стал грязным и неухоженным, что людские апатия, разброд в душах перенесли на городские улицы. Но ведь этот Новоурьевск тоже был на белом свете. Неужели он навсегда исчез вместе с тысячами людей, переселившихся из своих квартир на городское кладбище? Неужели взгляд маленького белобрысого мальчика, смотревшего на окружающий мир широко открытыми от удивления и восхищения глазами, имеет меньшее значение, чем взгляд бородатого сорокалетнего мужика, не очень удачливого в этой жизни и уже ничему и никому не удивляющегося.

Впрочем, пора было открывать глаза. За окном шумел, смеялся и сердился, переживал, отчаивался и надеялся огромный город. Странная судьба досталась этому городу. Одни люди его страстно любили, другие не менее страстно ненавидели, но почему-то и те и другие мечтали в нем жить. Тех, кому это удавалось, в России называли счастливыми. Киреев себя счастливым не считал. Те надежды, что он возлагал на переезд в Москву, по большому счету не сбылись, но Киреев не ругал столицу, полагая, справедливо или нет, ее просто не своим городом. И хотя у Михаила Прокофьевича были в Москве любимые места, такие как Коломенское или Большой Трехсвятительский переулок, но даже их он любил посещать вечерами, когда иссякал дневной поток людей. Ему больше нравилась Первопрестольная времен до пожара 1812 года, с дворянскими усадьбами в центре города, сотнями церквей и церквушек, малиновым звоном, разносившимся над тысячами садов и чистых речек и ручьев. Об этой Москве Киреев читал в книгах, но представлял ее отчетливо, будто сам жил в то время. И бывало, гуляя по переулкам в районе Покровки или Кузнецкого Моста, он пытался представить эти места Москвы лет двести тому назад. "Наверное, я просто очень поздно родился на свет. И в этой жизни, и в этом городе я чужой. Вот и все", - думал тогда Киреев. Но ему и в голову не могло прийти, что из Москвы можно взять и уехать. Да и куда? В Новоурьевск, где в единственной газете "Наш путь" журналистам по полгода не платят зарплату? В соседний Старгород, где учителя единственной школы, чтобы прокормить себя и свои семьи, после уроков спешили на огороды? И вот сегодня, сейчас, когда он лежал с закрытыми глазами и радость и покой, навеянные ночным сном, уступали место реалиям нового дня, врывавшимся в его дом вместе с шумом улицы, Киреев вдруг остро-остро захотел не возвращаться в эту реальность. Тем более что ему уже стала понятна вся призрачность данной реальности. В этот самый момент так и не ставшая для Киреева близкой Москва превратилась для него в символ той жизни, в которую чья-то холодная и насмешливая воля однажды погрузила его и из круговерти которой выхода не было. И ему захотелось на свободу.

* * *

Домработница открыла дверь. В прихожей раздался женский голос:

- Мне Софья Николаевна назначила на это время. Воронова вспомнила, как Григорий Иванов, бывший охранник дяди, совсем недавно просил ее за одну свою знакомую, которая, по его словам, была классной массажисткой и маникюрщицей. Рассказывал о стесненных

обстоятельствах молодой женщины, желающей иметь солидную клиентуру. Чем дальше уходила во времени смерть Смока, тем более уверенной Софья становилась в странности совпадения болезни Гришани и покушения на дядю. В милиции ей сообщили, что вроде бы Иванов чист, его тщательно проверили, но Воронова доверяла своей интуиции больше, чем выводам милиции. Когда он обратился к ней с этой просьбой, Софья не отказала - не хотелось, чтобы Гришаня исчез с ее горизонта. А его знакомая становилась своего рода связующей ниточкой с Ивановым. С самого первого момента Юля понравилась Софье. Девушка держалась скромно, но была остроумна, свое дело, безусловно, знала. И Софья со спокойной совестью дала ей номера телефонов нескольких своих приятельниц, но... Портил все, казалось бы, пустяк: уж больно не вязался почти смиренный вид этой скромницы с ее взглядом - быстрым, острым, оценивающим. Софья заметила, что время от времени Юля внимательно окидывала взглядом, нет, даже не комнату, а тот ее участок, где на столике у окна стояла Одигитрия.

Вообще-то хлопот с иконой у Софьи с каждым днем было все больше и больше. Чтобы не светиться с ней, Воронова пригласила к себе на дом Ривкина, известного специалиста по древнерусской живописи, консультанта всяческих фондов и музеев. К ее удивлению, он действительно датировал Одигитрию концом XIV века. Сам Борис Семенович Ривкин словно ошалел от радости. Он каждый день звонил Софье. В его голове созрела сумасшедшая мысль: икона должна поступить в Третьяковку или музей Андрея Рублева. Хуже всего была шумиха, которая вот-вот могла возникнуть вокруг Одигитрии. Конечно, можно было продать икону и в Третьяковку, можно было выставить ее в собственной галерее, но ни то, ни другое в планы Вороновой не входило. Когда Ольга Кремер передала желание Гюнтера приобрести несколько хороших икон, Софья в первую очередь подумала об Одигитрии. За нее можно выручить хорошие деньги. Но после восторгов Ривкина получить справку о малой ценности иконы, даже с учетом ее, Софьи, связей, становилось с каждым днем все проблематичнее. Хотя... После смерти дяди Воронова начала замечать, что привыкает к иконе. Возникало что-то подобное привязанности. Просыпаясь, она словно чувствовала взгляд, обращенный в свою сторону. А когда Софья последний раз занималась любовью с Алексом, на какой-то момент ей даже стало неловко от этого взгляда. Правда, это чувство длилось недолго - она с усмешкой отогнала его, но тем не менее оно все же возникло. "И кто знает, - думала Софья, - если я подцеплю кого-нибудь в ночном клубе на очередной тусовке, глядишь, придется икону поворачивать лицом к стене". И вот теперь эта Юля. "А может, - думала Софья, - я себе все это напрасно накручиваю? С чего я взяла, что этой девице интересна именно эта икона? По крайней мере, она же ничего не спрашивает.."

- Скажите, Софья Николаевна, вы в Бога веруете? - неожиданно спросила Юля.

- А что?

- Икона вон у вас. Наверное, древняя очень? Софья вспомнила один дядин прием, которым она тоже любила пользоваться. Когда не ясно, к чему клонит собеседник, учил дядя, надо не бояться выглядеть невоспитанным и просто замолчать. Вопрос маникюрщицы остался без ответа. Софья внимательно смотрела на девушку. Судя по всему, они были ровесницы - Юля выглядела несколько старше только в силу того, что жизнь, видимо, успела потрепать ее. Не дождавшись ответа, Селиванова смутилась.

- Вы только не сердитесь на меня, Софья Николаевна, - горячо заговорила Юля.

- За что?

- За любопытство мое. Лезу вечно куда не следует. Это я от смущения.

- От смущения?

"Все-таки она забавная, эта девушка", - решила для себя Софья.

- Ну да. Все время хочешь сделать работу как можно лучше. А когда клиент молчит, начинаешь думать, а вдруг он не доволен чем? Вот и начинаешь болтать ерунду всякую. Разговорить человека хочешь. Когда-то Карнеги начиталась, но в жизни все сложнее бывает. Вы читали Карнеги, Софья Николаевна?

- Давно очень.

- Если помните, там момент такой есть. Карнеги пишет, как он одному богачу продал что-то там. Пришел к нему в кабинет и похвалил картины, которые на стене висели. А картины, оказалось, написаны были сыном того богача. Карнеги стал нахваливать их, тот расчувствовался и купил все, что хотел ему всучить Карнеги. Хитрющие они, американцы эти. Карнеги пишет, мол, вы только не льстите в похвале своей, а будьте искренни. Как же, нашел дураков! Я так и поверю, что он искренне восхищался картинами того мальчишки.

Юлина болтовня заставила Софью устыдиться за свои подозрения. В самом деле: ради куска хлеба ходит эта Юля по квартирам, пытается богатым сумасбродам угодить, да еще за это чуть ли руки им не целует. Надо отдать Вороновой должное: спесь, хамство, свойственные многим людям, быстро проделавшим путь, по народному выражению, "из грязи в князи", были глубоко чужды ей. И человека с такими свойствами характера, если он встречался на ее пути, Софья презирала совершенно искренне. В конце концов ее хваленая интуиция тоже может подвести. Юля продолжала щебетать. Но то, что она стала рассказывать дальше, вновь заставило насторожиться Воронову. Видимо, желая развлечь клиентку, Юля проболталась:

- И вот как-то раз я к женщине одной пришла. Массаж ей делала - остеохондроз у тетки жуткий был. Пришлось повозиться, скажу я вам. А женщина эта вечно недовольной была. Все ей что-то не так: то слишком сильно я руками нажимаю на ее драгоценные плечики, то, наоборот, слабо. Ну я и решила по Карнеги поступить. А у нее, клиентки моей, не квартира была, а музей. Картин кругом, что у Гришани баб голых на стенах в туалете. Вот и возьми я сдуру и спроси про картины эти. Кто, мол, автор? Она и впрямь разговорилась. Говорит, друг у нее был, художник знаменитый, по фамилии Волков. Талантливый, но пить любил и вроде жил, как бомж. За бутылки картины писал, а их потом за тысячи долларов продавали. Хозяйка моя, по ее словам, Волкову этому и приют давала, и стол. Спасала от жизненных бурь, одним словом. Он ей в благодарность и оставил эти картины. И надо же такому случиться, видно, доля у меня такая горькая, дня через три ограбили эту женщину, которая с остеохондрозом жила. Я как раз на очередной сеанс прихожу, а в доме милиция. Меня - хватать под белые ручки. Мадам эта на меня пальчиком кажет - вот ей, то есть мне, она про картины говорила. Со мной и разговаривать не стали - в машину и на нары.

- Неужели в камеру посадили?

- А то. Три дня просидела. Тетка эта вознаграждение тому, кто картины найдет, объявила, вот меня и трясли по полной программе.

- Отпустили потом?

- А куда им деваться? Менты поганые. В кино показывают, какие они человечные,

профессионалы - все из себя. А чем человек меньше, без связей и кошелька толстого, тем они за него круче берутся. Следователь мне прямо и говорил: "Мы твоих поделщиков взяли, ты можешь успеть признанием вину себе сгладить". А коли взяли, отвечаю, так у них и спрашивайте. Только не взяли вы никого, а я чиста. И никаких таких поделщиков не знаю. Себе на жизнь вот этими руками зарабатываю. Натерпелась я, одним словом, но, слава Богу, все хорошо закончилось.

- Они извинились перед тобой?

- Вы шутите? Ступай, говорят, и радуйся, что так легко отделалась... Софья хорошо знала о той нашумевшей краже. И владелицу картин, Нину Ивановну Минскую, она хорошо знала. Украли тогда не только двенадцать картин Волкова, но и три полотна Пиросмани, пару этюдов Шишкина. Значит, говоришь, случайно ты тогда о картинах с Минской заговорила? Или опять

- совпадение? Ай да Гришаня, ай да удружил! Постой, а про икону он знал? Знал! Это он ее с кухни приносил. И рассказывал про Одигитрию Воронов тогда громковато, на кухне все слышно было. Выходит, ты, Юлька, самая обыкновенная наводчица. Впрочем, почему обыкновенная? Ноготочки мои красиво обработала. Да и голова, видимо, соображает. Это у Гришани извилин, как у семилетнего ребенка, а эта... "Положим, с моей квартирой, - думала Софья, - у вас так легко не получится, как получилось с квартирой Минской, но настороже быть надо. И, прежде всего, сделать вид, что я от всего сердца сочувствую этой чертовке. Как это Смок говорил: пожалел человека - и он твой. Мой не мой, а уйдешь ты отсюда, Юленька, на коне".

- Я давно не получала такого удовольствия от общения. А про работу я не говорю - класс. Считаю, что все мои подруги отныне - твои клиентки.

- Спасибо вам, Софья Николаевна, за добрые слова.

- Вот возьми. Надеюсь, хватит?

- Да вы что?! Это много! - воскликнула Юлька, но деньги сразу положила в сумочку. - Софья Николаевна, руки помыть можно?

- Конечно. И вообще, заходи - поболтаем. Если ты думаешь, что все богатые женщины стервы

- ты ошибаешься.

- Я и не думаю. Та же остеохондрозница, я не помню, как ее зовут, потом извинилась передо мной. Духи подарила.

- Нет, поступили с тобой, конечно, по-свински.

- Это и обидно: было бы за что, - говорила Юля, моя руки. - А то понапрасну. Мне что Волков, что Зайцев. А я вам признаюсь, Софья Николаевна, мне его картины не понравились тогда.

- Зайцева?

- Да, - засмеялась Юля. - Я темная, конечно...

- В смысле масти?

- В смысле мозгов, но сама бы я его картину не купила.

- А если бы тебе ее подарили?

- Ну разве что. Они тепло простились. Юля была довольна собой. Воронова - девка не глупая, да и не плохая, надо сказать. Поэтому если ее и тряссти - то по-мелкому, одну икону.

Зачем девчонку обижать? Правда, Юле показалось, что Софья в какой-то момент насторожилась, когда речь про икону зашла, но потом, кажется, все обошлось. Под дурочку полезно косить... Неожиданно настроение у Селивановой резко изменилось. Довольная тем, что удалось быстро войти в контакт с Вороновой, узнать, где находится икона, она, уже в такси, стала думать о своих следующих шагах. Пора было вызывать из Рязани братьев Морозовых, изучать распорядок дня Вороновой, а потом - как тогда у Минской. И вдруг Юля представила себе картину допроса потерпевшей: "А кто из посторонних был у вас в доме? А спрашивала ли эта маникюрщица про икону?" Вот тут Воронова и вспомнит ее рассказик о Волкове. Юлино хорошее настроение вмиг улетучилось.

- Вы что-то сказали? - спросил ее таксист.

- Нет, служивый, я это про себя. Про себя, глупую. И уже мысленно: "Размечталась: только икону взять. Возьмешь - и загремишь лет на десять. Что же делать? Ждать - икона уйти может или Воронова ее к себе в галерею перетащит. Отказаться от плана - не в моем это характере. Хороша икона, чудо как хороша. Я себе на оставшуюся жизнь заработаю. Что же делать? Тогда мочить Воронову придется. И домработницу впридачу. А раз так - Морозовы здесь не нужны. Эти на мокрое дело не пойдут. Кузьмич - вот кто ей нужен. Кузьмич с ребятами все дело и обстряпает как надо. Только бы на свободе мужик был". Юля повеселела. Решение пришло - это главное, а в удачу свою она верила так же твердо, как в то, что сегодня заслужила хорошего пива.

- Юноша, - обратилась она к старику-таксисту. - Я передумала. Не надо мне дальше. Тормози вот здесь.

- Хороша деваха, - только и смог произнести самоотверженный труженик шахматных клеток, глядя, как его недавняя пассажирка, словно королева, гордо входила под своды пивного погребка.

Глава пятнадцатая

Разные женщины играли в жизни Киреева разную роль. Мать он похоронил десять лет назад. От нее, кроме нескольких черно-белых фотографий, остался маленький домик на окраине Старгорода. Дом стоял пустой, с заколоченными ставнями. Изредка приезжала посмотреть на дом сестра Киреева Евгения. Благо, от Новоюрьевска до Старгорода было рукой подать - не более пяти километров. Чуть дальше от Старгорода находилась Тула. Там работала в школе Ольга Петровна Шаргородская. Когда-то они учились в одном институте, но на разных факультетах. Познакомились в студенческом спортивном лагере. Киреев знал, что Ольга любит его, да и его чувства больше, чем просто дружба. Однако... Молодой Киреев почему-то твердо верил в некую огромную неземную любовь, которую он обязательно встретит на своем пути. А Ольга всегда была рядом. Симпатичная, но не красавица из мечты. К тому же Ольга ростом была чуть повыше Михаила, что его смущало. Он ужасно комплексовал по этому поводу.

После окончания института они разбежались. Точнее, довольно-таки малодушно сбежал Киреев, отделавшись прощальной запиской вместо очной встречи. Потом у него было множество романов, более или менее значимых, однако на принцесс его избранницы не тянули. А однажды на тульском вокзале он увидел Ольгу. За руку ее держал мальчик лет трех. Киреев посмотрел в глаза Ольги и понял, что любит ее. И сияющие глаза Ольги говорили, что он не был забыт. Они вновь стали встречаться. Все шло к свадьбе, но... Киреев опять смалодушничал. Началось с вопроса матери: "Миша, а зачем тебе чужой ребенок? Посмотри, сколько вокруг девчат..." Угрызения совести Киреев заливал несколько лет, пока однажды не выдержало сердце. В тот момент он как раз гостил у друзей в Москве. Галина работала медсестрой в той больнице, куда положили Киреева. Его поразила та забота, с которой девушка выхаживала его. Понравилась милая смешливость и то, с каким восторгом она слушала его. И, выписываясь из больницы, он вдруг неожиданно предложил Галине руку и сердце. Девушка согласилась. Так Киреев стал москвичом. Где-то года через три погас восторг в глазах жены, еще несколько лет прожили они как-то спокойно и буднично. С детьми что-то не получалось. Киреев пару-тройку раз погуливал на стороне, но делал это осторожно. Галино же увлечение было бурным, шумным и ярким. Михаил Прокофьевич долго ничего не замечал. Ночных смен, правда, в больнице больше стало, да брюзжать по поводу их безденежья Галина почему-то прекратила. А однажды она произнесла всего три слова: "Я ухожу. Прощай". Сказать, что это был удар для него, - значит не сказать ничего. Почти полгода он боролся за Галину, но чем сильнее боролся, тем дальше она отдалялась от него. Болезнь заставила Киреева на многое и на многих взглянуть по-другому. В том числе и на Галину. Он понял ее. А поняв, простил. Простив, решил уйти из ее жизни, благо, кроме нескольких вещей, таких как шкаф или стенка, их ничего не связывало. Было, правда, девять лет совместной жизни. И много хорошего, не только плохого. Вот почему Киреев написал Галине письмо, в котором сообщил, что согласен на развод.

Смешно сказать, но и киреевское отношение к женщинам после начала болезни хорошо вписывалось в его теорию парадоксов. Когда он перестал относиться к женщинам как к объекту, который надо завоевывать, Киреев почувствовал, что внимание к нему со стороны представительниц прекрасного пола увеличилось. Когда Михаил Прокофьевич из последних

сил пытался вернуть Галину, он месяцами не общался с женщинами. А здесь... Почти каждый день звонила Наталья Михайловна. А вчера она приходила к нему домой. Киреев понимал, что в этой женщине имелся огромный запас нежности и жалости, а потому без ропота принимал их от Натальи Михайловны. У нее была смешная фамилия - Котеночкина. Ее покойный муж доводился очень дальним родственником известному мультипликатору Котеночкину, который снял фильм "Ну, погоди!". За глаза Киреев стал звать Наталью Котей. Вчера, когда после хорошего сна Михаил Прокофьевич находился в приподнятом настроении, пришла Котеночкина. Он долго полушутливо-полусерьезно противился ее попыткам осмотреть его:

- Могу я стесняться?

- Не можете, я врач.

- Для меня - нет.

- Почему же, скажите на милость?

- Вы в хосписе работаете, а мне к вам еще рано. Я себя обслужить еще могу. Так что не ваш я. Но Наталья была, в отличие от Киреева, настроена серьезно.

- Михаил Прокофьевич, мне все это не нравится.

- Что именно?

- Все. И состояние ваше, и как вы к своему здоровью относитесь.

- А какая разница, как я к нему отношусь? Как оно ко мне относится - вот вопрос.

- Большая. Надо бороться за себя, понимаете?

- Понимаю.

- Если бы понимали. Пора уже определиться: либо на операцию ложиться, либо терапевтически лечиться. На других посмотришь - и болиголов пьют, и масло с водкой.

- Вы же мне сами сказали, что не помогает.

- Вам не кажется, что это удар ниже пояса?

- Я не хочу вас обидеть. Скажу больше: я сейчас усиленно лечусь. Наталья Михайловна пристально посмотрела на него. Киреев улыбался.

- Смеетесь?

- Отнюдь. Я душу лечу, а это главное. И в этом лечении вы мне очень сильно помогаете.

- Я?

- Вы. Благодаря вам и Лизе Бобровой я понял, что у меня сначала раком заболела душа. Надо прежде ее вылечить.

Он теперь не улыбался. Наталья смутилась:

- Ну, Лиза - это понятно. А я здесь при чем?

- Сказал бы, да, боюсь, льстецом назовете. Теперь уже улыбалась она:

- Не назову. А доброе слово - помните, в одном фильме это говорили - и кошке приятно.

А я Котеночкина.

- Помню. Скажите, а вас Котей не звали?

- Нет, к сожалению, это же мужа фамилия. У меня девичья знаете какая была? Нет, не скажу, обсмеете.

- Клянусь, даже не улыбнусь.

- Мышкина.

Киреев рассмеялся. Наталья сделала вид, что обиделась:

- А клялись.
- Простите. Но - правда смешно... А можно я вас Котей называть буду?
- Я подумаю. А как вас звали в детстве?
- Конечно, Кира.
- Почему - конечно?
- А мода такая была. Бралась фамилия - ее уменьшительный вариант и становился прозвищем. У нас в классе Зиновьев был Зиной, Зотов - Зотиком.
- А меня бы Мышкой звали?
- Точно.
- Но вы мне что-то сказать хотели.
- Разве?
- Не хитрите.
- Сейчас скажу. Только у меня сначала вопрос к вам будет. Серьезный очень.
- Слушаю.
- Вы верите в дружбу мужчины и женщины? Чтоб она чистая была. Без мыслей задних.
- Каких?
- Или передних. Вот Лев Толстой считал, что трудно мужчине подружиться с женщиной...
- Вы имеете в виду секс?
- Вот спасибо! Я все рядом и около. Да, имею в виду именно это. Вот представьте: гуляю, например, я с женщиной. О поэзии говорим, друг друга выслушиваем. И никаких поцелуев. Только дружба. Это возможно?
- Не знаю.
- Вот видите, и вы не знаете, - Киреев подчеркнуто глубоко вздохнул.
- Я правда не знаю. Женщина может и впрямь чего-то большего от мужчины ждать, но это от многих нюансов зависит. А вот то, что женщина настоящим другом может быть, - я не сомневаюсь. Надеюсь, для вас я стану таким другом.
- Я все понимаю. Секс и я - это же анекдот.
- А зачем вы этот разговор завели?
- Не знаю. Я раньше об интимной стороне жизни чересчур много думал, сейчас перестал, - Киреев вновь улыбался. - Это плохой признак?
- Хороший. Силы беречь надо.
- Для чего?
- Чтобы вылечиться. Послушайте, вы меня заговорили. Ухожу. Вы не забыли, завтра у Лизы день рождения?
- Не забыл. Вот только с утра на демонстрацию схожу.
- Вы серьезно? Да ну вас.
- Уже у порога она сказала:
- А вы опять ушли от ответа.
- Я болтун, Наташа, но это внешне. На самом деле я жутко застенчивый человек.
- Не заметила.
- Но это так. И слов высокопарных не терплю.
- Тогда я пошла.

- Постоите. Сейчас я буду так же серьезен, как покойник на собственных похоронах.
 - Типун вам на язык.
 - Спасибо. Так вот, я готов выпить бочку настойки болиголова, но... Я сейчас действительно пробую душу свою лечить. Пока плохо у меня получается. А вы для меня как маячок.
 - Почему?
 - Потому что людей любите. И жалеете их. Что в моем понимании одно и то же. А я жалел только себя. Всю жизнь. Поздно, правда, это понял: тяжело наука дается. Она замолчала, опустив голову, будто обдумывая что-то.
 - Михаил Проко... Миша. Хотите, я останусь? Их глаза встретились. Потом он покачал головой.
 - Что, я совсем вам не нравлюсь?
 - Наоборот.
 - Тогда в чем же дело?
 - Ни в чем, а в ком. В вас.
 - Во мне?
- Киреев кивнул.
- Но почему?
 - Вы обаятельны. Я ужасно обаятелен.
 - Опять шутите?
 - Что вы! Влюбитесь в меня, такого обаятельного. Я - в вас.
 - Разве это плохо? - По ее щекам текли слезы.
 - Плохо. Третий покойник за полтора года - многовато будет для вас. Вы не находите?
 - Для меня это неважно.
 - Зато для меня важно. Очень.
 - Почему?
 - Потому что вы мой друг. Помните, у Сент-Экзюпери: "Мы в ответе за тех, кого приручаем". Не приручайтесь до конца, я прошу вас... тебя. Мне будет больнее уходить.
 - Я не хочу, чтобы ты уходил.
 - Разве мы здесь что-нибудь решаем?.. Ты не забыла?
 - Что?
 - Завтра день рождения у Бобренка. Она замотала головой:
 - Нет.
 - До завтра?
 - До завтра. Мне не нравится.
 - Что?
 - Котя.
 - Жаль.
 - Котенок лучше. А на демонстрацию не ходи. Холодно. - И она закрыла за собой дверь.
- * * *

Наступил вечер, последний вечер апреля. Неожиданно похолодало, пошел снег. Холодный ветер всюду разгулялся по опустевшим улицам, заставляя редких прохожих поднимать воротники. Но все это не касалось наших героев, которые, словно сговорившись,

провели этот вечер в своих квартирах. Наталья Михайловна Котеночкина, придя домой после визита к Кирееву, поплакала немножко. Ей поначалу казалось, что он не оценил ее жертвы. А потом, успокоившись, поняла, что наоборот - оценил. Поэтому и выставил ее из дома. И Наталье сразу стало легче. Она твердо решила: сделать все от нее зависящее, чтобы заставить Киреева заняться не только душой, но и телом. Он должен лечиться.

В семье Лизы Бобровой готовились ко дню рождения дочери. Лизу выкупали, новое платье висело на спинке стула. Правда, заказанный торт, в котором завтра будут гореть девять свечей, папа Лизы принесет рано утром.

А вот в семье Аллы Ивановны, наоборот, отходили от дня рождения. Особенно дал маху Петрович, не просыхавший, по словам Петровой, целую неделю. Сама она успела побывать в турагентстве, где приобрела две путевки в Анталию: Петрович по традиции проводил лето на рыбалке под Истрой. Алла не возражала. Софье она звонила каждый вечер. Воронова удивила ее просьбой помочь поставить новую дверь - "чем крепче, тем лучше". Дело в том, что в квартире Софьи была солидная дверь. Когда-то этим занимался сам Владимир Николаевич, не позволявший племяннице вникать в такие проблемы. Алла ответила по-военному: "Соня, когда надо? Я Петровичу скажу - он в праздники все сделает со своими ребятами". А еще Алла пожаловалась Софье, что все эти дни ей придется оставаться в Москве - работа, черт ее дерит. Еще раз добрым словом вспомнила "этого чудака Михаила", вернувшего ей деньги.

Сама Софья в этот вечер решила никуда не ходить, хотя ее и звали на несколько "мероприятий", а просто посидеть и почитать книгу. Точнее, перечитать. Выбрала "Мастера и Маргариту" Булгакова. К своему удивлению, того удовольствия, что испытала несколько лет назад при первом прочтении книги, не получила. Отложила. Достала другую: Грин, "Бегущая по волнам". Когда-то она зачитывалась ею еще в Старгороде. Надо же: на любимых страницах вместо закладок сохранились сухие цветы, которые она вложила в книгу. Цветы, собранные на старгородских лугах, на берегу Синего ручья. Наверное, лет десять Софья не открывала эту книгу. Волшебные строки, чудесные имена и названия - Гарвей, Дэзи, Фрези Грант, Сан-Риоль - словно подхватили ее и понесли далеко-далеко - в страну грез. А когда она закрыла последнюю страницу, Софье стало также сладко и щемяще-грустно, как в отроческие годы. Помнится, папа рассказывал, что где-то в Крыму находится могила Грина, очень грустного и невезучего человека, воплотившего свои грезы в волшебные строки. Они с папой мечтали побывать на его могиле, положить на нее букетик полевых цветов. Не получилось...

Юля Селиванова решила не откладывать дело в долгий ящик и принялась за розыски Кузьмича. Судя по всему, он в данный момент обитал в столице. По крайней мере, хорошие друзья обещали сообщить Кузьмичу, что Юлька жаждет его увидеть. Смущало ее только одно: года два назад Кузьмич жил с Люськой Вятской, жуткой стервозой. Не ревновала она своего Кузьмича разве что к старухам. Да и Гришаня вряд ли бы понял ее интерес к другому мужику. А входить в подробности она не хотела. Впрочем, Иванов ей больше не был нужен.

И, наконец, Киреев. К нему забегал друг Гусева. Передал от Арсения книгу "Жития русских святых". Правда, в этот вечер открыть ее Кирееву не удалось. Позвонила Галина. Извинилась, что при последнем их разговоре вела себя глупо, не поверив, что он, Кира, тяжело заболел. Спрашивала, когда она может прийти его проведать. К удивлению, ему

особой радости эти слова не доставили. Но он постарался ответить как можно приветливее: "Буду всегда рад". Галя сообщила, что заявление на развод она уже подала. У Сергея есть знакомый судья, обещал после праздников дело рассмотреть.

- Ты придешь?

- Не знаю. А надо? - Киреев даже растерялся: давно они с Галиной не беседовали так мирно.

- Наверное, не обязательно.

- Ну и хорошо.

- Да.

- Что-то случилось, Галя?

- Сама не пойму. Вроде бы радоваться должна, а не получается. Ты смеяться будешь... Я вспомнила, как тебе уколы делала. Ты все время говорил, что у меня рука легкая.

- И я не врал. А вот у твоей подруги, Машей, кажется, звали...

- Мариной. Она после за негра замуж вышла.

- Вот у нее ручка еще та была. Выть хотелось. Бедный негр...

- Ты еще просил: девушка, вы мне несколько уколов сразу сделайте, в зачет только чтобы пошли...

- Вот и посмеялись.

- Кира, мне это не нравится.

- Что не ты мне уколы делаешь? А мне их никто не делает.

- Что я свиньей стала себя чувствовать. У тебя рак, а я развожусь с тобой.

- Да, некрасиво как-то. А давай считать, что никакой болезни нет. Я сейчас болиголов литрами пью, - приврал Киреев, - через полгодика как огурчик буду. Обещаю. Так что разводись спокойно.

- Ладно, Кира, ты и впрямь лечись. Какие лекарства нужны будут - скажи. Павлов достанет.

- Конечно.

- Какой-то ты другой стал...

- А это плохо или хорошо?

- Не знаю. Интонации просящие у тебя исчезли - это хорошо. А с другой стороны, я жалеть начала о том...

- Что детей у нас не было?

- Да. А ты?

- Я тоже. Слушай, Галя, а можно один вопрос?

- Можно, конечно.

- Как ты считаешь, возможна дружба между мужчиной и женщиной?

- Только в том случае, если они через общую постель прошли, а потом это для них не актуально стало. Пока же актуально - дружбы быть не может. Дружба равенства требует, а в любви ее быть не может. Мне так кажется.

- Здорово объяснила. Выходит, мы с тобой в новый этап отношений вступаем? Общая постель осталась в прошлом, теперь она не актуальна.

- Ты так считаешь?

- А ты разве по-другому? Или у вас с Сергеем случилось что?

- Вроде не случилось, но что-то не так. Не пойму я.

- Самое главное, дорогая, у тебя есть время. Уйма времени. У меня этого, увы, нет. Так что не грусти и разбирайся потихонечку, - закончил разговор Киреев.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Глава шестнадцатая

"И еще один день Ты мне даришь. Спасибо", - после поездки на Тамбовщину Киреев говорил эти слова каждое утро. Засыпая, он тоже благодарил Его. Михаил Прокофьевич еще не молился по книге

- стеснялся. От смущения подшучивал над собой время от времени. Однажды даже записал в дневнике: "Я на старости лет в игрушки стал играть". Но продолжал каждое утро и каждый вечер говорить слова благодарности. Оказалось, что благодарить - приятно, как и быть благодарным. А вот просить он еще не решался. Вера Киреева, хрупкая и нежная, как паутинка, сотканная крошечным пауком в сентябрьском лесу, не смогла бы выдержать Его неудачи. Ведь о чем просить Кирееву у Бога? Только об исцелении. Он просто верил в свое исцеление. И эта вера, такая же хрупкая, как вера в Бога, росла в душе и сознании Киреева с каждым днем. А если еще точнее: обе эти веры - в Бога и собственное исцеление - слились в Кирееве в одну. От этого обе становились сильнее. Вот почему Михаил Прокофьевич предпочитал только уповать на Него, не вмешиваясь в Его Божественный промысел. Как было сказано в том стихотворении:

Все круче поднимаются ступени,

Ни на одной нам не найти покоя,

Мы вылеплены Божьею рукою

Для долгих странствий, не для косной жизни...

Его дело - карабкаться по ступенькам все выше и выше. А куда он доберется - так ли это важно? Вот почему Наталья Михайловна была не права. Киреев вовсе не безалаберно относился к своей болезни. Нет. Просто ему хватило мужества без обиды принять случившееся с ним, и некая сила словно давала ему волю и силу жить без страха. Киреев жил с какой-то детской доверчивостью и верой. Со стороны могло показаться, что он и впрямь впадает в детство. Вместо того, чтобы пить лекарства, лечиться, он часами что-то писал, ездил в Коломенское, читал. И, главное, Киреев не убивал время, ему действительно нравилось так жить. Он только жалел, что в сутках его мало. А вчера, после разговора с Галиной, ему пришла в голову совершенно сумасшедшая мысль: продать квартиру и уехать в Старгород, туда, где на Тихоновской горе у озера стоял маленький домик, оставленный ему матерью. В конце концов, для счастья, он теперь понимал это, нужно совсем немного: клочок луга, кусочек неба, журчащий ручеек и чтобы было куда прислонить голову. И чем больше Киреев думал об этом, тем менее сумасшедшей казалась ему эта идея. У Галины сейчас замечательная пятикомнатная квартира, дача под Дмитровом. Зачем ей цепляться за их однокомнатную? В принципе, можно деньги от продажи квартиры разделить. А в Старгороде родная сестра живет. Кладбище, где близкие лежат, рядом. Совсем худо станет - есть кому водички подать... О самом плохом в эти майские дни думать не хотелось. Жаль, конечно, что ни в Старгороде, ни в его окрестностях не было ничего похожего на ту речку из сна. Но ему после снился еще один интересный сон: совершенно чудесная деревенька в глухом лесу, и как он шел куда-то по лесной тропинке и приходил в незнакомый город. В городе шел теплый синий дождь, Киреев стоял под его струями - и не намокал. А другой раз ему снилось поле, бескрайнее-бескрайнее. И вновь тропинка, и вновь речка

- он уже купается в ней. Киреев не пытался разгадать значение своих снов - ему просто

было достаточно того, что после них долго не проходило ощущение радости. Огорчала только невозможность поделиться этой радостью с другими. Пару раз Киреев пытался пересказать свои сны

- и ничего не получалось. Абсолютно ничего. Вместо очаровательной пленительной картины - скучное, под стать изложению, написанному троечником, описание. Вместо передачи необыкновенных ощущений у Киреева получался сбивчивый, бестолковый рассказ ни о чем. Так что сны эти можно будет смотреть и в старгородском домике. Сестра писала: дом в нормальном состоянии, не хватает только человеческого духа. Ну-ка, как там у Арсения Тарковского... Киреев встал с постели и, на ходу одеваясь, пошел рыться в книжном шкафу. Пора было думать о подарке для Лизы, себя неплохо бы в порядок привести, но он, как старьевщик в рухляди, рылся в книгах. Наконец-то:

Живите в доме - и не рухнет дом.

Я вызову любое из столетий,

Войду в него и дом построю в нем.

Вот почему со мною ваши дети

И жены ваши за одним столом, -

А стол один и прадеду и внуку:

Грядущее свершается сейчас...

"Вот оно, главное: грядущее свершается сейчас. Письмо тетки Лены сорвало меня в дорогу - и оказалось, что не зря. Почему меня кто-то должен опять звать в дорогу? Неужели не ясно - я должен уехать из этого города. Уехать, обязательно уехать!" И Киреев бросился к телефону - звонить Галине.

* * *

День рождения Лизы получился на славу. Народу собралось немного - дети к имениннице приходили днем. Киреев из собравшихся знал только маму Лизы и Котеночкину. Но приняли его так тепло и сердечно, что Михаил Прокофьевич совершенно не чувствовал никакой неловкости. Понравился Кирееву и папа Лизы. Высокий, с длинными волосами, заправленными в хвостик. Выглядел он моложе жены. Вначале Киреев связал это с нагрузкой, прежде всего психологической, выпадающей на плечи Ирины. Но сама она как-то очень просто призналась в том, что на пять лет старше мужа: "Женила на себе молоденького". Виктор ответил в тон ей:

- Не слушайте Иру. Женила... Мне всегда нравились пожилые женщины.

- Какие?! - возмутилась его жена. Но была видна наигранность этого "возмущения".

- Пожилые, пожилые. Это у нас в семье наследственное.

- Наталья Михайловна, Вика, Надя, - воззвала Ира к сидящим за столом женщинам. - Скажите этому длинноволосому наглецу, что это мы всегда выбираем, кто станет нашим спутником по жизни.

- Мы, мы, Витенька, - откликнулась Вика.

- Наивные, - только и мог выдохнуть Бобров, понимая, что всех женщин он не переспорит. Кирееву нравилось, что в таком шутовском "подкалывании" обе стороны - и Ира, и Виктор - не скрывали нежного отношения друг к другу. И все-таки больше всех в этот вечер очаровала его Лиза. Каждый подарок она принимала с восторгом, словно ничего лучше в жизни ей видеть не приходилось. Киреев подарил Лизе роскошный, богато

иллюстрированный атлас птиц и, к своему вящему удовольствию, он видел, что девочка забыла о куклах, игрушечных домиках и с головой ушла в рассматривание атласа. А еще Михаил Прокофьевич принес Лизе десятка полтора значков с гербами городов, которые он нашел у себя по сусекам. Так что им было о чем поговорить. И когда взрослые дружно затянули под гитару "Виноградную косточку в теплую землю зарю", он потихоньку ушел в комнату Лизы.

- Дядя Миша, мне папа сказал, что сейчас такие кассеты продаются - с голосами птиц. Он мне купит, и я буду слушать и смотреть на картинки.

- Правильно.

- А вы, наверное, всех птиц знаете.

- Что ты! Обыкновенных, вроде галки или воробья, конечно, знаю. Соловья слышал. Красиво поет.

- А я вот ни разу не слышала.

- Еще успеешь.

Они замолчали.

- Посмотрите, - опять заговорила девочка, - какое название у птички красивое. Коноплянка. И сама она милая такая.

- Коноплянка? Дай посмотрю. Да, коноплянка. И по латыни ее имя красиво звучит - кардуэлис каннабина.

- Здорово. Кардуэлис каннабина. А все равно, коноплянка лучше. На капельку похоже. А она поет?

- Ты знаешь, по-моему, еще как поет. У нас в Старгороде сад был яблоневоый. До сих пор помню: май, тихий-тихий вечер, яблони цветут, будто в снегу утопают. И вдруг откуда-то из глубины сада раздается пение. Нежное-нежное. И весь мир затихает и слушает этого маленького певца. Я в это время в саду сидел. Дай, думаю, посмотрю, кто это поет.

- Увидели?

- С трудом, но увидел. Смотрю, птичка - маленькая такая, с воробышка. Сидит на яблоневоой ветке, головку приподняла - и ну давай свои коленца выводить.

- Почему коленца?

- Нет, это не от слова колени. Так говорят про пение птиц, - пояснил Киреев и продолжил свой рассказ: - Зрение у меня тогда орлиное было, да и сумерки еще не сгустились - разглядел я, одним словом, певца. Над клювиком пятнышко темномалиновое, еще одно - на грудке. Верх у него буровато-коричневоый, низ чуть светлее. На соловья вроде не похожа птичка эта, а о других певчих птицах я и не слыхивал. Сижу, пением наслаждаюсь. Так хорошо от него на душе сделалось. Да подошел отец - спугнул птичку. Коноплянку, спрашивает, слушаешь? Так я узнал, что за певец пел в саду. Жаль, что больше не приходилось с коноплянкой встречаться.

- Так ни разу, ни разу не слыхали коноплянку?

- А где? В городе она не живет. Здесь одни вороны да воробьи... Лиза о чем-то задумалась.

- О чем думаешь? - спросил ее Киреев.

- Даже не знаю. Есть, наверное, счастливые люди. Они по свету ходят, птиц слушают, разные новые места видят, в речках купаются... Приключения с ними всякие происходят... Я

обязательно по вашей книге всех птиц изучу, а если вырасту...

- Почему - если, Лиза? - бодрым голосом спросил Киреев.

- А потому что всегда надо говорить "если" или "дай Бог". Меня так девочка одна в больнице научила. Иначе сглазить можно.

- Сглазить?

- Ну да. У нас в больнице девочка лежала, ее Катей звали. Она все лета ждала, мечтала к бабушке в деревню поехать. Не получилось.

- Почему?

- Умерла, - вздохнула Лиза. - Вот я с тех пор всегда и говорю: "если" и "дай Бог". И вы, дядя Миша, тоже так говорите.

- Хорошо, - у Киреева было ощущение, что эта маленькая девочка гораздо старше и мудрее его. Было видно, как Лиза загрустила. Видно, воспоминания разбередили девочке душу. Она отложила атлас в сторону.

- Дядя Миша, а хотите, я вам секрет открою?

- Секрет? Очень люблю секреты.

- Я серьезно. Я могу научить вас, как можно жить - и ни на кого не сердиться.

- Разве это возможно?

- Меня как раз Катя и научила. Вернее, то, что с ней случилось...

- Ее смерть?

- Мы ведь поругались с ней... так, из-за пустяка. Я больше была не права. Но тогда по-другому считала. Ну вот, а когда Катя умерла... я поплакала, но уже...

- Уже ничего нельзя было вернуть?

- Да.

- Грустно. А секрет в чем заключается?

- Как, вы не поняли разве?

- Нет.

- Вы когда захотите на кого-нибудь рассердиться или поругаться с кем-то, представьте, что должны умереть...

- Я?

- И вы, и тот человек. И вам сразу легче станет и совсем не захочется сердиться.

- Спасибо за секрет. Думаю, он мне пригодится. Только тебе не кажется, что мы все о грустном да о грустном?

В комнату вошла Ира.

- Дочка, иди попрощайся с гостями, да пора тебе баиньки.

- Сегодня же день рождения, - взмолилась Лиза. - Сегодня можно.

- Ты и так позднее обычного ляжешь. - Потом Ира мягко добавила: - Надо, доченька.

Мы же с тобой...

- Знаю, режимщики.

- Точно.

- А пусть мне дядя Миша что-нибудь расскажет.

- Бессовестная, дяде Мише больше делать нечего. Он и так весь вечер у тебя просидел.

- А мы не наговорились.

- Приглашай дядю Мишу, пусть к нам чаще заходит.

- Обязательно, - подал голос Киреев. Потом неожиданно спросил Лизу: - А ты интересные истории любишь?

- Еще спрашиваете!

- Тогда иди со всеми попрощайся, а я тебя подожду здесь.

- А не обманете?

- Лиза... - укоризненно протянула Ира. - Как тебе не совестно так говорить.

- Простите, простите. Пошли прощаться... У Киреева своих детей никогда не было. Но он помнил, как в молодости, будучи вожатым в пионерском лагере, рассказывал своим воспитанникам разные страшилки. Детям они нравились. Лиза немного младше, чем были его ребята, но... "Что-нибудь расскажу", - решил Киреев. Тему подсказала сама Лиза:

- Дядя Миша, а вы куда-то уезжали. Мы вам звонили, никто не отвечал.

- Да, я уезжал. У меня под Тамбовом две чудесные тетушки живут, я к ним в гости и ездил.

- Тамбов? А мы недавно фильм смотрели, там один дядя другому говорил: "Тамбовский волк тебе товарищ". Папе очень понравилось. В Тамбове что, волков много?

- А вот слушай. Только не побоисься, если немножко страшно будет?

- Ой, я люблю, когда страшно. Только я тогда со светом засыпать буду.

- Хорошо, слушай очень страшную историю. Мне ее мой папа рассказывал. Когда он был маленьким, шла война. Почти всех мужчин взяли на фронт, в армию. Остались одни старики да женщины с малыми ребятками. А надо тебе сказать, что вокруг той деревни, где жил мой отец, простирались во все стороны поля. Ровные, бескрайние. Ни леса, ни озерца. Только глухие лощины.

- Лощины?

- Это такие овраги, поросшие кустарниками, деревьями. В тех лощинах и поселились волки. И столько их развелось, что житья от них не стало.

- А охотники?

- Какие охотники? Я же сказал, все мужчины в армии. Не до волков. А те обнаглели. Особенно зимой лютовали. Приходили в деревню...

- Днем?!

- Ночью, слава Богу, но все равно, представляешь: то овцу утащат, то собаку... Вот с той поры и пошла такая поговорка: "тамбовский волк". Еще, правда, брянские волки были, но наши, тамбовские, покрупнее.

- Почему?

- Наверное, потому что степные. А может, я так из чувства патриотизма говорю.

- А-а. Дядя Миша, а как же они овец крали?

- По-разному. В нашей семье волки тоже однажды убили овцу. Крыши в сараях из соломы были. Вот волки дыру сделали в крыше и через нее овцу унесли.

- У них такая силища была?

- Подумаешь, овца. Если человек в поле припозднится - все, волки и лошадь, и человека...

- Разорвут?

- Конечно. Но когда война закончилась, с фронта мужики вернулись, с волками разделались...

- И никто спастись не мог... если в поле? - Лиза была потрясена услышанным.

- Да нет, одна девушка, ей лет двадцать было, спаслась.

- Расскажите, дядя Миша.

- Она ревизором работала. Короче, проверяла, честно ли работают в магазине или палатке. И приехала она как-то в деревню, где жил мой папа. Проверила магазин, и оказалось, что директор этого магазина, как бы это проще сказать...

- Проворовался? - подсказала Лиза.

- Точно. Проворовался. Составила она акт, в котором все отметила. Директор магазина ее сначала подкупить хотел, а она твердая оказалась, рассердилась на него. Директор ей предложил остаться переночевать, но девушка отказалась наотрез. А до райцентра, откуда она приехала, было далеко.

- И она ночью поехала?

- Поехала. На грузовой машине. А директор-жулик сговорился с шофером и... -

Опытный рассказчик, Киреев сделал паузу.

Глазенки у Лизы горели. Она будто живыми видела и девушку-ревизора, и директора, но, самое главное, Лиза очень отчетливо представляла бескрайнее зимнее поле и голодных, злых и очень страшных волков.

- Что? - шепотом произнесла она.

- Едут они по дороге. Уже темнеет. Вдруг вроде как мотор у машины глохнет. Просит шофер девушку помочь: выйти из машины и повертеть рычаг. Раньше машины можно было такими рукоятками заводить. Девушка, ни о чем не подозревая, вышла. Шоферу это и надо было: он на газ - и в обратную сторону рванул.

- А она?

- Она осталась в поле. Что обратно до деревни, что до райцентра - несколько часов идти. Над головой звезды. Ночь. Снег блестит. Красиво, а у девушки слезы текут - поняла она все. И вскоре слышит - вой.

- Вой?

- Да, волки на охоту вышли. Поняла девушка - это конец. Растерзают ее волки.

- А что, других машин разве нет? Попутных?

- Лиза, это военные годы. Самый глухой район глухой области. Какие машины! Днем одна в час проедет. А ночью... Короче, прощается девушка с жизнью. А шофер уже в деревню приехал. Они с тем директором бутылку достали, пьют на радостях.

- Неужели им ее не жалко?

- Понимаешь, тогда законы были такие суровые, что жулика этого по головке вряд ли в милиции погладили бы. Он за себя и перепугался, а на девушку ему было наплевать. Но рано директор радовался. На великое счастье девушки, возвращался в деревню из райцентра председатель колхоза. Ехал он в санях, лошадь несла его во весь опор. Увидел тот человек девушку, без слов понял, что беда с ней приключилась. Но было не до расспросов.

- Садись, - вскричал, - видишь, волки близко! И действительно - вой все ближе. Огоньки зеленые заблестели - глаза волчьи. Захрапела лошадь от страха, а мужчина кнутом лупит ее.

- Зачем кнутом?

- Глупенькая, чтобы бежала быстрее. Девушка ни жива, ни мертва сидит в санях, мамочку вспоминает. "Ничего, - кричит мужчина. - Не зря я, выходит, так поздно домой

поехал. Живую душу спас. Ну-ка, Зорька, выноси!" А лошади и кнута не надо. Умное животное, понимает, что от волков ей лучше убежать. А эти серые бестии все ближе, ближе. Самый крупный, видно, вожак, вот-вот на лошадь прыгнет... "Эх, жаль, ружья нет, - сокрушается мужик. - Кнута они не больно боятся. Давай, Зорька, еще немного осталось".

И точно. Показались огоньки. Это была деревня. Это было спасение. Волки отстали.

- А что дальше?

- Дальше? Все закончилось хорошо. Представляешь, какие лица были у тех негодяев, когда за ними пришли?

- Кто пришел?

- Милиция, конечно.

Оказалось, что в комнате стояла Наталья Михайловна и улыбалась.

- Меня за вами прислали, сказали, что вы, граждане, припозднились.

- Свет оставить? - спросил Киреев Лизу.

- Нет, совсем не страшно было. Да и закончилось все отлично. Спасибо за историю. В следующий раз еще что-нибудь расскажете?

- Даю слово. Спокойной ночи, именинница.

- А вот и нет. Именинник - это когда у человека день ангела. А у меня сегодня день рождения. А день ангела, между прочим, у меня седьмого мая. Придете?

- Надо же, а я всю жизнь думал, что день рождения и именины - это одно и то же. А придти - приду. Получается, я ни разу на именинах не был.

- Признайтесь, Миша, - спросила его Наталья, когда они выходили вместе из комнаты девочки,

- придумали историю от начала до конца?

- Нет, более правдивой истории на свете еще не было.

- И про погоню - правда?

- Вот здесь сочинил немного. Но - самую малость.

- Самую?

- Честное слово, - улыбнулся Киреев. - Главное, Лизе понравилось.

- И мне тоже.

Глава семнадцатая

- Слушай, Кира, ты сдурел? - Галина на том конце провода гремела и бушевала. - Прости, конечно, но зачем тебе московской прописки лишаться? Нужны деньги - скажи, мы дадим. Нет проблемы. Ты слышишь меня?

- Слышу.

- Что - слышу? Ты пойми, дело не во мне. Ну хочешь уехать - сдавай квартиру, получай за это денежки. Продавать-то зачем?! Куда возвращаться будешь? Что ты молчишь?

- Я тебя слушаю.

- И что?

- Мне уже нет возврата. Прости. Я переживал, что... Короче, я рад.

- Чему?

- Что квартирный вопрос тебя не волнует. Помнишь, в одной книге написано, как он всех портит.

- Ты мне зубы не заговаривай. Делай с квартирой, что хочешь...

- Спасибо.

- Почему, ну почему ты не слышишь меня? Кира, ведь ты локти потом будешь кусать.

- Если достану.

- И голос такой спокойный. Слушай, может, ты в секту какую попал? Они тебя охмурили, да?

- Родная, при чем здесь секта? Просто я ухожу. А я слаб, понимаешь, надо налегке идти.

- Ты про какой уход говоришь, Кира? Ты правда сдурел, прости за грубость. Тоже мне Лев Толстой нашелся.

- Он уходил, а я возвращаюсь... Галин, если мне надо будет, я тебя найду. Хорошо? Всего доброго тебе.

- Кира, я...

- Пока, родная. Целую.

Неожиданно все быстро закружилось. Как и в случае с гаражом, Кирееву практически ничего не нужно было делать. Ему только пришлось сначала дождаться хорошей дельной мысли, а дальше все пошло как бы само собой. Михаил Прокофьевич вспомнил, что Алла Петрова, чьи деньги он нашел, говорила, будто ее муж занимается обменом и продажей квартир. Слава Богу, что в кармане куртки Киреев нашел бумагу с ее телефоном - Алла сама написала его. Тогда он взял ее телефон из вежливости, оказалось - пригодилось.

Алла ответила "нет проблем" и даже пообещала, что сама проследит, чтобы все было "в лучшем виде". Полюбопытствовала, в связи с чем он продает квартиру. Киреев коротко объяснил, что переезжает в Старгород.

Еще через день к нему пришли покупатели, мужчина и женщина кавказского вида. Женщина скромно стояла у порога, мужчина деловито осматривал квартиру. В какой-то момент Киреев почувствовал, что внутри у него растет раздражение. С одной стороны, было ощущение, что это его, Киреева, оценивает кавказец. С другой, он вдруг ощутил родство со своей маленькой, но такой уютной квартиркой, бывшей свидетельницей его счастливых и горьких минут. А может, права Галина: сдать квартиру - и получать за нее деньги? Киреев отогнал эти мысли. Уходя - уходи. После дня рождения Лизы, после разговора с девочкой он,

возвратившись домой, вдруг в один момент, буквально в один момент - в этих словах нет преувеличения - решил не просто уехать из Москвы, а отправиться по России пешком. С какого-нибудь красивого места пойти к Старгороду. Вдоль речек, полевыми дорогами. Пойти по России, которую, оказывается, он не знал. Толпа в подземке, вереница машин на улицах, новости по телевизору - такая для него была Россия. В этот момент Киреев даже не думал о том, сможет ли он пройти пешком хотя бы пять километров, что будет делать, когда с ним случится приступ. Это было явное, очевидное сумасбродство, глупость, ребячество или блажь - называйте как хотите. Но мысль уже засела в голове Киреева крепко-накрепко. И он не хотел отказываться от нее. Вот почему, когда во время осмотра квартиры покупателем у него неожиданно возникли сомнения, Киреев вспомнил Лизу, затем ее секрет. Правда, представить себя покойником ему труда не составило, а вот этого красавца и здоровяка - как-то не очень. Киреев вышел из комнаты и встретился взглядом с женщиной. Она ответила улыбкой, застенчивой и виноватой. Киреев подумал: интересно, а какой эта женщина была в детстве, скажем, в возрасте Лизы? И, неожиданно для себя, представил. Отчетливо и ясно. Большие карие глаза на смуглом личике, множество мелких косичек... И раздражение ушло, будто его и не было. Киреев, улыбнувшись, спросил:

- Откуда приехали?

- Из Шемаха.

- Шемахи? Это в Азербайджане, кажется? Женщина кивнула. Она была совсем молодая, муж мог сойти за ее отца.

- Не маловата для вас будет квартира?

- Пока денег мало. В Москве все дорого. Их разговор прервал кавказец. Он что-то сердито стал выговаривать своей жене, которая, не оправдываясь, опустила голову. Потом мужчина заговорил с Киреевым:

- Неплохой квартира, но дорогой. Уступишь?

- Нет, родной. Если дорого, зачем пришел? До свиданья.

- Зачем рассердился сразу? Не хочу - "до свиданья". Они обговорили детали. Назначили примерный день, когда Киреев освободит жилье. Покупатели ушли, а Киреев еще не мог понять, что он продал свою квартиру. Неожиданно ему пришло в голову, что совершенно забыл о мебели, посуде. Кирееву стало смешно. Месяца не прошло, как он готов был считать каждую копейку, а вот сейчас умудрился ни разу не вспомнить о своей утвари и прочих домашних вещах. "Надо же, я только сейчас понимаю, какой смысл азербайджанец вкладывал в слова "освободить жилье". Киреев думал, что ему достаточно будет отдать ключи от дома, взять рюкзак и уйти: "Надо будет позвонить сестре, а затем опять обратиться к Алле Ивановне. Она, даст Бог, поможет с перевозкой вещей".

Киреев продолжал смеяться, набирая номер Петровой. Но вдруг ледяной холод реальности охватил его всего. Туман, окутавший его мозги, иллюзии словно исчезли в один момент. Чувство одиночества, такое памятное в первые дни болезни и уже забытое, вернулось к нему. Откуда Киреев мог знать, что в этот самый момент в Москве еще один человек думал о нем. И чем больше думал, тем решительнее связывал с Михаилом Прокофьевичем свои чаяния и планы. А Кирееву оставалось ждать ночи - и нового сна, новой радости, новой надежды.

* * *

Мой дом - моя крепость. Софья с полным правом могла так сказать о своей квартире. Но беспокойство за икону, да и за себя тоже, не проходило. С другой стороны, все чаще и чаще стал беспокоить эксперт-музейщик. Надо было предпринимать что-то решительное. Когда позвонила Алла и сообщила новости о том человеке, который нашел ее деньги, Софья выслушала их в пол-уха. Продает свою квартиру, уезжает куда-то в глубинку. Да мало ли вокруг чудаков? Чудак - он и в Африке чудак. Алла говорила о том, что внешний вид Михаила ей ужасно не понравился. Видно, болеет человек. Алка же просто добрая тетка, она когда-то и Петровича пригрела - тогда тоже бедного и больного. А сейчас этот Петрович зубки уже кажет. Но когда Алла сообщила, что этот человек уезжает жить в Старгород, равнодушие Софьи исчезло вмиг:

- Куда? В Старгород?

А ведь это идея! Эврика! Софья, как с ней бывало в минуты наивысшего довольства собой, отложила трубку в сторону и сделала в комнате "колесо". Вернувшись, продолжала слушать щебетание подруги, но ее мысли уже были далеко-далеко. "Старгород. Вот оно! Как же я раньше о тетушке-то не вспомнила? А чудак этот, оказывается, мой земляк. Ему я отдаю икону, он везет ее в Старгород. Затем я приглашаю для массажа или маникюра Юлечку, организую звонок и при ней расскажу, какая я добрая, как с одним человеком решила передать икону, ну, скажем, в монастырь. Поверит? А куда ей деваться, иконы дома уже не будет. А потом я Олю Кремер привезу к тетушке, и моя Вера Ивановна, как бы расчувствовавшись, "подарит" икону соотечественнице, волею судеб оказавшейся за границей. Можно сделать еще лучше. Пригласить Киреева и отдать ему икону при Юле, чтобы у нее... Нет, рискованно, рискованно. Но как все славно получается, как в кино: мы с этим Киреевым земляки. Может, он даже родителей знал. Тогда у Аллы я неожиданно для себя рванула вслед за Киреевым. Выходит, не напрасно. В нем было что-то такое... таинственное. Это всегда притягивает. Получается, родство душ? Или общая старгородская аура?"

Тут же у Аллы Софья узнала телефон своего земляка, а потом позвонила ему. Киреев был дома. Приглашению встретиться, судя по голосу, удивился. И согласился - без особой охоты. Софья не стала говорить, что они земляки. Сказала, что для нее эта встреча очень важна. Невнимание Киреева покорило ее, но виду Воронова не подала. Сначала она хотела назначить встречу в каком-нибудь ресторанчике, но, вспомнив, как он отреагировал на ее иномарку, предложила ему самому выбрать место, где они могли бы встретиться.

- А приходите ко мне домой, - неожиданно предложил он. Но никаких намеков, многозначительности за этими словами не скрывалось. Как на работу позвал. Так оно и оказалось. - Мне вещи в Старгород отправить надо. Буду в узлы и коробки все прятать. Заодно и поможете. Шучу. Приходите.

Воронова согласилась, но растерялась. Софья было представила привычную для себя картину: уютный ресторан или кафе, хорошая музыка, она, обворожительная и неотразимая, и мужчина - из которого уже через час можно вить веревки или, как говорила Ольга Кремер: "Он тает, тает - и растекается, как мороженое". И вот - все по-другому. Вместо музыки и ресторанного интима - комната, из которой переезжают. "И ведь это тебе, дорогая, нужна эта встреча. Придется идти. Но - игра стоит свеч. Ты был прав, Смок: "Чем больше жертвы, тем приятнее побеждать". Я ему все книги соберу, все ложки перемою, но он все сделает, что

мне нужно".

* * *

Киреев чувствовал, что становится нарасхват. Только он поговорил с Котеночкиной, с тревогой спрашивающей, правда ли, что он уезжает из Москвы, как позвонила девушка, которую он вспомнил сразу - она подвозила его до метро на своей машине. Красивая, помнится, девушка. Сказала, что у нее важное дело. Где ты, родная, годик назад была? Киреев усмехнулся: предложи ему тогда такая девушка встречу.. Разве что землю бы носом не рыл. А если бы тогда он с девушкой в иномарке - да мимо Галины - медленно так проехался... О, за это он все отдал бы. А сейчас? Сейчас ему надо быстрее собраться и уйти из Москвы. Какой-то внутренний голос подсказывал, что уход из этого огромного города - его шанс. Девушка же, даже такая красивая, ему вряд ли теперь интересна. Киреев с удивлением отметил про себя, что это женское внимание ему даже не льстит. С Натальей Михайловной он договорился встретиться у Лизы на именинах. С девушкой, ее звали Софья, - завтра у него дома. Он поначалу стал гадать, что от него понадобится этой девушке, но ему опять звонили: заботливая Алла Ивановна сообщала, что она договорилась и с контейнером, и с грузчиками: "У нас в магазине это не проблема, даже и не благодарите". А затем ему позвонил человек, который в последнее время стал для него очень близким:

- Ты не забыл, у меня день ангела послезавтра, - услышал он голосок Лизы.

- Разве такое забывается? - Интересно, кажется, в последний раз она говорила ему "вы".

- Придешь?

- Обижаешь. Обязательно приду.

- А я про птиц читаю.

- Подряд или выборочно?

- Выборочно. Сначала в оглавлении интересное имя встречаю, а потом читаю про эту птицу.

- Много прочитала?

- Пока не очень. А сейчас про коростеля читаю.

- Про коростеля?

- Он забавный такой. Кричит: "Крэкс, крэкс". Почти как Карабас Барабас из фильма. А еще коростель не летает, а пешком ходит. И на гнездовье, домой к себе, пешком из дальних стран приходит.

- Действительно, забавно. Все летят со скоростью ветра, а этот бедолага знай идет себе - за плечами котомка, города обходит, села тоже, днем отсыпается...

- Котомка? Здорово! Но его жаль немножко...

- Честно говоря, мне тоже. Но получается, доля у него такая - пешком на родину возвращаться. Но ведь возвращается, не остается на чужбине, в теплых краях. Получается, его не жалеть, а уважать надо. И никакой не Карабас он вовсе, а просто старый ворчун? Совсем как я. Алло, Лиза, ты меня слышишь?

- Слышу.

- Или случилось что?

- Дядя Миша, Наталья Михайловна сказала, что ты от нас уезжаешь. Я тебя седьмого мая последний раз увижу?

Киреев растерялся. Он не знал, что ответить ребенку. Соврать бодреньким голосом?

Стыдно.

- Лиза, я тебе вот что скажу. Мы обязательно должны увидаться. И вот еще что. Я в свой Старгород, как коростель, пешком пойду. Правда, вместо котомки рюкзак у меня будет, и пойду я днем, а не по ночам, а в остальном похоже.

- Как - пешком? - удивилась Лиза.

- Я ведь тоже, как и ты, мечтал всю жизнь по полям да лугам ходить, вдоль речек, да через синие леса. Может, до Старгорода сил хватит дойти. Только, чур: об этом знаешь только ты.

- Какой ты молодец! И мне с тобой захотелось. Я никому не скажу.

- Подрасти сначала, хорошо?

- Дядя Миша, а как я узнаю, где ты будешь находиться?

- А тебе это важно?

- Конечно.

- Тогда сделаем вот так. Из самых красивых мест, куда меня занесет нелегкая...

- Кто занесет?

- Это говорят так. Торжественно обещаю, я буду тебе письма оттуда посылать с подарками.

- Какими подарками?

- Например, цветок сорву с луга. Или листок с дерева. Идет?

- Идет!

- Ну вот и славно. А сейчас тебе спать пора. Передавай привет своим бобрам.

- Передам. А коноплянку ты встретишь?

- Все. Спать, - и он положил трубку.

Глава восемнадцатая

- Тяжко, - это первое, что сказал Софье Киреев. Он сидел на полу, окруженный горой вещей, и, кажется, был близок к отчаянию. - Ничего не получается.

- А это потому, что у вас системы нет. Кстати, здравствуйте. Плащ куда повесить?

- Спасибо, не надо. Тьфу ты! - Они оба засмеялись. - Здравствуйте. Плащ на вешалку. Я в том смысле, что помогать мне не надо. Управлюсь. Вы садитесь, а я пока кофе соображу.

- Вернемся к системе. Коробки у вас есть? Веревки? Хорошо. Я займусь посудой, вы - книгами, потом одеждой. Кстати, вещей-то у вас и не очень много.

- И слава Богу.

- Я слышала, Алла вам очень помогла.

- Не то слово. Спасибо ей. Что в этом мире без добрых людей делать? После этого они приступили к работе. Работали молча. Готовую коробку вдвоем относили в коридор. Софья обратила внимание, что лоб у Киреева быстро покрылся испариной.

- Михаил, а вы не обидитесь, если я вас спрошу?

- Как можно в наше время что-то обещать? Но я постараюсь.

- Зачем вы квартиру продаете? Если желаете из Москвы временно выехать - ради Бога. Сдайте квартиру, получайте деньги. Извините, конечно, если я не в свои дела лезу.

- Все нормально. Моя прежняя жена тоже так рассуждает. Наверное, вы обе правы. Скажу по- другому: это ваша правда. У меня другая.

- Другая?

- Не лучше вашей, не хуже, но моя.

- Я не понимаю. Это - здравый смысл, только и всего. Из него и следует исходить.

- Здравый смысл?

- Ну да.

- Я болен, Софья Николаевна.

- Лучше просто Софья... Больны? Тем более, нужны деньги на лечение. Я не понимаю.

- Мне остается в лучшем случае год. Рак, - он продолжал собирать книги, но было видно, что объяснение дается Кирееву с большим трудом.

- Ох, Господи, - эти слова вырвались у Софьи машинально. - Но ведь сейчас есть институты, клиники. А хотите, я помогу вам к профессору Бельту на операцию попасть? Он у меня картины покупает. Вы делали операцию?

Киреев словно не услышал ее вопроса.

- Софья, что мы все о грустном? Вы мне что-то рассказать хотели. А пока мыслями собираетесь, я историю одну смешную расскажу. Про операцию. Есть у меня два друга. Один врач, другой... другой просто хороший человек. В данном случае его профессия роли не играет. И вот приходит он как-то к другу-врачу, тот дежурил как раз, и говорит: проблема у меня - ногти на ногах закругляются и в кожурастают. Врач отвечает, что пустяки все это. "Пойдем в процедурную, и я все тебе быстренько исправлю". - "Нет, - отвечает мой второй приятель (давайте для простоты называть его Больной), - боли я очень боюсь. Мне даже заморозка не помогает. А вот под наркозом - сделаешь?" А дело в районной больнице происходило, замечу я вам. Больных вроде бы нет. Махнул рукой тот мой приятель, которого мы будем называть Врач: пошли, была не была! Привел он Больного в операционную.

Положил его, ноги чем надо обработал, дал определенную дозу наркоза, и только собрался к делу приступать, смотрит - синеет Больной. Почему, отчего - не понятно. Он растерялся, анестезиолога рядом нет, а сердце у Больного возьми да остановись. Волосы у врача встали дыбом. Орет на всю операционную, а сам массаж сердца делает. А Больной уже Богу душу отдает. Вот тебе и ногти! Прибежали еще один хирург и медсестра. Решают прямой массаж сердца делать. Режут, одним словом, Больному грудную клетку, массаж делают и... забилося сердечко, представляете? Суматоха, они втроем вокруг Больного носятся. Тут возьми и выключись свет. Медсестра с полного лета на каталку с Больным налетела, тот возьми да свалился с нее на пол. Потом оказалось, что ногу сломал и ключицу. Можете представить, какая у этих бедолаг ночка была. Да... А утром Больной проснулся. Сначала ничего понять не может. Рядом Врач сидит, дремлет. Знаете, что первым делом спросил Больной?

- Почему ему так трудно дышать?

- Нет. Не угадали.

- Почему нога забинтована?

- Опять мимо. Сдаетесь? Он спросил: "Теперь у меня нормальные ногти?"

- И после этих слов у Врача началась истерика?

- Разумеется. О ногтях он же совершенно забыл.

- Смешно. Я запомню эту историю, хотя на анекдот смахивает.

- Чтоб я провалился на месте, все так и было. Я с обоими до сих пор дружу.

- Только зачем вы ее мне рассказали?

- Чтоб вам весело стало. У меня получилось?

- Темните. У вас тоже сердце слабое?

- Вы настоящая женщина: во всем ищите практический смысл... Слабое, сильное... И про операцию давайте больше не будем говорить.

- Хорошо. Кто-то должен быть рядом с вами. Жена...

- Мы на днях разводимся. Нет-нет, не спешите осуждать ее. Галина была готова переехать сюда жить. Мне это не нужно. Ушла она от меня, когда я еще был здоров. Аки бык. Смотрите, а мы с вами много уже сделали. Боюсь, я у вас в неоплатном долгу.

- Михаил, вот бумаги какие-то. Стихи. С ними что делать?

- Поскольку я не Пушкин, то можно со спокойной совестью рвать и выбрасывать в мусоропровод. Это баловство мое юношеское.

- А вот что-то детское.

- Нет, это взрослые стихи.

- Тут что-то про Занзибар, про школу. Я подумала... Киреев пристально посмотрел на Софью. Она не опустила глаз. Но ни насмешки, ни иронии Михаил Прокофьевич в них не увидел.

- Не обижайтесь. Это частичка жизни. Моей жизни. Маленький городок. Школа. Зима. Женщина, которую я любил, работала учительницей. Я встречал ее после работы. Вот как-то в ожидании и родились эти строчки. Шутейные.

- Прочитайте.

- Не знаю, стоит ли, - Киреев колебался. - Ну, хорошо.

Весь день вы в школе провели,

Как трудно вам - я понимаю,

А где-то персики цвели, -
Не здесь, конечно, в Занзибаре.
А где-то солнце есть. И зной
Пылает в дебрях Амазонки.
У нас зима, и не со мной
Во сне плывете вы на джонке.
Вот старый, важный какаду
Лениво дремлет у болота,
Признаюсь, - на мою беду,
И мне туда попасть охота.
Нет, не в болото, а на юг,
Где звери, зной и ананасы.
Вы улыбаетесь, мой друг?
И даже сердитесь? Напрасно!
Все сны. Мечты. И дребедень.
На улице - пурге нейметя,
Без вас прошел мой серый день,
А вечер быстро пронесется.

Пустой автобус повезет

Меня сквозь ночь, и как в бреду

Мне сонным глазом подмигнет

Ленивый старый какаду.

Он замолчал. Софья спросила:

- И вы с ней разводитесь?

- Опять практичный женский вопрос.

- Я серьезно спрашиваю.

- Нет, не с ней. Та женщина так и не стала моей женой.

- Почему?

- Я думал, что в жизни много красивых девушек и что самую красивую я пока не встретил. А еще у этой девушки был ребенок. Не мой, разумеется.

- Ну и как, встретили потом самую красивую?

- Не знаю.

- "Мне сонным глазом подмигнет ленивый старый какаду". По-моему, неплохо. А вообще, вы стихи всерьез писать не пробовали?

- У нас ведь в России как? Есть Пушкин. Гений. Рядом никто не стоял и не стоит. Читаешь, думаешь: просто как, наверное, и я так смогу написать. Ну а дальше кому как повезет.

- В каком смысле?

- В прямом. Я стихи одного поэта прочитал. Не гения, но хорошего поэта. Я их прочитал - и все. Понял, мне так никогда не написать.

- А вы их запомнили?

- У нас сегодня что-то вроде вечера поэзии?

- Разве это плохо? Признаюсь, я давно стихи не слушала. А вы хорошо читаете.

- Опять смеетесь.

- Нисколько. Вы не хотите, чтобы ваше чтение понравилось - потому и неплохо читаете. Правда, прочтите то стихотворение. Вы же сказали, что в долгу неоплатном. Вот и расплатитесь.

- Считайте, что уговорили. Так, сейчас вспомню, как оно начинается. Киреев замолчал, собираясь с мыслями. Затем будто вспомнил что-то хорошее: бледное лицо его порозовело, оживилось. Но он молчал. Софья сидела на полу по-турецки и смотрела на этого странного человека. Поздний вечер, пустая комната, романтики никакой. Вместо шампанского - совершенно жуткий кофе из банки, вместо свечей - голая лампочка. Она говорила себе, что ей жаль, искренне жаль этого человека, что к нему у нее важное дело, цена которого не только многие тысячи, а может, даже десятки и сотни тысяч долларов и ее жизнь и спокойствие. Но было что-то еще. И в этом Софья никогда бы себе не призналась. Киреев не был похож ни на кого из ее знакомых. И сейчас она искренне хотела узнать, после каких строчек и какого именно поэта Михаил перестал писать стихи. А он словно очнулся от сна и стал читать.

Мне в черный день приснится

Высокая звезда,

Глубокая криница,

Студеная вода

И крестики сирени

В росе у самых глаз.

И тени спрячут нас.

И если вышли двое

На волю из тюрьмы,

То это мы с тобою,

Одни на свете мы,

И мы уже не дети,

И разве я не прав,

Когда всего на свете

Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,

В мой самый черный день,

Мне в черный день приснится

Криница и сирень,

И тонкое колечко,

И твой простой наряд,

И на мосту за речкой

Колеса простучат.

На свете все проходит,

И даже эта ночь

Проходит и уводит

Тебя из сада прочь.

И разве в нашей власти

Вернуть свою зарю?
На собственное счастье
Я как слепой смотрю.
Стучат. Кто там? - Мария.
Отворишь дверь: - Кто там?
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам.
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.
- Где ты была? - Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой - это
Невнятный стук колес
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

- Арсений Тарковский? - после недолгого молчания спросила Софья.

- Вы знаете? - пришла пора удивляться Кирееву. - Мне казалось, что современная молодежь не интересуется поэзией. А знать Арсения Тарковского - это сродни подвигу.

- Напрасно иронизируете.

- И не собирался. Простите, если слышали иронию. Это искреннее удивление. Правда. Может, мне не везло, но я еще не встречал среди вашего брата тех, кто читал Арсения Тарковского... Вы первая.

- "Ваш брат" - это кто?

- Вообще-то, молодежь.

- Между прочим, мне двадцать четыре года.

- Ну и что? В вашем понимании молодежь - это семнадцать-восемнадцать лет?

- А разве нет?

- Для меня все, кому меньше тридцати, - молодежь. А семнадцать лет - и вовсе дети.

Впрочем, понимание этого приходит с годами.

- Михаил, однако странно получается...

- То есть?

- Вы себя молодым считаете?

- Нет. Сорок лет - какая молодость?

- Но ведь для шестидесятилетнего человека вы чуть ли не зеленый паренек.

- Зеленый, говорите? А к чему вы клоните?

- Не обидитесь?

- Нет.

- Меня всегда бесит мудрость, идущая от возраста, а не от ума. Я вам на простом примере показала, что в определенной ситуации очень снисходительно могут отнестись и к

вам лично, как вы относитесь ко мне только на том основании, что я моложе вас. Киреев понял, что девушка рассердилась не на шутку. Он сначала хотел убедить ее в том, что она ошибается, но вынужден был в конце концов согласиться с ней. К тому же Михаил Прокофьевич вспомнил слова незнакомого старца: "Укоряют - не укоряй, гонят - терпи, хулят - хвали. Осуждай себя, так Бог не осудит". Он не хотел обидеть девушку, которая поздним вечером помогает ему собирать вещи, неизвестно даже с какой стати. Но обидел. Зачем спорить?

- Простите меня, пожалуйста, - только и сказал. Софья увидела, как смутился Михаил и виновато опустил глаза. Поднявшееся раздражение так же быстро погасло, как и вспыхнуло.

- А говорили, что не будете обижаться... Мир? Киреев поднял глаза. Улыбнулся.

- Разве была война?

- Не было. Так, инцидент на границе.

- Прекрасная формулировка.

- Так вот, об Арсении Тарковском. Мой папа читал это стихотворение маме. Не только это, но Тарковского-отца он очень любил. Когда мы с ним гуляли в окрестных рощах, он мне рассказывал о маме, читал стихи. Говорил, что хорошие поэты должны быть не только нашими учителями или советниками, но и просто друзьями. И меня так воспитал...

- Его... нет? Простите, но вы говорите о нем в прошедшем времени.

- Его нет. Хотя... Только в последнее время я стала понимать, сколько он мне дал. Да и думаю я о папе все чаще и чаще. Впрочем, вы его, наверное, знали. И маму.

- Я?!

Глава девятнадцатая

- Если вы, конечно, родом из Старгорода.

- Я родом из Новоюрьевска, но Старгород совсем близко. Через Хлыновский ручей перейдешь, минуешь небольшое поле - вот тебе и Старгород. А после моя мама вообще туда переехала. Сейчас там ее домик стоит. Пока пустой.

- А в какой части Старгорода жила ваша мама?

- В Вороньей слободке, у Белого озера.

- Там, кажется, улица Урицкого.

- Точно.

- А мы на Емельяна Ярославского жили. Там тупик еще, помните?

- Подождите-подождите. Тупик?

- Да, старые амбары. Стена кирпичная.

- А за ней Веневская дорога. Мы по ней на Оленью речку купаться ходили.

- Мы тоже.

- Признаюсь, я заинтригован.

- Воронов Николай Николаевич. Это мой папа.

- Воронов, Воронов... Да в Старгороде половина Вороньей слободки и Пугачевки - Вороновы.

- Он литературу в школе преподавал.

- Николай Николаевич?! Вы его дочь?! Радость Киреева была столь бурной, что Софья даже растерялась поначалу. Впрочем, ей это польстило. Все шло как нельзя лучше.

- Надо же! Вот так встреча. Удивительный человек был ваш папа, удивительный. Да и маму вашу вспоминаю. Григорьева Маша, правильно?

- Да.

- Я в классе седьмом учился, а Николай институт закончил. Точно, он в школе работал. Мне не забыть, как он однажды организовал факельное шествие, посвященное 9 Мая. У вашего папы друг был, он у нас в школе историком работал. Славную штуку они придумали. Если помните, мемориальный сквер у нас находится как раз между Новоюрьевском и Старгородом. Из старгородской школы вышла одна колонна, из нашей школы - другая. Мы тогда всем классом факелы делали. Представьте себе картину. Поздний вечер, часов одиннадцать. Две огненные реки движутся навстречу друг другу, затем они сливаются. Возле памятника Неизвестному солдату образуется огромный огненный круг. А потом мы все пели. Без приказа, без репетиций, просто взяли - и запели. "Катюшу", "Темную ночь", "Землянку"... А потом ваш отец опустился на одно колено, и мы все за ним. Наступила тишина - минута молчания. Только искры с треском уносятся в темноту. У меня тогда комок в горле стоял...

- Папа рассказывал, что ему за это выговор объявили. И из комсомола едва не исключили - нашлись люди, которые сказали, что это шествие - пропаганда фашизма.

- Дураки у нас неистребимы.

- Папа тоже так говорил. А мой дядя, его старший брат, как-то сказал, что только в нашей стране могла родиться мудрая мысль о свержке, который должен знать свой шесток.

- Но ведь ваш папа таким свержком не был.

- Не был, - Софья вдруг засмеялась. - Впрочем, как сказать. Мама его сверчком звала.
- Это вам Николай Николаевич говорил?
- Нет, конечно. Со мной о маме он мало говорил. Это тетя Вера вспоминала.
- Сверчок, - задумчиво протянул Михаил Прокофьевич. - Хорошо. Правда, хорошо.
- Мне тоже нравится. Сразу что-то давнее вспоминается. Русское. Деревянный домик, печурка...

- За окном вьюга. И сверчок поет свою песню.

- Точно. Папа любил все это. Даже ложки деревянные собирал, посуду старую. Тетя Вера только кувшинами папиными пользуется, другие вещи на ее чердаке лежат.

- Теперь я понимаю, почему вы Маслова любите. И даже вижу...

- Что - видите?

- Так, не важно. Значит, Николай Николаевич - ваш отец? Правду говорят, что жизнь интереснее любой книги... Когда ваш папа умер, я из Старгорода уже уехал. Мой друг, Володя Тихонов - он у нас внештатным фотокорреспондентом в газете подрабатывал - снимал тогда... на похоронах. Рассказывал, что много людей пришло проститься с Николаем Николаевичем.

- Спасибо.

- За что?

- За то, что вспомнили папу.

Они замолчали. "У Софьи ко мне просьба какая-то была, - вспомнил Киреев. - Может, спросить самому? Стесняется, наверное".

- Софья, у вас было ко мне дело? Я же не настолько наивен, чтобы поверить в то, что вы пришли мне помочь собрать вещи.

- Вы не верите в бескорыстность? - улыбнулась Воронова.

- Верю, - серьезно ответил Михаил Прокофьевич. - Но и дело ко мне у вас есть. Или я ошибаюсь?

- Не ошибаетесь. И мне теперь будет легче изложить мою просьбу.

- Слушаю вас.

- А слабо нам больше друг другу не "выкатать"?

- Если это и есть ваша... твоя просьба, то мне ее легко будет исполнить.

- Нет, это предисловие. А дело мое вот какое. Я, к сожалению, очень занятой человек. В Старгороде много лет не была. Тетя Вера зовет, я обещаю, но вместо Старгорода то в Германию, то во Францию летаю. Это не оправдание, Михаил, просто констатация факта. А совсем недавно погиб мой дядя, брат отца. Ему я очень многим обязана, очень многим, если не всем. Перед смертью дядя принес мне икону - это наша семейная реликвия. Надо сказать, что у папиного брата ни жены, ни детей не было - я, так получилось, его единственная наследница. И вот икона. Сейчас она для меня - и память о родителях и дяде, и ниточка, связывающая меня с родиной. Я намеревалась держать икону дома, но с недавних пор мне захотелось... захотелось...

- Говорите. Говори, я пойму.

- Я очень на это надеюсь. Поэтому и пришла скорее за советом, - Софья импровизировала на ходу, но спроси ее кто-нибудь сейчас, правду говорит она или нет, Воронова затруднилась бы с ответом. - Продолжу, не возражаешь? Я словно почувствовала,

что иконе хочется вернуться в Старгород. Это, верно, звучит странно...

- Совсем наоборот. Если бы вы... ты знала, с каким удовольствием я слушаю. Мне сейчас о подобном много приходится думать.

- Да? Тем лучше для меня. Признаться, я боюсь выглядеть в глазах других людей смешной... Многие годы, что годы - века, наверное, икона находилась в Старгороде. Я не могу, не умею молиться, хотя иной раз, поверь, мне этого хочется. Она стоит в моей комнате, как сирота. А с другой стороны, я от нее и отказаться не могу. Не имею права. Что же мне делать?

- Софья, ты говори. Ведь ты решила уже что-то. Так?

- В общем, да. Я хочу на какое-то время отвезти икону в Старгород. Мне кажется, что в домике моей тети ей будет как-то... сподручнее. Ты не согласен?

- Это твое решение, Софья. В любом случае, я рад, что для тебя икона уже нечто большее, чем доска и краски. А все остальное не важно.

- Не важно, что я чувствую?

- Важно, очень важно. И то, что ты чувствуешь, и что собираешься делать. Просто... как бы это точнее сказать... То, что порой нам кажется собственным решением...

- Решено за нас?

- Нет, я неправильно выразился... Что делать с иконой - решать тебе. И кому-то очень важно, что ты решишь, как отнесешься к ней. Но ты думаешь, сама икона у тебя оказалась случайно? Случайно я нашел те деньги и пришел к твоей подруге?

- И мы оказались родом из одного города...

- И ты пришла именно меня просить отвезти икону в Старгород. А я должен решать, как мне быть. И что все это значит?..

- Что? Но, прости, ты или усложняешь все, или...

- Да. Я тебя хочу просить: разве трудно передать икону..

- С кем-нибудь другим? А с кем? Тетя Вера из Старгорода не выезжает, больше ни родственников, ни знакомых у меня там нет... Передать с шофером новоурьевского автобуса? А разумно ли это?

- Соня... Мне действительно нетрудно. Но я почему обо всем этом заговорил? Еще час назад я думал, что о моих истинных намерениях будет знать во всем белом свете лишь один человек - маленькая девочка, которую зовут Лиза.

- Истинных? Девочка? - искренне удивилась Софья.

- И вот теперь я должен выбирать: либо мне сказать тебе правду, либо...

- Признаюсь, Михаил, я заинтригована. Ты едешь не в Старгород?

- Не еду, а вроде еду. Господи, ерунда какая-то получается. А все куда как проще.

- Ты мне, кажется, кофе предлагал. Я бы не отказалась. Киреев молчал. Было видно, что внутри него шла борьба.

- Я женщина, следовательно, любопытна. Мы чайник уже упаковали?

- Какой чайник? Ах, чайник! Сейчас я согрею воду. - И бормоча: "Сам я чайник", Киреев отправился на кухню.

- Михаил, а как тебя в школе звали? - спросила вдогонку Софья.

- Кир, Кира - и в школе, и в институте, и когда в районной газете работал. Кстати, меня недавно об этом кто-то спрашивал... Лиза или Наталья Михайловна?

- Боже мой, одни женщины. И опять эта таинственная Лиза. Кто она?
- Лиза Боброва. Чудесный маленький человечек. А еще Лиза - мой учитель.
- Учитель?
- Да, я не шучу. У Лизы лейкемия. Нас познакомил один хороший человек... врач. Та самая Наталья Михайловна. Еще один мой учитель.
- А чему они учат тебя?
- Очень разным вещам. Например, Лиза учит, как жить с болезнью...
- Жить с болезнью?
- Вернее, жить вопреки болезни. Громковато сказано?
- В самый раз.
- Спасибо. Как кофе?
- Честно?
- Понял.
- Не обижайся, он же растворимый.
- И не из лучших. Виноват.
- В районе Кузнецкого есть кофейня. Я приглашаю и угощаю. Там мне как постоянному клиенту сварят чудесный кофе по-турецки.
- За приглашение - спасибо, но в этом городе у меня завтра останется только одно дело - сходить на именины к Лизе. У нее дома я и переночую. - Неожиданно Киреев хлопнул в ладоши: - Идея! Мы икону - в контейнер. Утром подвезете, могу я подъехать. В Новоурьевске контейнер встретят моя сестра и зять.
- Значит, говорить не хочешь. Дело твое. Что ж, за кофе спасибо, мне пора.
- Софья, не обижайся. Пожалуйста.
- Самое интересное, что для Вороновой отправка иконы в контейнере была выходом. Но... Софья была обижена. Ей показалось, что постепенно в течение вечера между ними родилось что-то, чему трудно дать определение. Точнее, все это можно было бы определить как доверие. Несмотря на обилие друзей, приятелей, просто знакомых, в жизни Софья доверяла единицам. И вот сегодня, сейчас, когда доверие рождалось, как нечто трепетное, живое... Воронова направилась к входным дверям.
- Вот дурацкая ситуация. Софья, послушай, да остановись же!
- Кричать-то зачем? Ладно, надо действительно остыть. Я даже забыла, что ты серьезно болен.
- Вот только без жалости, хорошо?
- Хорошо. Только, согласись, мы так много говорили сегодня о чем-то иррациональном и вдруг - икону в контейнер...
- Согласен, некрасиво. А как тебе такой вариант: я послезавтра беру икону, но...
- Продолжай.
- Я просто не знаю, что будет дальше.
- То есть?
- Я хочу пойти в Старгород пешком.
- Пешком? А откуда?
- Честно говоря, пока не знаю. Собирался отправиться на центральный автовокзал. В каком автобусе любого направления от Москвы, кроме северного, будут места, туда и поеду.

- Прости, а зачем тебе это? Все, молчу, - Софья вдруг поняла, что вопрос этот лишний. А еще она поняла другое: - Ты можешь не дойти. Да? Михаил пожал плечами:

- Я надеюсь на лучшее, но... Смутно все в голове. Что-то зовет в дорогу...

- Или кто-то?

- Верно. - После некоторого молчания спросил: - Ну что, доверишь икону?

- Конечно. - Софья взяла плащ. - Ты обязательно дойдешь, слышишь? Про кофейню я говорила?

- Говорила.

- Знаешь, где это?

- Найду.

- Когда встречаемся?

- Часов в десять утра. Нормально?

- Рановато, но я поставлю будильник.

- Понимаю, богема должна просыпаться поздно.

- Как остроумно. По-моему, тебе пора отдохнуть.

- Заметно?

- Есть немножко. А Лизе от меня привет. И Наталье Михайловне. Надеюсь, ты нас познакомишь. Через несколько минут они расстались: Софья мчалась на своей машине по ночной Москве, а Киреев спал прямо на полу, укрывшись пледом. Вместо подушки в его изголовье лежала связка книг.

Глава двадцатая

"Спешка нужна при ловле блох", - покойный Владимир Николаевич Воронов не только часто повторял эту расхожую мудрость, но и сам предпочитал жить без спешки. Софья, многому научившись у дяди, разумеется, умом понимала, что делать торопливые шаги в данной ситуации ей не следует, но... Ей ведь не было еще двадцати четырех лет. Опыт Смока, настоящий на долгих годах жизни, для Софьи, при всем ее уважении к Воронову-старшему, являлся чужим опытом. А Софье так хотелось насладиться своей победой. С другой стороны, хотелось поскорее почувствовать себя в полной безопасности. Вороновой бы подождать еще день-другой, проводить Киреева, а уж после... Впрочем, легко быть умными задним числом. А если ты еще и молодая современная женщина, привыкшая проводить значительную часть своей жизни у телефона... Одним словом, примем все это во внимание и не осудим Софью за то, что на следующий день в телефонном разговоре с Аллой она поведала подруге о болезни Михаила, о том, что он надумал идти пешком в Старгород. Алла охала и ахала: "жаль мужика", "он и впрямь ненормальный", давала Софье советы: "у тебя же есть связи, помоги ему". Соня не призналась бы даже себе, однако то, что Алла, пусть косвенно, но как-то связывала ее с Киреевым, рождало в душе неведомые ранее ощущения. Кто он был ей? Никто. Так, мимолетный знакомый, коих у Софьи - "вагон и маленькая тележка", как любила говорить тетя Вера. Но послушай кто разговор Софьи с Аллой, наверняка подумал бы другое.

- А разве я ему не говорила? - горячилась Воронова. - Говорит, операция бесполезна. Сердце у него слабое.

- Слушай, - в конце концов не выдержала Петрова, - ты, часом, не влюбилась, подруженька?

- С чего ты взяла? - неожиданно для себя Софья смутилась. - Сама говорила, жалко мужика. Он, оказывается, отца моего знал, так тепло его вспоминал, я даже растрогалась.

- Да шучу я. А какое у тебя дело к нему было?

- Так, ничего особенного. Узнала, что он из Старгорода, захотелось кое-что из прежней жизни уточнить.

- Понятно. Он мне звонил где-то около часа назад. Поблагодарил за контейнер. Сказал, что все нормально, осталось только ключи передать новым хозяевам... А потом был звонок к Селивановой.

- Юля? Добрый день, - Софья не говорила - ворковала. Когда-то Смок говорил, что в ней погибла великая актриса, на что она скромно отвечала: "Почему погибла? Живет и здравствует, просто ей подмостков не надо". - Как мои дела? Спасибо. Вашими молитвами. Уже у четверых человек по моим адресам были? Прекрасно. Нет, не стоит меня благодарить. Да, да. Мне это ничего не стоило... Юля, мне совет ваш нужен. Любой массажист, наверное, всегда еще немножко врач. Что случилось? Не пойму, то ли шею надуло, то ли повернулась неудачно... Да, болит. Остеохондроз? Не рано ли? Нет, вроде и на тренажеры хожу, и в бассейн. Может, и надуло, понимаю. Какая больница? Вторую неделю - праздники. Понимаю. Нет, Юлечка, это неудобно. Ну, если не трудно. Я буду очень благодарна. Хорошо, через полчаса жду.

Все складывается как нельзя лучше, думала Софья. Икону она сначала завернула в

целлофан, а затем положила в пакет. Софья была очень довольна собой: по ее замыслу икона должна все время находиться в комнате во время ее беседы с Селивановой. Если блефовать, так красиво и до конца. Юля была точна, как фрейлина королевы. Звонок в прихожей раздался ровно через тридцать минут. Пока Даша открывала дверь, пока гостья раздевалась, Софья взяла мобильник и легла на диван. Пакет с иконой лежал рядом.

- Можно? - В двери появилось улыбающееся лицо Юлии. - Здравствуйте, Софья Николаевна. Что, так плохо?

- Здравствуйте, Юлечка. Проходите, пожалуйста. Вы готовьтесь, хорошо? Я сейчас халат сниму. Мне из Германии звонят, я договору сейчас, - произнесла Софья почти шепотом. - Ладно?

- Конечно, конечно, Софья Николаевна, делайте, что вам надо. Юля вымыла руки, достала из сумочки крем. Разумеется, она успела заметить, что иконы на месте не было. Все оставалось на своих местах: картины, фарфор, даже эта маленькая изящная вазочка на столике - иконы не было. "Спокойно, Юлек, спокойно. Улыбайся и не дергайся. Икону могли перенести в другую комнату? Вполне. Сейчас все выясню. Судя по всему, у Софьи Николаевны настроение неплохое".

А Софья, сняв халат, лежала на диване в одном белье. Даже думая о другом, Юля тем не менее оценила его. Ей частенько приходилось льстить своим клиенткам - уроки Карнеги усвоены были хорошо, но Воронова на самом деле нравилась ей. Нравилось то, как Софья одевается, нравилась обстановка и убранство квартиры. Завидовала ли она ей? Конечно. И Юля от этого не стала бы отрешиваться. А вот признаться в том, что подружись с ней эта синеглазая красотка с лицом будто с обложки модного журнала, привлеки к себе - и более счастливого человека, чем она, не было бы на свете, - Юля не могла даже себе. И поэтому ей просто до жути, до боли сердечной хотелось сделать Вороновой какую-нибудь пакость. Вариант с иконой был просто идеальный - моральное удовлетворение сочеталось с огромной материальной выгодой. Кузьмич нашелся быстро. Кстати, жил он уже с другой телкой. Дело его заинтересовало. Сошлись на пятидесяти процентах. И хотя Юлька была одна, а Кузьмич с ребятами, он не спорил. Он понимал, что идея, наводка, да и разработка операции, а потом и сбыт краденой вещи стоили пятидесяти процентов. К тому же Селиванова понимала, чем рискует. Но даже в такой ситуации она приняла решение не трогать Воронову. Юля знала, что Кузьмичу и его орлам без разницы - оторвать голову голубю или убить человека, но ей-то было не все равно. Своих подельников она убедила в том, что убивать хозяйку, человека известного, означает дополнительный риск и ничего, кроме головной боли, это не дает. На самом деле причина была в другом. Морально победить можно только живого врага. К тому же план, предложенный Юлей, в самом деле был хорош. Главным действующим лицом в нем становилась домработница Даша - не очень далекая хохлушка лет тридцати, приехавшая в Москву на заработки. Впрочем, план уже вовсю воплощался в жизнь. С домработницей будто совершенно случайно познакомился один из людей Кузьмича, здоровенный парень, которого все звали Бугай. Он один раз проводил деваху до дома, где она жила, а потом сводил ее в кино. Женщина приняла ухаживания Бугая за чистую монету. Идея была до гениальности проста: кража должна совпасть с поездкой Бугая вместе с домработницей куда-нибудь под Шатуру или Зарайск на шашлыки. Разумеется, вернуться оттуда он должен был один. Одновременная пропажа

иконы и других ценных вещей и исчезновение прислуги любого следователя наведет на определенные выводы. Будут ли искать в огромном городе живущую без прописки гражданку другого государства - тот еще вопрос. Параллельно велось наблюдение за Вороновой. Этим занимался Шурик, человек, пользующийся особым доверием Кузьмича. Шурик имел абсолютно неприметную внешность и очень умело этим пользовался. Он обожал детективы и шпионские романы, но в жизни никогда не употреблял такие традиционные реквизиты их героев, как очки, шляпы, плащи с поднятыми воротниками. Курносый нос, серые глаза, небольшие залысины, рост не высокий и не низкий - таких людей вокруг тысячи. Добродушная улыбка располагала к себе. А вместо шляпы и плаща - кроссовки, спортивные штаны с надписью "Adidas", выдавший вида свитер. Шурик умудрялся весь день находиться за спиной человека, а тот даже в ус не дул. Через день он должен был принести полный график дня Вороновой. И вдруг этот неожиданный звонок.

Софья, продолжая болтать, сняла бюстгальтер, небрежно бросила его на стул и подставила Юле спину, показывая жестами, мол, начинай. Селиванова решила, что сначала она похвалит белье Вороновой, а затем как-нибудь "вырулит" на икону, когда Софья размякнет не только от ее рук, но и лести. Юля очень нежно намазывала спину хозяйки дома кремом, дожидаясь, когда та закончит болтать по телефону. Неожиданно в разговоре промелькнуло слово "икона". Селиванова вздрогнула и стала прислушиваться.

- Что-то случилось, Юлечка? - прислонив руку к аппарату, спросила Софья массажистку.

- Нет, все нормально.

- Мне показалось, что ты вздрогнула. Ну, хорошо. Олечка, ты не расстроилась? - Воронова говорила уже в трубку. - Я понимаю, что эта икона тебе очень понравилась. А мне, думаешь, нет? Но так получилось. Хочешь, назови это сентиментальностью, но ведь не все в жизни определяется деньгами, верно? Что случилось? Приехал ко мне в гости человек, друг отца. Проездом был в Москве, зашел в гости. Рассказал о папе. Я, признаюсь, всплакнула даже. Слово за слово, оказалось, что они где-то в глубинке монастырь восстанавливают. Иконы для службы откуда могут собирают. А Одигитрия, представляешь, рядом стоит. Совпало все - и рассказ его, и мои воспоминания - отдала я икону. Нет, не жалею. Но, представляешь, будто пусто в доме стало. Надо будет себе другую икону купить. Что, такой не будет больше? А ты знаешь, я соглашусь с тобой, Олечка. Вещь удивительная была. Мастер ее писал великолепный. А это сочетание цветов на омофоре и хитоне - с ума сойти. Согласна, согласна. Слушай, не бери душу. У вас там икон больше, чем у нас. По Кельну походи, что-нибудь себе подыщешь...

У Юли потемнело в глазах. Ее руки гладили бархатную кожу Софьи, а буквально в нескольких сантиметрах на тонкой шее пульсировала тонкая синяя жилка. Боже, как захотелось несчастной заговорщице вцепиться - зубами, ногтями - в эту пульсирующую жилку, в эту смуглую тонкую шею... "Стерва, стерва, стерва, стерва... Как ты могла, как ты смела... сучка... мою икону, мою, мою... Почему, почему я не могу задушить тебя? Стерва... Не все определяется деньгами, а чем же еще? У тебя они есть - и ты все имеешь".

- Вам не очень больно, Софья Николаевна? - спросила Юля. - Если будет какое неудобство, скажите.

- И я тебя целую. Пока. Привет Гюнтеру... Все отлично, Юленька. У тебя волшебные

руки.

- Спасибо. Просто я этим делом с семнадцати лет занимаюсь.
- А сколько тебе сейчас, если не секрет?
- Какое секрет? Через два месяца будет двадцать четыре.
- Надо же, мы, оказывается, ровесники. У тебя какого числа день рождения?
- Двадцать седьмого июля.
- А у меня второго августа.
- Получается, мы обе Львы.
- Точнее, львицы. У тебя сильная воля, Юля.
- Вы это по гороскопу судите?
- Нет, по жизни.
- Почему так думаете?

- Мне так кажется. И, думаю, я не ошибаюсь. Софья как победительница могла позволить себе быть великодушной. Она собственной кожей почувствовала, как напряглись руки Селивановой. Но на ее лице, которое Софья могла видеть в зеркале напротив, не дрогнул ни один мускул. И что она сказала? "Вам не очень больно, Софья Николаевна?" Нет, надо признать, ты молодец, Юлия Антоновна. И, кто знает, сложись по-другому обстоятельства, мы могли бы подружиться.

Так думала Воронова, продолжая разговаривать с Селивановой о чем-то пустяковом.

- Ты меня просто вернула к жизни, - эти слова Софья сказала Юле в самом конце сеанса. Одна рука у нее была опущена к полу. Указательный палец рисовал какие-то знаки на полиэтиленовом пакете, стоявшем около дивана. Наверное, там лежала какая-нибудь толстая книга по искусству, подумала Юля.

Через час она сидела в своей любимой пивной. Напротив нее потихонечку тянул пиво Шурик, которого она позвала с собой, чуть ли не силой заставив покинуть пост наблюдения. Шурик долго не мог понять, что произошло:

- То есть как - отдала икону?
- Еще один житель Виллабаджо. В последний раз объясняю: пришел к ней друг ее отца.
- Нет, это я понял. Но если друг, значит, не пацан. Так?
- Я не поняла, ты это к чему?
- А к тому, что последние дней пять, что я ее пасу, около этой девахи из мужиков в основном юнцы крутились. Максимум - лет тридцать.

- Продолжай.

- Я свое дело знаю. Не думай, что хвастаю. И еще. Когда она дома была, из ее подъезда никто икону не выносил.

- Сказал, - фыркнула Юля. - А мужик тот, по-твоему, должен ее перед собой нести, как на крестном ходе?

- Если он верующий человек, как ты говоришь, он ее в полиэтиленовом пакете не потащит.

- В полиэтиленовом пакете, говоришь?

- Вот именно.

- Какой вывод?

Польщенный вниманием Юлии, Шурик не торопился с ответом. Он не спеша отхлебнул

из кружки пива и лишь потом произнес:

- Понимаешь, здесь без логического мышления не обойтись. У вас, баб, с этим туго, сама понимаешь.

- Слушай, Шурик, ты свой лобик в зеркало видел?

- Нормальный лоб.

- Это тебе так кажется. Начитался детективов, мать твою!

- Ладно, не горячись. Шучу я. Будем считать, что ты - редкое исключение. Итак, делаем выводы.

- Постой-постой. Кажется, понимаю. Тот разговор, ну, по телефону, - для меня был? Икону она спрятала куда-то, а мужика придумала.

- Или не придумала.

- То есть?

- Два в одном флаконе. Правильно, разговор для тебя предназначался. А почему ей на самом деле не воспользоваться помощью верного человека и не спрятать икону в надежное место? Пока ты с ее горизонта не слиняешь?

- Но ты же сам сказал, что никого из...

- Правильно, сказал. Только сдается мне, что поторопилась она.

- То есть?

- Если мужика не было, то он должен появиться. Значит, не все еще потеряно. Если же я проворонил его, тогда...

- Тогда я должна узнать, откуда он приезжал.

- Правильно. Но это невозможно: дурой ведь ты ее не считаешь? Если она поняла, что ты к ней заявила не ради ее ноготков, а ради иконы, то...

- Ради Бога, только не надо хвалить ее. Дурой я Воронову никогда не считала. Я другим путем пойду, как Владимир Ильич завещал.

- Какой Владимир Ильич? Ленин?

- Он самый.

- Каким путем?

- А ты логическое мышление поднапряги.

- Да ладно тебе. Говори.

- Если мужик тот - друг ее отца, надо просто узнать, откуда она родом. Оттуда и мужик приехал. Не зря она про воспоминания говорила.

- Слабовато, но сойдет. Только кто тебе скажет, откуда Воронова родом?

- А она мне дала несколько телефонов своих подруг. У троих я побывала... - Юля на секунду задумалась. - Точно. Вот с нее и начнем.

- С кого?

- Алла Ивановна Петрова. Не слыхал о такой?

- Смеешься.

- Да нет. Общительная тетка, ее многие знают. От Вороновой без ума. Она мне все и расскажет.

- А как ты к ней подъедешь?

- Это уже мои проблемы. Шура, у тебя есть мобильник?

- Оружие пролетариата. Вот.

- Дай, позвоню. Так, сейчас номерок найду. Слушай, Шура, просьба у меня будет.

- Я понятливый. Еще несколько деньков ее попасу.

- А как с Кузьмичом быть?

- Это не твоя печаль. Я ему сегодня все объясню. Мы с ним ладим, а на тебя он и осерчать может. Если икона с концами. Понимаешь?

- Как не понять. Спасибо. Ты помнишь, что я тебе про твой лоб говорила? Забудь. У тебя лбище, Шурик. И вообще, ты голова... Это квартира Петровой? Аллу Ивановну, пожалуйста. Алла Ивановна, вас Юля Селиванова беспокоит. Юля. Помните, я маникюр вам делала... Алла Ивановна, я вас беспокою вот в какой связи. Подруга ко мне приехала. Два года с мужем в Сингапуре жила. Он у нее бизнесмен. Привезла косметику. Один крем - просто чудо. Подруга говорит, это последний крик, до нас он не дошел еще. Крем делают из цветка, который растет только на острове Ява, в Индонезии. Увы, крем немного не для моей кожи, скажем так. А для вас то что надо. Сколько стоит? Ну о чем вы говорите, Алла Ивановна? Мне крем подарили, почему я должна им торговать? Я хочу вам его подарить. Почему вам? Я умею помнить добро... Могу и сегодня подвезти. Нет, не трудно. Сегодня вечером крем и испробуете.

- Ну вот, - возвращая телефон, сказала Юля. - Теперь мне Алла Ивановна всю родословную расскажет - и свою, и Софьи Николаевны.

- А какое она добро тебе сделала?

- Никакого.

- Что ж ты тогда сказала...

- Наивный. Ты бы вместо детективов Карнеги читал.

- И что он такого умного написал?

- Он написал, что в сердце льстец всегда отыщет уголок.

- Ха-ха, это дедушка Крылов написал.

- Не важно. Скажи я, что всем в жизни ей обязана, эта дура, думаешь, не поверила бы? Так человек устроен, мой дорогой Шурик. Ладно, мне пора. Надо еще крем этот чудодейственный достать.

- Ну даешь, - Шурик был в восхищении. - Ты мне нравишься.

- Честно говоря, ты мне тоже.

- Опять Карнеги?

- Да нет, в отличие от того же Гришани у тебя мозги работают. К тому же ты Крылова читал - в наши дни это редкость. А за идею спасибо.

- Не за что, - скромно ответил Шурик. - Можно еще один вопрос? Напоследок.

- Можно.

- У тебя... есть кто? В смысле мужика.

- Шурик, у тебя началось головокружение от успехов. Не так быстро, хорошо? Об этом в следующий раз.

- Я подожду. Я терпеливый. Но Юля этих слов уже не слышала. Она спешила: Алла Ивановна ждала чудодейственный крем.

Глава двадцать первая

"Ынторсура-Бузэулуй. Ынторсура-Бузэулуй" - из головы почему-то не выходило странное название городка из Атласа мира. Вчера Киреев весь вечер вместе с Лизой смотрел атлас. Фантазировали, где можно побывать, какие города посмотреть. Там они и нашли этот городок - то ли румынский, то ли болгарский. Лизу название рассмешило, а ее папа сразу сочинил:

Ынторсура-Бузэулуй:

Раз приехал - не балуй.

В игру включились все, даже Наталья Михайловна:

В городке Ынторсура

Дорогая микстура.

Но все это было вчера. Вчера, а значит, в прошлом остались и теплый свет ночника, и негромкий перебор гитары, и какой-то по-детски открытый смех Натальи. Сегодня Киреев стоял у дверей кофейни. У него уже не было дома, не было угла, который он мог бы назвать своим. Киреев уезжал, сам не зная куда. Мимо него проходили нарядно и со вкусом одетые люди. Михаил Прокофьевич в неизменном свитере чувствовал себя среди них не очень ловко. Видавший виды рюкзак, в котором лежал сухой паек, смена одежды и несколько книг, только усиливал картину. Ему стало казаться, что все смотрят только на него. Софьи еще не было, и Киреев уже всерьез подумывал над тем, чтобы повернуться и уйти. Чтобы как-то занять себя, он достал записную книжку, вырвал из нее листок. Листок был чистый, розового цвета. Так и захотелось что-то написать на нем. Чтобы не мешать прохожим, Киреев отступил к самой стене дома. Сначала он написал большое "Я". Ему стало вдруг безразлично, смотрят ли на него, что думают, кем считают. Время тоже потеряло над ним власть: Киреев думал, что прошло несколько минут, на самом же деле полчаса прошло от первой написанной буквы "Я" до последнего слова - "Бога". А все стихотворение получилось вот каким:

Я уйду в неясный день,

Там в долине плачет птица.

Может, это - коростель?

Может, это только снится?

Или ночью, в час глухой

Я уйду, забыв потери,

И оставлю за собой

Старый дом и скрипы двери.

Этот скрип - вздох обо мне -

Ничего уже не значит,

Засмеется дочь во сне,

Под подушкой крестик пряча.

Только должен я уйти

В час любой, в пургу и слякоть,

Будут грозы на пути,

Будет в ивах ветер плакать.

Или это коростель

Все зовет меня в дорогу?

Я уйду в неясный день,

Чтоб найти себя и Бога.

Кто-то тронул Киреева за рукав.

- Можно вас отвлечь? Перед ним стояла, улыбаясь, Софья. Просто стояла и улыбалась, а ему показалось... Впрочем, он и себе не решился бы сказать о том, что ему показалось в это мгновение.

- А я уж испугался, что не придешь.

- Правда? Извини, попала в "пробку". Что, пойдём? Неожиданно улыбка сошла с его лица. Он как-то неуверенно затоптался на месте.

- Михаил, что-то случилось?

- Даже не знаю, как сказать... Посмотрел на нас со стороны...

- Знаешь, а мне понравилось, с каким достоинством ты вел себя тогда у Аллы. Хотя...

Белая куртка с серым свитером - это, прости, нечто. Хорошо, что ты ее сейчас не взял.

- Она в рюкзаке лежит.

- Понятно.

- С достоинством, говоришь? Я и сейчас весь одно сплошное достоинство. Разве не заметно?

- Почему же стесняешься тогда? Мы ведь не на прием к английской королеве пришли.

- Я не стесняюсь. Просто вдруг подумал, что тебе неловко будет со мной. Софья посмотрела на Киреева долгим взглядом. Он успел заметить, что, когда что-то привлекало ее внимание, взгляд становился долгим-долгим.

- Глупости, - наконец сказала Воронова. - И вообще, я сегодня поднялась в такую рань, что мне пора выпить хорошего кофе.

- А где икона? Софья молча показала ему на пакет, который она держала в руке.

- Здесь? Я и не подумал.

- Почему?

- Не знаю.

- А в чем ее надо носить? Он промолчал.

- Вот и я не знаю. Пошли? Через несколько минут они уже сидели за столиком и пили кофе.

- Как кофе, нравится?

- Нормально.

- Слушай, я ведь и обидеться могу. Нормально!

- Почему? Ведь не ты же кофе варила.

- Но я тебя сюда привела.

- Понял. Я в жизни не пил ничего вкуснее. Только чашки маленькие очень.

- А ты привык кружками свой растворимый хлебать.

- Слушай, я ведь и обидеться могу. Хлебать. Я русский человек. Мне надо всего много.

- Русский человек, мне можно задать тебе вопрос?

- Когда спрашивают разрешения, я начинаю волноваться. А мне это вредно.

- Я серьезно.

- Тогда задавай.

- Ты очень странный. Вот идешь, сам не зная куда. Квартиру продал. Вместо того чтобы лежать в больнице и лечиться - ходишь по каким-то дням ангела к маленьким девочкам...

- Прости, что перебиваю. Это - вопрос или речь прокурора?

- Я всю жизнь была эстеткой. Мне нравились ухоженные, смазливые мальчишки, от которых хорошо пахнет и которых удобно забыть на следующий день. Мне нравилось быть сильной и одинокой. Скажи, мне просто по-бабьи жаль тебя? Или ты притягиваешь своей странностью?

- Я думаю, все проще, - очень серьезно сказал Киреев.

- Вот как?

- Отвечу так: во мне бездна ума, красоты и обаяния, ты как неглупая девушка, да еще эстетка, не могла пройти мимо этого.

Софья засмеялась:

- Понимаю, Кира. Вопрос странный. Могу пояснить. Мой дядя приучил меня к тому, что во всем есть своя логика. Четкая и жесткая. В мыслях, поступках. Я не понимаю тебя, но...

- Тебе это нравится?

- Не скажу, чтобы очень, но нравится. Даже не так. Ты что-то разбередил в душе. Но вот сейчас ты уйдешь, все успокоится, все войдет в норму. Почему ты молчишь?

- Твой дядя был не прав.

- Смок не прав? Этого не может быть.

- Мир парадоксален. Говоришь, логика - четкая и жесткая? Это мы пытаемся построить окружающий нас мир по каким-то законам, которые придумываем сами. А в один прекрасный момент мир, такой четкий, удобный, рушится - и все. Вроде бы конец. А это тоже парадокс - конца не существует.

- Парадокс? Им можно объяснить мое отношение к тебе?

- Понимаешь... Гольй парадокс - это та же безумная логика. Все равно, самое главное - это человек. Его душа. Его умение "видеть".

- Как это - "видеть"?

- Для меня самого многое еще смутно, а объяснить другому... Парадокс - это... инструмент. С его помощью могу объяснить твое отношение ко мне, мое к тебе, нас обоих - к миру. Парадокс - это... парадокс. Но главное - в тебе самой...

- Я совсем запуталась. Давай еще кофе.

- С удовольствием. Только теперь я угощаю

- Итак, что зависит от меня? - после небольшой паузы спросила Софья.

- Все. Ты любишь исторические анекдоты?

- Не знаю.

- Послушай. В XVIII веке один генерал русской армии, все свои чины выслуживший на балах в столице, отправился на военную кампанию. Все у него было как полагается - отдельная палатка, денщики, ординарцы, личный повар. Вышел он как-то вечером прогуляться. Смотрит, сидят солдаты у костра, ужинают. Подошел. "Здорово, - говорит, - братки. Ни разу каши солдатской не ел, дайте-ка отведаю". Попробовал: вкуснотища! "Не понимаю, почему солдатики от нее нос воротят?" - рассказывает он позже своему другу

министру.

- А что дальше?

- Все.

- Значит, после разносолов каша хорошо пошла?

- Да, в охотку, один разок.

- Хочешь сказать, я - генерал, ты - каша? Я пресытилась, потянуло на простенькое?

- Может, так, может, нет. Это - не мое "видение". Только схема.

- А какой ты считаешь меня?

- Это уже другой вопрос.

- Почему же? Тот же самый.

- Другой. Ты сказала, что в душе твоей что-то разбередилось. Уже поэтому Софья Воронова не может быть генералом-гурманом, а Михаил Киреев кашей. Какая ты? Для меня одна, для Аллы - другая.

- Любопытно. У Аллы я еще спрошу. А какая для тебя? Киреев на секунду задумался. Потом заговорил, но как-то глухо, чуть слышно:

- Я вижу маленькую заблудившуюся девочку. Очень одинокую. Ей кажется, что, коллекционируя игрушки, одушевленные и неодушевленные, она заглушит возникающую в душе непонятную тревогу, но девочка ошибается. Один человек, которому она верила, ушел очень рано. Другой сказал ей, что жизнь - это большой пир, лучшие места на котором достаются сильным и смелым. Девочка убедила себя в том, что так оно и есть. Поверила и настолько вошла в роль, что и другие уже не сомневаются: дерзость, заносчивость и даже высокомерие - суть этой девочки...

- А какая она на самом деле?

- Очень добрая и застенчивая. А еще нежная и верная. Такой я тебя "увидел" - и ты это почувствовала...

- Все очень красиво. И все - неправда.

- Не буду спорить. Я тебе не навязываю своего "видения". Это тоже, кстати, парадокс. Люди всегда себя представляют другими, чем они есть на самом деле.

- А если ты придумал меня... такую?

- Думают - головой, а "видят" - сердцем. Софья задумалась.

- Говоришь, сердцем? А ты кто для меня?

- Может быть, вестник. Может быть, кто-то еще. Я не знаю, - очень просто сказал он.

Наступило молчание.

- И все-таки ты очень странный.

- Спасибо. В твоих устах это звучит как похвала.

- Кира.

- Да?

- Если я попрошу взять икону, но не смотреть ее здесь - это будет очень невежливо?

- А если я попрошу разрешения посмотреть на нее в автобусе...

- Это будет нормально.

- Тогда все в порядке.

- Поедем?

- Еще минуточку. У меня тоже будет просьба... - С этими словами Киреев полез в

рюкзак. - Вот. - В руках он держал пакет. - Я продал квартиру. Здесь деньги.

- Я в курсе.

- Здесь половина вырученных от нее денег. У меня в Москве остался друг. Я тебе говорил... Лиза, Лиза Боброва. Бобренок. Девочке нужна операция. Я вчера был у нее дома, но не отдал. Почувствовал, что от меня не возьмут. Понимаешь?

- Понимаю.

- Передай им эти деньги, пожалуйста.

- А что я скажу этим людям?

- Что ты из фонда "Дети и здоровье" или "Детство без рака"... Придумай что-нибудь. Скажи, что Лиза включена в специальную программу. Передашь?

- Конечно. А если я... добавлю сюда своих денег?

- Спасибо, - впервые за время их знакомства Киреев прикоснулся к ее руке. - Спасибо. А это тебе в благодарность от меня. Пятнадцать лет стихи не писал. Это первые. - И Киреев вместе с пакетом протянул Софье розовый листок.

Пока она читала, он осматривался по сторонам. Опять долгий взгляд Софьи (Киреев про себя называл его "синяя вспышка").

- У тебя есть дочь?

- Нет. Ни дочери, ни сына.

- А почему тогда ты это написал?

- Сам не знаю. Пришли строки - все.

- Мне очень понравилось. Правда. Ты меня слышишь?

- Что? Конечно, слышу. Соня, ты ничего не замечаешь странного?

- Странного?

- Ну да. Вон в том углу, посмотри незаметно, сидит мужчина.

- В коричневой куртке? Серенький такой.

- Как ты о людях... Скорее, неприметный.

- Вижу. А что?

- Сам не знаю. У меня такое ощущение, что он думает о нас.

- Ты телепат?

- Вроде нет.

- Вообще-то, Михаил Прокофьевич, это вы с высоты своего возраста во мне только маленькую девочку видите. Другие, представьте себе, красивую женщину. У человека просто есть вкус.

- Во-первых, я красивую женщину называю девочкой именно с высоты своих лет, а во-вторых, Соня, здесь что-то другое. Не могу объяснить...

Неожиданно он встал и направился в сторону столика, где сидел мужчина. Софья видела, что они перекинулись несколькими фразами. Киреев вернулся к столику.

- Поехали?

- Ну что? - спросила Соня уже в машине. - Предчувствия его не обманули?

- Ты знаешь, он вздрогнул, когда я подошел.

- Не удивительно: задумался человек, а к нему подошли, вот и вздрогнул. Кстати, о чем ты его спросил?

- О чем? Спросил, не мог ли я видеть его в Пошехонье-Володарском два года назад.

- А это где?
 - За Ярославлем.
 - Почему именно там?
 - Не знаю. Лицо у него пошехонское.
 - А какие лица у пошехонцев?
 - Как у него.
 - Понятно. Признайся, ты очень любишь детективы?
 - Сдаюсь. Будем считать, что мне показалось. Минут через двадцать они приехали на Щелковский автовокзал.
 - У тебя есть билет? - спросила Софья.
 - Нет.
 - А если билетов не будет? Надо было заранее заказать. Мог бы мне сказать. Киреев промолчал.
 - Нам в какую кассу?
 - Ты будешь смеяться, но я не знаю. Пока не решил.
 - Я думала, что уже ничему больше не удивлюсь. Ошиблась. Они стояли около огромного табло с расписанием рейсов автобусов.
 - Теперь я понимаю, почему от тебя ушла жена.
 - Не понимаешь. Я тогда был другим.
 - Ой ли?
 - Да. Жил строго по расписанию. Как скорый поезд.
 - Зато сейчас ты отрываешься по полной программе.
 - Точно.
 - Что думаешь делать?
 - В Одоев бы поехал, там у меня друг живет. Но шесть часов ждать неохота. Кашин - хороший город, но он в другую сторону от Старгорода.
 - Михаил, а если поехать в Новоюрьевск?
 - Не искушай меня, женщина. Я и так слаб еси.
 - И как же ты будешь выбирать себе рейс?
 - Буду ждать знака. Ты спешишь? Давай прощаться.
 - Не лишай меня, пожалуйста, такого удовольствия. Нет, не права Кремер. Жить надо в России.
 - Кто это?
 - Так, подруга моя, в Германии живет. Будет ей о чем рассказать. Я раньше с мистиками не была знакома.
 - Ну и как?
 - Впечатляет.
- В это время раздался голос дежурной по вокзалу:
- Внимание! От двенадцатой платформы в 11.45 отходит автобус на Болхов.
 - Соня, сколько времени?
 - 11.42.
 - Как я понимаю, в Ынторсура-Бузэулуй отсюда автобусы все равно не ходят...
 - Куда не ходят? - переспросила Софья.

- Ынторсура-Бузэулуй. Подробности тебе Лиза расскажет. Пойдем, если одно место в автобусе будет

- вот мне и знак.

- А если больше, чем одно?

- Тогда это не знак. Кстати, Болхов - не в Орловской области?

- Спроси что-нибудь полегче. Я не знала, что есть такой город. Они подошли к автобусу.

Шофер уже принес путевку.

- Земляк, - спросил его Киреев, - местечко до Болхова есть?

- Как раз одно, - крикнул кто-то из пассажиров.

- Садись быстрее, - бросил шофер.

- Спасибо, - Киреев поднялся на две ступеньки и обернулся. - А проститься времени не осталось. Прощай, девочка Соня.

- До свидания, вестник.

- Если доберусь до Старгорода, то...

Двери закрылись. Автобус медленно отошел от платформы. Софья полезла в сумочку за ключами от машины. Мимо нее сновали люди, много людей. Но почему-то ее внимание привлекло коричневое пятно, которое она могла видеть боковым зрением. Софья обернулась. Это был "пошехонец", человек из кофейни. Воронова вздрогнула, не веря своим глазам. Посмотрела в ту сторону - коричневого пятна уже не было.

Только что она видела действие киреевской мистики. Недавно она смеялась и над его, как она считала, подозрительностью.

- Это вж-ж - неспроста, - процитировала Софья свою любимую детскую книжку. Но ей не хотелось смеяться. На душе было скверно.

Глава двадцать вторая

"Наконец-то свободен!" - произнес Киреев, когда автобус миновал последние московские строения. Однако слова прозвучали явно фальшиво. И чем дальше от Москвы увозил автобус Михаила Прокофьевича, тем сквернее становилось у него на душе. Всю последнюю неделю он прожил на эмоциональном подъеме, вызванном готовящимся отъездом. И вот отъезд уже реальность. А что дальше? Смешно сказать, но только сейчас Киреев подумал о том, что в дороге его может застать дождь, что ему надо где-то спать. Он положил в рюкзак томики любимых поэтов - Пушкина, Тютчева и Баратынского, взял Библию на русском языке, но не догадался взять в дорогу плащ и спальник.

В голове возник мотив песни из фильма "Обыкновенное чудо". Ее пел Андрей Миронов. Слова Киреев знал плохо - только немного вначале, но сама мелодия, удивительно грустная и светлая, как нельзя лучше подходила под его теперешнее настроение:

Давайте негромко, давайте вполголоса,
Давайте простимся светло.
Минута, другая, и все успокоится,
Что было, то было - прошло.

Впрочем, Михаил Прокофьевич не был уверен в правильности слов, которые он тихо напевал, закрыв глаза. Но окончательно уйти в себя не удалось. Сосед Киреева, мужчина средних лет, читал журнал. В журнале было мало текста, но много фотографий. У соседа оказалась, по всей видимости, забавная, но не всегда безобидная привычка: он комментировал только что прочитанное вслух. Сквозь монотонный шум мотора Киреев мог слышать: "У Мадонны родился сын... Шерон Стоун перенесла операцию... Мина Сувари вышла замуж... Наши звезды предпочитают итальянскую сантехнику..."

- Твою мать, - чертыхнулся человек и повернулся к Кирееву. - Только и остается что материться. Сейчас приеду домой, там у меня печное отопление и удобства на улице, а они мне показывают, на каких толчках все эти певцы и певицы сидят. Разве это справедливо: всю жизнь вкалывал, а нормальных бытовых условий не заслужил, и вот, смотрите, звезда эта - блин, слово-то какое придумали - одну песенку спела - и уже звезда, - может себе позволить эту, как ее... - И мужчина прочитал по слогам: - Джа-ку-зи. Мне скоро полтинник стукнет, и не знаю, что это такое, а у нее есть.

И он смачно выругался, найдя рифму к слову "звезда".

- Нет, в самом деле, зачем они людей дразнят?

- Вы меня спрашиваете? - отозвался Киреев.

- Но вы что-то об этом думаете?

- Я не понимаю: зачем тогда надо было покупать этот журнал?

- Как зачем? А что семь часов в дороге делать? Да и программу здесь печатают.

- И все-таки, вы же этот журнал выбрали. Вам интересно, сколько платьев осталось от принцессы Дианы? Вы поклонник творчества Мины Сувари?

- Я не то что Мину, я и бомбы никакой не знаю.

- Тем более.

Оказалось, что их разговор слышали другие. Первой в него вступила женщина, сидевшая напротив Киреева. Спортивная одежда, бодрый вид, тележка у ног - все выдавало в

ней любительницу активного отдыха и заядлую дачницу.

- Это все из Америки к нам пришло. Желтая пресса. Оболванивает людям мозги...

- У нас чуть что - во всем Америка виновата, - перебил женщину уже ее сосед - мужчина лет тридцати. - Ругаем ее, ругаем, а телевизоры давно американские смотрим, хлеб у них покупаем, про их артистов читаем, за их команды в хоккеей бодем. Вы посмотрите, этот журнал у половины автобуса в руках.

Начался спор. Общественное мнение склонилось в пользу женщины. Народ пришел к выводу, что Америка живет хорошо только благодаря тому, что на нее работает практически весь мир, что их культура - дешевка, и только из-за предательства власти наша страна становится слабым и беспомощным придатком в мировой системе.

Кирееву стало смешно. От "дачницы" не укрылась усмешка Михаила Прокофьевича:

- Вы не согласны?

- Почему же? Я всегда и со всеми соглашаюсь.

- То есть вам все равно?

Киреев на секунду задумался. Потом сказал:

- Хорошо. Представьте себе: на берег водного потока выходят трое. Один говорит: какая огромная река, мне ее не переплыть. Придется поворачивать обратно. Второй обрадовался: надо же, ручеек! Можно попить водички. А третий ничего не заметил - перед ним расстилалась бескрайняя, безводная саванна. Первый из этих трех был муравей, второй - шакал, а третий - слон.

- И что эта басня означает?

- Наверное, только то, что каждый из этих трех был по-своему прав. Вот для вас Америка - зло, для вашего соседа, наоборот, страна для подражания. А для меня без разницы - есть эта Америка или нет.

- Не поверю.

- Ваше право. Телевизор я стараюсь не смотреть, журналы про красивую жизнь не читаю... И еще. Если я скажу, что мне нет дела до страны Буркина-Фассо, вы мне поверите?

- Но вам не все равно, как вы живете, - вступил в разговор сосед Киреева.

- Простите, а это зависит от Америки?

- Это зависит от многих причин. И от Америки тоже.

- Помните, с чего начался наш разговор? Вам не нравится, о чем пишет журнал, но вот что интересно: через неделю вы опять купите его.

- Да это все жена, она просит...

- Не лукавьте, пожалуйста. Все дело в вас самом. Легче всего придумать страшилку и все свои беды сваливать на нее. Труднее всего сделать что-то самому.

- А что я могу?

- Для начала не покупайте этот журнал. Вы спокойно проживете, не узнав, сколько детей у Мадонны и сколько было любовников у принцессы Дианы. А программу телевидения можно и в своей районной газете прочитать.

- Вы и впрямь считаете, что этого достаточно? - насмешливо спросила Киреева "дачница".

- Я считаю, это лучше, чем сотрясать воздух в проклятиях врагу, придуманному себе в оправдание.

- Себе в оправдание?

- Конечно. У меня есть знакомый. Его сыну лет четырнадцать - на западной музыке, западных фильмах просто помешан. Отец, разумеется, ругает Америку. Я возьми и спроси его, когда он читал с сыном что-нибудь отечественное, когда сына куда-нибудь свозил: в Суздаль или Плес - у него машина есть. Знаете, что он мне ответил? Когда вырастет - пусть тогда и ездит, мне надо деньги зарабатывать, а не по суздалям мотаться. А читать... Пусть с ним в школе читают, за это учителям деньги платят.

- Ваш приятель не прав, конечно. Но как вы не понимаете, что разрушительные силы - огромны. Они бьют по нашей культуре, традициям...

- Вы все верно говорите, но что проку от ваших слов? Демонизируя врага, вы тем самым делаете его сильнее, а себя слабее. Правильно сказал ваш сосед: журнал этот у половины автобуса. А издание, которое пишет о традициях и культуре, в момент прогорает. Знаете почему?

- Почему?

- Потому что все это притягивает, - Киреев ткнул пальцем в журнал, - подсматривать за кем-то в замочную скважину. Это действует не на духовную сферу, а совсем на другие точки. Но разве себя, родного, будешь осуждать за это? Ни за что. Америка, жена, кто угодно виноват, но только не я.

- Как вы ловко все перевернули, - возмущился мужчина. - Это я же виноватым и оказался. Хорошо, выброшу я этот журнал, дался он вам. Он что, перестанет выходить, другие прекратят его читать?

- Какое вам дело до других, как и до Америки? Как мне журнал, так вам она далась. Мне кажется, нации - как люди. У всех разный возраст. Есть нации древние, например, китайцы. Посмотрите, как они относятся к еде, здоровью, природе - на самом деле, пожилые люди, да и только. Американцы - нация- подросток. Представьте себе 15-16-летнего паренька или девушку - и все поймете об американцах. Они жизнерадостны, непосредственны - если вы увидите где-нибудь в музее старичков с голыми петушиными ногами, равно как и старушек в шортах - не сомневайтесь, это американцы. Вы посмотрите, кто у них любимые национальные герои: супермены, Микки-Маус, человек- летучая мышь. Читают они в основном комиксы - серьезные книги не для них.

- Я слышала, что они из "Анны Карениной" комикс сделали...

- Правильно. Едешь в машине по прекрасной дороге и слушаешь пересказ толстовской книги... Что еще вспомним? У детей есть такая страсть: они, к примеру, фильм посмотрят и не успокоятся, пока взрослым его не перескажут. А когда те сами будут фильм смотреть, все норовят комментировать действия. Это - американцы. Они что-либо узнают, во что-то поверят - и не успокоятся, пока других в свою веру не обратят. Им не важно, в чем надо убеждать - в пользу биодобавки или необходимости уверовать в Христа.

- Причем я читала, они из религии шоу делают...

- Так оно и есть. Они же подростки. Это мы на кухнях мировые проблемы обсуждаем. Тайсон, их чемпион по боксу, кому-то ухо откусил - они это всей своей страной месяц обсуждали.

- И какой же из всего этого вывод? - спросила женщина, которая в данный момент полностью была согласна с Киреевым.

- Делайте его сами. Для меня он очевиден: если одно стихотворение Пушкина для меня значит больше всего того, что они там насочиняли и написали, почему я должен бояться их культурной экспансии? Согласитесь: если вы пойдете во двор играть с маленькими девочками в "классики" - это будет смешно.

- А какая, простите, связь?

- Самая прямая. Будьте верны своей культуре, своим традициям, воспитайте в них своих детей и внуков, помните, откуда мы, кто мы, какая духовная глубина стоит за каждым из нас - и неужели одного Микки-Мауса не одолеем?

- Вы утрируете...

- Безусловно, но самую малость...

- Легко сказать - воспитайте. А как?

- Разумеется, не словами. Делами. Живите в той культуре, к которой принадлежите.

- Я стараюсь, но моих, например, детей все равно тянет на все заморское.

- Не беда, просто у них возраст такой - он соответствует пока американской культуре.

Потом вырастут.

- Вы оптимист. Кстати, если речь зашла о возрасте наций, сколько нам лет?

- Сколько лет? Около сорока. Средовек, как говорили в старину.

- Самый кризисный возраст, - заметил сосед Киреева.

- Правильно. Сомневаешься во всем: в себе, в других. Растерян, кидаешься от одного к другому, пытаешься понять, зачем ты живешь.

- Вам не кажется, что этот период у нас затянулся?

- Это не для моего ума вопрос. Я только знаю, что силы и отдельный человек, и нация должны черпать из прошлого - своего прошлого. Применительно к нации - это и есть те традиции, о которых мы говорили. Забудем их окончательно - русской нации на Земле больше не будет.

- Но вы же сами говорили, что нам не страшна американская культура?

- Американская культура не страшна, страшно собственное беспамятство.

- И все начинается вот с этого журнала? - сосед Киреева не успокаивался. Киреев выдержал его насмешливый взгляд:

- Им может все закончиться. Сосед отвел глаза:

- Давайте спать. Ни к чему хорошему такие разговоры не приводят.

- Ваша правда, - согласился Киреев.

Он был недоволен собой. Получилось как всегда: то, что хотел сказать, - сказать не получилось. Одни высокопарные фразы. Только других людей обидел. А они... они все равно останутся при своем мнении. Духовность, традиции, память прошлого - у человека удобства на улице, а у юной певички есть джакузи, о котором этот человек и не слыхивал. Для него это главное, а не какая-то абстрактная культура. А у того парня, напротив, отношение к Америке совсем другое. Он знает, что такое джакузи, и еще надеется успеть заработать на него. И заработает - наш человек настойчив - была бы цель поставлена. И времени побольше. Жаль только, что цель - из области сантехники. Киреев закрыл глаза. Американцы, джакузи, неведомая Мина Сувари - все закружилось в голове хороводом из чьих-то лиц, цветковых пятен, обрывков фраз. И он провалился в сон.

* * *

В комнате стоял дым коромыслом, на столе - гора бутылок: пустых, начатых, полных. Полчаса назад Юле позвонил Кузьмич и приказал явиться по этому адресу. Она ехала сюда и готовила себя к худшему. Что являлось этим худшим - Юля не знала. От Кузьмича можно было ждать всего. Сейчас "зачитает приговор": за понесенные моральные и материальные убытки пустить эту дуру, то бишь ее, Селиванову Юлию Антоновну, "по кругу". Бр-р. Она представила себе "ребятишек" Кузьмича, особенно двух громил, которых все звали Боб и Доб - сокращенно от Бобчинского и Добчинского. Говорят, так назвал эту неразлучную пару - Бориса и Николая - их шеф, Кузьмич. Забавно, но пьеса Гоголя "Ревизор" была у Кузьмича любимой. По крайней мере, он любил ее цитировать. Когда к нему нужно было кого-нибудь доставить, Кузьмич обычно говорил: "А подать-ка мне Тяпкина- Ляпкина". Вот сейчас этой "Тяпкиной-Ляпкиной" была она. Однако ее встретили приветливо. Шурик сразу подвинул к ней пивную бутылку. Это был хороший знак.

- Мы тут кой-какой баланс пытаемся свести, - после короткого приветствия обратился к Юле Кузьмич. - Мне надо будет на недельку-другую отъехать. Есть дела поважнее вашей иконы, но и ее упускать не хочется. Значит, уплыла иконка, а?

- Кузьмич, я все объясню...

- Не надо. Мне Шурик уже все рассказал, а я ему как себе верю. Если он говорит, что давно такой смышленной телки, как ты, не встречал, значит, так оно и есть. Кто не работал, тот не прокальвался. Понимаешь меня?

- Понимаю.

- А коли понимаешь, давай-ка своей смышленной головой кумекай. Я, девочка, не люблю проигрывать. Икона эта должна быть у нас. Понимаешь меня? Юля не успела ответить. Вмешался Шурик:

- Не заводись, Кузьмич. Зачем пугаешь человека? Думаешь, она сама не хотела эту икону получить? Другое дело, что Воронова непростой штучкой оказалась.

- А ты не учи меня жить. Я не пугаю. Ты что, не знаешь, как я на самом деле могу пугнуть? Я проигрывать не умею, понимаешь меня? И если ты радуешься, что какая-то Воронова тебя вокруг пальца обвела, то я другой человек.

- Не радуюсь я. Мы с Юлькой поэтому сложа руки не сидели. Но ты - начальник, тебе решать, что дальше делать.

- Вот это другой разговор. - Кузьмич отхлебнул пива. - Ты Гоголя что-нибудь читала? - неожиданно спросил он Юлю.

- Читала. "Ревизор", "Мертвые души"...

- Про души ничего не скажу, а вот Городничий правильно говорил: "Я всех в бараний рог скручу" - и всю губернию в руках держал. Поэтому империя и пала, что таких людей дураками выставляли. Он с понятием был человек. Понимаешь меня?

- Понимаю.

- А ни хрена ты не понимаешь. Устроили, бля буду, слезку. За каким, спрашивается? Домработницу в лес везти. Тьфу! Нет, говоришь, больше иконы?

- "Я как будто предчувствовала: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Пришли, понюхали и пошли прочь", - неожиданно процитировала Гоголя Юля.

- Чего-чего?! - Кузьмич пришел в восторг. - Слушай, ты мне нравишься. Приятно

встретить начитанных людей. Мои придурки, наверное, только "Филиппка" из школы помнят.

- Это про дельфина, что ли? - спросил доселе молчавший Доб. - Я по видуку смотрел. Только ты путаешь, его Флиппером звали.

- Кого?

- Дельфина, кого же еще?

- Филиппок - это крестьянский мальчик, понял? Учиться он очень хотел. Вот про него Толстой и написал.

- А дельфин здесь при чем?

- Слушай, я сейчас зарыдаю. Не позорь ты меня. Путаешь, говорит он мне. Умереть, не встать. Эта деваха сейчас из "Ревизора" сцену читала. Учись! Ладно, кто из вас начнет? - обратился, наконец, Кузьмич к Шурику и Юле.

Селиванова ответила:

- Пожалуй, я. У Вороновой подруга есть...

- Воронова, Воронова... Скажи, а у нее отца не Владимиром Николаевичем звали? Хотя, сколько в Москве Вороновых...

- Это дядя ее.

- Дядя? Что же ты мне сразу не сказала? Нет, ребята, эту девку мы трогать не будем. Я уважал покойного Воронова. Дружить не дружил, врать не буду, но уважал. Шурик явно поскучился.

- Все, деваха, можешь идти. Шурику телефончик оставь - ты ему приглянулась, а про это дело я, считай, забыл.

- Ты какой-то чудной сегодня, Кузьмич, - переглянувшись с Юлей, заговорил Шурик. - Наверное, "Мертвые души" начал читать.

- Давно по морде не получал, шутничок?

- Давно. Юлька тебе с самого начала говорила, чтобы девку эту не трогать. А икону мы сейчас не у нее брать будем. Она отдала ее.

Юля сразу поняла хитрость Шурика. Она без его перемигивания уже знала, о чем надо говорить Кузьмичу, а о чем промолчать.

- Как отдала? - переспросил Кузьмич.

- Дело вот в чем, - подключилась к разговору Юля. - Софья Воронова сирота, ее дядя воспитал. А когда Воронова того... убили, ей, видимо, мысли всякие в голову полезли.

- Продолжай, пока не очень понимаю.

- Пришел к ней как-то земляк ее, поговорили они о родных местах, вот Воронова и расчувствовалась. Отдала, короче, она икону. То есть не ее это теперь икона. И мы забудем о Вороновой. Все, нет ее для нас.

- А кому отдала, мы знаем.

- Вот это самое главное. Я ведь с этого и начала. У Вороновой есть подруга. Я к ней подъехала. Короче, она мне все про этого типа рассказала. Он больной...

- Кто больной, тип этот?

- Да, у него рак.

- Господи, с вами не соскучишься. Рассказывай дальше.

- Ему вроде бы мало осталось жить. Вот он и продал свою квартиру, взял икону и

отправился на родину.

- Ничего не понимаю, уехал, что ли? Тогда куда уехал?

- В том-то и дело, что в никуда. Родом он, как и Воронова, из Старгорода.

- Это где?

- Под Тулой. Километров сорок к югу, я на карте смотрел, - вставил фразу Шурик.

- Так вот, может, у него от болезни с головой что, но он решил до Старгорода пешком идти. Как странник.

- Век живу, а о таком не слышал. Итак, что мы имеем?

- Смертельно больного человека, которому осталось жить не больше года, а то и того меньше, и икону, которая лежит у него в рюкзаке. Спрашивается, нужна ему икона? И сам он нужен кому?

- Молодец, - похвалил Кузьмич, - правильно поставленный вопрос - считай, уже наполовину решен. Значит, говоришь, чудака этот на букву "м" никому не нужен?

- Абсолютно.

- Мы знаем, куда он придет, так?

- Куда должен был придти...

- А ты и впрямь смышленная. Только вот откуда он должен выйти?

- Это уже по моей части, - взял слово Шурик. - Не буду долго говорить, короче, он поехал в Болхов.

- Доб или Боб, принесите карту, - приказал Кузьмич. - В бардачке моей машины лежит. Юля убрала со стола бутылки, Шурик взял у Боба карту и расстелил ее перед Кузьмичем. Все сгрудились за его спиной. Шурик показывал пальцем:

- Вот Старгород - это Тульская область. Вот Болхов - Орловская. По прямой не больше ста пятидесяти километров. Но он пешком пойдет.

- И не слишком скоро - болезнь у него не шуточная.

- Правильно, Юлька. К тому же он из тех мест, журналист. Где-то будет задерживаться, где-то передохнуть захочет. Правда, не исключена возможность, что он после первого дня окоцурится или плюнет на все и рванет в Старгород на колесах.

- Предлагаю ждать его в этом... Старгороде. Видать, это большая деревня, все друг друга знают. Сделаем дело, возьмем икону - и готово, - открыл рот Доб. Юля хотела съязвить, но передумала:

- Правильно. Как вариант, думаю, сгодится. Но когда все на виду - это же и минус. И еще. А если он окоцурится, как сказал Шурик, где-нибудь в поле? Кому тогда икона достанется? Милиции? Грибникам?

- А что же, ты предлагаешь с ним в прятки играть?

- Зачем в прятки? - опять взял слово Шурик. - Смотрим сюда. Из Болхова в Старгород два пути. Один через Мценск, другой, более окружной, через Белев. Я думаю, он на Мценск пойдет. А теперь посудите сами: человек идет с рюкзаком. Странствует. Ну?

- Что - ну?

- Это нормально в наше время? Ты пойдешь, Боб, пешком с рюкзаком?

- Я что, придурок? У меня тачка есть.

- И я к тому же. Посмотри: до Мценска из Болхова всего одна дорога. Это не Москва. Дня два-три ему пути. Завтра мы его встретим. А дальше - дело техники.

- А если в другую сторону пойдет, на Белев?
- Повторяю, он пешком, мы на машине. Мы десять раз от Болхова до Белева и до Мценска доедем, пока он ковылять будет. Что скажешь, босс?
- Значит, сегодня он ночует в Болхове?
- Я думаю, что в ночь он не пойдет.
- Есть в твоём плане слабое место.
- Какое?
- Ты можешь дать гарантию, что он сегодня где-нибудь по дороге не выйдет? - Кузьмич опять посмотрел в карту. - В том же Мценске, к примеру.
- Не могу, но...
- То-то и оно. Значит, сделаем так. Не получится с вариантом "дорога" - наведемся в Старгород. Второй вариант назовем "деревня". Но это плохой вариант, деваха права. Если он быстро отдаст икону в церковь или монастырь, она, сами понимаете, засветится. Я завтра уеду, с собой возьму Боба и Доба. Вам даю Гнилого и Бугая. Все.
- Четверым что делать, шеф? - возразил Боб. - Шурик с Бугаем вдвоем управятся.
- Я думаю, ты бы с ним и один управился. А смог ли бы найти этого странника - сомневаюсь. Главным будет Шурик. Юлька не помешает - голова у нее варит. А затем Кузьмич одной фразой подвел итог разговора:
- Итак, сроку вам даю - неделю. В Старгород он придти не должен. Понятно?
- Понятно.
- За два дня ребята управятся, босс, - пообещал Доб.
- А ты что скажешь? - обратился Кузьмич к Шурику.
- Куда ему деться? Днем больше, днем меньше. Верное дело. Нутром чую.
- А я вот не доверяю даже себе. Короче, неделю меня не беспокоить. Не управитесь, звоните. Будем решать, что дальше делать. Теперь другой вопрос... Шурик пошел проводить Селиванову до двери.
- Спасибо тебе за доброе слово. Говоришь, сроду такой смышленной не видел? А ты молодец, я думала, мы не узнаем, куда он поедет, - сказала Юля.
- И ты молодец, раскрутила тетку. Ты извиняй, мне еще посидеть надо. Завтра в семь выезжаем. Мы за тобой заедем. В дороге все и обговорим.
- Поедем через Мценск?
- Разумеется. Не доезжая до Болхова мы с ним и встретимся. Кстати, я сегодня немного приборзел.
- В смысле?
- Да я решил их в самом кафе пасти.
- И что?
- Они трепались, трепались, а потом он вдруг встал и подошел ко мне.
- Что же ты мне раньше не сказал?
- Когда? У Кузьмича? Сейчас рассказываю. Подошел и спросил, не встречались ли мы с ним раньше в каком-то Пошехонске. Ошибаетесь, говорю. Он извинился и отошел.
- Думаешь, заподозрил что?
- Не знаю. Вряд ли.
- А дальше что?

- Все. Ну, почти все. Когда он в автобус сел, я сослепу табличку с названием города прочитать не смог. Подошел совсем близко. Одним словом, показалось мне, что увидела она меня.

- Воронова?

- Да. Я, разумеется, вмиг слинял, но...

- Показалось или увидела?

- Увидела.

- Что будем делать?

- Разберемся с этим мужиком, а с Вороновой будем по ситуации действовать.

- Испортил ты мне все настроение.

- Не переживай.

- Шурик, ты что, проститься не можешь? - донесся из комнаты голос Кузьмича. - Я жду.

- Иду! Знаешь, я ведь зря трепаться не буду. Сказал не переживай, значит, не переживай.

У Кузьмича много дел. Сегодня он есть, завтра нет. Я в его замах не числюсь, но ребята меня уважают. Что попрошу - сделают.

- Не хочу я, чтобы ее Боб или Доб пришили.

- Не хочешь - и не надо. Пусть живет. Только как можно тише... Ну, ладно, до завтра.

- До завтра.

Юле совсем не хотелось ехать куда-то в Тмутаракань. Но она знала: приказы Кузьмича не обсуждались. К тому же хотелось к минимуму свести вариант, при котором ее могли бы просто "кинуть". А Шурик и вправду оказался сентиментальным человеком. Он не стал огорчать Юлю и говорить, что пакет с иконой Воронова передала бородачу в самый последний момент. Шурик решил не добивать свою новую напарницу: получалось, что когда Юля простилась с иконой, та лежала в пакете прямо у ее ног.

Глава двадцать третья

Если вначале Софья хотела сразу же звонить Юле, то затем чуть поостыла. "А что я ей скажу? Что в кафе и на автовокзале видела какого-то парня? Кстати, это еще вопрос, видела ли я его. Видимо, в Кирееве столько мистического, что это все передалось и мне. Или позвонить? Попытаться прощупать, узнать, что она хочет делать? А мне это нужно? В конце концов, главного удалось добиться: я вне опасности, икона, надеюсь, тоже. Если даже за нами кто-то и следил, то в автобус сел только Михаил. Поди теперь, ищи ветра в поле. Нет, я дергаться не буду. Думаю, Юля мне сама позвонит". Софья успокоилась. А вечером ее закружили дела. Она умудрилась побывать на двух выставках, посидела с друзьями в уютном кафе, назначила несколько встреч на послезавтра - завтра День Победы. Сразу несколько знакомых позвонили ей и предложили отдохнуть за городом. Она приняла приглашение Мещерских.

Это была семья художников в трех поколениях. Удивительные люди - очень гостеприимные, несколько старомодные. Старшие Мещерские - Илья Ферапонтович и Аглая Серафимовна почти безвыездно жили на даче под Звенигородом. Их по праздникам навещали сын Илья, его жена Соня и сын Ильи Ильича Ферапонт. В прошлом году Воронова в своей галерее организовала выставку работ Мещерских - отца, сына и Ферапонта. Внук Ильи Ферапонтовича был самым талантливым в династии. Успех выставки был оглушительным. Именно тогда Софья поняла, что в этой жизни она не только племянница Воронова. С той поры она еще больше сблизилась с этим удивительным семейством, в котором дед читал наизусть Гумилева, плавал зимой в проруби; его сын дарил каждый день цветы своей жене, удивительно красивой женщине, будто сошедшей с полотен прерафаэлитов. А Ферапонт... Ферапонт был влюблен в нее, Софью. Он был моложе Вороновой на пять лет, а потому серьезно к нему Софья отнестись не могла, чем очень обижала юношу. Когда прошла выставка, он прислал ей большое письмо - очень трогательное и милое. В тот вечер Софья позвонила ему по телефону и мягко, но одновременно решительно попросила его выбросить из головы глупости.

- Это не глупости, Софья. И вы очень несправедливы ко мне.

- Почему несправедлива?

- Потому что считаете меня юнцом. А между прочим, к Борису Кравченко вы так не относились, а он мой ровесник.

- Ферапонтик, а откуда ты знаешь, как я к нему относилась? Разговор приобрел интересный оборот.

- Он мне сам... я знаю, - растерялся юный Мещерский. Боря Кравченко был не очень способным художником, зато очень смазливый мальчишкой. Его Софья бросила быстро, отплатив за нежность покупкой двух работ Бориса.

- Ты на что намекаешь, мальчик? - В голосе Вороновой появились металлические нотки.

- Я, я... Софья, простите меня, я не имел в виду ничего плохого. Но ведь Борис вам нравился, значит, и я мог бы.

- Нет, не мог бы, Ферапонт. Я сама выбираю - друзей, любовников, деловых партнеров. Ты - сын и внук моих очень добрых друзей, для меня этого достаточно. Иначе будет перебор.

- Ну почему, Софья? - Мальчик чуть не плакал.
- А ты спроси Бориса, как быстро я его бросила.
- У нас все будет серьезно, вот увидите. Вы сами говорили, что я талантлив.
- Я и сейчас так думаю...

После того разговора на какое-то время Ферапонт исчез из ее жизни. И вот сегодня позвонили Илья и Софья. Если всем другим звонившим Воронова отвечала: "Спасибо, я подумаю", то им ответила: "Спасибо, я постараюсь". И они поняли, что Софья приедет. О Кирееве Воронова не вспоминала. Ну, если и вспоминала, то самую малость. Когда в кафе Владик Хабилава, арбатский плейбой, шутя назвал ее бессердечной пожирательницей мужских сердец, Софья смеясь ответила ему:

- Не знаю, не знаю. А один человек, между прочим, сегодня утром назвал меня застенчивой и доброй. А еще нежной и верной.

- Радость моя, надеюсь, эту чушь он шептал тебе не в постели?

- Нет, солнце мое, не в постели. А ты с этими словами не согласен?

- Застенчивая, верная? Сонечка, ты же умная женщина. Такая грубая лесть - и ты поверила? Это был обычный треп, но слова Владика заделли Софью. Даже не слова, а то, с каким искренним смехом и чувством веселого недоумения переспрашивал: "Застенчивая, верная?" Вспомнился Смок: "Как с цепи сорвалась... Богема твоя хренова". А ведь, похоже, он был прав. То, что мужчине ставится в достоинство, женщинам не прощается. Глаза Владика, масляно смотревшие на нее, были красноречивее любых слов.

А еще раз она подумала о Кирееве, когда, расплачиваясь, вспомнила о деньгах, которые надо передать родителям девочки, от которой Михаил был, похоже, без ума. "Ничего, до послезавтра подождет", - решила Софья.

Но поздно вечером, уже дома, ей вновь пришлось вспомнить Киреева. Позвонила Алла:

- Хочу спросить, Сонечка, а как ты планируешь провести завтрашний день?

- Хочешь пригласить меня на дачу?

- А как ты догадалась?

- Я сегодня просто на разрыв. Никогда не думала, что Софья Воронова настолько популярная личность.

- И что скажешь?

- Скажу большое спасибо. Увы, уже обещала.

- Жаль, а кому, если не секрет?

- Не секрет. Мещерским.

- Понятно. Куда нам, рабоче-крестьянским, до этих аристократов.

- Глупости не говори. Я же не виновата, что они раньше меня позвали.

- А я разве виновата, что до тебя дозвониться невозможно? Шучу. Мы увидимся после праздника?

- Конечно.

- Да, я тебя поблагодарить хотела.

- За что?

- По жизни как-то получается, что ты мне всегда только доброе делаешь.

- Заинтриговала, не спорю. И что же я тебе такого доброго в последний раз сделала?

- А ты не иронизируй. Это же ты мне Юлю Селиванову порекомендовала.

- Юлю?

- Массажистку. Она мне вчера косметику принесла. Обалденную просто. Софья насторожилась:

- Подарила косметику? А в честь чего?

- Ты меня обижаешь, подруженька. Юле привезли крем откуда-то из Азии, ей он не подошел, вот она про меня и вспомнила.

- Про тебя? И денег не взяла?

- А она, между прочим, о тебе взახлеб говорила. На душе у Софьи опять стало тревожно.

- Взახлеб?

- Без преувеличения. Мы с ней так славно поболтали.

- О чем?

- Да разве я припомню все?

- Тогда скажи, про Киреева, Михаила, она спрашивала?

- Ну, спрашивала. Что с тобой, Сонечка, у тебя даже голос изменился?

- Алла, говори, что ты ей рассказала.

- Ладно, скажу, а что такого? Как он мне деньги принес, про болезнь его...

- Что Киреев идет пешком в Старгород - тоже говорила?

- Не помню. Кажется, да.

- Кажется или да?

- Да. Что случилось, ты мне скажешь? Это что, был секрет?

- Какое это теперь имеет значение? Эх, Алка, Алка.

- Что - Алка?

- Ничего. Это я - дура. Ладно, давай прощаться.

- Соня, постой. Я что-то плохое сделала?

- Не знаю, ты или я. Неужели ты не понимаешь, что косметику она тебе подарила не ради глаз твоих красивых.

- А почему? - почти по-детски спросила Петрова.

- Потому что язык у тебя без костей. Киреев ей был нужен, понимаешь? Пока. Софья бросила трубку. Теперь она все поняла. Михаил был прав: тот "пошехонец" следил за ними. Он знает, куда поехал Киреев. В том, что незнакомец как-то связан с Селивановой, Софья не сомневалась. Прощаясь, Михаил крикнул ей: "Если доберусь до Старгорода". Какой смысл он вкладывал в эти слова - узнает ли об этом Софья? Получалось, из-за нее человеку, который не сделал ей ничего плохого, человеку, и без того переносящему физические страдания, грозила смертельная беда. Опять пришел на память Смок. Уж на что дядя был смел, умен и, как раньше думала Софья, всемогущ, но и его убили. Безжалостно, размозжив голову почти средь бела дня в двух шагах от дверей собственной квартиры. И вот теперь Киреев. Станный человек с грустными глазами. На нее что-то нашло тогда, во время их последней встречи. Другой бы ее расспросы воспринял как флирт, а этот говорил о парадоксальности мира, о том, что можно смотреть, а можно "видеть". А потом он уехал - в никуда, обещав через Лизу подавать о себе весточки. Почему-то отчетливо представилась картина: Михаил идет по дороге, навстречу движется автомобиль. Киреев проходит мимо, ничего не подозревая, а машина останавливается, из нее выходят люди... Софье стало страшно. Она бросилась искать номер телефона Селивановой. Гудок, второй, третий...

Софья еще не знала, что она скажет этой женщине... четвертый, пятый, шестой - но обязательно скажет.

- Я слушаю. Алло, говорите. Я слушаю вас.

- Вот и хорошо, что слушаешь. Это Воронова.

* * *

В автобусе на икону Киреев смотреть не решился - не хотелось привлекать внимания. В Болхов приехали в семь часов вечера. Михаил Прокофьевич вышел из салона последним - он словно оттягивал встречу с неизбежным. Единственный из всех пассажиров, кто сказал водителю "спасибо", Киреев шагнул в свою новую жизнь. В смутных мечтах она виделась ему яркой и загадочной. Что оказалось на деле? Убогое здание вокзальчика, пустая торговая площадь, неказистые серые домики. Два "человека", два антагониста внутри Киреева завели привычный спор - так случалось всегда, когда Михаила Прокофьевича охватывала нерешительность. Первый: "По-моему, все нормально. Помнишь приметку? Все, что плохо начинается - хорошо заканчивается..." Второй: "Утешил. С каких таких пор ты стал в приметку верить? А по-моему, дрянь дело. Это надо же

- гостиница в городе работает два дня в неделю, когда белорусы приезжают торговать. А торговать они приезжают по субботам и воскресеньям. Сегодня хоть и праздничный день, но - четверг. Ау, белорусы, где вы? Нету. Так куда мы пойдём, где голову приклоним?" Первый: "Надо пройтись по городу, осмотреться. В конце концов, до темноты еще далеко. Можно, конечно, плакать по уютной московской квартире, но стоит ли? Неужели правы Галина и Наталья, советовавшие... ты сам знаешь, что они советовали". Второй: "А ты на самолюбие не дави. Уметь признавать свои ошибки - это признак мудрости. По московской квартире плакать поздно, а вот на орловский автобус успеть еще можно. В Орле с гостиницей проблем, уверен, не будет. Город посмотришь, а потом - до Тулы. Оттуда - в Старгород".

Первый: "Трус несчастный. Чего испугался? Шести-семи ночных часов? Что ночлега не найдем? Забыл народную мудрость: "Май - под каждым кустом рай"? Придумаем что-нибудь..."

- Заткнитесь вы оба! - Киреев произнес это вслух. Проходившие мимо старички, видимо муж и жена, испуганно оглянулись и убыстрили шаг. Михаил Прокофьевич вздохнул виновато - и пошел потихонечку мимо серых домов по дороге, бравшей резко в гору. Это были первые метры его странствия. Он говорил себе: "С этого момента я все начинаю с нуля, с самого начала. Я, как старый хлам, выброшу весь этот груз, что будет мешать мне идти вперед. Я начинаю учиться, учиться заново. У людей, зверей, птиц. Каждый день может стать последним в моей земной судьбе, каждая встреча - последней. Значит, сегодняшней день - самый важный в моей жизни, завтрашнего может просто не быть. Люди, которых я встречу, - самые важные, ибо других, вполне возможно, мне не суждено увидеть".

Боюсь, мысли Киреева покажутся кому-то несколько театральными. Но за их искренность я ручаюсь. Он намеревался, начав с нуля, с первого пройденного метра, сбросить весь тот "груз", что был им накоплен за сорок лет жизни. Но легче снять с себя кожу, чем избавиться от привычек, накопленных за долгие годы. Тем паче, когда они становятся твоим вторым "я". Киреев чувствовал, что, вступая в разговор помимо своей воли, он становился похожим на шар, из которого вышел весь воздух. Но научить свой

внутренний "голос" говорить просто, без изыска и громких фраз, наш герой так пока и не сумел. Ему очень хотелось обрести внутреннюю тишину, хотелось даже, чтобы голос вообще умолк, но...

Минут через пятнадцать-двадцать Киреев добрался до центра города: небольшая площадь с неизменным памятником Ленину упиралась одним концом в два больших храма, другим - переходила в центральную улицу. Михаил Прокофьевич сначала прошелся по одной ее стороне. Когда двухэтажные дома сменились частными одноэтажными домиками и стало ясно, что еще сотня-другая метров и город кончится, Киреев перешел на другую сторону и пошел обратно. Ему было интересно, он внимательно смотрел на дома, построенные, судя по всему, на рубеже XIX-XX веков. Типичные дома типичного уездного городка. Многочисленные вывески на них говорили о том, что большинство учреждений и всевозможных организаций Болхова размещались именно в этих домах. Но сегодня, в праздничный вечер, центральная улица словно вымерла. Однако безлюдье только радовало Киреева, еще не очень уверенно чувствовавшего себя в таком виде с рюкзаком за плечами. Чего-то не хватало. Какой-то теплоты, сердечности. Он обходил, словно турист, город, нагружая глаза и ум, но не душу. Душа грустила о Москве. Вернее, о прежней жизни, в которую не было возврата. Что же делать? Киреев остановился около одного из домов. "Завтра сюда придут люди... Нет, не то, не о том ты думаешь. У них, наверное, туалет на улице. Не то. Понятно, что жизнь в Болхове по сравнению с московской внешне убога - это ясно. Будто в другой век попал. Но сейчас, чувствую, я должен понять что-то другое. Не внешнее, так легко бросающееся в глаза". И вдруг Киреев представил, причем представил очень отчетливо, что этот маленький, убогий, серый Болхов - город, в котором он родился. Представил, что по этим улицам, мимо этих домов он бегал в детстве с друзьями.

И все изменилось. Нет, Болхов не стал больше, не осветилась неоновыми огнями его центральная улица, наступавшие сумерки не могли скрыть обшарпанности домов и заборов. Изменилось что-то в самом Кирееве. Он вдруг "увидел" этот город. Любящее сердце мудрее равнодушного. Теперь по городу шел не праздный турист, а возвратившийся к отчему порогу человек. И сразу же уютom и спокойствием, а не нищетой и угрюмостью повеяло от этих строений, деревьев и даже памятника. Раздался мелодичный перезвон. От неожиданности Киреев вздрогнул.

- Что это? - спросил он проходившую мимо девчущку.

- Куранты.

- Куранты?

- А что вы удивляетесь? - в голосе девочки послышалась гордость за свой город. - Наши мастера установили их на храме. Каждый вторник один из мастеров поднимается по лестнице на колокольню и заводит куранты...

- Ты так здорово рассказываешь. Наверное, очень хорошо учишься?

- Нормально учусь. Просто обидно. Все приезжие считают, что раз в Болхове всего десять тысяч жителей, то это - деревня и в нем нет ничего интересного.

- Прости, тебя как зовут?

- Маша.

- Машенька, честное слово, я не считаю Болхов деревней. Скажи, а как же на церкви могут... находиться куранты?

- А она не действующая. И рядом с ней еще одна - она тоже не работает. Жалко, красивая очень. В ней Иван Грозный венчался.

- Не может быть! - искренне удивился Михаил Прокофьевич.

- Правда, мы по истории проходили. А если хотите в церковь на службу попасть - вот как раз отсюда в тот проулок пройти, там церковь действующая. Тоже, между прочим, очень древняя.

- Надо же, какой знатный ваш город, ежели сам Иоанн Васильевич здесь венчаться решил.

- Это он раньше знатным был. Нам учитель рассказывал, что в середине XIX века в Болхове очень много купцов жило. Это были их дома, - и девочка сделала широкий жест рукой.

- Спасибо тебе, Маша. Просветила меня.

- Пожалуйста, - серьезно ответила сероглазая русоволосая девочка и пошла по своим делам, поминутно оглядываясь на странного незнакомца. А незнакомец направился к двум храмам, от которых некогда и начиналась центральная улица славного уездного города Болхова.

Огромный собор середины XIX века, на колокольне которого размещались куранты, был закрыт. Зато в другой храм, на стене которого висела доска, гласившая, что памятник культуры XVI века охраняется государством, попасть можно было без труда - через огромные проломы в человеческий рост. Внутри царил запустение. На земляном полу - горы кирпича и прочего мусора. Надписи на стенах, бутылки, остатки пищи. Киреев пытался представить государя всея Руси, венчавшегося здесь, представить красочную торжественную службу, сотни нарядно одетых людей - и не мог. Послышалось воркование. Киреев поднял голову: вверх, под самыми сводами, на балке сидел голубь и смотрел на него. Странно, но это был не привычный сизарь, а белый голубь. Последние лучи заходящего солнца осветили старые кирпичи, земляной пол, кроткого голубя. Грусть стала нестерпимой. Через пролом Киреев выбрался на воздух, сел на траву. На ум пришли строки любимого поэта:

С моста идет дорога в гору.

А на горе - какая грусть! -

Лежат развалины собора,

Как будто спит былая Русь...

Какая жизнь отликовала,

Отгоревала, отошла!

И все ж я слышу с перевала,

Как веет здесь, чем Русь жила.

А еще он вспомнил где-то прочитанное, что у каждой церкви есть свой ангел-хранитель, приставленный к ней. И даже если церковь разрушают - ангел остается до второго пришествия, до судных дней. Киреев не имел понятия, способны ли ангелы чувствовать одиночество, оскорбляет ли их подобная "мерзость запустения", но ему стало жалко ангела этого храма, видевшего его лучшие дни. Оплакивает ли ангел только разрушенные стены или скорбит о нас? Потомки тех, кто сотни лет назад кричали русскому царю: "Многие лета!", пили здесь водку. Говорят, ангелов нельзя видеть. А вдруг этот голубь - ангел разрушенной церкви? Грустный, одинокий ангел, принявший птичий облик, чтобы

хоть один человек на Земле смог услышать боль ангельского сердца...

Глава двадцать четвертая

"Быть может, я успею на конец службы в действующий храм", - подумал Киреев. Маша говорила, что он близко отсюда. И, взвалив рюкзак на спину, поспешил в указанную девочкой сторону.

* * *

- Софья Николаевна, вы? - голос Юли говорил, что его владелица просто счастлива слышать Воронову. Селиванова с бульшим на то основанием, чем Нерон, могла воскликнуть: "Какая великая актриса во мне умирает". И следующие слова она произнесла почти с нежностью:

- Что-нибудь случилось, Софья Николаевна? Ой, да не молчите же, а то я начинаю волноваться. А Софья замолчала, ибо поняла в эти несколько секунд простую, но в то же время очень верную тактику Селивановой. Перестраиваться надо было на ходу.

- Случилось, Юлечка, - теперь уже заворковала Софья. - Друг у меня есть. Очень хороший человек. Михаилом Киреевым зовут. Не слыхала о таком?

- Киреев Михаил? Пойдите-пойдите. Это не тот художник, что к вам приходил, - высокий такой, обрит наголо?

- Нет, другой. О нем тебе Алла Петрова буквально вчера рассказывала.

- Ах, да! Вспомнила. Станный такой человек, куда-то пешком собрался. Алла Ивановна говорила, что он болен очень. Бедняга, - и Воронова услышала тяжелый вздох.

- Ты все верно вспомнила. Так вот, боюсь, беда с ним может случиться...

- Конечно, может! Софья Николаевна, если он ваш друг, я бы на вашем месте никуда чудака этого не отпустила. С такой болезнью надо дома сидеть. В дороге всякое может случиться.

- Видишь, ты правильно все понимаешь. Люди ведь разные на свете есть.

- И не говорите. Но все равно, это же ведь его выбор. Он взрослый человек. В конце концов, вам он не брат и не муж. Или... я ошибаюсь?

- Не ошибаешься. Он мне... просто друг. Но ведь и это не мало? Или я ошибаюсь? Юля молчала. Софья слышала в трубке только ее дыхание.

- Софья Николаевна, я не совсем понимаю...

- Зачем я звоню? Сама не знаю. Может, потому, что между нами дружба начинала завязываться... Одним словом, поделиться захотелось. Мы ведь друг друга еще не очень хорошо знаем. И если моих друзей обижают, особенно таких... странных - ты ведь так сказала? - я на многое пойду, чтобы их защитить.

- Это с хорошей стороны вас характеризует, Софья Николаевна...

- Не надо иронизировать, Юлечка. Мы же друг друга поняли, не правда ли?

- Вы слишком хорошо обо мне думаете. Я всю жизнь руками работаю, а голова, как говорится, отдыхает. Не совсем я вас понимаю.

- Ты все понимаешь, Юлечка, - голос Вороновой стал жестким. Воркование закончилось. - Если твои дружки что-нибудь сделают с Киреевым, плохо будет тебе.

- Вы не нервничайте, Софья Николаевна, я слышала, эти дни бури магнитные на солнце...

- Вот и хорошо, что поняла. Пока. - И Софья положила трубку, не дожидаясь ответа.

Юле оставалось несколько часов, чтобы обдумать услышанное и принять решение. Воронова ясно дала ей понять, что она все знает. Но в конце концов природный оптимизм Селивановой взял верх: "Только ведь труп еще найти надо. А вдруг Киреев в монахи решит постричься? Или в пьяной драке... Или сердце... Врете, Софья Николаевна, ничего-то вы не докажете. Ни-че-го!" И когда к "хрущевке" на Кузьминской улице подъехал белый "Сааб", у подъезда его уже ждала девушка в джинсах и ярко-красной куртке. Это была Юлия Селиванова.

* * *

Внутри храм оказался гораздо больше, чем казался снаружи. Множество икон в позолоте, расписные стены, пол просто блестит чистотой. Молящихся немного - от силы человек десять. Киреев, положив у входа рюкзак, скромно встал почти у самой двери. На него обернулись, посмотрели с интересом, кто бегло, а кто пристальней. "Надо, наверное, свечей купить", - подумал Киреев. Далеко, у алтаря, в сумраке храма появился священник - коренастый, чернобородый мужчина примерно одних лет с Михаилом Прокофьевичем. Что-то неразборчиво читала женщина сбоку от алтаря. В него опять вошел священник. Наконец Киреев услышал знакомые в чтении слова: женщина читала "Отче наш". Только закончила, как из алтаря донеслось: "Яко Твое есть Царство и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков". Голос был не сильный, высокий. Чтица ответила: "Аминь". "Видимо, служба заканчивается", - подумал Киреев. Кто-то тронул его за рукав. Он обернулся. Позже Михаил Прокофьевич пытался восстановить в памяти это мгновение, но вспоминал только лицо пожилой женщины, будто выплывшее откуда-то из сумрака:

- Возьми. Сходи к нему. Обязательно.

Лицо вновь исчезло, а в руках у Киреева была фотография. Ничего не понимая, Михаил Прокофьевич посмотрел на снимок. На нем был изображен пожилой священник. Старенькая, выдавшая виды ряса, на голове камилавка. Крупные черты лица. Глаза смотрят пристально из-под густых седых бровей. Большая борода с проседью, огромный крест на груди добавляли человеку, изображенному на снимке, величия. Внизу стояла подпись: "Коссов Георгий Алексеевич. 1858-1928 гг.". Киреев ничего не понимал. Кто этот человек? Куда ему надо идти? Служба вскоре закончилась. Присутствовавшие на ней люди разошлись, но той женщины Киреев так и не увидел. Не зная, что делать дальше, решил дождаться на улице священника. Тот вскоре появился: закрывая дверь, давал какие-то указания чтице.

- Вы меня ждете? - Явный украинский акцент выдавал в священнике хохла. - Негде переночевать?

- Негде, - признался Киреев. - Но я хотел кое о чем вас спросить. Признаюсь, что несколько озадачен. - И Михаил Прокофьевич протянул священнику фотографию.

- Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом, - произнес священник, показывая всем своим видом, что он все понял. Потом добавил: - Блажени вси надеющиеся Нань. Берите рюкзак, вон мой дом. Пока матушка будет ужин готовить, я вам все расскажу. А заодно кое-что покажу. - И не дожидаясь ответной реакции собеседника, неожиданно резво для своей комплекции пошел к кирпичному домику под белой крышей, стоявшему метрах в ста от церкви. Так Киреев познакомился с отцом Владимиром Дроздом, настоятелем храма Николая Мирликийского.

- Подождите меня здесь, я на минутку, - отец Владимир взял у Киреева рюкзак, сам

отнес его в дом. Вскоре оттуда раздались голоса. Все происходило так быстро, что Михаил Прокофьевич даже не понимал, радоваться ему или огорчаться. Впрочем, про огорчение он подумал ради красивого словца, если так можно сказать. Еще тридцать минут назад он не знал, где заночует этой ночью. Пять минут назад он не знал о существовании отца Владимира... А священник вышел из дома так же стремительно, как и вошел в него:

- Пойдемте, здесь рядом.

Они прошли мимо церкви. Улица вела вниз. Отличия от деревни не было никакого. Сразу за церковью закончилась щебенка, заменяющая асфальт. Маленькие домики за невысокими заборами. У одного из домов стоял столик - здесь вовсю шла игра в домино. Играли и мужчины, и женщины. Они дружно поздоровались с отцом Владимиром. Тот поклонился. Потом заметил Кирееву:

- Хорошие люди, а в церковь не ходят. Будут лучше в "козла" до темноты резаться... Да услышит их Господь в день печали...

Еще метров пятьдесят - и они свернули в какие-то заросли. Тропинка шла мимо картофельного участка, кучи мусора, становясь все более покатой. Наконец они вышли на открытую поляну - и Киреев ахнул. Отец Владимир был явно доволен произведенным на гостя впечатлением. Попробуем описать то, что увидел Михаил Прокофьевич. Они стояли на вершине огромной кручи. Внизу серебрела Нугрь - небольшая река, на которой стоял Болхов. В этом месте Нугрь делала резкий поворот. Получалось, что Киреев и священник стояли на выступе, с которого можно было видеть весь город, по обе стороны. А за рекой уходили в бесконечную даль поля, рощи, дороги. И в том месте, где они соединялись с горизонтом, садилось солнце. Большая часть солнечного диска уже скрылась, но последние лучи бросали свой малиновый отблеск на реку, деревья, купола храмов - их Киреев тоже видел отсюда. Нельзя сказать, что в воздухе царил тишина. Перекликались друг с другом ребяташки, ловившие рыбу. Их белесые головки можно было с трудом, но все-таки различить внизу. Где-то работала бензопила. За густыми ветвями ив слышались голоса спорящих друг с другом людей. Надрывно мычала корова на лугу за рекой - беднягу не спешили вести домой. Но такое умиротворение витало вокруг, растворяясь во всем: в воздухе, солнечных лучах, серебристо- малиновых бликах воды, что у Киреева навернулись слезы на глаза. Внутренний монолог прекратился

- не надо было ничего объяснять. Священник сочувственно смотрел на него, затем нарушил молчание:

- Я каждый вечер прихожу на это место. А те, кто попадают сюда впервые, - эхма. - Отец Владимир не нашел нужного слова. - Красотища, правда? И каков контраст, заметили? Вот шли мы с вами - грязная улица, мат-перемат, помойка. И вдруг - это... - Священник опять не нашел нужного слова. - Может, вы смеяться будете... - Он посмотрел на Киреева.

- Не буду, - тихо ответил Михаил Прокофьевич.

- Мне от восторга своими словами говорить не хочется. В такие моменты слова святого Псалмопевца на ум приходят.

- А какие сейчас пришли?

- Сейчас? - Отец Владимир на секунду задумался, а потом торжественно продекламировал: - "Глас Господень свершающий елени, и открыет дубравы, и в храме Его всякий глаголет славу". Скажите мне, Михаил, разве вот этот чудесный мир - не храм

Господа?

- Отец Владимир, простите, я не очень силен в церковно- славянском. А как будет по-русски то, что вы сейчас сказали?

- По-русски будет не так красиво, но тоже не плохо. Это двадцать восьмой псалом. "Глас Господа разрешает от бремени ланей и обнажает леса, и во храме Его все возвещает о Его славе".

- Ну и память у вас.

- А у меня батюшка родной священником был. По псалтыри я и читать учился.

- Мы вроде с вами ровесники, где вы могли грамоту по псалтыри изучать?

- В Ровенской области. Я сам оттуда. В наших местах пустых храмов не было никогда, да и к священникам там отношение другое. - Отец Владимир умолк, видимо, вспомнив о чем-то невеселом. Потом словно очнулся: - Да, памятью меня Господь не обделил... Надо же, я ведь еще кое-что забыл вам показать. Пойдемте.

Но идти пришлось не более двадцати шагов. Священник показал на землю: "Видите?" В быстро наступающих сумерках не сразу разглядел Киреев среди молодой травы куст розы, огороженный крошечным частоколом из сухих веток.

- Это от коз, - пояснил отец Владимир.

- Вы посадили?

- В том-то и дело, что не знаю - кто. Понимаете, как красота на людей действует? Не в своем саду, а вот здесь взял добрый человек и посадил розу. Самое удивительное - сколько дней прошло, а еще никто не сломал куст. Больше того, коз своих стали от розы подальше привязывать. Представляете?

- С трудом.

- Вот и я тоже. Ну, ладно, если не боитесь простудиться, давайте присядем на траву. Мы проводим солнце, а я заодно расскажу вам об отце Егоре.

- О ком?

- Об отце Георгии Коссове, его в народе отцом Егором звали, а еще чекряковским батюшкой. Это его фотографию вам дали.

Они сели.

- Михаил, - нарушил молчание отец Владимир, - можно спросить вас?

- Конечно.

- Вы человек воцерковленный?

- Не знаю, что вам ответить. Темный я еще, - Киреев попытался отшутиться, но отец Вадим был серьезен.

- Темный? Не понимаю.

- Спросили бы вы меня - верую ли я в Бога...

- Веруете ли вы в Бога?

Киреев задумался:

- Я не знаю, что ответить. Вот вы меня на это место привели...

- А какая связь?

- Разве место это для вас не очень личное? Вы словно душу мне приоткрыли. Вот и я хочу быть перед вами искренним. - И Киреев стал рассказывать. О своей болезни, о страшной ночи в своей квартире, Арсени Гусеве, Лизе Бобровой, о том, что он чувствовал в

пальновской церкви. Только о Боге говорить не хотелось.

Отец Владимир слушал, не перебивая, а когда Киреев закончил свой рассказ, произнес:

- Интересно, кто к вам мог подойти? Нашей старосты, Евдокии Алексеевны, сегодня на службе не было. У нее рак крови врачи определили. Тоже крест на ней вроде как поставили... Кто же это мог быть?

- И как же она выжила? - Киреева заинтересовало это, а не то, кто к нему подошел.

Священник ответил коротко:

- Милость Божья, да отец Егор. Опять отец Егор. Кирееву уже не терпелось скорее узнать об этом человеке. А священник все размышлял вслух:

- Надежда Петровна? Она в Орел уехала к сестре... Говорите, сказала, что к отцу Егору идти надо? Удивительно. А коли так, идите.

- Куда идти? Отец Владимир порывисто встал.

- Хозяйка моя, небось, ругается. Пойдемте отужинаем. А после ужина спрашивайте, что хотите - обо всем расскажу.

От ужина Киреев хотел отказаться, но, чтобы не обижать гостеприимных хозяев, съел немного вареной картошки с рыбой, выпил чая. После ужина пришла пора рассказывать отцу Владимиру. Было видно, что это доставляет ему удовольствие. Когда Киреев остался один в отведенной ему комнатке, он так и не смог уснуть. Слишком много впечатлений принес этот день. Встав с постели, Михаил Прокофьевич включил свет и полез в рюкзак. Сначала достал чистую тетрадь, ручку, затем пакет с иконой. Хотел развернуть. В дверь постучали.

- Миша, вы не спите? - это отец Владимир.

- Нет. Заходите, батюшка.

- Вы ведь икону мне так и не показали, - словно оправдываясь, сказал священник, входя в комнату.

- Не поверите, но я сам ее еще не видел. - Киреев показал на пакет. Несколько секунд - и он уже держал в руках икону.

Отец Владимир перекрестился. В комнате наступила тишина, и каждый из двух мужчин боялся ее нарушить.

- Одигитрия, - произнес наконец Киреев.

- Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево. Ты нам помози, на Тебя надеемся, и Тобою хвалимся, Твои бо есмы рабы, да не постыдимся, - то ли молился, то ли отвечал священник.

Потом он поднял глаза на Михаила Прокофьевича:

- А вы знаете, как переводится это название - Одигитрия? Киреев знал, но ему хотелось сделать приятное этому хорошему человеку, и он соврал:

- Нет, не знаю.

- Путеводительница, - отец Владимир многозначительно поднял палец вверх. Вышло это у него несколько комично. - Вы понимаете, что все это - милость Божья?

- Что? - не сдавался Киреев.

- Как это - что? - начал горячиться отец Владимир. - Такая икона в вашем рюкзаке, женщина, которая дарит вам карточку отца Егора... Неужели не понятно? Потом неожиданно также быстро успокоился, посмотрел прямо в глаза своему гостю и тихо, но

твердо сказал:

- Аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста...

Затем, будто стряхивая пелену с глаз, слегка мотнул головой и еще тише произнес:

- Перевести на русский?

Побледневший Киреев, глядя на священника расширившимися глазами, с трудом выдавил из себя:

- Не надо. Не все понятно, но не надо. Как это вы... как это сказано: не убоюся зла, яко Ты со мною еси?

- ... жезл Твой и палица Твоя... Вы по-прежнему хотите идти на Мценск?

- А Спас-Чекряк не на этой дороге находится? - с надеждой спросил Киреев. Он только отходил от потрясения, которое вызвали у него слова священника. Отец Владимир, обычно при всяком удобном случае вставлявший в свою речь слова из Писания, похоже, тоже был растерян. Будто кто-то взял и воспользовался им, как инструментом, для того, чтобы этот человек, о котором еще час назад он ничего не знал, услышал эти слова. Оба теперь говорили тихо и печально.

- Нет, совсем в другой стороне.

- И не на Белевской?

- На другой.

- У вас есть другие дороги? - улыбнулся Киреев.

- Шутите. По ней писатель Нилус и ехал когда-то к отцу Егору. Впрочем, вы правы. И тогда это была глушь, и сейчас. В Орловской губернии жителей нашего уезда дулебами звали - деревенщиной, одним словом. Редкие деревушки, унылые поля, глубокие овраги, рощицы - жалкие остатки былых лесов. Все - как сто лет назад... Ну так как - поедете к отцу Егору?

- А я из Спас-Чекряка выберусь куда-нибудь? Сами говорите - глухомань.

- А вы хотели Россию узнать, идя по автострадам? Вас Господь не в глухомань зовет, а к отцу Егору. Между прочим, Спас-Чекряка уже давно нет.

- Что же тогда есть и куда мне идти?

- Дойдете до деревни, которая называется Герасимова.

- Герасимовка?

- Нет, в наших краях деревни называют Герасимова, Шпилева, Кудинова... Так вот, дойдете до Герасимова. Чуть-чуть не доходя до крайнего дома, свернете по полевой дороге налево, пройдете мимо фермы, никуда не сворачивайте - и минут через десять вы окажетесь на поляне... Когда осмотритесь, увидите церковный фундамент, остатки строений и, наконец, могилку отца Егора. Вот и все, что осталось от Спас-Чекряка. Впрочем, школа работает до сих пор.

- Деревни нет, а школа есть?

- Из окрестных деревень детишки ходят... А если от могилки спуститесь по тропе в лесок, мимо еще одной поляны - там когда-то приют для девочек стоял, который отец Егор построил и содержал, то попадете к роднику, воду которого наша Евдокия Алексеевна пила. К сожалению, купальни там пока нет. Стоит небольшой сарайчик, который Игорь построил. Игорь - это механизатор из тех мест. Его дочка после операции заражение получила, врачи сказали, шансов нет, а люди добрые ему подсказали, чтобы давал дочке воду из родника отца

Егора пить. Девочка выздоровела, а отец ее из благодарности и соорудил это строение.

- А как же купаться можно?

- Купаться, пожалуй, нельзя. А вот обмыться святой водой - пожалуйста. Ну, ладно, - спохватился отец Владимир, - вам завтра в путь. Отдыхайте.

- Я рад, что встретил вас, батюшка. Спасибо вам за все.

- Да за что - спасибо? - искренне удивился хозяин дома. - А встрече и я рад, тем более что каждая встреча - от Бога. - И он, приветственно махнув рукой, направился к двери. Но затем опять остановился: - Ох, дурной я человек, никак не угомонюсь. Вот мы о глухомани с вами говорили, я из жизни отца Егора случай очень важный вспомнил. Не возражаете, если расскажу его вам?

- Конечно, не возражаю.

- Я быстро. Впрочем, боюсь увлечься. Дайте-ка я лучше по книге прочитаю. Отец Владимир снял с полки книгу, быстро нашел нужную страницу и стал читать. Читал он очень выразительно, в самых, по его мнению, важных местах поднимая указательный палец вверх: "Много, много лет тому назад отец Егор был назначен приходским священником в село Спас-Чекряк. Приход был очень бедный, всего 14 дворов; так себе, хуторок маленький. Церкви там настоящей не было, а стояла ветхая, покосившаяся часовенка, где и справлялось богослужение, и так в ней было холодно, что даже Святые Дары в Чаше замерзали... Семья у отца Егора была большая, а прокормиться было нечем... И милостыни было подать некому... Вот и взмолился батюшка Егор к Богу и поплелся пешком в Оптину пустынь, к великому старцу Амвросию Оптинскому, с жалобой на свою горемычную жизнь и за благословением переменить приход. Старец Амвросий выслушал отца Егора, долго смотрел на него, а потом как замахнется на него палкой, да как ударит ею по спине отца Егора, так тот чуть без оглядки не убежал от него... "Беги, беги назад! - кричал Амвросий, - беги, слепой... На тебе вот какая благодать Божия почивает, а ты вздумал бежать от прихода... За тобою скоро будут бегать люди, а не тебе бежать от людей..."

Вернулся отец Егор домой и затворился в своей убогой церковке, и денно и ночью зывал к Царице Небесной, Матери Божией, о помощи... И скоро прошла о нем молва по всей Русской Земле как об Угоднике Божьем, великом прозорливце и молитвеннике... И потянулись к отцу Егору и простолюдин, и знатный, и богач, и бедняк, и протест, и ученый... А вместо ветхой церковки стоял уже храм величиною с нашего Исаакия, а вокруг него каменные корпуса... И чего там только не было... И гостиницы для приезжающих, и богадельни для стариков, и всякого рода ремесленные мастерские, и школы для детей; да и село разрослось так, что вместо 14 дворов стало уже больше сотни... Свыше трех миллионов было затрачено на все эти постройки, как мне говорили. И не было дня, чтобы к отцу Егору не приезжали со всех концов России. Простой народ приходил к нему пешком чуть ли не из Сибири".

- Пожалуй, хватит, - отец Владимир закрыл книгу. Лицо его покраснелось, глаза блестели. Чувствовалось, что к отцу Егору Коссову у него было особое отношение. Когда он ушел, Киреев рядом с иконой поставил фотокарточку отца Егора. С нее на Михаила Прокофьевича смотрели серьезные умные глаза.

- Вот ты каким был, батюшка Георгий. Не знаю, к добру или нет, но я завтра пойду к тебе. Если это действительно ты меня позвал...

Засыпая, Киреев слышал, как за стеной молился хозяин дома.

Глава двадцать пятая

- Он тебе совсем не нравится, тетка? - Софья Мещерская показала одними глазами на Ферапонтика. Ее сын и муж с мальчишеским азартом гоняли мяч на лужайке. Третьим в этой игре был сенбернар Джек. - Прости, прости, это не мое дело, но, даю тебе слово, ни у кого на свете не было бы такой классной свекрови.

Женщины сидели на поваленном стволе огромного дерева. Только что под смех и веселые разговоры был съеден вкусный шашлык, приготовленный Ильей Вторым. Но пиво еще не кончилось, и обе женщины, потягивая его из пластиковых стаканчиков, наслаждались и самым древним хмельным напитком, и этим весенним воздухом, настоящим на свежести майского дня, запахе сосен, окружавших, словно былинные часовые, дачу Мещерских, и ароматом остывающих углей. Обе Софьи совершенно искренне наслаждались природой, а также обществом друг друга. Мещерская одной рукой поглаживала плечо Софьи, в другой держала стакан.

- Ты не смейся. Крепость брака знаешь от кого зависит?

- Знаю. От мужа и жены.

- Не-а. От двух женщин - свекрови и тещи. Вот сейчас я тебе признаюсь: моему Илюше, откровенно говоря, с тещей не очень повезло. Не будь Аглаи Серафимовны, наш брак давно бы распался...

- Софья, а могу я задать тебе откровенный вопрос? - спросила Воронова подругу.

- Разумеется.

- А на кой ляд тебе такая невестка? Подожди, не отвечай сразу. Ты очень близкий мне человек. Скажу больше: я просто люблю, как ты ходишь, общаешься с людьми, разговариваешь. А твои фирменные слова: не-а, тады ой...

- Еще добавь: на кой ляд. Плагиатщица! - И Мещерская засмеялась.

- Нет, тетка, не плагиатщица - верная ученица... А стану я твоей невесткой...

- Думаешь, что-то в наших отношениях изменится?

- Уверена. Я же плохая буду невестка, а Ферапонт - твой сын. Единственный... У меня друг один есть, он на мир через призму парадокса смотрит. Так вот, он бы это тебе лучше объяснил.

- Что объяснил?

- Да это я так, к слову. Кстати, а ты помнишь, как мы познакомились?

- Через Илюшу? Это когда он тебе картину за полцены продал?

- И ты со мной разбираться пришла. И не за полцены, кстати.

- Я же потом покаялась.

- Сонечка, это я к тому только говорю, что дружба начиналась, скажем так, с конфликта.

- Ты боишься, что она закончится твоим браком с Ферапошей?

- Боюсь. Да и посмотри на него. Он же еще ребенок.

- Ты потом поймешь, что мужчины остаются мальчишками до седых волос.

- Я не о том. Пусть он по миру поедет, поработает от души, не отвлекаясь на быт. А лет через пять привезет он тебе какую-нибудь герцогиню из Шотландии, будут у тебя внуки с голубой кровью.

- Герцогиньку? Глупенькая. Да разве лучше нас, русских баб, есть в мире женщины? - Софья- старшая притянула к себе Софью-младшую. - Не принимай мои слова близко к сердцу. Но пойми и меня. Я же мать. Вот будешь матерью взрослого сына или дочери - вспомнишь меня. Хочется, чтобы у чада твоего все в жизни было хорошо - от здоровья до жены.

- Тады ой.

Женщины засмеялись.

- Кстати, а твой друг, ну, который весь из себя парадоксальный, не тот, о котором ты рассказывала утром? - с равнодушным видом спросила Мещерская.

- Он самый.

- Вы вроде недавно познакомились? Ты уже другом его называешь...

- Разве? - Софья растерялась. - Ну я... в смысле знакомый. Или человек.

- Знакомый? Ох, темнишь, тетка. И задумчивая ты у нас какая-то.

- Есть проблемы.

- Я могу помочь? - встревожилась Мещерская.

- Вряд ли. Да и проблемы - не у меня...

- У твоего друга?

Софья кивнула:

- Но из-за меня, понимаешь?

- Пока не очень. Расскажешь?

* * *

Уже больше часа белый "Сааб" мчался по Симферопольскому шоссе, все дальше и дальше оставляя за собой Москву. Настроение у мужчин было явно приподнятое, словно они собрались на увеселительную прогулку. Юля, наоборот, сидела мрачная. Вчерашний подъем сменился какими-то предчувствиями. Может, отчасти причиной ее плохого настроения стал Шурик. У бензоколонки Юля спросила его о Гнилом и Бугае, с которыми она познакомилась в машине, а он ответил в своей невозмутимой манере: "Вообще-то, отморозки. А так ребята как ребята. Сама увидишь". Но в машине Шурик чувствовал себя явно комфортно в компании с "быками" Кузьмича. Они по очереди травили анекдоты, ничуть не стесняясь Юли.

- Ты что грустная такая? - где-то за Серпуховом впервые обратился к ней сидевший за рулем Гнилой.

- Зато вы очень веселые. Будто на праздник едем.

- А то нет? - вмешался в разговор Шурик. - И не веселье это вовсе, Юлек. Ты просто не представляешь, что для мужика означает охота. Адреналина в крови - до черта и больше. Азарт. Люди на уток охотятся, на кабанов.

- А мы на людей, - поддакнул Гнилой.

- Азарт, говоришь? - Юля не скрывала раздражения. - Разве к охоте можно легкомысленно относиться?

- Нельзя, - согласился Шурик.

- С чего ты, деваха, взяла, что мы не серьезно относимся? - подал голос Бугай. - Это работа наша. Босс приказал - мы выполним.

- С чего взяла? Мы в жуткую глухомань едем. А на такой машине...

- А на какой же, блин, нам ехать надо? - возмутился Бугай. - Может, на "Запорожце"?
- Нет, лучше на велосипедах, - вставил словечко Гнилой. Все трое засмеялись.
- А еще лучше - с Каланчевки доехать на электричке до Тулы, потом опять электричкой до Мценска, оттуда автобусом до Болхова... - После этих слов Шурика опять дружный гогот.
- Я не предлагаю электричкой. Но на такой машине тоже нельзя.
- Это почему же?
- Я же говорю, в глухомань едем. Кто там "Москвича" или "Ладу" запомнит? А такую машину...

- Нам Кузьмич говорил, что у тебя мозги работают, - отсмеявшись, сказал Гнилой, - но запомни: во-первых, я сам из такой же глухомани, как ты говоришь. Думаешь, у нас крутых пацанов не было? У них тачки такие... Скажи, Бугай?

- Точно, братан.

- А во-вторых, никто ничего не заметит. Ни машины, ни мужика того. Вы только с Шуриком по сторонам лучше смотрите - и все. Лады?

- Не заводись, друг. Юлька ведь за дело болеет.

- А я не люблю, когда мне баба мозги начинает вправлять. До Тулы Шурик рассказал еще несколько анекдотов, и Гнилой отошел. Но Юля извлекла урок из этого разговора. Она еще раз вспомнила слова Шурика: "Вообще-то, отморозки. А так ребята как ребята. Сама увидишь". Увидела. И впервые за все последнее время Селиванова задумалась, а правильно ли она сделала, что ввязалась в эту историю? Ей вдруг захотелось, чтобы вернулся тот вечер, когда к ней домой постучал глупый, но, в сущности, не злой Гришаня. Послала бы она его на все буквы русского алфавита и ничего бы не узнала - ни о Вороновой, ни о Кирееве, ни об иконе. Но было поздно. За деревней Подберезово "Сааб" съехал с магистральной дороги и минут через десять въезжал во Мценск. Еще полчаса, и они все четверо стояли у обочины дороги, ведущей из Мценска в Болхов.

- Ну что, с Богом, ребятки. - Шурик обвел всех взглядом. - Теперь командовать парадом буду я - такова воля Кузьмича. Никакой болтовни. Едем тихо. Выходим и спрашиваем в каждой деревне.

- А что спрашиваем? - подал голос Бугай.

- Ты - ничего. У тебя будет другая работа.

- Понятное дело.

- Спрашивать будем я и Юля. Про мужчину, нашего друга, о котором мы очень волнуемся.

- Может, сказать, что он нам должен? - не унимался Бугай.

- Нет, Павлик. Повторяю, он наш друг. Он очень тяжело заболел, но не хочет лечиться. А ты, Юля, его неутешная супруга.

- Я?

- Ты, ты. Весна... У людей обостряются болезни. Особенно с головой связанные. Понимаете? И рванул человек, бросив семью и детей, странствовать.

- А если мы его без расспросов этих увидим? - спросил Гнилой Шурика.

- Тогда это будет идеальным вариантом. Но ведь он может в каком-нибудь доме деревенском сидеть, чай пить. Обидно будет, если проследим. Ну, ладно. Инструктаж закончен. Поехали.

* * *

Проснувшись и посмотрев на часы, Киреев не поверил своим глазам: часы показывали полдень. Ну и дал же он храпака! Видно, добрые хозяева не решились будить его, вот он и проспал за здорово живешь до середины дня. Михаил Прокофьевич быстро оделся. Отец Владимир и его домочадцы пытались заставить Киреева пообедать на дорожку, но он согласился только попить чаю. Слишком долго Киреев представлял себе этот день, чтобы смириться с тем, как бездарно он проходит. Надо было торопиться. Уже выйдя на улицу, Михаил Прокофьевич поклонился хозяевам. Жена священника пожелала ему счастливого пути, а отец Владимир даже немного проводил его. День выдался прохладным, но солнечным. Улочка, на которой стоял дом священника, была совершенно безлюдна.

- Кто на работе, а кто на огороде, - пояснил отец Владимир. После недолгого молчания он спросил Киреева: - Решились, в какую сторону идти?

- Вроде бы решился.

- Ну и...

- К отцу Егору. Отец Владимир просиял:

- Вот и правильно, вот и хорошо. А я молился за вас, - сказал он просто-просто, будто произнеся: "А я утром в магазин успел сходить".

- Спасибо. И за молитвы, и за приют, и за рассказы ваши интересные. Отец Владимир молча кивнул в ответ. Он явно думал о чем-то для него важном.

- Михаил, можно я вас спрошу? Есть у меня сомнение одно, я все не решался его высказать.

- Даю слово, отец Владимир, что я не обижусь.

- Ну и хорошо. Яко Бог судия есть: сего смиряет и сего возносит... Так вот, не совсем я все-таки понимаю, зачем вы пешком отправляетесь Россию посмотреть? А она везде - Россия. Эта улочка, которой мы идем, - это тоже Россия. И если Бог захотел, чтобы я здесь нес свой крест, я его буду нести здесь... Вы тяжело больны...

- Отец Владимир, простите, что перебиваю, я все понял. Очень может быть, что ваши сомнения верны, а может - нет. Не знаю. Пусть мне и вам на этот вопрос ответит дорога. Мне один хороший человек тетрадку дал с цитатами из святых отцов. Есть там слова Тихона Задонского, уж больно они мне на сердце легли: "Всяк человек, живущий на земле, есть путник".

- Правильно.

- А я... считайте, что глупый человек, все принимаю еще и буквально. Вот мы вчера с вами на высоком берегу Нугри сидели, закат чудесный видели. Вы поверите мне, если я скажу, что последний раз закат солнца видел лет пятнадцать тому назад?

- Не может быть! А что, в Москве разве нет закатов? - простодушно спросил священник.

- Есть, конечно. Только квартира моя находилась на втором этаже, а перед моим домом стоит громада в четырнадцать этажей. Вот ее я и видел - и утром, и вечером.

- Вот как...

- Да. Вы сказали, что везде можно крест свой нести...

- Везде.

- Тем более, не мне выбирать. Но хочется найти место, где я буду закат видеть, хоть совсем недолгое время - год или месяц, но все-таки видеть.

- Понимаю вас, понимаю. Но сейчас время такое... непростое. Киреев улыбнулся. Они уже стояли на центральной улице Болхова, и Михаилу Прокофьевичу не терпелось начать свое путешествие.

- Я запомнил, как вы сказали мне вчера: "Аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, жезл твой и палица Твоя, та мя утешиста".

- Это не я сказал.

- Не вы?

- Я только повторил эти слова. В том-то все и дело: их легче повторить, нежели жить по ним. Они веры требуют, огромной веры - хотя бы в горчичное зерно. Вчера я увидел святую икону и... воодушевился. А ночью... молился я, одним словом. И сомнения меня обуяли. Получается, что это я вас в путь, ну, подтолкнул как бы. А я не знаю силы веры вашей. Киреев молчал. Отец Владимир встрепенулся:

- Вы обиделись на меня? Михаилу Прокофьевичу захотелось обнять этого чудесного человека. Но он постеснялся своего порыва.

- Нисколько, отец Владимир... батюшка. Вы все правильно сказали, а разве на правду обижаются? Слаба моя вера, но... - и Киреев вдруг неожиданно повторил с каким-то мальчишеским упрямством:

- "Не убоюся зла, яко Ты со мною еси".

Отец Владимир обнял его - порывисто и неуклюже:

- Вот и славненько... Но если будет трудно сверх меры - возвращайтесь без стыда, я буду вас ждать. Побываете у отца Егора - и возвращайтесь. А сейчас давайте я благословлю вас на дорожку. Киреев смутился:

- Я не знаю, как это.

- Очень просто: левую руку корабликом сюда, правую на нее... во имя Отца и Сына и Святаго Духа да благословит тебе, раб Божий Михаил, Господь в сей час и грядущий. Впервые в жизни Киреев получил благословение у священника, впервые поцеловал у него руку.

- Еще раз спасибо вам, батюшка. Просьбу одну можно?

- Говорите.

- Нет, это вы скажите мне на дорожку что-нибудь из Псалтыря. Красиво - и к месту все получается...

- Не хвалите. Не моя это мудрость, заемная... Что же сказать? - Отец Владимир принял важный вид, поднял указательный палец кверху и произнес: - "Заповедь Господня светла, просвещающая очи. Страх Господень чист, пребывая в век века: судьбы Господни истинны, оправданы вкупе, вожделенны паче злата и камене честня многа и слаждшая паче меда и сота". Перевести?

- Не надо. Прощайте, батюшка.

- Ангела-хранителя вам в дорогу. Таким и запомнился Кирееву отец Владимир Дрозд. Когда шагов через тридцать Михаил Прокофьевич обернулся, священника он не увидел.

Первые пять километров Киреев прошел в хорошем темпе и самом веселом расположении духа. Шел он по узкой бетонке. Плиты бетонные были уложены безобразно: дорога больше подходила для испытания машин на прочность, нежели для обыкновенной езды. Впрочем, Киреева это мало касалось: он в основном шел по земляной обочине и

смотрел по сторонам. Может, Киреев что-то и не понимал, но, вспомнив слова священника: "Редкие деревушки, унылые поля, глубокие овраги, рощицы - жалкие остатки былых лесов", не согласился с ними. Да, редкие деревушки, овраги, поля и рощи. Но почему унылые? Дорога то спускалась вниз, к очередному ручью или речушке, то поднималась вверх, пусть не круто, но все-таки ощутимо для Киреева. Мысленно он сравнивал красоту этих мест России с лицом девушки, не красавицы, но очень милой. И чем добрее и скромнее девушка, тем она обаятельнее. Киреев понимал, что сравнение банально, но ему оно понравилось. И на самом деле, не уныние, а радость вызывали у Михаила Прокофьевича слегка тронутые первой зеленью леса и рощи, а деревушки, казалось, так уютно расположились вдоль ручьев и речушек, что не уныние, а умиление царило в сердце нашего путника.

Но постепенно идти становилось все труднее и труднее. Боль в желудке, сначала тупая и ноющая, становилась все острее и сильнее. В руках и ногах появилась какая-то вялость. Дыхание стало прерывистым. К горлу подступила тошнота. Боль из области желудка распространилась на пах, поясницу и даже почки. "Неужели это метастазы?" - подумал Киреев, и уже забытый страх тихо-тихо вполз в его сердце. Тошнота стала нестерпимой. Он отошел в придорожные кусты. Пытался вызвать рвоту - ничего не получилось. Надев рюкзак, Киреев поплелся дальше. До Спас-Чекряка было еще шагать и шагать, а у него вдобавок ко всем несчастьям стала кружиться голова. Только сейчас до Киреева дошел весь ужас его положения, все безумие его поступка. Сердце, как молот, лупило по грудной клетке, и в каждом ударе Михаил Прокофьевич слышал: "Романтик хренов. Романтик хренов". А затем: "Вернись! Вернись!" Он вспомнил слова отца Владимира: "Но если будет трудно сверх меры - возвращайтесь без стыда". Вот сейчас - трудно сверх меры или просто трудно? А боль, словно услышав его сомнения, стала жуткой. Киреев остановился, глотая воздух. Чтобы как-то отвлечься, он достал карту. Дорога в очередной раз спускалась к речушке. Судя по карте, это была (или был) Машок, а деревушка называлась Бабенка. До Спас-Чекряка оставалось километров восемь-десять. Может, доехать? Но дорога стала совсем безлюдной, и машины если и попадались, то навстречу.

Кое-как дойдя до деревни, Киреев перешел мост и свернул к речке. Сбросил рюкзак, снял кроссовки и носки. Подвернув штанины брюк, вступил в холодную воду. Дно речки было каменистое, струи прозрачны. Летали стрекозы, лягушки, совершенно не боясь, глядели на него. Ноги горели, и потому вначале обжигающий холод воды был даже приятен, но потом ноги буквально свело. Выйдя на берег, Киреев понял, почему так холодна вода. Под самым пролетом моста с небольшого пригорка в речку впадал родник. Михаил Прокофьевич вновь пожалел, что не взял с собой ни спальника, ни одеяла. Молодая травка еще не была густой, земля еще не прогрелась. А ему так хотелось свернуться калачиком и уснуть. И чтобы все это: боль, тошнота, жуткая слабость - все осталось по ту сторону сна... Но Киреев мог только сесть на рюкзак, согнувшись от боли пополам. Журчал родник, плескались в речке лягушки, изредка в сторону Болхова проезжали машины, а он все сидел, согнувшись. Сидел час, второй, третий... Неожиданно остановилась машина. Из нее вышел мужчина с пустой бутылкой в руках. Уверенно - видно, местный - направился к роднику. Увидел Киреева:

- Турист?

- Вроде того.

- В какие края путь держишь?

Кирееву стоило немало труда отвечать незнакомцу, но быть невежливым не хотелось:

- Да так, ищу, где места красивее.

- Понятно.

- А вы в Болхов едете?

- Туда. Могу вас подвезти. Вот только сейчас Киреев понял, что такое настоящее искушение. "Возвращайтесь без стыда". Минут через сорок он будет в уютном доме отца Владимира, они сходят на берег Нугри, попьют чая. Завтра можно найти машину до Спас-Чекряка, набрать святой воды, опять вернуться и поехать во Мценск. Оттуда ходит электричка до Тулы. Контейнер уже пришел, можно будет заняться обустройством дома на Тихоновской горе.

- Ну так что, поехали?

- Спасибо вам. Правда, спасибо. Но я хотел сегодня в Спас-Чекряк попасть.

- К отцу Егору? И то дело. Ну, в добрый час. Идти вам недалеко осталось - километров шесть. Человек так же быстро исчез, как появился. Легко сказать, недолго идти осталось. Киреев с тоской смотрел, как легковушка поднималась вверх на гору. Смотрел долго, покуда она не исчезла из виду. Неожиданно ему вспомнились слова Экзюпери о том, что действие спасает от голода, холода и даже смерти. Что он сидит, согнувшись? Киреев достал из рюкзака тетрадь и стал писать. Еще в Москве он решил вести в пути дневник. Михаил Прокофьевич стал писать, не заботясь о красоте стиля, не подбирая слова. Писал о дороге до Болхова, о храме, где венчался Иоанн Грозный, о девочке Маше и отце Владимире. И еще о розовом кусте на берегу Нугри... Незаметно он увлекся. И даже записал рассказ священника о том, как к отцу Егору пришла бедная женщина, пришла за помощью, ибо он, как мог, помогал страждущим людям. Киреев писал: "Бросилась женщина в ноги к отцу Егору: "Помоги, детей кормить нечем!" Богачом отец Георгий Коссов так и не стал, а деньги ему приносили - кто жертвовал на храм, кто просил молиться за свою душу. Он протянул женщине двадцать рублей: "Возьми, купи себе корову, прокормишь детишек". Женщина с благодарностью взяла деньги, хотя и сомнение вдруг родилось: неужели батюшка не знает, что корову за такие деньги не купить? Только вышла от священника, навстречу - мужик, гонит на веревке корову. Оказалось, ведет он ее продавать: коров в хозяйстве три, а сена мало приготовил. "А за сколько продашь?" - спрашивает женщина. Мужик отвечает: "Да хоть за двадцать рублей отдам, чем в город за семнадцать верст сейчас идти". Короче, сладились они. Женщина приходит домой, а вскоре вся деревня знала о том, что с ней случилось. И одна соседка позавидовала ей и хотя имела уже двух коров в хозяйстве, но все равно пошла к старцу с той же просьбой, мол, дай денег, нечем детей кормить. Отец Егор помолчал-помолчал, затем достал восемнадцать рублей: "Возьми, сдашь шкуры от своих двух коров, добавишь эти деньги - и справишь себе коровенку". Та удивилась: какие шкуры? - коровы живые-здоровые в стойле стоят, но деньги взяла. А пришла домой, бежит дочь навстречу: "Мама, коровы наши околели". Люди качали головами: "Наказал Бог за жадность". Близился вечер. Боль не утихала, но вновь сосредоточилась только в желудке. Привыкнуть к ней нельзя, научиться терпеть, оказывается, можно. Да и привал пошел на пользу. Медленно Киреев поплелся в гору..

Когда он дошел до Герасимова, на поля уже ложились сумерки. Не доходя до первого

дома свернул в сторону. Хорошая полевая дорога минут через двадцать привела его на поляну. Вокруг - то ли лес, то ли старый сад, то ли околица деревни. Могилку он увидел сразу. На памятнике та же фотография, что и у него. Киреев поклонился могилке, посидел возле нее с десяток минут, а потом решил поискать родник. Над миром уже блестели своим равнодушным и прекрасным светом звезды. Где-то лаяли собаки, кричала сова. Михаил Прокофьевич растерялся. Он то натыкался на стену прошлогодней сухой травы, то упирался в какие-то развалины. Стало ясно, что найти родник самому - затея бесполезная. Вдруг он увидел огонек. Сил будто прибавилось. Не разбирая пути, он добрался до маленького домика. Откуда-то из кустов на Киреева бросилась собака. Все попытки утихомирить ее приводили собаку в еще большую ярость. Когда он подошел к двери и постучался, псина хватанула его кроссовку. Дверь открылась. На пороге появился высокий седой старик.

- Вам кого?

- Сейчас скажу, собаку сначала отгоните. Дед так же невозмутимо бросил:

- Шарик, на место. Шарик мигом прекратил лаять, но, отойдя в сторону, продолжал рычать.

- Так вам кого? - вновь спросил старик.

- Не подскажите, как мне найти родник отца Егора?

- Подождите, я только возьму фуфайку и сапоги обую. Так Киреев познакомился с бывшим директором чекряковской школы Сергеем Сергеевичем.

Глава двадцать шестая

Жизнь штука презабавная. Не зря наши предки сложили поговорку: "Мы предполагаем, а Бог располагает". Как легко люди строят планы, ставят перед собой задачи, заранее предвкушая благоприятный для себя результат. Когда же нас настигает неудача, мы начинаем искать виновных. Среди "подозреваемых" - кто угодно, только не мы сами... Киреев, решивший извлекать уроки из нового своего бытия, быстро пришел в душевное равновесие после злоключений первого дня пути. Он понял, что был слишком самонадеян. Во всем, начиная с подготовки своего путешествия, заканчивая последним разговором с отцом Владимиром. А поразмыслив, Михаил с благодарностью принял итоги первого дня пути: и то, что он в конце концов дошел до Спас-Чекряка, и то, что нашел могилку отца Егора и святой источник. Он был счастлив, что утихла, пусть немного, боль. Но теперь Киреев знал: нельзя ни себе, ни другим говорить о том, как ты поступишь в той или иной ситуации, что будешь делать завтра. Взять, к примеру, боль. Готовясь к путешествию, Киреев исходил из того состояния, в котором находился. Да, оно было не блестяще, да, его мучили тошнота и приступы ноющей боли. Но с чего он взял, что так будет завтра? Еще у моста Михаил вспомнил про книгу о хосписе, которую ему как-то дала Наталья. В книге описывалось состояние онкобольных в последней стадии: без помощи других они не могли даже есть. Если это ждет его, то надо спешить. И с благодарностью принять все, в том числе и боль. Ведь те двадцать два километра, что он одолел, - это пусть маленькая, но победа... Позже в "Новом Завете" Михаил наткнется на слова из послания апостола Иакова, которые настолько впечатлят его, что он выпишет их в свою тетрадь: "Теперь послушайте вы, говорящие: "Сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль". Вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь наша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы вам говорить: "Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое", вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло. Итак, кто разумеет делать добро и не делает, тому грех". Совсем другое настроение было у компании в "Саабе". Сначала Юля и ее новые друзья спокойно относились к тому, что о бородатом страннике никто не слышал, но чем ближе они подъезжали к Болхову, тем сильнее нарастали раздражение и нетерпение.

- Мне эти деревни сниться будут. Наизусть выучил, - пожаловался Шурик. - Слышь, Юль, проверяй по карте: Глазуново, Карандаково, Тулянский, Тельчье, Белый Колодец, Лыкова. ;;

- Вознесенский пропустил.

- Молодец.

- А сейчас проезжаем Васькова, - обернулся к ним Гнилой.

- А почему не Васьково? - любопытствовал Бугай. - Так вроде правильнее. Может, ошибка?

- А почему Лыкова, а не Лыково? Ладно, выходим. - С этими словами Шурик открыл дверцу. Но и в этой деревеньке о Кирееве никто ничего не слышал. Впереди уже виднелись пригородные слободы Болхова. После небольшого совещания было решено, проскочив этот городишко, километров 20-25 проехать по белевской дороге. Больше, резонно решили

охотники за иконой, Кирееву за день не одолеть. Так они и сделали, даже перевыполнив план, и доехали до Белева. Будто в воду канул бородач. В Болхов "Сааб" вернулся, когда уже стемнело.

- Хорошо, что хоть гостиница в этом паршивом городишке есть, - заметила Селиванова.

- Повезло, - процедил сквозь зубы Бугай. Но оказалось, что им действительно повезло. Завтра должен был открыться рынок, а потому гостиница работала, в отличие от будних дней недели. Когда же дежурная, которую Юльке удалось разговорить, сказала, что в городе видели бородатого незнакомца с рюкзаком, настроение у компании сменилось на противоположное. Юлька даже узнала, что приезжий ночевал у местного священника, отца Владимира.

- Шурик, - позвала Селиванова напарника. - У меня плитка шоколада лежит, тащи ее сюда. Я тетку до конца раскалывать буду, а вы устраивайтесь.

- Молодец, - похвалил Шурик, - работай. А то, может, рванем к священнику? Вдруг этот еще у попа?

- Это паршивый, маленький, но все же город. Если они приезд одного человека заметили, то наш тем более.

- Понял, - хмыкнул одобрительно Шурик. - Брать в поле будем. Особенно обрадовался известию о том, что Киреев был, а возможно, еще находится в Болхове, Гнилой.

- Это же настоящая охота, сафари. Когда добыча тебе сама в руки лезет - неинтересно. А я азарт люблю. Чтоб добыча хитрая была, сильная.

- Думаешь, он такой? - выпивая очередной стакан "Русской", спросил Бугай.

- Не знаю. Но уже интересно становится. Мы думали, он нам сам в рученьки придет, нате, мол, берите меня, а мужика поискать надо.

- Завтра возьмем.

- Думаешь? - переспросил Гнилой. - Во мне уже охотник сидит. Чую: у мужика логики нет. Мы его на одной дороге ищем, на другой, а он...

- А он на третьей, - закончила за Гнилого фразу вошедшая в номер Юля.

- Неужели в Орел пошел? - спросил Шурик. - В обратную сторону?

- Ну-ка, мальчики, налейте мне немного, по-моему, я заслужила.

- Узнала что? - Бугай быстро выполнил просьбу Селивановой.

- Достаточно, а то опьянею.

- Так это же хорошо, - ухмыльнулся Бугай.

- А ну не расслабляться, - неожиданно цыкнул на него Шурик. - Говори, что узнала.

- Ух, хорошо! - Юлька явно выдерживала паузу. И лишь положив в рот кусочек ветчины, начала рассказывать: - Мы с дежурной уже заканчивали разговаривать, как из какой-то подсобки бабка вышла. Местная, зачем уж заходила, не знаю.

- Ты без подробностей, - буркнул Гнилой.

- А может, мне они удовольствие доставляют? Так вот, бабка эта к разговору нашему подключилась. И оказалось, что в церковь она местную ходит. У них в приходе говорили, что какого-то странника священник благословил к отцу Егору идти.

- К кому? - одновременно спросили все трое.

- К отцу Егору. Он вроде святого у них, в деревне одной могила его находится... Дайте карту. Вот, смотрите, мы на Белев поехали, а он влево свернул.

- А как деревня называется?

- Ее даже на такой карте нет. Зато есть... сейчас посмотрю. Ага - Герасимова. Где-то здесь. Гнилой потянулся:

- Славненькая будет охота. Это почище, чем пентбол, это хлеще, чем в подъезде бизнесяру свалить. Быстро привыкаешь. А такого у меня еще не было. Надо же, мы его весь день в одном месте ищем, а он спокойненько в другое топают. Слово даю: если за три дня мы этого Киреева не найдем, я в благодарность за доставленное удовольствие его без мучений порешу.

- Типун тебе на язык, - перебил друга Бугай. - Три дня - сказал же! Я завтра надеюсь в Москве быть. Хотя... Моя бабка говорила: "Все, что Бог ни делает, - к лучшему".

- Ты это к чему? - спросил Шурик.

- Юлька же говорит, что могила попа этого совсем в глухомани. Все-таки сегодня по мценской дороге много машин моталось. Глядишь, заметил бы кто случайно. А здесь... - Бугай подбирал нужное слово. - Короче, вы сами понимаете.

- Понимаем, - подвел итог Шурик. - Значит, так. Завтра встаем в пять утра, чтобы в шесть быть там, пока Киреев в постельке дрыхнет. Вопросы, предложения будут? Ну и правильно. Отбой, мальчики. И девушки тоже.

* * *

Киреев думал, что будет спать как праведник, но, видно, до праведности ему было далеко. Еще два часа назад он стоял на крошечной поляне в лесу. Сергей Сергеевич чуть поодаль освещал родник фонарем. Киреев набирал святую воду. Вода текла тоненьким ручейком из дыры в бетонном кольце, которым был огорожен родник. И хотя в небе мерцали звезды, ничего вокруг, кроме сплошной стены леса, Михаил не видел. Ни купальни, построенной отцом выздоровевшей девочки, ни даже лица старика-учителя. У Киреева была фляжка и две пустые бутылки из-под газированной воды. Набрал он их быстро.

- А чем это пахнет? - спросил Михаил Сергея Сергеевича.

- Газ, наверное, какой-то. Сейчас про отца Егора многие знают. Целыми автобусами приезжают - из Орла и Тулы. Вот воду до дна и вычерпали. Потому газом и пахнет.

- А вы сами отца Егора помните?

- Нет, я приехал сюда, когда он уже умер. Здесь совсем рядом поселок есть - пять домов. Пробуждение называется. Там старик живет, Иваном Павловичем Мироновым зовут. Девяносто лет старику. Вот он, говорят, отца Егора помнит. Сходите к нему завтра, может, что вспомнит. Крепкий дед, в памяти еще...

Всю ночь пролежал Киреев с открытыми глазами. По тому, как сильно стучало сердце, он понимал, что нагрузка, выпавшая на него вчера, была чрезмерной. Но разве он имел выбор? Полная луна, светившая в маленькое окошко, хорошо освещала уютную горницу в доме Сергея Сергеевича, где Михаил нашел приют на ночь. Решив не терять даром времени, раз уж все равно не спалось, Киреев достал из рюкзака карту. Надо было выбрать, куда завтра идти. Обрато в Болхов не хотелось. Вперед? А куда именно? В Герасимове бетонка кончалась, дальше шли только полевые и лесные дороги и дорожки. По идее, надо было бы двигаться на восток, в сторону Черни, но всего в тридцати верстах - старинный Белев. Где-то в его окрестностях находились усадьбы братьев Киреевских, поэта Жуковского. Киреевские - почти его однофамильцы, были из среды почитаемых Киреевым славянофилов. Стихи

Жуковского он любил с юных лет... Изучая карту, Михаил увлекся. Можно, конечно, рвануть и в Калужскую область - неподалеку находилась и знаменитая Оптиная пустынь, но прошедший день всерьез встревожил Киреева. Придя сюда, он уже удалился от своей конечной цели

- Старгорода. Так куда же идти? Опять искать знак? И вдруг Михаил заметил на карте маленькую речушку под названием Бобрик. Сразу вспомнилась Лиза. Речка впадала в Оку. Отсюда до Бобрика не больше десяти километров. Обозначен мост... А дальше - большая, судя по карте, деревня Зайцево, оттуда прямая дорога до Мишенского, родовой усадьбы Жуковского, а там до Белева рукой подать. И на трассу можно не выходить. До Мишенского, конечно, вряд ли удастся дойти за день, но это уже не важно. Главное, решение было принято. И когда в пять утра хозяйка загремела ведрами, а хозяин пошел выгонять корову, Киреев был готов идти. Сергей Сергеевич удивился, увидев уже одетого гостя.

- Рано вы, однако. Куда теперь путь ваш лежит?

- Сначала на Зайцево, потом на Белев.

Старый учитель покачал головой:

- Может, вам лучше до Болхова на попутке доехать, а оттуда автобусом до Белева?

- Нет, я пешком хочу.

- Пешком-то пешком, да не знаю, пройдете ли вы до Зайцева. Киреев встревожился:

- А в чем дело?

- Ну, до Выгоновского дорога хорошая, хоть и без асфальта, а дальше... Люди давно там не ходят. Зайцево уже в другой области, что нашим бабкам там делать? Боюсь, не пройдете вы... Что ж, разговор явно "обнадеживал".

- Поезжайте, Михаил, в Болхов и не мудрите, - закончил разговор Сергей Сергеевич. - Послушайте старика. Ладно бы автобусы не ходили, а не знамо чего ради пешком идти... Киреев ничего не ответил и только попросил рассказать, как попасть в поселок Пробуждение.

- С Иваном Павловичем поговорить? Вот это правильно. Он рано встает, будет рад с хорошим человеком поговорить.

От могилы отца Егора были видны крыши домов поселка. Шел он туда не больше десяти минут. Народ в Пробуждении уже пробудился. Старик Миронов встретил Киреева приветливо:

- Спрашивай, что тебе интересно. Тут недавно ко мне человек один из Орла приезжал. Ты сам не из Орла будешь? Нет? Тот человек хочет про отца Егория книгу написать. Они разговаривали на терраске маленького, но очень симпатичного домика. Иван Павлович, действительно, оказался бодрым стариком.

- Помню ли я отца Егория? Конечно, помню. Я же с его младшим сыном, Алешкой, в одном классе учился. Да. Мать мне рассказывала, что было время, когда народ к нашему батюшке со всей России ехал. Но в то время, когда я учился, церковь уже закрыли. Его то арестовывали, то опять выпускали. Помню, за ним из Болхова солдаты придут, народ сбежится, бабки плакать начнут, а он спокойно так говорит всем: "Не печальтесь, на все воля Божья". А так обычно сидел отец Егорий возле своего домика - болел он уже, - приветливо здоровался со всеми проходящими. Правда, иной раз молодежь наша деревенская - тогда в деревнях народа было!.. - Старик махнул рукой. - Знаете, какие деревни были?

- Догадываюсь.

- Сейчас умирает деревня. Мы вот помрем - и некому будет здесь жить, - старик замолк, будто вспомнил о чем-то своем.

- Иван Павлович, вы про отца Егора говорили. Про молодежь вашу...

- Конечно. Молодежь, она ведь глупая, иной раз не со зла обидное может сделать.

Увидят они отца Егория и давай какую-нибудь обидную частушку про попа петь.

- А что же он?

- Улыбнется - и все. Не обижался на людей. Мудрый был человек. Сейчас таких нету, вот потому и живем так.

- Таких - мудрых? Старик ничего не ответил, а только предложил попробовать его меда. Но Киреев спешил. Поблагодарив старика за рассказ и терпение, он пошел обратно той же дорогой. У могилы отца Егора стояла иномарка. Михаил хотел зайти к Сергею Сергеевичу и еще раз поблагодарить его за помощь и приют, но передумал. Наверное, к учителю кто-то приехал или он повел других паломников к роднику, подумал Киреев. Михаил поклонился напоследок отцу Егорию и поспешил в путь. Откуда ему было знать, что он буквально на минуты разминулся со своими преследователями. И когда Киреев стоял у могилы, Юля вела разговор с Сергеем Сергеевичем.

- Говорите, болен? А я ничего не заметил.

- А разве не странно - пешком по миру ходить? И это в наше время! А болезнь... Она особая у него. Приступами находит. Я жена его...

- Из дома убежал, что ли?

- Мне не до смеха. Ему лечиться надо, а он по лесам решил пройтись. Дома дети.

- Понимаю. Мне он хорошим человеком показался.

- А кто же спорит? Вот, друзья наши, - Юля показала на стоящих чуть в стороне трех своих спутников, - все бросили и помчались ему на помощь.

- Похвально. В Зайцево он пошел, оттуда в Белев напрямиком через лес, речку идти.

- Отец, а может, мы проедем? - подал голос Шурик.

- Будь у вас вездеход, тогда, может, и проехали бы. Да вам не стоит переживать. Через час с небольшим вы в Зайцево будете. А ему, дай Бог, туда часа три-четыре идти.

- Почему?

- Там и местные сейчас заплутаются... Что это я, чуть не забыл! - по-женски охнул Сергей Сергеевич. - Вы его еще застать можете. Он к Ивану Павловичу в гости пошел. Об отце Егоре расспросить захотел...

Учитель заметил, что эта новость привела незнакомцев в чрезвычайное возбуждение. "Соскучились, наверное, по другу", - подумал учитель. Он проводил гостей до могилы отца Егора и показал им дорогу на Пробуждение. Если бы хоть кто-нибудь посмотрел чуть левее, то увидел бы идущую в сторону Герасимова фигурку человека с рюкзаком. На счастье Киреева, не посмотрел никто. Минут через пять Юля пыталась втолковать Ивану Павловичу Миронову, что ей от него нужно.

- У вас муж мой? Бородатый такой... Михаилом зовут.

- Не слышу, дочка. Как, говоришь, деревня называется? Пробуждение. Миронов был старым человеком, много повидавшим на своем веку. Едва он посмотрел на двух коротко стриженных, крепко сбитых парней, на девицу, как понял, что его недавнему гостю ничего

хорошего встреча с этими людьми не предвещает. Может, Михаил и провинился в чем, но не его стариковское дело лезть в чужие дела. Тем более что Михаил ему понравился. Вот почему Иван Павлович резко "оглох".

- Да что ты с этим глухим пнем разговариваешь? - Гнилой поднялся на крыльцо, отодвинул старика и прошел в дом.

Старик от неожиданности и возмущения даже не нашелся что сказать...

- Нет никого. - Гнилой быстро вернулся обратно.

- Судя по всему, он сразу на Зайцево пошел, - предположил Шурик.

- Дед, - рявкнул Гнилой, - у тебя сегодня, сейчас, был кто? Говори, а то не доживешь до своих ста лет.

- Что вы, сынки, ко мне только почтальонша из Герасимова ходит, хлеб мне носит. Я давно никого не видел.

- Ты прав, Шурик. У Киреева этого семь пятниц на неделе. Сразу, видать, на Зайцево пошел.

- Я так и не понял, сынки, вы заблудились, что ли?

- Я сейчас тебе заблужусь, коммуняка старьей, - взорвался Бугай.

- Успокойся, - осадил его Шурик. - Не видишь - совсем глухой старик. Рвем в Зайцево, там мы Киреева тепленьким брать будем.

* * *

Софью Мещерскую рассказ Вороновой встревожил не на шутку.

- Не нравится мне все это, - сказала она.

- Думаешь, мне нравится?

- Мне не нравится в первую очередь твое легкомыслие. У тебя что, на охранника денег нет?

- У моего дяди охранников чуть ли не с десяток человек было. Толку что? Да и опасность сейчас не мне грозит, а Кирееву.

- Так Киреева завтра-послезавтра в живых уже может не быть.

- Что ты говоришь такое, Софья? - возмутилась Воронова.

- Так они - профессионалы, киллеры эти. Зачем, скажи, ты Селивановой этой грозила? Доказать, тут она права, ты ничего не сможешь. Не придет Киреев в срок в Старгород, что будешь делать?

- Не знаю, - честно призналась Соня.

- Ты уверена, что они за тебя после не примутся?

- Спасибо, дорогая, успокоила.

- Не дрейфь, прорвемся.

- А я не дрейфлю.

- Правильно. Для начала надо войти в контакт с людьми Киреева. Ну, с друзьями его, коллегами. Может, он им весточки будет посылать с дороги?

- Весточки? Спасибо, напомнила: Лиза Боброва. Мне ей деньги передать надо. Кстати, предлагаю тебе пойти к ней вместе со мной.

Коротко объяснив Мещерской суть дела и получив ее согласие, Софья немножко повеселела. К тому же она почему-то была уверена, что ей опасность больше не грозит. Но Кирееву она действительно должна помочь.

Через два дня обе Софьи пришли в дом Бобровых. На них пахло запахом лекарств. Супруги Бобровы, молодые еще ребята, приняли подруг немного смущенно, но приветливо. В коридоре разговаривать отказались, пригласили в комнату. Когда-то Воронова прочитала книгу, в которой излагалась теория здоровой жизни. Автор всерьез утверждал, что для укрепления собственного здоровья необходимо как можно чаще смотреть на цветущих людей, избегая общения с больными. Впрочем, Софья предпочитала избегать такого общения по другой причине: по ее представлениям, неизлечимо больной в доме - это не только запах лекарств, которым пропитываются и предметы, и люди, не только общение шепотом и слезы украдкой, но и фальшь, пропитывающая атмосферу в доме сильнее всяких лекарств. Фальшь - это и улыбки через силу, и необходимость постоянно лгать больному, себе, другим. Пока Софья входила в комнату, она уже заранее примеряла на себя умиленно-жалостливую улыбку, противную ей самой. Сейчас они с Мещерской будут, как две наседки, ахать и охать вокруг постели ребенка, сочувственно вздыхать, слушая горестный рассказ родителей на кухне... В комнате на диване сидела обложенная подушками девочка. Ее огромные глаза сначала сделались еще больше, а потом превратились в щелки: девочка смеялась. Смех был тихий, но чистый-чистый, как звон колокольчика. Не ожидавшие это услышать, обе Софьи переглянулись, жалостливые улыбки сползли с их лиц.

- Лиза, перестань! Веди себя прилично. - И все-таки в голосе Иры было больше нежности, чем строгости.

- Простите, - девочка попыталась сделать серьезное лицо, но опять рассмеялась.

- Опять птицы? - спросила Ира дочь. Та кивнула. Мещерская и Воронова вообще перестали что-то понимать.

Глава двадцать седьмая

Ира обратилась к женщинам:

- Вы уж не обижайтесь на Лизу. Садитесь, пожалуйста. Просто один наш знакомый...
- Друг, - поправила девочка маму.
- Конечно, друг. Подарил ей книгу о птицах. Вот она игру и изобрела. Говорит, каждый человек похож на какую-то птицу. Наверное, и вас кем-то представила. Гости оживились:
- Это интересно. Мещерская и Воронова были явно заинтригованы.
- А нам расскажешь, кто мы?
- Это не вы, - поправила девочка. - Это только мое представление о вас. Правильно мама сказала, что это игра.

Теперь уже широко раскрытыми глазами смотрела на Лизу Софья Воронова.

- Ты только думай, что будешь говорить, - вступил в разговор Виктор.
- Хорошо, я буду молчать, - притворно-послушно прошептала Лиза. Мещерская даже подпрыгнула:

- Как это - молчать? Обещаю не обидеться. И Софья обещает. Правда, Соня?

- Правда. Скажи еще, Лиза, а этот друг... Его фамилия - Киреев?

- Да.

- Она его вообще коростелем назвала, - сказала Ира.

- Коростелем? - изумилась Воронова.

Ире опять пришлось давать пояснения:

- С этого-то все и началось. Он ей что-то вроде сказки рассказал о том, как коростель берет в руки котомку и из теплых стран, где зимовал, возвращается на родину. А потом Михаил взял да и пошел сам пешком.

- Я его еще раньше коростелем назвала, - возразила Лиза.

- Ой-ой, прозорливица нашлась, - засмеялась Ира. Потом повернулась к гостям. - Нас она вообще парой пеликанов величает.

- Пеликанов?

- А мне нравится, - сказал Виктор. - Всю жизнь бобром называли, а тут в птицу переименовали. Правда, клювики у этих птичек - ого-го какие! Но ведь это пустяки. Чувствую, за другое Лиза нас так перекрестила. Так, дочка?

Лиза кивнула:

- Про пеликанов в древности мифы ходили, что они ради своих птенцов крови своей не жалеют. Вот и они у меня такие - ничего для меня не жалеют. Воронова вспомнила слова Киреева о том, как необыкновенна эта девочка. Что ж, он оказался прав. Вспомнила Софья и о стихах, которые просил передать Лизе Михаил. Она достала из сумочки листок:

- Вот, Лиза, это нам с тобой дядя Миша написал перед самым отъездом. Стихи стали читать вслух. Бобровы так бурно выражали восторг, так благодарили Софью, что она вдруг почувствовала радость от сознания своей причастности к Михаилу, к этим удивительным людям. Только Софья Мещерская не успокаивалась. Но и она стала той Софьей, которую так любила Воронова:

- Эй, народ, так нечестно! Мне в конце концов скажут, на кого я и вот эта девушка похожи?

- А если тебе скажут, что на курицу - тебе станет легче? - отозвалась Воронова.

- Между прочим, я слыхала, что курица - не птица... Лиза как-то странно посмотрела на подруг.

- Если вам правда интересно... Вы, - обратилась она к Мещерской, - славка-черноголовка. От неожиданности Мещерская рассмеялась:

- Я такой птицы даже не знаю. Может, просто славка? И почему именно черноголовка? Потому, что я темной масти?

- Нет, - ответила девочка, - славок много видов. Черноголовка - один из самых лучших певцов в наших местах. - Чувствовалось, что Лизе было приятно пересказывать прочитанное. - Мне кажется, вы все делаете красиво.

- Ты права, Лиза, - поддержала девочку Воронова. - Софья Михайловна действительно все в жизни делает красиво. А уж поет она и впрямь чудесно.

- Вы меня в краску ввели, - запротестовала Мещерская. - А что ты скажешь о Софье Николаевне? Кстати, ты уже поняла, что мы обе - Софьи. Третьей не будешь?

- Нет, меня зовут Лиза, - улыбнулась девочка. Затем показала на родителей. - Ирина Александровна, Виктор Иванович. Вот мы и познакомились. - Затем продолжила: - В первую секунду, когда я увидела вас, вы мне показались иволгой - вы такая же яркая и красивая. А потом...

- Лиза вдруг засмушалась, - я увидела другую птичку - погоньша. Это болотная курочка.

- Я так и знала, все-таки курица, - притворно стала сокрушаться Воронова. Хотя не совсем и притворно. Иволга ей понравилась больше.

Мещерская сочувственно посмотрела на подругу:

- Да, родная, а имя-то какое - погоньш. Замени второе "о" на первую букву алфавита... Пришло время обижаться Лизе. Заметив это, Мещерская погладила девочку по руке:

- Мы же шутим, Елизавета Викторовна.

- Так меня еще никто не называл, - улыбнулась девочка. - А погоньш - замечательная птичка. Она тоже... всегда возвращается... На родину. И тоже пешком. - Лиза умолкла.

- Любопытно, - нарушил молчание Виктор, - у нашей дочери явная слабость к птицам, возвращающимся домой, и все больше пешком.

Воронова спросила Лизу:

- А почему ты смеялась, когда мы входили? Виктор опять пошутил:

- А как бы вы поступили на ее месте, Софья Николаевна? Представляете, дверь открывается, и к Лизе в комнату заходят сначала славка-черноголовка, а потом болотная курочка - погоньш. Все засмеялись.

- Не поэтому, - отсмеявшись, ответила Лиза. - Просто... Просто... Нет, это секрет.

* * *

Есть особая, притягательная магия в вечерних огнях окон. В огромном городе их миллионы. За каждым окном - своя жизнь. Появляясь на мгновение в их свете, люди исчезают в глубине квартир, но свет окна продолжает хранить... Что именно? Нечто неуловимое, необъяснимое. Вы не замечали - люди редко подходят к окнам. Посмотреть, какая погода на улице, полюбопытствовать, кто там бранится во дворе... Окна словно границы между нашим внутренним миром и внешним. Их одинаковый свет скрывает тоже разные миры, миры наших душ. Вот почему подсматривать в чужие окна - такой же грех, как

лезть без спроса в чужую душу. Но что мне остается делать, если дверь на первом этаже панельного пятиэтажного дома по улице Нагорной была закрыта на ключ? Только в горевшем окне квартиры № 22 можно было видеть грузную фигуру еще молодого человека, висевшую в дальнем углу комнаты. Там находилось что-то вроде спортивного мини-городка: шведская стенка, штанга, тренажер. На верхней перекладине стенки и была привязана веревка, на которой висел человек. Через несколько часов выездная бригада милиции установит факт смерти гражданина Иванова Григория Романовича, наступившей в результате повешения.

- Самоубийство, - сказал много повидавший на своем веку старлей. - Ясно, как божий день. Все согласились. В самом деле, выпил человек и полез в петлю. Сколько сейчас таких? И никто не заметил крохотного следа слезинки на щеке покойного. Гришаня не хотел умирать.

* * *

А день обещал быть славным! Под стать яркому солнечному утру было и настроение Киреева. Вчера Михаил был весь зациклен на своей боли, на мыслях о том, дойдет ли он до Спас-Чекряка или нет, а сейчас просто шел. Шел и видел изумрудную чистоту первой зелени, лазурную глубину небес. Выпив воды из святого источника, Киреев бодро шагал полевой дорогой. Скорее, ее можно было назвать широкой тропой. Вот уже минул час, как он оставил за спиной дом Ивана Павловича. Дорога шла мимо небольших веселых рощиц, вдоль бескрайних полей. Приходя в очередную деревню, Михаил спрашивал, как дойти до следующей. Труднее стало, когда он вошел в так называемую "ничейную зону", так Киреев будет позже называть местность на границе двух или трех областей. Орловские деревни закончились, тульские еще не начались. Наивный, он думал, что в поле невозможно заблудиться. Вот по узкой ленте дороги Михаил поднимается на возвышенность. Вид, открывающийся отсюда, - словно бальзам для его сентиментального сердца, долгие годы томившегося в городском плену. Позади еще видны крыши домов - это Голиково, маленькая деревушка, где какой-то старик объяснил, как ему идти дальше. Слева - полоса леса. Сначала узкая, она, уходя на север, становится все шире - это все, что осталось от огромного леса, некогда раскинувшегося здесь. Где-то впереди должен быть поселок Выгоновский - последний на территории Орловщины. Но где он? Впереди - бескрайнее поле. И - три дорожки, уходящие в разные стороны. По какой пойти? Как в древней были: налево пойдешь - коня потеряешь... Прямо пойдешь - счастье найдешь... Позже придет к Кирееву дорожная мудрость, позже он, не стесняясь, в минуты раздумий, выбора будет просить помощи у Бога, Богородицы, Николая Угодника, но это придет не сразу. А пока Михаил выбрал самую широкую и торную дорогу, уверенно пошел по ней, но когда дорога резко стала сворачивать налево, понял, что ее проложили те, кто засеивал это поле. Пришлось возвращаться назад, но Киреев особо не огорчился. Он ведь никуда не спешил. Пригодилось Михаилу и то, что его память хранила огромное количество стихов. Он очень любил стихи, но раньше читать их вслух стеснялся. Единственный раз за многие годы - той девушке, Софье, которая приходила к нему домой. Здесь, в поле, Киреев был совершенно один, если не считать жаворонка, где-то в вышине певшего свою радостную оду жизни. Киреев шел и читал стихи. Когда сил было много - на ум приходили бодрые, жизнерадостные строчки. Наступала усталость, спадал темп - и стихи, соответственно, читались другие. Когда же становилось еще тяжелее,

помогала какая-нибудь мелодия, приходившая в тот момент на ум. Разумеется, когда сил не оставалось - тогда Кирееву было не до песен и не до стихов. Но все это войдет в систему позже. Позже он узнает: случаются в жизни такие ситуации, когда не то что идти, петь или декламировать стихи не хочется - нет сил даже лечь и умереть - и тогда остается только надеяться на чудо... Повторяю, обо всем этом Киреев узнает позже, а пока он возвратился на возвышенность и пошел по другой дорожке. Более узкой, но оказавшейся верной. Еще час - и уже Выгоновский остался в прошлом. Михаил шел и удивлялся: всего две ночи провел он вне Москвы, всего лишь второй день идет по России, а скольких хороших людей уже встретил, сколько имен, фамилий, названий деревень в его записной книжке. И не поймешь, чего пока в этой дороге больше - радости или грусти. Расставаясь с людьми, он прощался с ними навсегда. А эти села и деревушки! Вчера он зашел в одну из них, она называлась Дьячьё. Долго шел мимо бывших крестьянских усадеб, разрушенных хозяйственных построек. Сразу было видно, что некогда в Дьячьё жило сотни людей. Киреев долго сидел у церкви, точнее, у церковных развалин. Неслышно подошел человек. Назвался Сергеем. Оказалось, что в селе остался всего лишь один жилой дом, в нем Сергей жил с матерью. Сергею на вид было около сорока. Он оказался словоохотливым, рассказал и о том, какая красивая церковь раньше была в их селе, и о том, что не женат. Уехал бы в город, да мать бросать не хочется, а она хочет умереть здесь. Неожиданно в голову Киреева пришла мысль, которая поразила его.

- Послушайте, Сергей, - сказал он мужчине, - а ведь может сложиться так, что вы станете последним жителем Дьячьёго. Представляете, сколько веков стояло ваше село, сколько людей, живших здесь, лежит вот на этом погосте. И вот вы - последний в этой цепочке. Сергей, до этого оживленно болтавший с незнакомцем, задумался. Потом сказал:

- Правда. Даже не по себе как-то стало. Получается, меня не станет - и конец Дьячьёму? Они молчали. В проросшей на битых кирпичах траве беззаботно стрекотали кузнечики, да во дворе дома Сергея голосил петух. Все остальное - тишина. И показалось Кирееву, что сидит он на поминках. Но похоронили не человека, нет, а что-то очень большое-большое, чему даже названия не подберешь.

Но Дьячьё тоже уже осталось в прошлом. Сейчас Михаил думал о том, как дойти до речки Бобрик. Дорога вошла в лес, становясь все уже и уже, превращаясь в едва заметную тропу. Чтобы в сердце не вошла тревога - ведь если в поле он умудрился заплутать, что же можно ждать от леса, - Киреев стал вслух читать стихи, пришедшие на память. Не смейтесь, но это были стихи из детской книги "Хоббит" английского писателя и ученого Толкиена, которую Киреев очень любил.

Дорога вдаль и вдаль ведет,
Через вершины серых скал -
К норе, где солнце не сверкнет,
К ручью, что моря не видал.
По снегу зимних холодов
И по цветам июньских дней,
По шелку травяных ковров
И по суровости камней.
Дорога вдаль и вдаль ведет,
Под солнцем или под луной,

Но голос сердца позовет -
И возвращаешься домой.
Молчишь, глядишь, глядишь кругом,
И на лугу увидишь ты
Знакомый с детства отчий дом,
Холмы, деревья и цветы.

Вначале Киреев собирался дойти до деревни Зайцево и там отдохнуть, но когда он вышел из леса и оказался на берегу крошечной речушки, а это и был Бобрик, силы оставили его. Ласково светило солнце, ветерок почти утих, еле слышно порхая только по верхушкам берез. Комариная пора еще не наступила, а потому Кирееву никто не досаждал. Огромная стрекоза пролетела над ним. Села на лист рогоза и уставилась на него своими огромными глазищами. К ней подлетела другая стрекоза, они кружились в воздухе... Было так тихо - только журчание воды и трепет этих крылышек. Михаил, засыпая, подумал о том, что это не стрекозы, а эльфы из сказки Толкиена. Это они, маленькие прекрасные создания, навевают ему сон, смежают веки... Проснулся Киреев также тихо, как уснул. Всего лишь открыл глаза - та же река, та же чистая молодая зелень леса. Даже стрекозы продолжали кружиться над водой. Только что-то темнее стало. Киреев посмотрел на часы и ахнул: половина седьмого! Он умудрился проспать больше шести часов. Странно, но впервые за многие недели даже захотелось есть. Михаил поспешно закинул рюкзак за спину и быстро зашагал вперед. В смелых утренних планах он видел себя вечером в Мишенском. Теперь это было утопией - вот тебе, Кира, еще один урок. Но коррективы в своем маршруте Киреев сделал: сокращая путь, он миновал Зайцево. Встретившийся пастух сказал ему, что "вот ентим путем вы, товарищ, прямками в Бакину и упретися, а оттудова идите на Лентево. Хорошая дорога, товарищ. А уж с Лентево вам подскажут, как до Мишенскаго дойти". Киреев посмотрел на карту. Точно, и Бакино есть, и Леонтьево, а там до родины Василия Андреевича Жуковского совсем близко. Разумеется, дойти он не успеет, но нужно сделать так, чтобы завтра можно было бы спокойно посмотреть усадьбу поэта и дойти до Белева. Он поблагодарил пастуха: "Спасибо вам, товарищ", и поспешил вслед за убегающей серой лентой дороги. Откуда ему было знать, что в Зайцево его весь день прождали четверо людей? Откуда ему было знать, что через Бобрик в Зайцево ведут две дороги и что само Зайцево - это как бы два населенных пункта, разделенных ручьем: небольшая деревня и большой поселок. Идя по лесу и оказавшись очередной раз перед раздвоением пути, Киреев второй раз ошибся и умудрился выйти к дороге, по которой почти никто не ездил. Впрочем, ошибся ли он - вот вопрос. В этом случае Его Величество Парадокс вновь доказывал свое всеисилие.

А Шурик и компания, взяв в Болхове много пива, сначала сидели весело, наслаждаясь пивом, хорошим днем и предвкушая окончание дела. Но чем дольше они сидели, тем больше злился Гнилой, мрачнел Бугай, беспокойнее становилось на душе у Юли. Только Шурик, казалось, оставался так же спокоен. Откуда им всем было знать, что стоит пройти вверх по речушке, по хорошему, не болотистому берегу с километр, как можно придти к другому мосту, недалеко от которого безмятежно спал человек, которого они так хотели увидеть... Когда же Киреев был уже на полпути в Бакино, компаньоны переругались. Бугай предлагал двоим ждать здесь, а двоим идти пешком в сторону Герасимова дорогой, по которой должен был проходить "этот гад". Шурик, в свою очередь, хотел, чтобы двое ждали здесь, а двое в

Зайцево. Гнилой советовал продолжать "сидеть здесь и не рыпаться". И только Юля молчала...

* * *

- Алло, тетка, ты что делаешь? - Это была Мещерская.

- Собираюсь ложиться спать. Кое-что почитать взяла.

- Случайно не атлас птиц? - засмеялась Софья.

- Да. А откуда...

- Я, представь, тоже достала. Ну и как?

- Уж лучше бы она меня иволгой обозвала. Я посмотрела на фотографию этого погоньша - что-то среднее между курицей и куликом.

- Ладно, не буду тебя особо травить. У меня получше снимочек будет. И, действительно, пишут, что поет эта славка-черноголовка здорово.

- Зато про меня написано: "Свист резкий: уить-уить".

- Как?

- Уить... Слушай, я обиделась. Еще смеется...

- Не обижайся, я шутя. Кстати, тетка, помнишь, когда мы с Бобровыми прощались, ты еще спросила Лизу, кем она себя представляет? Она сказала - коноплянкой, помнишь? Мне показалось, что ты вздрогнула.

- Разве?

- Значит, показалось.

- Софья, ты... Ну, не совсем показалось...

- Если не хочешь, не говори.

- Да и говорить нечего. Я бы на такие вещи раньше внимания не обратила, а как с Киреевым познакомилась... Короче, ты помнишь моего дядю?

- Обижаешь. Конечно, помню.

- Когда из Германии я вернулась, его уже убили. Он мне на автоответчик... Одним словом, про коноплянку были его последние слова, с которыми он ко мне обращался. А тут, оказывается, Михаил с Лизой тоже о коноплянке перед уходом Киреева говорили...

- Наверное, случайность?

- Как говорит Киреев, кто верит в случайность, тот не верит в Бога.

- Ты уже его цитировать начала? Раньше больше дядю... Молчу. Это нормально. Я всегда говорила: мужики должны быть умнее нас, баб. Ты меня слышишь, Соня? Что замолчала?

- Вспомнилось все. Дядя, Киреев - леший его дери.

- Это уже ты меня цитируешь.

- Надо же, не скажи ничего. Скоро будут на выражения авторское право требовать. Шучу. Ну так вот. А сегодня девочка эта... Лиза.

- Мне они очень все понравились. Я о Бобрах говорю. А девочка - чудо.

- Да. Только помогут ли ей эти деньги?

- По крайней мере, с ними у нее больше шансов. Кстати, тебе не показалось, что Бобровы не очень поверили в эту организацию - "Женщины культуры против лейкоза"?

- Это была Киреева идея. А мне показалось, что поверили. Между прочим, нам никто не мешает создать такое общество.

- Ну ты и голова, Воронова. Завтра обсудим, идея хорошая. Только название поскромнее

надо придумать. Спокойной ночи, тетка.

- Спокойной ночи. И - спасибо тебе.

- Это тебе спасибо. Знаешь, думаю: а невестка все же звучит лучше тетки? Как ты считаешь?

- Все, иди дрыхнуть, свекровушка.

Когда Соня легла в постель, она еще долго листала атлас. Странный какой-то. Про коростеля в нем ничего не было. У Лизы, наверное, был более подробный атлас.

Глава двадцать восьмая

- Йод, вата, иголка, даже булавка есть, а спички не взял. Идиот! - Киреев досадовал на себя и был прав.

Положим, спальник он купит завтра в Белеве, но спички можно было попросить в любой деревне. Ночь застала его в пути. Не очень далеко, километрах в двух, светились огоньки. Наверное, деревня. Но дорогу было уже трудно разобрать. Да и сил осталось мало. Впрочем, Киреев понимал, что обманывает сам себя. И по ночной дороге можно идти, тем более вокруг было поле, а не лес. И силенки еще не все вышли. Он просто стеснялся входить в уснувшую деревню и стучать в дома, будить людей. Вот и решил Михаил заночевать в поле. Судя по звездам, густо высыпающим на ночном небе, дождя не предвиделось. И это успокаивало. Киреев выбрал место на бугорке, откуда хорошо просматривалась местность. Точнее, могла просматриваться в светлую пору. Пока же Михаил видел огромное черное пространство; казалось, весь мир - это огромная, крошечная мгла, черная пустыня. И только редкие огоньки напоминали о том, что мир заселен людьми.

Сначала Киреев радовался, что не будет дождя, потом этого уже стало мало для радости. Похолодало. Все-таки на дворе была середина мая. Вот тут Киреев и вспомнил о спичках. Есть не хотелось - с усталостью чувство голода прошло, а вот погреться у костра... Он с энтузиазмом стал искать сухие ветки, валежник, но потом вспомнил, что все это надо будет еще умудриться зажечь. Для успокоения совести Киреев перетряхнул рюкзак - напрасно. Что ж, придется обойтись без костра. Все выше и выше над миром поднималась полная луна. Ее светло-серебристый свет пролился на землю - на поля, леса, реки и ручьи, на крыши далеких домов... Странно, Киреев, ожидавший повторения той памятной ночи в его бывшей московской квартире или возвращения чувства одиночества, посетившего его в Болхове, был удивительно покоен. Именно так: не спокоен в обычном понимании этого слова, а покоен. Будто серебристый свет луны разлился и в его, киреевской душе, умиротворяя и врачуя ее. Час-другой назад Михаил переживал, будет ли дождь, волновался о том, как он будет спать, и даже немного боялся - сгущавшиеся сумерки, незнакомость местности, собственная богатая фантазия делали свое дело. Но сейчас он был покоен. "Может, это и есть благодать? - подумал Киреев. - Я жутко устал: ноги как деревянные, боль перестала отпускать даже на минуту, весь день во рту не было макового зернышка. Наконец, я просто-напросто замерзаю - а мне хорошо... Почему так?"

Впрочем, ответ Киреев знал давно, с той самой ночи, когда пил горькую на кухне в обществе таракана. Чувство одиночества, оставленности возникает при наличии особой значимости, которую обычно придает себе человек, выделяя себя, видимо, из всего мира. Это и была гордыня, как понимал ее Киреев. Пережив ужас ожидания смерти, терпя боль физическую, он на своей маленькой кухоньке сделал единственно правильный выбор: смирился. Нет, не с болезнью своей страшной, не с болью, рвавшей его тело, он смирился с тем, что не является центром этого мира. Смирение принесло примирение. На кухне Киреев был готов увидеть брата своего в таракане... И вот сейчас Михаил пожинал плоды той ночи. Он ощущал себя частью этой огромной пустыни, раскинувшейся вокруг. Такой же важной и изначальной, как лягушки в невидимом пруду, упоительно и громко певшие свои брачные песни; как сова, бесшумной тенью пролетевшая над его головой; как эта луна, величавая и

спокойная, лившая серебристый свет и на каждую травинку-былинку, и на него. От нахлынувшего умиления слезы выступили на глазах. "Почему так, - думал Киреев, - луне не жалко своего света, лягушкам - дарить свои ликующие песни всему миру, а мы всю жизнь что-то считаем, рассчитываем, копим. Помним, кто нас обидел, с удовольствием вспоминая свои добрые дела, забываем о делах плохих или даже оправдываем их. Взвешиваем, прикидываем, умножаем, а надо просто... как эта луна: струить свет. И благодарить, благодарить, благодарить. За то, что мы живем, за то, что мы часть этого прекрасного, величественного, удивительного мира. Благодарить Творца". В эту минуту Киреев ни на секунду не сомневался: такой прекрасный и удивительный мир не мог возникнуть сам по себе. Хаос не может породить гармонию, душа - страдающая и ликующая, ранимая и мятущаяся - существует. И его мучения, сомнения, его любовь и ненависть не могут быть результатом физиологических процессов, происходящих внутри организма. Вот сейчас ему так хорошо, хотя тело продолжает страдать. Так кому тогда хорошо? Душе! Именно она, его душа, и ощутила на себе то, что называется благодатью.

И Киреев продолжал делать открытия. Он полулежал, облокотившись на рюкзак и надев на себя все, что у него было. Михаил был одновременно и частичкой, крошечной, почти невидимой, этого мира, и его созерцателем. Тихим и благодарным. Оказалось, что ночная жизнь не менее насыщена, чем дневная. Никак не хотели угомониться лягушки. Вот из рощи на поляну вышла лиса. Она то бесшумно бежала по серебристой траве, то останавливалась, прислушиваясь и принюхиваясь. Зверек прошел буквально в десяти шагах от Киреева - и не заметил его! Киреев был счастлив, как ребенок. Он любовался и грацией нежданного гостя, и красотой его шкурки, но, самое главное, Михаил понял, как надо существовать в этом мире, понял в одну секунду, в один миг: тихо и бережно, прикасаясь к нему, как к сосуду из самого хрупкого хрусталя, как к только что родившемуся ребенку. Вот сейчас ему меньше всего хотелось бы напугать этого чудесного зверька. Киреев словно окаменел, даже сердце стало биться тише. И лиса не заметила его, не почувствовала своим звериным чутьем. Будь Киреев охотником, он мог легко убить зверька, но сейчас сама мысль об убийстве показалась бы ему чудовищной. Лиса побежала дальше, так и не узнав, что только что повстречалась с человеком. А человек вспоминал, как вслушивалась лиса, как она бесшумно шла по траве, вспоминал эти движения и даже попытался повторить кое-что: Киреев часто-часто задыхал носом, будто принюхиваясь. Он это делал так старательно, что у него закружилась голова. Но зато минут через пять ему показалось, что он почувствовал сырость, исходящую справа от него. Что там - влажный луг? Болотце? Ручей? И в этот момент оттуда донеслось скрипуче-ворчливое "крэкс! крэкс! крэкс!" Надо же, коростель! Значит, дошел, бродяга, до родных мест? Или тебе идти еще дальше на север? Сразу вспомнилась Лиза. И Софья. Воспоминание доставило Кирееву удовольствие. Он даже смутился: красивая девушка с густыми темными волосами, голубыми глазами и тонкой шеей с пульсирующей жилкой, наверное, давно забыла его. А вдруг нет? Тогда, в пустой квартире, ему было легко и просто с ней общаться. А сейчас девушка будила в душе Михаила какие-то неведомые чувства. Или прав Александр Грин: над каждым из нас сильна власть несбывшегося. Власть крепкая и печальная. Могла ли при других обстоятельствах Софья Воронова стать для него больше, чем просто знакомой? "Фантазии несбывшегося" - Киреев вздохнул. А коростель не унимался. И теперь в раскатыстое и звонкое тысячеголосое

лягушачье "ква" вливалось скрипучее и меланхоличное: "крэкс", "крэкс", "крэкс".

Сон не приходил, видимо, слишком долго Киреев спал сегодня днем. Впрочем, не сегодня, а уже вчера. Михаил достал карту. И хотя названия деревень были набраны очень мелким шрифтом, лунный свет позволял читать карту без усилия. Итак, он находится где-то вот здесь. До Мишенского часа полтора-два ходу, дальше Белев. От него, по логике, через Манаенки и Арсеньево надо было идти домой. Болхов остался позади. "Неужели еще позавчера утром я беседовал с отцом Владимиром, - думал Киреев. - А кажется, это происходило неделю назад". И прошел он прилично. Киреев продолжал внимательно изучать карту. На юго-западе находилась знаменитая Оптиная пустынь. Заманчиво, конечно, но слишком уж в сторону. Но почему-то и на Манаенки поворачивать после Белева не хотелось. Что, вошел во вкус дороги? Или он в глубине души боялся, что возвращение в Старгород будет началом конца? Киреев перевернул несколько страниц. Что там к северу от Белева? Чекалин, бывший Лихвин. Киреев знал, что это - самый маленький город в России. Очень древний город. Никогда раньше Михаилу не доводилось бывать в тех местах. Решение пришло будто само собой. От Белева до Лихвина не больше двух дней пути, почему не сходить? А оттуда можно идти через Одоев - еще один старинный город. Можно будет зайти к Ивану Васильевичу Папунену, директору местного музея, очень хорошему человеку... Киреев даже испугался своих планов: как он, однако, осмелел! "Не больше двух дней пути, почему не сходить?" Не слишком ли ты, друг, быстро вошел во вкус? Гляди, как бы не пожалеть. Но ведь он действительно прошел более сорока километров - разве это мало? Болхов вон там, сзади, где-то за горизонтом - и он, Киреев, прошел этот путь пешком. Нет, гордости не было - только удовлетворение от сознания того, что работа сделана хорошо. Его, Киреева, работа... Один мудрый человек говорил, что каждый поступок имеет силу. Особенно, если совершать его так, как будто это - последний поступок в жизни. Эта дорога может быть последней дорогой Киреева в жизни... На востоке, на самом краю лазурью засветилась тонкая полоска неба. Через час начнется восход. Надо хоть немного поспать. Михаил отложил карту и лег на землю, сложив руки на груди, как покойник. Замер. Сквозь слипающиеся веки мерцали огоньки дальней деревеньки. Ему завтра туда предстоит идти. Опять ошибка... Не завтра - сегодня. Огоньки то сливались, то рассыпались звездочками. Холодно. Засыпая, Киреев представил, что эти огоньки - напоминание для него о том, что где-то есть люди, есть уютное человеческое жилье. А еще огоньки - маячки для путников, сбившихся с пути. Наверное, там, в этих жилищах, живут славные, добрые люди... Они отдыхают после трудового дня... Пусть им будет хорошо... Чьи это стихи... про огонек? Рубцова?

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле...

Киреев спал и не слышал, как рыжий зверек, возвращавшийся с охоты, осторожно

подошел к нему и принялся. Лиса с опаской посмотрела на человека, в любой момент готовая дать стрекача. Но человек либо крепко спал, либо умер. Зверек постоял еще немного - и не спеша побежал в рощу.

* * *

Первой проснулась Юля. Надо бы разбудить ребят, но она не решилась. Юля боялась. Московские знакомые вряд ли бы узнали в сжавшейся в автомобильном сиденье и нахохлившейся, словно птица, женщине прежнюю Юльку. От Гнилого и Бугая исходила какая-то давящая сила. Не раз и не два она ловила их недвусмысленные взгляды. Пока ее защищал Шурик, пока их сближало общее дело. А если Киреев ускользнул от них, как он делал все эти дни? Кто будет крайним в неудаче, кого сделают козлом отпущения? Или, правильнее, козой? Юля не хотела об этом думать. Шурик? Селиванова не могла не видеть, как он подобострастно смеется тупым шуткам Гнилого, как всячески выказывает ему уважение. Почему? Станный: еще вчера в Болхове он вел себя по-другому. Сегодня же Шурик вскользь намекнул ей, что эти "быки" не доверяют ему и только покровительство Кузьмича спасает его от ревнивого недружелюбия Гнилого, считающего Юлькиного друга незаслуженно высоко стоящим в иерархии банды, а себя, наоборот, столь же незаслуженно обойденным... Бугай, случайно или нет, вдруг рассказал о том, как снимался в порнухе где-то в Подмосковье. По сценарию он, одетый в маску свиньи, должен был убивать водителя сломавшейся в лесу легковушки, а затем насиловать и убивать его спутницу. Только все в том фильме было по-настоящему. Бугай рассказывал, смакуя подробности. Гнилой хохотал, Шурик все спрашивал, обращаясь к Бугаю: "А ты?" Юля же представила, что должна была чувствовать женщина, пусть даже она была проституткой, промышлявшей на Ленинградском шоссе, когда ей перерезали горло...

Селиванова вспомнила, с какой легкостью она разрабатывала план ограбления квартиры Вороновой. Ее домработницу должны были увести в лес и убить. Кстати, предполагалось, что "лесную" работу сделает Бугай... Юля поежилась. Почему это не казалось ей чем-то страшным? Потому, что важен был конечный результат? Или потому, что в одной компании с Бугаем теперь оказалась она сама? Постепенно проснулись все. Гнилой включил радио. Передавали новости. Диктор скороговоркой говорила о войне на Балканах, о работе Госдумы, сообщала, что Ельцин отправится сегодня на плановое обследование в Центральную клиническую больницу.

- Вот президента выбрали, твою мать, - выругался Бугай. - День работает, потом неделю лечится, а потом еще месяц отдыхает... Потом по новой: день работает...

- Тебе-то какое дело? - перебил его Гнилой.

- Как это - какое? - обиделся Бугай. - Это же президент. В других странах...

- Дурак ты и имя твое матом. Подумай башкой своей тупой: если бы не Ельцин, кем бы ты был?

- Не понял.

- Хорошо, объясняю. Ты откуда родом?

- Город Щигры Курской области.

- Понятно, из деревни.

- Это город, - Бугай обиделся еще больше. - У нас завод там большой.

- Да ты не обижайся, я сам из такой же деревни. Завод, говоришь? Ну так и вкалывал бы

ты при Советах на этом заводе за свои 120 рэ или трактористом работал в соседнем колхозе. С утра до ночи в говне и мазуте. Разве не так?

- Так, наверное, - согласился Бугай.

- А если б тебя Бог умом не обидел, поступил бы в институт. И стал бы инженером. И опять - на родной завод. Только уже за 110 рэ. Лет через десять получил бы квартиру. Через двадцать - купил "Москвич". Наплодил бы пару-тройку бугаят. По вечерам жена таскала бы тебя на дачу... Что, я не так говорю?

- Так, наверное.

- А теперь посмотри на себя. Уважаемый пацан, состоишь в солидном деле. Машин ты уже сколько сменил?

- Сколько... Одну только.

- Хорошо, одну. Зато сейчас у тебя классный джип.

- Так я же не новую тачку брал, в отличие от некоторых.

- Ну ты и жлоб. Как мы быстро к хорошему привыкаем. Лет тебе сколько?

- Двадцать пять.

- У тебя при советской власти мог быть джип, пусть даже подержанный? Я уж не говорю о девочках, которые к тебе на шею сами кидаются.

- Ты прав, братан. В натуре, прав, - согласился Бугай.

- То-то. Ельцин ему, видите ли, не нравится.

- Слушай, - обратился к Гнилому Бугай. Им уже целиком завладела новая мысль. - Ну почему так в жизни бывает: все хорошо, но что-нибудь обязательно плохо?

- Ты о чем?

- Да все о том же. Правильно ты все говоришь, но, смотри: Мишку Титова уже год как похоронили. Так? На похоронах народу сколько было! Толпа! А теперь считай, из той братвы, что с нами Мишку хоронили: Хромика убили, Вязю убили, Серого тоже убили.

- Ну и что из этого?

- Как что? На кой хрен мне бабы эти, джип, если меня завтра вперед ногами понесут? Гнилой смерил Бугая взглядом:

- Братан, а ты думаешь жить вечно?

- Не вечно, но...

- Все равно подохнешь. Да, из "быков" до тридцати-сорока мало кто доживает. Но по мне это лучше, чем за гроши вкалывать на чужого дядю до пенсии. Ты вспомни, как того же Мишку хоронили.

- Круто было.

- А памятник ему какой поставили? Не зря жил человек.

- Ты прав. Между прочим, - впервые за все время разговора Бугай обернулся назад, в сторону Юли и Шурика, - у меня тоже место приготовлено.

- Где? - наивно спросила Юля, до этого молча слушавшая разговор мужчин.

- В... На кладбище, где же еще? И памятник будет. Я, - Бугай неожиданно засмутился, - стихи сочинил. Ну, не совсем я, с другом одним...

- Прочти, - попросила Юля.

Остальные поддержали ее. Откашлявшись, Бугай стал декламировать: Допейте мой стакан, братки,

И докурите сигарету. А если вдруг кто спросит обо мне,

Скажите: его больше нету.

- Ну как? - обвел он взглядом честную компанию.

- Здорово! - сказал Шурик.

- Мне понравилось, - явно лукавя, высказала свою оценку Юля.

- А для меня напишешь что-нибудь такое? - неожиданно попросил Гнилой.

- Для тебя - конечно, - Бугай был явно польщен.

- Все, кончаем базар, - поставил точку в разговоре Гнилой. - Давайте лучше будем решать, что делать дальше.

- Смотрите, - опять подал голос Бугай, - стадо.

- Ты что, коров никогда не видел? Я ему о деле, а он то стихи читает, то коровами любит. - Гнилой стал "заводиться".

Юля заметила, что делал он это с пол-оборота.

- При чем здесь коровы? - Утро только начиналось, а Бугай обиделся уже в третий раз. - Коров пастухи гоняют. Весь день. Соображаете?

- А это идея, - одобрил Шурик. - Юля, пойдём поговорим с людьми. Одобрил Бугая и его напарник:

- Только, братки, разговаривать на этот раз буду я. Впрочем, пастух, невысокий шустрый старик в телогрейке, уже сам шел к машине.

- Дорогие товарищи, здоровья желаю. У вас, случай, закурить не найдется?

- Найдется, батя, найдется.

Гнилой первым вышел из машины. За ним последовали другие.

- Может, и на бутылочку заработаешь. Только ты учти, я товарищей не люблю.

- В смысле, одиночество предпочитаете?

- В смысле, ты сам знаешь, кого товарищами называли.

- Кого?

- Ты бестолковый, дед? Лучше скажи, никто из чужих здесь не проходил?

- А закурить?

- Бугай, дай ему закурить. Дед не спеша и с удовольствием затянулся. Потом спросил:

- А что вы имеете в виду, това... добрые люди?

- Ну вот вчера ты весь день, наверное, коров своих гонял. Видел человека...

- С бородкой? Русый такой? С рюкзаком?

- Он! - вырвалось у всех четверых одновременно. Дед был доволен тем эффектом, который произвели его слова.

- Вежливый такой, культурный товарищ, одним словом. Только видно, что квелый весь из себя. Друг, что ль, вам?

- Что такое квелый? - спросила Юля старика.

- Слабый то есть. Видно, что болеет.

- Ты прав, батя, - зыркнув глазами на Селиванову, заговорил Гнилой. - Дружок он наш. А бледный потому, что совесть его мучает. Чужую вещь присвоил, а отдавать не хочет.

- Вот оно что, - задумчиво протянул старик.

- А почему мы его не видели? - продолжал спрашивать Гнилой. - Весь день то в Зайцево, то здесь сидели.

- А в каком Зайцеве вы сидели, добрые люди?
- Издеваешься, что ли? У вас их что, как собак нерезанных?
- Два. Одно большое, другое маленькое. И моста через Бобрик два.
- Два? - Шурик полез за картой. - Смотри дед, откуда здесь два моста?
- Мил человек, я без очков не вижу, хотя... Да разве это карта?
- А что же это, по-твоему?
- Для езды она хороша, а чтоб вот пешком... У друга вашего подробней все изображено...

Значит, так. Вверх по речке, чуть боле километра, еще один мост имеется. Совсем худой мосток, но человек пройтить может. Друг ваш сказывал, что он шесть часов возле этого моста спал. Притомился очень.

- Шесть часов?! Шесть часов?! - взревел Гнилой. - В километре отсюда? Батя, а может, он спрашивал тебя...

- Как куды пройтить? - понимающе закончил фразу пастух.
- Да, как куды... Тьфу!
- Спрашивал. Я ему и дорогу короткую показал. Ее даже на карте вашего друга не было.
- Куда он пошел? Батя, ты не на пузырь, ты на два пузыря заработать можешь.
- Спасибочки. Два - еще лучше. Вечером мы с Петровичем еще доберемся.
- Дед, кончай трепаться. Показывай, куда он пошел.
- Значит, так. Пока, ребята, вы здесь друга вашего ждали, он спал. Даже терпеливого

Бугая передернуло:

- Если знаешь, говори быстрее. Мы без тебя знаем, что он спал.
- Зря вы набычились, товарищ. И как бы вы без меня узнали, что он спал? Потом пошел он в Зайцево, а я говорю ему: зачем? Если вам, говорю, на Луну, так лучше сверток сделать...

- Все, братаны, у старика крыша поехала. - У Бугая начиналась истерика. - На какую Луну, какой сверток?

- Сверток - это по-нашему поворот. Свернуть то есть надо. И в Зайцево не заходить. Крюк лишний. А Луна - это деревня такая у нас есть. За ней Николаевка, Бобрики. А вы что, про Луну - небесное светило подумали?

- Бобрики на карте есть, - подал голос Шурик. - Так он в сторону Оки пошел?
- Туда. В ту сторону, говорит, пойду. Посмотрю, говорит, на великую русскую реку.
- Все правильно, хлопцы. - Шурик повернулся к Бугаю и Гнилому. - Смотрите. Он, наверное, такими тропами до Манаенок пойдет, оттуда на Арсеньево - и напрямик до Старгорода.

- Что будем делать? - спросил Гнилой. - Мы мимо этих Лун сможем проехать?

- А то нет, - опять подал голос старик. - Только вот догоните ли вы его?

- Не твоя печаль, батя. - Гнилого уже не интересовал пастух. - Значит, в Бобрики сейчас, Шурик?

- Да. Но боюсь, он там сегодня заночевал и теперь уже к Оке подходит.

- Что же делать?

- Попытаемся его до Оки перехватить, если не получится, сворачиваем на Белев и на Манаенки. Он их не минует. Лес кругом большой. Точно, ему только на Манаенки идти. Если вниз, на Чернь, то это крюк.

- Правильно говорите, товарищ, - напомнил о себе дед. - А как насчет бутылочки, люди

добрые? Гнилой посмотрел на деда, будто первый раз увидел:

- Тебе закурить дали? Дали. Возьми еще одну сигарету и давай - иди, паси коров.

- Понятно, - вздохнул пастух. - Диви я знал, что вы так слово свое нарушите, я бы того человека вам не выдал.

- Ты сейчас договоришься. Поехали, братки.

- Народ пошел, - недружелюбно оглядывая старика, проворчал Бугай. - Два слова сказал - гони ему бутылку. Простой, твою мать!

- Так вы же обещали.

- Утром вредно начинать пить, дедушка, - миролюбиво произнесла Юля. - И, кстати, что такое "диви"? Дивиться, что ли?

- Почему начинать? Мы бы продолжили, - ответил старик. - А диви - это по-нашему "если бы"... Они уже сели в машину, когда старик обратился к Гнилому:

- Мил человек, дюже ты мне по нраву пришелся. Хочешь, я тебе анекдот расскажу?

- Валяй, только быстрее, - разогревая мотор машины, ответил Гнилой. - Забавный дед.

- Стоят в загоне три быка.

- Три кого? - переспросил Бугай.

- Быка.

- В смысле с рогами?

- А в каком же еще? - искренне удивился старик. - Стоят, значит, спокойно, пока не узнают, что председатель колхоза нового быка привезти хочет. Разволновались бычары. Первый говорит: "Я уже пять лет свое дело делаю. Пятьдесят коров - мои, ни с кем я делиться не намерен. Пусть этот новенький только подойдет". Второй поддерживает: "Я здесь четыре года. Тридцать коров - мои, законные. Пусть только новенький подойдет". Третий, самый молодой, тоже права качает: "Я здесь два года живу. Три коровы - мои. До победы буду за них драться". Говорили они, говорили, а тут и новенького привезли. Смотрят, выгружают из грузовика такого здоровенного быка, какого свет не видывал. Бугай, одним словом.

- Как ты сказал, дед? - опять перебил пастуха Бугай. - Повтори.

- Господи, и откуда вы такие взялись? Совсем русских слов не понимаете. Бугай - это значит здоровый очень.

Впервые за три дня Юле стало весело.

- А, ты в том смысле, - примирительно сказал Бугай. - Продолжай, интересно.

- Увидели они бугая этого, первый бык и говорит: "Зачем мне столько коров? И вообще, я притомился, надо отдохнуть малость". Второй тоже на усталость жалуется, мол, четыре года без роздыха тружусь, пушай новый поработает. И только третий бык, молодой самый, голову нагнул, копытом землю бить начал, сопит вовсю. Товарищи говорят ему: "Опомнись! Что тебе дороже, жизнь или бабы, то есть коровы эти?" А он им в ответ: "Я и не думаю драться, я просто хочу, чтобы он сразу понял, что я бык". Ну, ладно, прощевайте, товарищи. Машина тронулась под громкий смех Гнилого, Бугая и Шурика. Юля молчала. Ей почему-то смеяться не хотелось.

- Иван Леонтьевич, - к старику подошел помощник. - Кто это были?

- Бандюки.

- И чего они хотели?

- Чтоб я грех на душу взял.

- Ну и как, взял? Старик строго посмотрел на своего помощника:

- Ерунду говоришь, Петрович. Ты лучше подумай, где нам бутылек раздобыть.

* * *

Проснулся Киреев от холода. Уже рассвело. Место, где он остановился, изменилось удивительным образом. Все вокруг заволочло туманом. И тишина стояла как при сотворении мира. Единственный шанс согреться - это отправиться в дорогу. Быстро собравшись, Киреев на прощание оглядел то место, где провел ночь:

- Спасибо, Господи. Мне было здесь хорошо. Странно, но на память пришел мультфильм из детства. Кажется, он назывался "Паровозик из Ромашково". Там симпатичный паровозик то убегал в лес за ландышами, то встречал рассвет, то слушал соловьев. Возмущенному пассажиру, который боялся опоздать, паровозик отвечал так: "Но если мы не услышим соловья, мы опоздаем на целый год". Неожиданно для себя Киреев произнес фразу, которую впоследствии он будет повторять очень часто: "Если я не увижу Лихвин, я опоздаю на целую жизнь".

Глава двадцать девятая

После знакомства с Лизой и ее родителями жизнь Софьи круто изменилась. Отошли на второй план картины, хотя Воронова по-прежнему много времени уделяла своей "Белой розе". Сказать точнее, изменилась она сама. В каких-то сорок дней уместились смерть Смока, знакомство с Киреевым, все эти страсти по иконе. Наконец, встреча с Лизой. Софье было все труднее и труднее повторять свои слова заклинания: "Я счастлива. Жизнь прекрасна и удивительна". Сразу приходили на память последние слова Воронова. А еще вспоминались глаза Иры Бобровой. Любовь, страх, надежда - все было в этом взгляде. И - благодарность, когда Софья передавала Бобровым деньги. До сих пор Вороновой было неудобно за эту благодарность, за суетливость в движениях, которая вдруг появилась у Виктора. Милые, добрые люди - за что им такая беда? И она, Софья - холеная, довольная собой, считавшая несчастьем отсутствие в доме горячей воды в течение нескольких часов... За что Бобровым благодарить ее? За то, что к деньгам Киреева приплюсовала энную сумму от щедрот своих? Но больше всего поразила Софью эта маленькая девочка. Наталья Михайловна, с которой Воронова познакомилась немного позже, обстоятельно рассказала Софье о болезни Лизы. Котеночкину обе Софьи привлекли к осуществлению своих замыслов. Мещерская занималась бумажными делами, Софья взяла на себя роль пропагандиста, Наталья - просветителя. Ежедневно два-три часа Воронова и Котеночкина проводили вместе. То Наталья водила свою новую знакомую в хосписы, клиники, то Софья вела ее к "нужным" людям, от которых, как верила Воронова, многое зависело. К своему огорчению, она поняла, какая огромная разница между словами одобрения и сочувствия, которые они с Натальей Михайловной слышали с лихвой, и конкретными делами. Еще более неприятно поразили Софью многие ее подруги, жены состоятельных людей или сами занимавшиеся бизнесом. Они охотно покупали картины за сумасшедшие деньги, летали в Париж, чтобы заказать себе новый наряд, но когда Софья рассказывала им о Лизе, о больных детях, ей отвечали примерно так: "Все эти фонды... Разворуют ведь деньги. Пусть этим занимается государство". Или: "Я уже помогаю одному фонду", хотя по глазам было видно, что не помогает. Воронова расстраивалась, а Наталья успокаивала ее:

- Софья Николаевна, не принимайте все так близко к сердцу.

- Почему?

- Добрые дела надо делать с крепким сердцем. А то и другим не поможете, и себе здоровье испортите.

- Наталья Михайловна, я же знаю, какие деньги эти люди на ветер бросают... Мы стольким бы детям помогли...

Наталья Михайловна погладила Софью по руке. Улыбнулась.

- "О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух"... Вы еще много открытий сделаете. Как правило, отдают те, кто отдает последнее.

- Почему так? Вы извините меня, Наталья Михайловна, за слезы. Я, наивная, после первой встречи с Лизой думала, что стольким детям помочь могу. Киру, то есть Киреева, увижу, похвастаюсь. А в результате... Фонд создаем, а что толку?

- Вы... как бы это мягче сказать... в красивой золотой клетке жили. И продолжаете жить, только дверца открылась, и вы можете то вылетать из клетки, то возвращаться обратно. Я и

сейчас не знаю...

- Стоит ли мне вылетать?

- Да. Вот вы про своих знакомых говорили, что на пустяки они деньги тратят. Но ведь и среди "новых русских", простите, люди разные бывают.

- Почему - простите?

- Но вы же... из них.

- Понятно.

- Не обижайтесь, Софья Николаевна. Люди на самом деле разные. Я одного бизнесмена, помню, к девушке больной привела. Олей Хлебниковой звали, рак костей у нее был. Десять минут поговорил, после молча взял и подписал чек. Когда Оля умерла, на похороны приходил... А про него говорили, что он за рубль удавится... Чужая душа потемки.

- Но таких ведь меньшинство, да?

Котеночкина кивнула:

- Разумеется. Только выводы из этого надо делать осторожно. Вон и Киреев - он ведь в хоспис пришел, только когда узнал, что у него самого рак. Моя мама любит говорить, что пока гром не грянет, мужик не перекрестится... У каждого свои заботы, свои дела. Чужая боль - не своя. Правда же? Все, не будем об этом. Я вам лучше историю смешную расскажу. Еду вчера в маршрутке. Заходят новые пассажиры. Среди них - кавказец лет сорока. Весь из себя, в коже. Его "Мерседес" сломался, вот он и сел с нами, грешными. Все отдают деньги водителю, по три рубля. Водитель говорит: один человек не отдал деньги. Пока не отдаст - не поеду. Я вижу, что это кавказец деньги не отдал. Три рубля, представляете? А я опаздываю. Смотрю на него, а он хоть бы бровью повел. Водитель плюнул и поехал. Каково? Может, это объясняет неудачу со сбором денег?

- Смек, мой покойный дядя, объяснил бы это просто. Знаете, о чем этот кавказец в тот момент думал?

- О чем?

- Пусть лохи платят. Он не лох.

- Выходит, я лох?

- Я же только сказала, о чем ваш кавказец думал.

- А Киреев бы из этого какой-нибудь парадокс вывел.

- Это точно.

- Вы часто вспоминаете его?

- А вы?

- Очень часто. Я таких странных людей раньше не встречала.

- Я, признаюсь, тоже.

Обе засмеялись. Ничего обидного в этом смехе для Киреева не было. Так смеются, когда вспоминают что-то очень хорошее и светлое.

- Кстати, Софья Николаевна, вы давно не были у Бобровых?

- Недели две назад, а может, и больше.

- Что так? Софья замялась:

- Боюсь надоедливой быть. У них без меня забот полно.

- Напрасно. Вы Лизе очень понравились. Слышала, она вас с Михаилом породнила? Воронова посмотрела прямо в глаза Котеночкиной. Наталья их не отвела. Ни насмешки, ни

вызова в ее взгляде Софья не увидела.

- В каком смысле?

- Он же у нее коростель, пешком ходит, вы из этого же отряда...

- Точно. Погоньшем обозвала. Курочкой болотной.

- Она любя.

- Да я и не обижаюсь.

- Вот и пойдете к ним. Утром звонила Ира, говорит, Лизка захандрила.

- Захандрила?

- С ней это бывает. Ира говорит, что глаза у девочки оживают, только когда весточки от Михаила приходят.

- Какие весточки?

- А вы не знали? Он ей телеграммы шлет. В стихах. Лиза их складывает в свою шкатулку, где у нее все "драгоценности" собраны: картинки переводные, бижутерия, игрушки из "киндер-сюрпризов".

- Нет, я не знала ничего.

Софье даже стало немного обидно. По вечерам, когда она приходила в свою уютную квартиру, включала неяркий вечерний свет, ставила диск с хорошей музыкой - обычно это был Вивальди или струнные концерты Моцарта, - заваривала крепкий кофе; когда Софья брала в руки книгу или перелистывала альбом с репродукциями - ей все чаще вспоминался этот странный, не похожий ни на кого человек. Фантазия рисовала темные чащи, бескрайние поля, злых людей - и его, бредущего под солнцем и дождем до Старгорода, ночующего на голой земле под открытым небом. А однажды Киреев ей даже приснился. Кто-то постучал в дверь, и на пороге стоял Михаил. Забавно, но она хотела броситься ему на шею, однако Киреев как-то странно улыбнулся - и, помахав ей рукой, исчез. Словно растаял в воздухе. Когда Софья проснулась, в душе еще долго оставалось чувство потери. Неужели с ним что-то случилось? Помнится, когда Смок осторожно расспрашивал Софью о ее планах на будущее, намекая на семейную жизнь, она, смеясь, отвечала, что мужчине надо очень постараться, чтобы вызвать ее интерес. Влюбиться же, по ее словам, она могла при наличии трех условий. Мужчина должен вызывать у нее: а) удивление; б) восхищение; в) жалость. Честно говоря, Софья немного дурачилась, произнося это и эффектно загибая пальцы: а, б, в. Смок, как любой человек в возрасте за пятьдесят, шутить особо не любил и все принимал за чистую монету.

- Ну, удивлять, восхищать - понимаю. А почему жалеть?

- Не знаю. Вот ты, Смок, отвечаешь всем моим требованиям, но мы же с тобой в некотором роде родственники.

- Почему в некотором? Ах, она смеется, негодница! И все-таки не все у тебя сходится. Как можно одновременно восхищаться и жалеть? Вот на моем примере объясни, пожалуйста.

- Хорошо. Не восхищаться тобой нельзя, согласен?

- Слушай, говори серьезно.

- Я очень даже серьезно. А как не жалеть? Работаешь дни и ночи напролет, все бегом. - Потом добавила тихо: - Тебе наследник нужен, Смок. Твоя копия. Ворон No 2. Сказала - и пожалела, что сказала. Поняла, что наступила на больное. Тогда Воронов замял разговор и

быстро ушел. И вот теперь Киреев. С первого дня их знакомства Михаил не переставал удивлять ее. Когда же Софья узнала о его болезни, пришла и жалость. И, представляя его в пути, рисуя себе все невзгоды Киреева, Софья чувствовала, что жалость эта крепла с каждым днем. А восхищение? Его еще не было - Воронова считала поступок Михаила безрассудным и потому не могла им восхищаться. Но кто знает, что могло быть завтра?

Наталья Михайловна о чем-то переспросила ее.

- Простите, Наташа. Что вы сказали?

- Я говорю: пойдете к Бобровым. Вы почитаете телеграммы, заодно расшевелите Лизу, успокоим Иру.

- А удобно будет?

- В самый раз. Показались - и исчезли. Негоже так... Ира обрадовалась их визиту, но было видно, что она чем-то расстроена. Лиза спала, и женщины, стараясь двигаться как можно тише, прошли на кухню.

- Слушай, Ирэн, у тебя есть что выпить? - неожиданно спросила Наталья хозяйку квартиры. Та даже растерялась:

- Есть. Водка. А что?

- А то, что нам пришла пора расслабиться.

- Нет, если вы хотите... - растерянная Ира полезла в холодильник.

- Что значит "если вы хотите"? Это и тебе, дорогая, надо. Посмотри на себя, одни глаза на лице остались. Софье Николаевне тоже расслабиться не помешает.

- Мне? - пришло время удивляться Вороновой.

- Как говорил наш общий друг Киреев, дай ему Бог выздороветь, случайных встреч не бывает. Мы, трое, - встретились. Разве за это не стоит выпить? Во-вторых, хватит нам, Софья Николаевна, друг другу выкатать. Правильно, Ира?

Ира пожала плечами:

- Как удобно Софье Николаевне.

- Ир, ты не смотри, что она крутая такая. Мы с ней пять дней бегали по Москве, то я ее к больным водила, то она меня с кем-то знакомила. Хороший она человек. Сегодня всплакнула даже. Пока Наталья говорила, Ира достала бутылку, соленые огурцы, быстро нарезала колбасы.

- Извините, обед мы съели, а ужин я еще не готовила.

- Ирочка, тебе ли извиняться? Ну что, девоньки, за дружбу? Они выпили.

- Давно я водки не пила. Витя ругаться будет, - первой нарушила молчание Ира.

- Не бери в голову. Мы ведь не железные, правда? Он у тебя классный мужик. Понимает, что современной женщине без расслабления не выжить.

- А я и не спорю. Честно скажу, нервы ни к черту стали.

- И никакая я не крутая, - подала голос Софья.

- Крутая, крутая, - не сдавалась Наталья.

- Не крутая. Вот дядя у меня - это да. Крут был. А зато отца моего весь Старгород уважал. Софья весь день ничего не ела. В голове после первой рюмки зашумело. Ей было просто и хорошо с этими женщинами, но хотелось, чтобы и они уважали ее, как она уважает их. Уважали не за машину, красивое лицо, одежду, связи, а за то, что есть у нее в душе. Но первая мысль, что пришла в голову, была об отце.

- Да, мне Михаил о нем рассказывал, - сказала Ира. - Говорил, что они земляки.

- Девчат, это все хорошо, но между первой и второй перерывчик небольшой. Мой муж так любил говорить... Он тоже хороший был человек. Давайте, девочки, помянем наших близких. Помянули. И только тут Софья вспомнила:

- Ох, ненормальная я.

- А в чем дело, Соня?

- Я же на машине. Как теперь поеду?

- А зачем ехать? - Голос Иры звучал теперь куда увереннее. - Витя сегодня на шабашку в один подмосковный поселок поехал. На выходные. Места хватит. Я, правда, не знаю, может, тебя кто дома ждет?

- Нет, никто. - Софья явно не ожидала такого предложения и растерялась. - А это будет удобно?

- Конечно, удобно.

- Хорошо, я только сейчас домработнице позвоню...

- А говорит, не крутая, - подмигнула Наталья Ире.

- Михайловна, что ты к человеку пристала?

- Это я из зависти. Я тоже хочу остаться здесь ночевать.

- Здорово, - по-детски обрадовалась Ира. - И с Лизой пообщаетесь, и мы наговоримся.

- А у меня тост, - вдруг сказала Софья. - Есть еще водка?

- Есть, но если надо, мы еще сбегает, - разливая, заметила Наталья.

- Ох, и заводная ты, - восхитилась Ира. - Говорите... говори, Софья.

- Наташа, Ирочка. Вы очень хорошие. Если вы подружитесь со мной - я буду счастлива.

Если вы позволите хоть немножко быть вам полезной, помогать вам, делить с вами горе и радость - это было бы честью для меня. Простите за сумбур, за громкие слова, но я действительно рада, что Бог меня свел с вами, с Лизой, Михаилом Киреевым. Раньше для меня жизнь была одним большим наслаждением. Вот ты, Наташа, сказала, что я крутая...

- Соня, солнышко, я пошутила...

- Нет, нет, ты все правильно сказала. Только это не крутость была, а глупость. Я на людей как на вещи смотрела. Красивые в одну сторону, некрасивые - в другую. А красивое чаще оказывалось пустым блеском. Как от стекляшки. Порхала я, одним словом, свет этот стекольный искала. Теперь понимаю: главное то, что в душе у человека.

- Правильно, Соня. Умница, - одобрили ее Ира и Наташа.

- Я знаю, это очень банальные слова, но они искренние. Теперь о самом главном. Там, в комнате, спит Лиза. Где-то идет по проселочным дорогам Михаил. Я знаю, каждый из них борется как может. Я хочу выпить за то, чтобы они поправились. Чтобы мы помогли им в их борьбе. Ира заплакала. Опустила голову Наталья. Затем встала и поцеловала Соню. И сказала почти одними губами:

- Ты - человек. Ира, вытирая слезы, тоже подошла и поцеловала Воронову. Все трое обнялись.

- Все-таки мы, русские, слишком сдержанны в проявлении своих чувств. Когда трезвые. Поэтому пить нам надо обязательно, - стараясь скрыть смущение, сказала Наталья. Она и Ира выпили свои рюмки, Соня осталась стоять, словно замерев.

- Сонечка, такой тост хороший, что ты не пьешь? - спросила Ира.

- Можно я одно стихотворение прочитаю? Это будет как вторая часть тоста.
- Что ж ты нам не сказала? Ира, давай еще по маленькой.
- Не много ли? - слабо запротестовала Боброва. Но Наталья, словно не услышав ее, разлила остатки бутылки по рюмкам.

- Вот, как раз.

Соня стала читать:

Я пью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.
Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.
В мой кубок с вином льются слезы,
Но сладок и чист их поток,
Так с алыми - черные розы
Вплелись в мой застольный веноч.
Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.
За здравье и ближних далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

Потом они долго-долго говорили. Наталья рассказала о том, как погибли ее муж и сын. Боброва и Воронова внимательно слушали подругу. Когда Наталья умолкла, заговорила Ира:

- Теперь мой черед о своей беде говорить. Наверное, хорошо, что вы пришли, что мы посидели так душевно. Мне легче стало. Правда, легче. А теперь слушайте. Прихожу утром в комнату Лизы, хотела кое-что взять для стирки. А она не спит. Сидит на кровати, мишку своего плюшевого гладит, а глаза грустные- грустные. Мне улыбнулась и опять мишку гладит. Чувствую, не то что-то. Когда ты, Соня, нам деньги принесла, когда мы об операции заговорили, у Лизы вроде как подъем начался. Даже в том году, когда у нее резкое обострение произошло, она лучше нас держалась. Соня, это ведь отдельная история, как Наташа на нас вышла, вернее, мы на нее. О хосписе у нас речи не заходило. Ты правильно сказала: мы боремся. И, надеюсь, победим эту болезнь проклятую.

- Ирочка, может, ты преувеличиваешь? И у тебя самой нервы сдали? - перебила ее Наталья. - О хосписе действительно нет речи.

- Я же мать, Наташа. Я своего ребенка... да что там говорить! Ну, вот, я ей - что-то бодренькое, а она вдруг возьми да скажи:

- Мама, надо те деньги, что нам Софья Николаевна принесла, отдать.

- Кому отдать, дочка?

- Другим детям, кому нужнее.

- Что ты говоришь, Лиза? А как же операция? Вот мы этим летом окрепнем, Софья Николаевна обещала тебя в Германию повезти. Представляешь?

- Представляю, - как-то равнодушно сказала Лиза. - Но я... Ты только не огорчайся, мамуля, но... Я не доживу до осени...

Вы не представляете, девочки, что со мной случилось. Она тихо так сказала, а во мне все будто оборвалось.

- Лиза, - говорю, - ты почему меня пугаешь? Не говори так больше. И с чего ты это себе в голову взяла?

- Мне сказали.

- Сказали? Кто?

Она ничего не ответила. Вот такие у нас дела. Ира замолчала, опустив голову. Наталья и Софья переглянулись. В это время из комнаты донеслось:

- Мамочка, кто к нам пришел?

Вечером никто ни словом не обмолвился, не спросил Лизу о ее утренних словах в разговоре с мамой. И сама девочка вела себя так, будто ничего не случилось. Она показала Софье и Наталье телеграммы. Смеху было предостаточно. Лиза достала карту, на ней разноцветными кружочками были отмечены те места, где побывал Киреев.

- Первая была вот эта, - Лиза протянула Соне телеграмму. Воронова прочитала:

Жизнь прекрасна, право слово.

Я в восторге от Белева.

Лихвин - словно в сказку двери.

Я люблю всех вас. Киреев.

- Правда, здорово? Потом пришла вот эта. Читайте, пожалуйста.

Как вы там, бобры, здоровы?

Я уже прошел Волово.

А сейчас, набравшись духа,

В городок иду Обухов.

- Ничего не понимаю. Сначала он почти в Калужскую область попал. Вот, смотрите. Лихвин - это же Чекалин. Так? Калуга совсем рядом. Затем он почему-то в Волово попадает. Старгород ведь левее. Наташа, посмотри сама. А Обухов - это же он уже к Липецкой области шагает. Он уже мог дойти до Старгорода.

- А если он просто тянет время? - тихо предположила Наталья.

- Зачем? - вопросом на вопрос ответила Софья.

- Может, прощается с чем-то. Или с кем-то. А может...

- Ничего вы не понимаете, - неожиданно вмешалась в их разговор Лиза. - Разве он в Старгород идет?

- А куда же еще? Лиза загадочно улыбнулась:

- К себе.

- Домой?

- К себе, - не сдавалась девочка.

- А разве его дом не в Старгороде?

Лиза молча протянула Софье, удивленно слушавшей диалог девочки и Натальи, еще

один листок.

- Потом была эта телеграмма.

Софья послушно прочитала:

Уже конец мая. В Ефремове я.

Как там поживает Бобровых семья?

- А два дня назад нам передали вот эту телеграмму:

Как в дороге без сноровки?

Я в Дорожене с рассветом,

А сегодня я в Сосновке -

Интервью даю газете.

- И вот последняя, самая короткая. Я, правда, кружок не успела приклеить. Соня прочитала:

Ай да Миша, молодец,

Он вчера пришел в Елец.

- Похоже, у него хорошее настроение, - по-врачебному кратко подвела итог Котеночкина.

- Я, признаюсь, в растерянности, - Вороновой было уже не до смеха. - Куда он идет? Вообще-то, там, где Киреев, - там здравого смысла искать не следует. Мистика сплошная. Он то знак ждет, то "видит" что-то. Ну куда он пошел? Елец - это уже Липецкая область. Он дальше от Старгорода, чем был три недели назад.

- А почему вы удивляетесь, что он "видит", тетя Соня? - спросила Лиза. - И вы тоже будете "видеть". И "слышать".

- А не отвести ли мне вас к психиатру? - вступила в разговор Наталья. - Сначала тебя, Лизок, а потом твоего друга бородатого. Они, видите ли, "видят", а другие, видите ли, нет. Я тоже кое-что вижу.

- Например?

- Что права тетя Соня. Один Бог знает, куда Киреев идет, хорошо, что хоть телеграммы шлет. Ты вот тоже маму пугаешь.

- Я не пугаю.

- Давай договоримся: все будет хорошо. Слышишь, девочка моя? Лиза опустила голову. Потом сказала чуть слышно:

- Хорошо. Я не буду спорить. Только деньги все равно отдайте.

Глава тридцатая

Он сначала считал дни своих странствий, отмечал в особом блокноте количество пройденных километров. Затем это ему просто стало неинтересно. Киреев не лукавил с собой, решив учиться заново многим вещам. Разумеется, нельзя начать жить с чистого листа. Но, поскольку ему нечем было гордиться в прошлой жизни, он не вспоминал о ней, оставив в памяти только дорогие имена да строки любимых стихов. Даже имя свое вспоминал все реже. В разговорах представлялся: "просто странник" или "прохожий". Раньше Михаил охотно строил планы, любил посвящать в них и знакомых, и малознакомых людей. Теперь же он понял: главное - итог, пока же идешь к нему - молчи! Раньше Киреев обожал первому встречному рассказывать о своей жизни, теперь он слушал других, предпочитая о себе помалкивать.

В начале пути он старательно записывал: пройдено 20 километров, пройдено 25... Через неделю Михаил сложил цифры, но, когда понял, что полученная сумма наполнила его гордостью, задумался: "Ну хорошо, прошел я 150 километров, что из этого? Как говорил мой дед, для бешеной собаки сорок верст - не крюк. Разве это главное?" И он не стал ничего считать. Просто шел. Каждый день, под синим звонким небом и под дождем, под солнцем и под луной, по шелку травяных ковров мая и по цветам июньских лугов. И произошло удивительное. Каждый отдельно взятый день пролетал незаметно, но два, три, пять дней, неделя, другая растягивались для Киреева в длинные месяцы. Это было поразительно. Ему казалось, что он вышел из Болхова очень давно, а на самом деле еще не прошло и месяца. Там, "в городе", как стал называть Москву сам Михаил, все было с точностью до наоборот. Трудовой день тянулся долго-долго, а недели, месяцы, дни летели как угорелые. Что-то начало меняться еще в Москве, но по-настоящему только в дороге Киреев сумел понять смысл выражения "относительность времени". Ему это очень понравилось. А где-то за Ефремовом, растроганный сердечностью приютивших его в дождливую ночь людей, он подарил хозяину дома свои часы. Жест получился символическим: Киреев словно переходил в безвременье, точнее, во вневременное пространство.

- А как же вы? - спросил Михаила хозяин дома.

- Мне они ни к чему, - честно ответил Киреев. Он, действительно, многому учился. Каждый день, каждую минуту проходила учеба. Только это не было зубрежкой прописных истин или грызением "гранита науки". В пору студенческой юности Киреев с друзьями любил шутить: "Только сдали экзамен - и все забыли". Сейчас никто не ставил Михаилу отметки. Все было будничней и проще: он должен был выжить в дороге и дойти, своими ногами дойти, до Старгорода. Кое-что ему советовали люди, многое Киреев брал из того, что видел вокруг себя. Запомнив, как шла лиса, которую он увидел в свою первую ночевку под открытым небом, Киреев по пять, а потом по десять минут утром и вечером дышал часто-часто через нос. Конечно, прежние знакомые подняли бы его на смех. Но, хотите верить, хотите нет, обоняние его на самом деле значительно обострилось. Как, впрочем, и слух, для улучшения которого Киреев тоже использовал упражнения, подсмотренные им "у природы". Но легче всего было делать упражнения для глаз: когда Михаил шел по дороге, то время от времени переводил взгляд с ближних предметов на линию горизонта. И все. Но эффект получился неплохим. До многого Киреев доходил чисто интуитивно. Так, когда начались

жаркие дни, его совсем замучила жажда. Только выпьет воды, а через десять минут пить еще больше хочется. Да еще все лицо и одежда становились мокрыми от пота. А потом пришло простое решение. Утром, встав, Михаил напивался, как говорится, "досыта". Пил только ключевую, родниковую или колодезную воду. Многие источники, встречавшиеся ему на пути, в народе считались святыми, как источник у могилы отца Егория. (Кстати, набранную там воду Киреев потратил очень быстро, в два-три дня: последнюю бутылку он отдал одной больной женщине в Одоеве.) Одним словом, проблем с водой не было. Весь день Михаил не пил ни грамма, а вечером вновь пил столько, сколько ему хотелось. И жажда отступала.

Еще одна привычка, которую Киреев приобрел в пути: дневной сон. Как только солнце поднималось в зенит, как только полуденный зной заставлял утихомириваться даже крикливое воробьиное братство, а ноги наливались свинцовой тяжестью, Киреев выбирал тенистое укромное местечко и отдыхал несколько часов. Читал, писал, спал. Будучи по природе своей консерватором, Михаил старался каждое действие превращать в своего рода обряд. Обряд, повторяемый изо дня в день, становился традицией. Так и с полуденным отдыхом.

Нормальному городскому человеку (впрочем, сельскому тоже) многие действия нашего странника показались бы странными. Придирчивостью при выборе места Киреев не отличался: немножко тени, немножко травы и поменьше посторонних взоров. Людских, разумеется. Раньше ему доводилось читать, что, мол, есть деревья, отдающие свою энергию, например, дуб, береза. А есть отнимающие ее у человека - осина, тополь, черемуха. Киреев пришел к выводу: все это глупость. Живое живому не должно причинять зла - так он считал.

Итак, Киреев находил место для отдыха, расстилал на земле спальник так, чтобы голова была обращена на север, доставал икону и бережно ставил ее у изголовья, прислонив к стволу ближайшего дерева. Крестил выбранное место с четырех сторон, затем несколько минут тратил на то, чтобы познакомиться с окрестностями. Возвратившись, начинал разговаривать, как он выражался, с "окружающей средой". Киреев верил, что пусть у растений, животных, птиц, травы нет души, но зато они живые. А живой с живым должны "обмениваться любовью" - еще одно выражение Киреева. Михаил был убежден: важно не то, что "говорить" деревьям, траве, цветам, а как. Со стороны это выглядело забавно. Почему-то особенно любил Киреев слово "ребята".

- Ну что, ребята, - ласково начинал он разговор, - будем живы, не помрем? Вы не возражаете, если я здесь часика три отдохну? Ну и хорошо... А когда он, накинув на плечи рюкзак, собирался идти дальше, обязательно прощался:

- Хорошо здесь у вас. Спасибо. Даст Бог, еще свидимся... Нет, игры со стороны Киреева не было. Ложась на землю, он закрывал глаза. Замирал - и слушал. Ему казалось, что он четко слышит, как тревожный трепет листвы постепенно затихает, затихает, становясь тихим лепетом. Роща или дубрава, полянка или старый заброшенный сад словно говорили: "Наш, наш. Не бойтесь его". И прежде закрытая книга природы страница за страницей приоткрывалась перед ним. Да и в прежней, городской жизни он знал, что есть воробьи и вороны, галки и синицы. В детстве Михаил любил читать книги натуралистов, мог отличить основные травы и цветы. Но стоило ему раньше на час-другой выбраться в лес, как он тотчас терялся перед хаосом звуков, морем зелени, мрачностью болотных равнин. Сейчас же Киреев чувствовал себя частью этого мира, совсем не хаотичного, не мрачного, а простого и

песня, дрозд слетал с вершины - и вновь превращался в шумного и непоседливого озорника.

- Жить, наверное, надо так, - думал Киреев, - как поет этот дрозд. Спокойно и не стараясь, без усилий и без желания поразить мир своим "голосом". А еще познание мира птиц, зверей и растений помогало Кирееву и в практическом плане. Если он утром слышал звонкую песню жаворонка в высоком небе, то мог спокойно идти весь день, не опасаясь дождя. В бывшем доме в Москве у него были книги, в которых подробно рассказывалось о народных приметах. Он их читал, восхищался народной мудростью - и благополучно забывал прочитанное через несколько минут. А вот сказал ему старик- пастух, которого Киреев встретил у реки Бобрик: "Дубовый лист раскроется - отойдет земляка" - и остались слова эти в памяти навсегда, хотя он тогда еще не совсем понял, что означает "отойдет". И теперь Михаил знал то, что в прежней жизни ему вряд ли бы понадобилось. Киреев узнал, что каждая птица просыпается в одно и то же время, что комары начинают свои кровавые подвиги 26 мая - день мученицы Гликерии-девы, в народе Лукерьи. Что июньскую росу можно не бояться и по ней смело ходить босиком. В отличие от росы августовской. У него не было с собой компаса, но он без труда определял стороны света. Разумеется, пришлось отказываться и от былых заблуждений. Когда прежде он буквально дурел от московской жары, от бензиновых испарений и засасывающего ритма толпы, Киреев как о сказке, как о немыслимом чуде мечтал о ночевке у костра. И чтобы ночь была звездная, а в нескольких шагах от костра плескалось озеро или река, и, как часовые, стояли в поле стога сена. Но вот однажды, в один из июньских дней, точнее, вечеров своего странствия Михаил повстречал именно такое место - красивое озеро и словно часовые - стога сена у тихой воды. И ночь как по заказу - глубокая, звездная. Он выкупался, посидел у воды, любясь отражением звезд в озере, а потом захотел уснуть. И не уснул: всю ночь его люто "жрали" комары. Несколько часов Киреев то отчаянно воевал с ними, то сдавался на милость победителей. Но милости не было... С тех пор он никогда не останавливался на ночлег у воды или в низких местах.

Все чаще, лежа под огромным звездным куполом, Михаил с жалостью думал о людях, которые живут и не знают, какие сокровища рассыпаны у них над головами. Золото, бриллианты, драгоценные камни - для чего они нужны, если мириады алмазов на небе почти всегда в нашем распоряжении. Лишь бы только ночь была ясная. Киреев больше не умничал и не пытался записывать свои ощущения. Когда он смотрел на звездное небо, ему было достаточно двух ломоносовских строк:

Открылась бездна, звезд полна;

Звездам числа нет, бездне дна.

Самое главное, что понял Киреев: мир Божий гармоничен и прекрасен. Но это понимание рождалось из хаоса. Вначале хаотичным слышалось Михаилу многоголосие птиц в утреннем лесу, хаос видел он и на звездном небе. К стыду своему, из всех созвездий Михаил знал одну Большую Медведицу да еще умел находить Полярную звезду. И вот в одной из заброшенных сельских библиотек под Одоевом среди уцелевших книг и журналов нашел он "Сокровища звездного неба" Зигеля. Главы, где говорилось о парсеках или рисовались какие-то заумные графики, Киреев пропускал. Читал только о созвездиях. Читал, сверяя написанное с натурой. И постепенно хаотичный мир звезд становился ясным и понятным, как улыбка ребенка, как песня зарянки на вечерней заре. Теперь он знал, что ранней ночью над северными широтами плывет Лебедь, парит Орел, звучит Лира, бежит,

спасаясь от Стрелы, Лисичка, ныряет в черную бездну Дельфин, заново переживают свои земные жизни Персей и Андромеда, Кассиопея и Геркулес. И горят, горят неземным своим огнем Стожары - это русское название нравилось Михаилу больше, чем греческое - Плеяды. А если он просыпался под самое утро, то видел, как эти созвездия уходили за горизонт и на смену им появлялся охотник- великан Орион со своей свитой - Малым и Большим Псом, гнавшими Зайца. И ждала его возвращения с охоты Дева. Названия звезд звучали для него, как музыка: Альтаир, Сириус, Денеб, Вега, Спика, Арктур... От мысли, что он видит свет, который "сбежал" от звезды сотни лет назад, и что самой звезды, быть может, больше нет, Кирееву становилось не по себе. Вот это расстояния! Куда ему со своими пройденными 250 километрами. Но столько в звездном небе было спокойного и простого величия, что не чувствовал себя наш странник маленькой пылинкой в бескрайней Вселенной. И вновь он открывал Библию на самой первой странице, и вновь читал, как создал Бог небо и звезды, птиц, рыб и зверей. И его - человека.

Удивительно, но Киреев изменился и внешне. И дело было не только в его болезни. Как раз наоборот: болезнь не отступила, но словно остановилась, удивленная необычным поведением этого человека. Исчезла шаркающая киреевская походка. Поднимаясь вверх на холмы, спускаясь в долины, шагая узкими лесными тропами, он приобрел другую походку. И на землю он теперь ступал осторожно, бережно - Михаил помнил уроки лисы, встреченной им за Бобриком. Киреев с удивлением обнаружил, что сладости, которые он так любил, особенно шоколад, вызывали у него теперь отвращение. Как и жирное мясо, животное и растительное масло, сало. Зато любую зелень, будь то укроп или салат, он ел охотно, не говоря уже о ягодах, которых Михаил мог съесть в любом количестве - этого требовал организм. А однажды случилось совсем удивительное: в одной деревушке он остановился, чтобы спросить дорогу. Пожилая женщина, работавшая в огороде, отвечала на вопросы охотно. Киреев поблагодарил ее и собрался уже идти дальше, как вдруг его взгляд упал на траву, которая лежала в сторонке.

- Простите, это что? - спросил он женщину.

- Как - что? - удивилась она. - Сор. Силушки моей больше не осталось: неделю назад вырывала, а он вновь вырос, проклятый.

- Я понимаю. Как трава эта называется?

- Какая? Ах, вот эта! У нас мокрицей зовут. Куры ее хорошо едят.

- Мокрица?

- Она самая. Хорошо, что хоть не колючая, как осот, но растет - страсть как.

- А можно... можно мне взять... мокрицу эту?

- Берите, мне не жалко. - Женщина уже подозрительно смотрела на этого чудака. А Киреев не мог объяснить, что с ним происходило. Его просто трясло. Едва отойдя за угол дома, он, слегка вымыв мокрицу, стал есть ее. Трава оказалась немного горьковатой, что, впрочем, не остановило Михаила. С этого дня Киреев везде искал мокрицу. Впрочем, искать особо и не приходилось: этой травы было полно на любом дачном участке. Киреев съедал ее в свежем виде, заваривал, как чай. Никто его этому не учил. Организм, забывший вкус прежней пищи, словно проснулся и потребовал то, что ему было нужно. Странно, но боли стали чуть тише. А однажды случилось невероятное: Киреев захотел есть. Произошло это так. Вечером Михаила приютили рыбаки на Дону. В тех местах Дон еще не широкий и

совсем не тихий, как об этом поется в песнях. Рыбаки были местными жителями, в тот день улов у них выдался не очень богатый, из него они варили уху. А рыбу, пойманную раньше и уже хорошо просоленную, Серега, парень лет двадцати пяти, коптил здесь же, на берегу. Было видно, что сам процесс доставлял ему огромное удовольствие. Работал он споро, можно сказать, красиво. Просортировал рыбу, нарубил деревьев для костра. Через несколько минут языки пламени уже взлетали в сумеречное июльское небо.

- Сергей, скажите, - чтобы понять сущность процесса, спросил Киреев, - а хворост можно брать любой?

- Что вы! Любой - как можно? Здесь был раньше старый барский сад, я сливу притащил. От нее цвет красивый - золотистый.

- Чей цвет?

- Известно, чей. Рыбы. А еще вишню можно использовать. Ольха тоже хороша. Я в этом деле кое-что понимаю, не думайте, что хвастаю. Вот сейчас попробуете сами. Когда Киреев останавливался где-нибудь на ночлег и хозяева угощали его, Михаил, чтобы не обидеть их, хоть немного, пусть без охоты, но ел предложенную ему еду. А здесь... То ли запах копченой рыбы сделал свое дело, то ли так аппетитна была золотистая корочка, но... Сначала друг Сергея Максим Максимыч достал из прибрежных кустов бутылку самогона, затем на листья лопуха, которые служили тарелками, положили по рыбе - и пир начался. "Представляю, как тебя вывернет наружу завтра, Кира", - подумал Михаил. Но завтра - это завтра, а сегодня - это сегодня - сия глубокая мысль многие тысячи лет помогала безвольным людям. Принадлежал ли к их числу Киреев? Бог весть, но вот что интересно: весь следующий день он чувствовал себя хорошо. Надо ли говорить, каким праздником стал для Михаила тот день? Впрочем, абсолютное большинство людей, для которых завтрак, обед и ужин - пусть приятное и полезное, но все-таки привычное занятие, вряд ли поймут ощущения Киреева. Было время, когда он ел, буквально заставляя себя, - для того, чтобы поддержать силы: Михаил постепенно терял чувство вкуса. Потом начались мучения - боль, тошнота и рвота. Киреев практически перестал есть. Он, действительно, буквально наступал на себя, когда в домах, где останавливался на ночлег, ел предложенную ему еду. Другой бы на его месте отказался - Киреев не мог. А потом вставал, выходил ночью на улицу и... Впрочем, обойдемся без подробностей. И вот впервые за много недель здесь, на берегу Дона, в компании простых, но очень сердечных людей он почувствовал желание съесть свежескопченную рыбу. От предложенной ухи Киреев отказался, а копченой рыбы захотел так сильно, что не удержался, и пусть немного, но поел. Любой диетолог скажет вам, что такое копченая пища для онкобольных. Когда Михаил засыпал на рассвете, он ожидал скорого подъема. Но ни сильной боли, ни тошноты в то утро, а позже днем не было. Разумеется, вскоре все вернулось на круги своя, но "чудо на Доне" осталось в его памяти. И часто идя по дороге или останавливаясь на привал, Киреев старался воскресить в памяти ощущения, что почувствовал тем вечером. Позже, вспоминая те дни, он будет называть себя больным волком. Животные, когда заболеют, перестают есть и питаются травкой, которую находят сами. Так и Киреев в основном только пил, а как и почему его тело потребовало мокрицы - он и сам не понял. Но ведь потребовало - и Михаил поверил ему. Удивительно! А когда понял, что не ошибся, по крайней мере, тошнота и боль немножко отступали, еще больше стал уважать братьев наших меньших, которые в отличие от нас, людей, не растеряли той

мудрости тела, которая так им помогает.

* * *

У Лизы началось воспаление легких, и ее положили в больницу. Когда встревоженная Софья с недоумением спросила Котеночкину, как девочка могла заболеть, когда на улице такая жара, Наталья грустно ответила:

- Все дело в иммунитете. У Лизы он практически отсутствует. Это же лейкемия. Много ли больному ребенку надо - достаточно одного сквозняка... Недели через три Лизу выписали. Когда обе Софьи, Мещерская и Воронова, пришли к Бобровым, они не узнали девочки - так малышка изменилась. Вот тогда и вспомнились им слова Лизы, что не доживет она до осени. Но печали своей никто не показал: девочке устроили такую встречу, что даже Ира ахнула:

- Столько подарков! Зачем вы так тратитесь?! Наташа, скажи им. Лиза была счастлива вернуться домой, но ее рассказы о больнице были грустны. На лестничной площадке, куда взрослые вышли покурить, Ира, совсем недавно пристрастившаяся к этой привычке (Виктор не одобрял жену, но и не запрещал ей курить), рассказала о том, что на Лизу очень гнетущее впечатление произвела смерть двенадцатилетней девочки из их палаты. К сожалению, Лизу нельзя было в тот момент вынести из палаты, и она слышала плач умирающей девочки: "Мамочка, мамочка, я не хочу умирать, спаси меня. Сделай что-нибудь, мамочка! Спаси меня".

- Надо отвлечь как-то Бобренка, - предложила Мещерская.

- А как? - Наталья была явно огорчена. - Говорила я тебе, Ира, надо было к нам, в хоспис вам лечь. А так... Палата на шесть человек, умирающая девочка. Посмотрите, какие у Лизы глаза сейчас.

- Наташенька, милая, я все понимаю, - вскинулась Ира. - Только и нас с Виктором пойми: там уже Лизу знают, врачам мы доверяем, а хоспис... - Она замолчала.

- Ну, договаривай.

- Это же все, конец, - полувопросительно-полуутвердительно произнесла Ира. Наступила тишина. Все посмотрели на Наталью Михайловну. Та растерялась:

- Ну что вы смотрите? Я же говорю только о том, что в хосписе все по-другому немного. Отдельная палата, особый уход...

Воронова вдруг поняла, что надо помочь Наташе:

- Стоп. Каждый хочет как лучше. Так? Так. Ситуация действительно неординарная. Так? Так. И все-таки Лизу подлечили. Вспомним, с чего мы начали разговор. Ее нужно отвлечь...

- Так ты придумала что-то? - перебила ее Мещерская.

- Придумала, - соврала Софья. Она еще ничего не придумала и говорила, скорее, по наитию: - Наташа, помнишь, Лиза нам свой рисунок показала, я еще сказала тебе, что у девочки талант есть?

- Талант - это громко сказано, - возразил Виктор. - Все дети рисуют.

- Рисуют все, но получается не у всех одинаково. Я не лукавила, у Лизы действительно есть способности - назову это так, если вам слово "талант" не нравится... - Софья взяла паузу, она еще не знала, что сказать дальше.

- Предлагаешь ты что? - Мещерская не унималась.

- А вот что. - Софья смерила подругу взглядом, в котором было мало дружелюбия. И

вдруг ее осенило. - Она ведь книгу Михаила всю прочитала?

- От корки до корки, - не без гордости подтвердил Виктор. - Теперь Лиза у нас настоящий орнитолог.

- Ну ты уж скажешь, - неожиданно засмузилась Ира.

- Ребята, не спорьте, сейчас речь о другом, - теперь Софья знала, что она скажет. - Давайте предложим Лизе нарисовать картины. Пусть рисует, чем хочет - красками, углем, карандашами...

- Что рисует? - не понял Виктор.

- Птиц! Понимаете, птиц! Каких захочет.

- Точно! - подхватила Мещерская. - Мир природы глазами ребенка. Умница, Сонька!

- Это еще не все, - Софья почувствовала вдохновение. - Пусть это будет пятнадцать, двадцать, пусть тридцать рисунков. В "Белой розе" мы устроим ее персональную выставку. Ну как?

Наталья сразу одобрила идею. Бобровы переглянулись.

- Вас что-то смущает? - обратилась к ним Воронова.

- Нет, идея и впрямь хороша, - неуверенно начал Виктор.

- Так в чем дело? О красках, кисточках, бумаге не беспокойтесь, - поддержала подругу Мещерская. - Соня выставки регулярно проводит и делает это классно, вы уж поверьте мне.

- Девочки, мы верим, - эстафету у мужа подхватила Ира. - Только сколько на свете детей поталантливее Лизы, а для нас - персональную выставку.

- Почему для вас? Ира, ты не обижайся, но это для Лизы.

- Я понимаю, Соня...

- Прости, Ирочка, но мне кажется, ты не понимаешь, - Воронова старалась быть как можно убедительней. - Ну откуда у вас такая скромность? В конце концов, это моя личная галерея, слышишь? И выставлю я там тех, кого хочу. Но Лиза... - Софья замолчала, а потом тихо произнесла:

- Если она это не заслужила, тогда кто? Виктор полюбнял жену:

- Ира не совсем то хотела сказать. Вы и так нам много помогаете... Лиза предложение Софьи приняла сразу. Только спросила:

- А птиц любых можно рисовать?

- Каких захочешь, радость моя.

- А когда можно начинать?

- Завтра я тебе все что надо принесу - вот и начнешь завтра.

- И моих птиц другие люди увидят?

- Обязательно.

- И дядя Миша тоже?

- Конечно. Из Старгорода в гости к нам... к тебе приедет, мы его и сводим на твою выставку. А если хочешь, мы дождемся приезда дяди Миши и откроем выставку.

- Откроем?

- Да. Это целый ритуал, то есть обряд - выставки открывать. Приглашаются гости - друзья, журналисты, другие художники. Герой торжества выступает перед ними с речью.

- Я буду выступать?

- А почему нет?

- Ой, я вспомнила. Это как в мультфильме про крокодила Гену и Чебурашку. Пап, помнишь?

- Не очень, дочка. Там разве выставку открывали?

- Там дом построили. И Чебурашке слово дали.

- Припоминаю, - засмеялся Виктор. - Он тогда...

- Нет, папа, я сама расскажу. Чебурашка сказал: "Мы строили, строили и наконец построили. Ура!"

- "Ура" не было.

- Нет, было.

- Витя, ты как ребенок, - укоризненно покачала головой Ира. Обе Софьи и Наталья с радостью смотрели, как ожили глаза Лизы.

- Вот видишь, - обратилась к девочке Мещерская, - если Чебурашка речь осилил, ты тем более не оплошаешь.

- Страшно. Да и картины надо сначала нарисовать.

- Вот это правильно, - поддержала девочку Наталья.

- А если у меня не получится?

- Получится! - хором ответили все взрослые.

- Обязательно получится. - Воронова положила свою руку на ладошку Лизы. - И вообще, я читала где-то, что бобры очень настойчивые и трудолюбивые животные. Так что, Бобренок, соответствуй фамилии.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Глава тридцать первая

Маловероятно, что Селиванова была знакома с высказыванием Вертинского, человека скорее изысканного, нежели мудрого, о том, что русские женщины любят переделывать мужчин. В той ситуации, в какой она оказалась, Юля могла бы поставить под сомнение это высказывание. Во-первых, если уж на то пошло, мужчин любят переделывать все женщины независимо от их национальности. А во-вторых... Все то время, что четверка в белом "Саабе" моталась по шоссейным и проселочным дорогам России, Юля пыталась приспособиться к характерам своих спутников, прежде всего Гнилого и Бугая. Но это было очень трудно. От обоих исходила какая-то животная, первобытная сила, которая заставляла молодую женщину цепенеть от ужаса. Юлю многое поражало в этих "братках": быстрая смена настроения, внезапная агрессивность, которая могла возникнуть буквально на пустом месте. И в то же время и Гнилому, и особенно Бугаю была присуща какая-то совершенно детская непосредственность. Оказалось, что Бугай просто обожал мультфильмы, причем, если мультик был смешной, он смеялся заразительнее любого ребенка. Словно ребенок Бугай вел себя и тогда, когда проигрывал в карты Гнилому. От природы наблюдательная, Юля научилась пользоваться такими моментами. Карнеги был бы доволен такой ученицей. Когда это требовалось, Селиванова смеялась, хотя смеяться ей не хотелось, когда Бугаю или Гнилому требовалось сочувствие, она сочувствовала, даже если про себя говорила: "Так вам и надо, гаденыши". Точно так же действовал и Шурик. Особенно это стало заметно, когда на мобильник Шурика позвонили из Москвы и сообщили, что Кузьмича во Владимире взяли. Подробностей они не узнали, но Шурик предположил, что хитрый Кузьмич сам все подстроил: надежнее зоны места отсидеться нет - годик-другой. Гнилой резонно возразил, что, похоже, Кузьмича действительно "замели": в последнее время их босс потерял всякую осторожность. Да и конкуренты могли подставить. Как бы то ни было, но ситуация резко менялась. Вот уже три недели они искали Киреева. Юля поражалась той поистине охотничьей страсти, которой были охвачены ее спутники. С каждым новым неудачным днем для них словно вырастали ставки. Хотя сама Юля уже была готова сидеть в Старгороде и ждать Киреева там. Более того, она все чаще и чаще корила себя за то, что заварила всю эту кашу. Но кому-то надо было ее расхлебывать. Между прочим, в Старгороде они тоже побывали: Киреев туда еще не приходил. Гнилой уже ничего не обещал, Бугай не строил планы, Шурик не командовал. Несколько раз казалось, удача наконец им улыбнулась. В Черни им сказали, что в сторону Плавска прошел какой-то бородач с рюкзаком. Они, действительно, нашли того бородача. Но оказались рано: семидесятилетний дед с двумя флажками - российским и украинским совершал переход от Черного моря до Белого, который посвятил российско- украинской дружбе. Нашу "четверку" турист принял за корреспондентов и уже готов был дать Юле интервью... Тульскую область Юля теперь знала, как свою квартиру. Один Одоев они проезжали пять раз. В минуты очередной неудачи Селиванова, которая как женщина больше всех страдала от кочевой жизни на колесах, старалась отвлекать своих компаньонов. К примеру, из Москвы она взяла несколько кассет со своими любимыми песнями. Гнилому и Бугаю понравились записи автора и исполнителя Тимура Шаова. Когда Юля чувствовала, что тучи сгущаются, она ставила эту кассету. Бугаю особенно нравилась песня "Идея всеобщего братства". Вслед за бардом он пел, прихлопывая

себе в такт рукой:

Вот стоят, неземной красоты,
Наши меньшие братья - менты.
Как завизжу фуражки,
Тотчас становлюсь мизантропом.

Будут бить меня по голове,
Если я не прописан в Москве,
И станцуют на мне:

Два прихлопа, четыре притопа.
Но иду к ним, любовью объятый,
А на лбу проступают стигматы,
И, дубиной сражен, я паду на газон
К сапогам мной любимого брата.

И Бугай, уже забыв о своем гневе, обращался к Селивановой:

- Слушай, Юль, классная вещь. В Москве достанешь мне такую же?

- Конечно. У Шаова несколько кассет вышли.

- Только словечки попадают непонятные.

- Например?

- Да хотя бы мизантроп какой-то.

- Мизантроп - это вроде дурачка блаженного, - с умным видом пояснил Гнилой. Юля не спорила.

- Да? - удивлялся Бугай. - А стимгады, тьфу, стигматы - это что за хреновина? На этот раз Гнилой молчал. И лишь после этого Юля очень мягко поясняла:

- Точно не знаю сама. Кажется, так называется кровавый пот.

- Кровавый пот? - еще больше удивлялся Бугай.

- Вот ты бежишь, бежишь, взмок, как после бани, и вдруг, бац: получаешь по голове. И крови полно, и пота, - довольный, подколот приятеля Гнилой.

- Не совсем так, - голос Юли звучал почти нежно. - Среди католиков есть люди, у которых выступает кровь в тех местах, за которые Христа прибивали гвоздями к кресту. Эти выступления и называются стигматами.

Бугай слушал, открыв рот... Теперь перед Кузьмичем не надо было держать отчета. Да и в Москве, заявил категорично Гнилой, пока лучше не показываться.

- Не знаю, как вам, мне к тому же запахло будет ехать назад пустым. Меня еще никогда таким дураком не выставляли.

Ему никто не возразил. Юля смотрела на Шурика, но он молчал, опустив голову.

- Ну вот и лады, - подвел черту под разговором Гнилой. - Лучше давайте кумекать, как искать этого стервеца дальше. И, кстати, как эта дыра называется? - Он показал рукой на окружающие их строения.

- Сосновка, поселок городского типа, - подсказал Шурик. Юля отметила про себя: подсказал быстро и угодливо.

- Значит, так, ребята, - приказал Гнилой, - пойдем перекусим что-нибудь, а заодно осмотримся. Все послушно вышли из машины. Переход власти из рук в руки прошел мирным путем.

* * *

Дорога меняла Киреева, а он отвечал ей тем же. Всегда находился повод повернуть в сторону от старгородского направления. В одном месте жил его старинный друг, в окрестностях другого много лет назад Киреев будучи студентом помогал колхозникам собирать урожай. Само собой, не мог он пройти сначала Бежин луг, а затем Куликово поле, Ясную Поляну, дворец графа Бобринского в Богородицке, древнюю Епифань. А бывало и так: в каком-нибудь селе его спрашивали: "У нас километрах в двадцати отсюда святой источник имеется. Не хотите сходить туда?" Разумеется, он хотел. Вот и получалось, что Киреев к середине июня мог не только дойти до Старгорода, но и вернуться обратно в Болхов или даже подходить к Москве. А он, шагая проселочными и полевыми дорогами, избегая оживленных трасс и больших городов, все дальше и дальше уходил от Старгорода, не говоря уже о Москве. Психолог, помещенный на Фрейде, сказал бы, что Киреевым движет подсознательный страх смерти, а потому и желает он оттянуть свой приход в то место, где ждет его кончина. Вряд ли Михаил стал бы с ним спорить: Киреев уже давно ни с кем не спорил и ничего никому не доказывал. Даже самому себе. Он просто шел - и радовался. Радовался тому, что может идти, дышать этим воздухом, купаться в чистых речках. За очередным поворотом дороги он открывал для себя новые места, новых людей. И все-таки, может, прав был тот "продвинутый" психолог? Бог весть.

С каждым днем Киреев все дальше углублялся в лесостепь - преддверие древнего Дикого поля. Как форпост на границе леса и степи почти четыре столетия стоял Сосновск, давно, впрочем, ставший поселком городского типа Сосновкой. Здесь жил хороший приятель Михаила Слава Никонов. Здание редакции, где работал друг Киреева, найти было несложно. Впрочем, слово "здание" не очень подходило к одноэтажному деревянному дому с высоким крыльцом. Симпатичная девушка, диктовавшая что-то машинистке, сказала, что "Вячеслав Павлович здесь, но сейчас у него посетитель. Если хотите, подождите здесь, пожалуйста". Киреев, поблагодарив, сел в выдвинутое кресло и осмотрелся. Сразу вспомнились офисы некоторых изданий в Москве. Он улыбнулся: небо и земля. Поневоле прислушался к тому, что диктовала девушка: "...не хлебом единым жив человек, считает Анна Павловна. Наверное, поэтому с такой охотой... Нет, Зиночка, лучше пусть будет с радостью... с такой радостью приходят сюда сосновцы. Для каждого из них, будь это взрослый или ребенок, у Анны Павловны находится и доброе, приветливое слово, и..." Киреев опять улыбнулся. Как все знакомо - он будто вернулся в свою молодость. А девушку можно было назвать даже красивой. Забавно: на тоненькой ее шейке пульсировала жилка. Как у Сони. Девушка, словно почувствовав на себе пристальный взгляд Киреева, смутилась. "Боже мой, - подумал Михаил, - в мире еще есть место, где девушки - краснеют, вместо компьютеров - стучит машинка, а от половых досок пахнет настоящим деревом". Девушка посмотрела на него:

- Простите, - сказала она, - вы, видно, с дороги, а я вам не предложила чая. Машинистка, оторвавшись от клавиш, подала голос:

- Касатка, а ты спроси: есть у нас чай? Как, впрочем, и сахар.

- Так я же сама неделю назад покупала!

- Неделю. Славик его литрами глушит. Дома не жрет ничего, прости, Господи, вот он твоим чаем и сыт.

- Нет, нет, спасибо, - запротестовал Киреев. - Мне бы Славика дожидаться, и все.

- Вы с ним знакомы... если так называете? - полюбопытствовала девушка.

- Есть такой грех, - улыбнулся Киреев.

- Почему грех? Вячеслав Павлович очень хороший. Машинистка, пышногрудая блондинка с ярко покрашенным ртом, полуласково, полуснисходительно погладила девушку по руке:

- Касатка, человек же пошутил. Ты у нас удивительная: каждое слово на веру берешь.

- А как же иначе, Зина?

"И ведь по сути она права, - подумал Киреев. - Если вдуматься в то, как я ответил на ее вопрос..."

- Простите, - он решил сменить тему разговора, - я краем уха услышал, как вы диктуете. Можно вас спросить: кто такая Анна Павловна и где так рады всем сосновцам? Девушка внимательно посмотрела на незнакомца. Не заметив усмешки, ответила:

- В библиотеке. Анна Павловна Дегтярь заведует сосновской библиотекой. Вы знаете, это такой чудесный человек.

- У тебя все чудесные люди. - Зина была явно рада немного передохнуть.

- Не все, - девушка зарделась и стала чудо как хороша. Один локон упрямо закрывал ей глаз, и она все время отводила его в сторону. - А вот Анна Павловна - чудесный.

- Да не спорю я. Только ответь мне, касатка, почему вы, журналисты, все так благостно описываете. Почитаешь вашу писанину - и будто сказку читаешь.

- Зина, - девушка загорячилась, - я же правду пишу. Или нет?

- У нее дома корова, телок, поросенок, тридцать соток огорода и муж алкаш. Ты бы посмотрела на Павловну к концу рабочего дня, особенно когда кочегар Толик в запой уходит и в библиотеке холоднее, чем на улице.

- Но я же о другом пишу, Зина. Как ты не понимаешь?

- А я согласен с вашей подругой, - вступил в разговор Киреев. - Вы об этом тоже в своем очерке напишите. Про корову, огород. О муже не надо, пожалуй, а вот о том, как вашей Анне Павловне дается ее доброта, напишите.

- Да я бы рада, но главный, - девушка показала на дверь, на которой висела табличка: "Никонов Вячеслав Павлович, главный редактор газеты "Вести Сосновки"", - он не пропустит. - И посмотрела на машинистку, ища у той поддержки.

Но Зина не успела ответить. В эту минуту дверь открылась. Никонов, едва попрощавшись с посетителем, стал выговаривать женщинам:

- Мирей, Зина, у меня еще вся первая полоса пустая, а вы здесь лясы точите. - Наконец он заметил и Киреева: - Вы ко мне, гражданин?

- К вам, - Михаил улыбнулся.

- Я где-то вас... Кира, ты?! - Главный редактор, человек весьма солидной комплекции, подпрыгнул, словно шарик. - Кира! Какими судьбами?! Девчата, вы знаете, кто это? Вячеславу явно было тесно в комнате. Он то обнимал Михаила, то, отскакивая на несколько шагов в сторону, оглядывал гостя, как любитель живописи оценивает картину. Слова никто вставить не мог. Говорил только Никонов:

- Девчата, это же мой друг, Михаил Киреев. Мирей, помнишь, я тебе его статьи показывал? Как ты у нас очутился? Рюкзак твой? Впрочем, после, после. Зина, сгоняй в магазин. Чай, тортик... Короче, сама знаешь. Нет, пошли Галину Петровну. Ты печатай.

Кирееву начинало казаться, что перед ним не один, а как минимум три маленьких Славика. Только через десять минут Михаил смог объяснить, каким образом он оказался в Сосновке. Последовал новый взрыв эмоций.

- Интервью. Ты дашь нам интервью. Мирей, тащи диктофон. Ты сейчас... нет, я сам возьму интервью, а ты садись рядом и учись.

Киреев пытался протестовать, но тщетно. Никонов не хотел слушать возражений:

- Мы же коллеги, Кира. Где же твоя солидарность? Тема - пальчики оближешь. Человек идет пешком по России, приходит к нам, в Сосновку. Завтра я тебя с нашим мэром познакомлю. Сегодня он в отъезде.

- Слава, - мягко, но настойчиво произнес Киреев, - я не буду давать тебе интервью. Ничего особенного не произошло, тысячи людей путешествуют. Вот если появится в ваших краях Федор Конюхов - это другое дело...

Мирей и Никонов переглянулись.

- Хорошо, хорошо, - сбавил обороты главный редактор. Сев напротив Киреева, он заговорил медленно, стараясь быть как можно более убедительным: - Миша, ты, сам того не понимая, наступил мне на большую мозоль. Конюхов ведь был в прошлом году в Сосновке и дал интервью - другой газете.

- В Сосновке есть еще одна газета? - не поверил своим ушам Киреев, знавший, что в этом поселке живет от силы семь тысяч человек.

- Представь себе, есть. "Сосновский курьер" называется. Ее Адыгов учредил, наш местный водочный король. Он в мэры через год будет выдвигаться, вот и решил себе плацдарм заранее готовить. По тиражу в Сосновке они нас почти догнали, мы за счет села держимся.

- Лучше, значит, работают. Или есть другие причины?

- Вот именно, другие. Мы - газета администрации. Сам понимаешь, не маленький, какая у нас цензура сверху. Того нельзя писать, этого. Тьфу! А эти... адыговцы изгаляются в своем критиканстве, да еще деньги за это хорошие гребут. Туда от меня пять человек ушли. Вот, - Никонов показал на Мирей, - совсем зеленых набираю. Выручай, Кира, - Никонов просяще смотрел в глаза Михаила. - Мне интересные материалы вот как нужны! Сейчас подписка на второе полугодие идет... Он замолчал.

- Даже не знаю, - неуверенно произнес Киреев. - С Конюховым мне не сравниться, да и одним материалом дело не поправишь. И о чем говорить - тоже не знаю. А с другой стороны... мне помочь тебе хочется.

- И славненько! - повеселел Никонов. - А о чем говорить, не беспокойся: мне фактура нужна, а уж я потом все живописую. На первой полосе снимок твой поставим.

- Вот уж этого не надо! Пиши, что хочешь, а фотографироваться я не буду, - Киреев запротестовал так энергично, что Никонов решил не искушать судьбу.

- Ну, хорошо, как знаешь. Так, мой первый вопрос... Они начали беседовать. Мирей сидела в сторонке и наблюдала за ними. Вячеслав Павлович ей все время говорил, что высший журналистский пилотаж - разговорить собеседника так, чтобы он рассказал о самом сокровенном. Но у него самого это пока не получалось. Приезжий мужчина отвечал односложно, не вдаваясь в детали.

- Кира, объясни мне, а зачем ты вот взял - и пошел? Ведь не просто так? Михаил

надолго задумался. Наконец произнес:

- "Мысль изреченная есть ложь" - так кажется? Ты же обещал все живописать. Напиши, не мне тебя учить, что Россию хочу увидеть вблизи, что... одним словом, ты меня понял.

- Не совсем, Кира. Это что-то очень личное и ты не хочешь об этом писать в газете? Тогда только для меня скажи, чтобы я понял.

Михаил улыбнулся, а затем вдруг стал декламировать:

Я знаю, что с судьбою вдруг

Я встречусь где-то в облаках.

Защитник тех, кому не друг,

Противник тех, кому не враг.

Я взвесил все и рассудил,

Что мне отныне не суметь

Бесцельно жить, как прежде жил,

Какая жизнь - такая смерть.

- Чьи это стихи? - спросил Никонов.

- Это Йетс, - ответила за Михаила Мирей. И покраснела. Киреев, с удивлением и одновременно уважением посмотрев на нее, произнес:

- Правильно, Йетс. А кстати, почему у вас такое странное имя? Вместо девушки ответил Вячеслав Павлович:

- Мама у Мирей, Вера Васильевна Назарова, - очень уважаемый в районе человек. Она в нашей больнице заведует инфекционным отделением. А папа... Ты уж извини меня, Мирей, но Платон мне друг, а истина дороже. Папа еще тот тип был.

- Он что, умер? - Киреев сочувственно посмотрел на смущенную девушку.

- Как же, умер! - опять за нее ответил Никонов. - Я ведь и с Верой Васильевной, и с ним, Петькой Назаровым, в одном классе учился. Сумасброд был, прости, Господи. Что она в нем нашла... В голове

- ветер, все по верхушкам бегал. Семью он бросил, когда Мирей годика три было. Сейчас, говорят, где-то в Германии посуду моет.

- И вовсе нет, - запротестовала девушка. - У него ресторанный бизнес, кафе свое. Там артисты выступают...

- Артисты-пародисты, - засмеялся Никонов. - Брешет твой фатер. Если у него бизнес, почему он вам с матерью помочь не может? Не знает, как мы здесь живем? Мама ему не написала, что у них в больнице еще за прошлую зиму денег не дали?

- Мама ему вообще не пишет.

- Послушайте, - вмешался в их разговор Киреев. - Но почему все-таки Мирей?

- Забыл, - стукнул себя по лбу Вячеслав Павлович. - Сейчас объясню. Когда Мирей родилась, тогда в Москву певица французская приезжала, Мирей Матье. Очень уж она Петрухе понравилась. Пошел в поссовет и записал дочь под таким именем. Вера, помню, нарвелась тогда досыта. И в самом деле, это надо же додуматься: Мирей Петровна Назарова. Но Петька ничего слышать не хотел: будет Мирей - и все!

- Ничего, - ободряюще улыбнулся девушке Михаил. - Главное, чтобы человек был хороший. Да и поправимо все это.

- Поправимо? - удивилась Мирей.

- Вы крещены?

- Нет. Мама говорит, дедушка не разрешил.

- Да, - согласился Никонов. - Покойный Андрей Ильич Успенский крутого нрава был человек, крепкой партийной закалки, но честен и справедлив - таких сейчас нет.

- Ты, Славик, как на митинге заговорил, - вновь улыбнулся Киреев. - Еще полюбопытствую: Мирей, когда у вас день рождения?

- Семнадцатого июля. Я - Рак.

- В каком смысле?

- По гороскопу.

- Тогда, скорее, ракушка... Значит, семнадцатого июля. - Киреев что-то пытался вспомнить, но не вспомнил и, извинившись, полез в свой рюкзак. Вскоре он достал какую-то тетрадь. - Так, семнадцатое июля. Память преподобного Андрея Рублева, святителя Андрея, архиепископа Критского... Вот, - обрадованно воскликнул Михаил, - преподобной Марфы, матери Симеона Дивногорца. Марфа Петровна Назарова, по-моему, звучит. А вы как считаете?

- Не понимаю, - честно призналась пока еще Мирей.

- Очень просто: креститесь семнадцатого июля и становитесь в крещении Марфой. Мирей - такого имени в русских святцах нет.

- Разумеется, нет, - согласился Вячеслав. Потом встрепенулся: - Слушайте, ребятки, - взмолился он, - у меня еще дел по горло. Давайте вернемся к нашим баранам, то бишь к тебе, Кира.

- Премного благодарен.

- Шутка. Но давай закончим интервью. Скажи, как к тебе люди во время путешествия относились?

- Хорошо относились.

- Я серьезно.

- Я тоже.

- Ну а случаи смешные были?

- Почему именно смешные?

- Читатель любит, когда его развлекают, - с важным видом пояснил Никонов. - Может, истории какие забавные в дороге услышал?

- Не знаю, будет ли это смешно... В одной деревне мне домик показали. В нем уже никто не жил. Крыльцо перекопилось, крыша вся в дырах, от оконных стекол и воспоминаний не осталось. А показывали мне его с такой гордостью, будто в нем человек какой великий родился. А так и есть, говорят. Великий, не великий, но память о Полине Матвеевне Тарасовой - она же бабка Поля, она же Тарасиха - всегда будет жить в наших сердцах. Чем же, спрашиваю, была знаменита Полина Матвеевна? Рассказали мне об этой славной женщине, и я понял, как рождаются мифы и легенды. Бабка Поля отличалась очень веселым, даже озорным нравом. На выдумки была просто неистощима. Эдакий русский Ходжа Насреддин в юбке. Причем, когда я начинал сомневаться в правдивости тех историй, которые мне рассказывали, люди божились, что все - чистая правда. Одна такая история мне особенно запомнилась. Я бы не возражал, Слава, если бы ты ее записал вместо рассказа обо мне. Бабка Поля как-то сидела у окошка и грустила. За окном весь день шел дождь. Октябрь,

одним словом. Все серо и тоскливо. И вдруг говорит она своей родной сестре, с которой много лет жила под одной крышей:

- Нюра, я вот представила, что умерла и вы меня хороните. Вот здесь на лавках гроб поставили.

- Ну а как же иначе, Полюшка? Что мы, нешто не люди.

- Аксинья Безрукова псалтырь надо мной читать станет...

- Все как положено, сестрица. А к чему ты это все?

- Да уж больно мне хочется все это увидеть: и вас, и плачущих, и себя в гробу.

- Что ты такое говоришь? - Нюра перекрестилась. - Зачем тебе это все надо?

- Так интересно же!

- Вот сверху на себя и посмотришь. Говорят, что... Тарасиха перебила сестру:

- А если брешут? Если эти... как их... атми...

- Кто-кто?

- Атмисты... в общем, те, кто в Бога не верует, правы? Умру я - и все, темнота. Нюра перекрестилась опять:

- Ты что мелешь?!

- Да ладно, молчу я. Но все одно, больно посмотреть на себя хочется. А надо сказать, что еще года за три до этого бабка Поля приобрела себе гроб. Колхозный столяр Михалыч уважил старуху за две бутылки самогона и шмат сала. В деревне, привыкшей к чудачествам Тарасихи, не удивились. С тех пор гроб стоял в маленьком летнем домике - в тех местах такие домики называют кизяковками.

Если бабке Поле что-то входило в голову, то выбить это оттуда было просто невозможно. Так было и на этот раз. Уже на следующий день во всем послушная старшей сестре Нюра отвезла в районный дом быта заявку на фотосъемку. Это сейчас почти в каждом доме имеется "мыльница", а тогда профессия фотографа была очень даже востребованной.

И вот в один прекрасный день в деревне, где жила бабка Поля, остановился рейсовый автобус. Из него вышел энергичный молодой человек. На плече у фотографа, а это был он, висел выдавший виды кофр. Дом Тарасихи приезжий нашел быстро. Зайдя в комнату, где на лавках стоял гроб, он даже не снял кепку. Кроме Нюры, сидевшей у изголовья сестры, никого в комнате не было.

- Анна Матвеевна Сомова - это вы? - спросил он с порога.

- Я, миленький, я.

- А что народу так мало? - удивился приезжий. - Впрочем, это не мое дело. Когда покойницу выносить будут?

- Сынок, мы одинокие, - сказала Нюра, - откуда народу взяться? Выносить будут, подойдут люди. Но ты, миленький, только в гробу голубушку моюними, а боле ничего не надо.

- Мне еще лучше.

Фотограф приступил к работе. Сначала он сделал общий план.

- Кстати, - обратился приезжий к Нюре, - вы хотя бы поплачьте. Вас я тоже сфотографирую.

- И меня тоже? - И Нюра заголосила: - Ох, и дура же ты, Поля, ох, и дура... Да что же ты

наделала...

Фотограф пожал плечами:

- Сколько работаю, но никогда не слышал, чтобы покойников дураками обзывали. Плохо жили, что ли?

- Хорошо жи-и-ли! - голосила Нюра. - Ой, как хорошо. Наконец фотограф приступил к самой ответственной части съемок. Он решил взять лицо покойницы крупным планом. Навел резкость, прицелился, замерев... И вдруг "мертвая", не открывая глаз, произнесла:

- Только вы уж постарайтесь, чтобы все хорошо получилось. ...Люди еще долго вспоминали, как по деревне бежал в направлении города молодой человек с перекошенным от ужаса лицом. Позже в народе прошел слух, что фотограф получил вторую группу по инвалидности и "завязал" навсегда со своей профессией... Смеялась только Мирей. Никонов развел руками:

- Ты предлагаешь мне это опубликовать?

- Почему бы нет? По-моему, забавно. Ведь читатель любит, когда его развлекают.

- Ладно, подумаю. Скажи, а...

- Простите, Вячеслав Павлович, - перебила своего начальника девушка, - можно мне спросить Кирилла...

- Меня зовут Михаилом Прокофьевичем. Кира - от фамилии Киреев.

- Простите, - смутилась Мирей.

- Ничего, спрашивайте.

- А куда вы хотите придти в конце концов?

- В конце концов? Как здорово звучит... Сказать честно?

- А разве можно иначе? - удивилась девушка.

- Вы очень редкий человек, Мирей. - Киреев опять посмотрел на молодую журналистку с уважением. - А нужна читателям вашей газеты моя честность?

- Честность всем нужна, - девушка стояла на своем.

- Сдаюсь, - улыбнулся Киреев. - Если честно, то я иду в Старгород. Вы слышали о таком городке?

- Конечно. Но ведь он находится в другой стороне.

- Но я сказал вам правду. Я туда иду. - Киреев уже не улыбался. Слово тень легла на его лицо. Мирей на какой-то миг показалось, будто перед ней сидит очень древний человек. - Всю жизнь иду...

- Я... я, кажется, понимаю вас, - пролепетала девушка. В глазах Киреева сверкнул голубой огонек.

- Правда? В комнате наступила тишина. Было слышно, как за окном ласкал зелень деревьев теплый летний дождик.

- Да ну вас, - наконец заговорил Никонов. - Так ты, Кира, сейчас пойдешь на Богородицк, а потом...

- Не знаю, я еще не решил. - Киреев словно не замечал своего старого друга и смотрел только на девушку. Ответил, словно отмахнулся. Зато сказал, обращаясь к Мирей: - А еще я хочу найти одну реку...

- Реку? - переспросила девушка.

- Речку, речушку. Одну-единственную. Я ее видел во сне.

- А если ее... не существует?
 - Это было бы очень... печально.
 - А вы знаете, в наших краях столько красивых рек. Вы на Олыме были?
 - Нет.
 - А Сосну, Любовшу, Зушу или Фошню видели?
 - Фошню?
 - Она в Сосну впадает.
 - У нас Мирей заядлая туристка, - пояснил Вячеслав Павлович.
 - И вовсе нет, - горячо запротестовала девушка. - Просто мы с мамой очень любили путешествовать по незнакомым местам.
 - Значит, говорите, в ваших краях много рек?
 - Много, - сказала девушка. И тихо добавила: - Может, одна из них - ваша? Киреев ничего не ответил. Потом улыбнулся, тень исчезла с лица, потухли голубые искорки в глазах.
 - Говорите - Сосна? А что, это мысль. На Сосне, кажется, Елец стоит?
 - Точно, - подтвердил Вячеслав Павлович. - А как же Старгород? Думавший о чем-то своем, Киреев словно не услышал вопроса.
 - Сосна... Если бы еще знак был...
- В этот момент дверь открылась и в комнату вошла сияющая Зина:
- Вячеслав Павлович, из третьего магазина звонили. Им елецкой колбасы привезли, говорят, вкусная и дешевле, чем арсеньевская. Спрашивают, вы будете брать? Киреев засмеялся, довольный:
 - А вот и знак. Зина, передайте, что Вячеслав Павлович обязательно возьмет елецкой колбаски. Правда, Никон?

Глава тридцать вторая

Ира Боброва вот уже несколько недель находилась в каком-то странном, противоречивом состоянии. Раньше, в долгие месяцы и годы болезни Лизы, когда наступали периоды отчаяния и страшная усталость обрушивалась на ее хрупкие плечи, она упрямо твердила себе: "Я должна взять себя в руки" или "Мы победим, обязательно победим эту проклятую болезнь". Твердила как заклинание до тех пор, пока не возвращались силы и вновь не рождалась надежда. А сейчас, с появлением в их жизни сначала Натальи, потом Михаила Киреева и, наконец, Мещерской и Вороновой, Ира получила то, чего была лишена раньше, - помощь друзей. Стало гораздо легче материально. Виктор по протекции Вороновой занял хорошее место в одной строительной фирме. Софья... Удивительная девушка! Ира и Виктор просто не знали, как благодарить ее за все то, что она делала для их семьи. Если Мещерская заглядывала к ним по воскресеньям, Наталья - через день, то Софья приходила к Бобровым каждый вечер. Она очень подружилась с Лизой. Особенно сблизила их "эпопея", как говорил Виктор, с выставкой. Воронова сдержала свое слово, и на следующий день у девочки было все, что нужно для работы. Более того, Софья договорилась, чтобы два хороших художника, Юрий Георгиевич Мешенков и Александр Владимирович Куманьков, помогали Лизе практическими советами. Мешенков приходил по четным дням, Куманьков - по нечетным. Оба буквально восторженно относились к природе, могли часами говорить о живописи, так что общение с ними очень много дало Лизоньке. Уроки длились недолго, по двадцать-тридцать минут, но Ира не могла не видеть, как жадно впитывала ее дочь услышанное. Правда, после первого прихода Юрия Георгиевича Боброва пришла в ужас:

- Сонечка, это же, наверное, стоит уйму денег. Я не смогу рассчитаться с тобой. Хитрая Софья сначала делала вид, что не понимает, о чем идет речь, а потом отвечала с улыбкой:

- Тебе не о чем беспокоиться. Это мои друзья, я с ними сама обо всем договорюсь. - А потом вдруг добавила серьезно: - Пустяки это все, Ира. Понимаешь, пустяки по сравнению с тем, что они могут дать Лизе... Впрочем, ты сама скоро все поймешь. Через неделю Куманьков скажет Ире слова, которые ей еще никто не говорил:

- У вас очень талантливая дочь, очень. Я поражаюсь, как Лиза чувствует, как впитывает услышанное. У девочки большое будущее. Я еще буду гордиться, что давал ей уроки. Вот. Это было самое главное. Все вроде складывалось как нельзя лучше. Помощь друзей, слова Александра Владимировича, от которых Ира испытала необыкновенную гордость: да, Лиза, ее Лиза не только красивый, не только мужественный человек. Она еще и талантлива. А с каким воодушевлением, даже упоением рисовала дочка своих птиц! Казалось, Ире надо было только радоваться, но... Будущее, будущее - теперь она страшилась его. Раньше - измотанная, одинокая, плакавшая по ночам на кухне - не страшилась, а теперь - страшилась. Занозой в сердце сидели те слова Лизы, после которых пришел в душу страх. Нет, никому Ира об этом не говорила, даже Виктору. Муж переживал душевный подъем, связанный не только с тем, что после трехлетнего стояния на барахолке он вновь почувствовал, что его голова, руки, знания востребованы. Была счастлива дочь - был счастлив и Виктор. Может быть, впервые за много месяцев. А Ира... Она даже не передала ему тот разговор с дочерью. И когда Виктор возвращался домой, его встречала всегда улыбчивая и приветливая жена...

А еще Ира успела заметить, что когда ее дочь и Воронова общались между собой, обе много говорили о Михаиле Кирееве. Причем обеим это доставляло удовольствие. С Лизой было все понятно, а Софья... Вначале Боброва думала, что все дело в добром сердце девушки. Она и сама часто вспоминала этого удивительного человека, так круто изменившего жизнь их семейства. Но вот однажды Виктор принес корреспонденцию, которая поступила по прежнему адресу Михаила, - такова была у них договоренность с Киреевым. Более того, Михаил просил Бобровых обязательно прочитывать адресованные ему письма и при возможности отвечать от его имени на самые важные. А для Софьи это оказалось новостью. Ире показалось, что Воронова ревниво отнеслась к тому доверию, какое им оказал Киреев.

- А ты разве об этом не знала? - сделал удивленные глаза Виктор. - Точно! Вот дурак! - И он хлопнул себя по лбу. - Забыл совсем.

- Что забыл? - спросила Софья. - Ну, давай сочиняй дальше.

- Почему - сочиняй? Михаил сказал: я бы Софью попросил, но как к такой красавице подступиться? Представляешь, говорит, такая девушка - и из моего обшарпанного подъезда будет письма брать. То есть письма в ящике почтовом брать, но ящик, сама понимаешь, где висит.

- Так и сказал - такая девушка?

- Вот именно. А потому попросил меня: ты, говорит, парень простой, рабоче-крестьянский, уважь старика, ну и так далее.

- Артист, настоящий артист, - засмеялась Софья. Потом добавила, стараясь выглядеть равнодушной: - А мне при чтении писем можно остаться? Ира обняла Софью:

- Софья Николаевна, друг ты наш сердечный, зачем ты обижаешь нас? Витька и впрямь артист, но он правду сказал. Вот в Старгороде встретитесь - сама и спроси его обо всем. Ира заметила, что после ее слов Софья смутилась.

- Вообще-то, я понимаю все, ребята. Замнем, - желая поскорее закрыть тему, попросила Воронова. А писем было два. Плюс одна записка. В ней некий Арсений Гусев сообщал, что желает Михаилу спасения, а сам уезжает в мужской Санаксарский монастырь, надеясь остаться там навсегда.

- А где это - Санаксар? - спросил Виктор. Никто не знал. Стали читать письма. Одно, совсем короткое, отпечатанное на хорошей бумаге: "Уважаемый Михаил Прокофьевич! Поздравляем Вас: компьютер выбрал Вас из множества претендентов, и теперь Вы получили уникальный шанс выиграть..."

- Выбрасывай, - скомандовала мужу Ирина. - Все ясно. Читай дальше. А вот письмо из тамбовской деревни оказалось интересным. Тетка Елена, видимо, родственница Киреева, вначале передавала ему привет от множества людей, потом сообщала о том, что "сестра, слава Богу, выздоровела. Мне это радость великая, Мишенька. Иван много работает, много пьет, а денег ему вовсе не платят". А в заключение, уже попрощавшись и пригласив Михаила "отдохнуть у нас месячишко, попить молочка парного", написала: "Да, Мишенька, чуть не забыла. Помнишь, ты в церкву ходил, к отцу Георгию? Так он на Троицу помер. Народ сказывал, что тихо батюшка к Богу отошел, во сне. А когда его хоронить стали, я тоже на похоронах была, спасибо Ивану, довез до Пальновки, не поверишь - откуда только народ не приехал. С Тамбова, Мичуринска, Моршанска и даже с самой Рязани. Оказалось, что батюшка наш святой жизни был человек. И всю жизнь кому-то помогал. Вот они и приехали

его проводить в последний путь. Те, кому он помог, плакали, Мишенька, крепко. А как "Вечную память" запели, у меня аж мурашки по спине пробежали. Представляешь, толпа огромная - мне пальновские потом говорили, что у них в деревне отродясь столько людей не собиралось. Тихо так, солнышко светит. И вдруг: "Вечная память". Все поют. Очень хорошо это было, Мишенька. На сердце будто светлее стало..."

* * *

- Счастливый ты, Кира! В Москве живешь. Я бы там развернулся. А здесь, в этой дыре - разве это жизнь?

Друзья сидели в квартире Никонова. Михаил с огорчением смотрел, как Славик пьет стакан за стаканом, почти ничем не закусывая.

- Ты хоть закусывай, Славик.

- А ты и не пьешь, и не ешь. Чего так?

- Устал с дороги.

- Скажи, Кира, а ты на футбол ходишь?

- Давно не был.

- А помнишь, как мы в молодости кричали: "Где "Торпедо" - там победа". А здесь молодняк весь за "Спартак" болеет, ну а нашим с тобой ровесникам, за редким исключением, кроме водки ни до чего нет дела... Я один здесь торпедон. Неужели не ходишь на футбол?

- К сожалению, как-то не получалось.

- Ну а на концерты, в музеи, на митинги - ходишь? Киреев покачал головой.

- Что же ты там делаешь?

- Хороший вопрос. Что-то делал.

- Я как посмотрю по телеку, аж зависть берет. Ночь, а у вас там светло, как в Париже, люди гуляют, в кафешках сидят. А у нас, - Никонов встал и подошел к окну, - смотри, Кира: девяти часов еще нет, а Сосновка словно вымерла. Все у телевизора сидят. Скуотища. Ты в кафе давно был?

- Перед самым отъездом из Москвы одна знакомая пригласила. Попил кофейку. Хороший кофе - двести рублей чашка.

- Сколько?! - подумав, что ослышался, переспросил Слава.

- Двести.

- Ну и ну! Это что за кофе такой?

- Повторяю: хороший. Сваренный по-турецки.

- А хоть по-китайски, мне этого не понять.

- Мне тоже.

Помолчали. Киреев все хотел спросить про Лену, жену Никонова, но не решался, боясь оказаться бестактным. Если Слава захочет, расскажет сам.

- Слушай, Кира, что я тебе сейчас расскажу.

- Слушаю.

- Мне, кстати, твой совет нужен. Мы здесь в Сосновке союз организовали. СССР называется.

- СССР?

Никонов был явно доволен тем эффектом, что произвели на Киреева его слова.

- СССР: сосновский союз свободных россиян. Что скажешь? Михаил молчал, затем, стараясь тщательно подбирать слова, ответил:

- В силу ряда причин я сейчас отошел от политики. Но если у тебя и твоих друзей есть душевная потребность заняться этим... Почему нет?

- Я тоже так считаю. А с чего бы ты начал? Как думаешь: сначала провести организационное собрание и на нем выработать устав, программу, или - наоборот?

- Знаешь, я бы сначала изучил опыт тех организаций, которые уже существуют. Попытался бы понять, почему их - сотни, а их влияние на общество так ничтожно мало. Почему подчас в таких партиях-организациях не больше десятка партийцев.

- Правильно, зришь в корень, Кира. Разобщены мы, понимаешь, разобщены. Мы и хотим на объединение русских людей работать.

- Российских, - поправил его Киреев. - Вы же - "свободные россияне".

- Не подкалывай, пожалуйста. Это моя боль. Конечно, "русских" звучит лучше. Но у нас из восьми членов учредительного совета семь русских, а один, Дамир Фахрутдинов - татарин. Классный парень, обижать его не захотелось, вот и решили стать россиянами... А вообще у нас хорошие подбираются ребята. Все люди в Сосновке уважаемые. Есть депутат, директор хлебозавода. Короче, будем людям глаза открывать.

- Глаза? Никон, прости, если не в свое дело лезу, но...

- Говори, говори, не стесняйся.

- Ты же в газете работаешь и даже ее возглавляешь. Очень многое можешь. Нужно ли для этого создавать союз? Ты моего совета спрашивал, я сказал тебе про опыт других организаций... Никонов перебил его:

- Кира, мы же не совсем деревня. Газеты читаем. Понимаешь, не обижайся, конечно, но то, что есть,

- нас не устраивает.

- Что не устраивает?

- Позиция этих партий. В одних "Боже, царя храни" поют. В других коммунистическим духом несет. Третьи в игру "казачки" играют. У нас один такой деятель нашелся. В школе учителем истории работает. "Казачью управу" организовал. Смехота. Нацепили штаны с лампасами - тьфу! Казаки, твою мать.

- А сколько у него в управе человек?

- Не человек, а идиотов. Пять.

- А если вам с ними объединиться? Ведь в чем-то ваши взгляды совпадают?

- Объединиться? Ты шутишь?

- Нет. Ты же сам очень хорошо сказал, что хочешь на объединение русских людей работать. Этот учитель истории - не русский? Почему ты не хочешь с ним объединиться?

- Потому, что он всех людей на две категории делит: казаков и не казаков.

- Но ведь и тебе монархисты с коммунистами не нравятся. Тогда - кто? Демократы?

- Издеваешься? Я просто русский человек.

- Российский.

- Ну российский. Мы предлагаем объединиться не по идеологии...

- Неужели по вере?

- А вот это ни в коем случае! Свободный человек вправе выбирать себе любую веру. По

мне, пусть он хоть Христу, хоть Будде, хоть черту поклоняется - лишь бы любил Россию.

- Мне кажется, поклоняться черту и одновременно любить Россию - нельзя, - тихо сказал Киреев.

- Я образно выразился. Ты меня понял.

И Никонов стал увлеченно рассказывать о том, как он видит будущее своей организации. Михаил сидел, опустив голову.

- Ты не уснул? - спросил его Вячеслав. - Прости, я забыл, что ты с дороги. Давай будем укладываться.

- Нет-нет, я просто думаю. И грущу.

- О чем?

- Не знаю... Один из самых почитаемых русских святых, преподобный Серафим Саровский сказал слова, о которых я все время думаю. Давай подумаем над ними вместе.

- Давай. И что это за слова?

- Он сказал: спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи.

- Ты знаешь, это из области религии. Мне не интересно. Не обижайся.

- Все нормально. Вот ты сегодня днем спрашивал меня о впечатлениях...

- И ты, хрен моржовый, ничего мне не рассказал.

- Сейчас расскажу. Опубликуешь?

- Что за вопрос?

- У вас в районе есть деревня. Соболево называется.

- Есть. Там, кстати, пруд хороший имеется. Мы в нем карпов ловим...

- Остановился я в этой деревеньке с людьми поговорить, дорогу дальше спросить. Смотрю, от крайнего домика дорога резко вверх уходит. Сбоку от нее - то ли сад старый, то ли школа. Из кустов этих человек выходит и медленно спускается по дороге. Ближе, ближе. Уже различаю: старуха. Простенький халатик в цветочек - такие в наших больницах выдают. Еле-еле идет. Руки, голова трясутся... Прошла мимо нас (я разговаривал с местной жительницей) - даже не посмотрела.

- Горемычная, - вздохнула женщина, с которой я разговаривал. - У нас здесь дом престарелых находится. Прошлой осенью его закрыли - говорят, у бюджета нет денег на его содержание. Почти всех больных разобрали, а человек пять-шесть остались. Некому их было забирать. Вот и остались они здесь, никому не нужные. Как эти старики зиму пережили - ума не приложу. Мы их, конечно, подкармливаем, но...

Вот такие впечатления, Славик. Ну как, опубликуешь? Никонов сидел мрачный.

- Ты же не ребенок, Кира. У меня администрация района - учредитель газеты. Завтра опубликую, послезавтра выгонят.

- Понятно.

- Что понятно?

- Что собираться за бутылочкой и обсуждать устав и комфортнее и безопаснее. Не обижайся.

- Нет, я обиделся, Кира. Да, я слышал об этом доме. А чем я могу помочь этим старикам? Молчишь? Ты, чувствую, стал сторонником теории малых дел? Помнишь, в институте нам рассказывали об одном из "отцов" этой теории - Каутском? И о лозунге его: "Конечная цель - ничто, движение - все". Не забыл, как Каутского называли - оппортунист.

Киреев горько улыбнулся:

- Славно у тебя, Никоныч, получается. Всем ярлыки повесил?

- Ничего я не вешал.

- Как же, историк ваш и его сторонники - идиоты, я - оппортунист. Я не обижаюсь, Славик. А вот за стариков обидно. Ну какое же это малое дело - шесть человеческих душ от смерти спасти?

- Как? Ты ответь - как?

- Друг мой, а как же быть с уважаемыми людьми из СССР? Даже депутат есть. Что, нельзя было выбить у вашего главы администрации одну палату для них в больнице, чтобы люди не мерзли, забытые всеми в руинах своего дома? Жители Соболево смогли накормить этих несчастных, а целый район не может? Вот если бы этим ваш СССР занялся - ты бы столько людей в свои ряды привлек.

- Погоди, я тебе скажу..

- Нет, дай я скажу, а потом говори, что хочешь. Тебе не интересны слова преподобного Серафима. Жаль. Знаешь, как их можно перефразировать? Хочешь сделать людей свободными - сначала освободись сам. Хочешь, чтобы тебя полюбили, - полюби сначала сам. Хочешь что-то получить - отдай сначала свое. Ты не думай, что я тебя учу жить, - избави Бог. Меня бы самого кто научил. Просто я хочу, чтобы ты не повторял моих ошибок. Надеюсь, у тебя будет время это понять. - Киреев замолчал.

- Говоришь, спасись сам? Кира, ты что молчишь?

- Все силы со словами ушли. Шучу.

- Слушай, а ты, случаем, не болеешь?

- Нет. Сказал же - устал немного. Да, спасись сам.

- И с чего мне начать свое спасение?

- Считай, что я не заметил твоей иронии. Для начала спасите всем миром этих стариков. Они все еще в деревне, а осень и зима не за горами. Пошли в Соболево Назарову.. Попроси учителя-казака связаться со своими коллегами в соболевской школе.

- Этого...

- Да-да, идиота, как ты его назвал. Мне кажется, он парень энергичный.

- Точно.

- Вот и воспользуйся этим. Напомни ему о казацких обычаях, о милосердии. Да что я тебе говорю, ты все сделаешь, как надо.

- Есть кое-какие идеи.

- Вот и хорошо... Кстати, все-таки спрощу. Заранее извиняюсь, если буду бестактным. Где Лена?

- Вопрос, конечно, интересный. Сейчас расскажу. Выпью еще одну рюмочку и расскажу.

- Но она жива, здорова?

- А что с ней делается? Ушла от меня Ленка. На соседней улице живет. Слушай, брат Кира, мою печальную повесть. И ты поймешь, почему я столько пью.

- Почему?

- А потому, что все бабы - стервы.

- И Ленка тоже?

- Она - в первую очередь. В Тулу я уезжал на неделю, по делам. Вернулся на день

раньше. Думал, сюрприз будет.

- Неужели...

- Да, почти как в анекдоте.

- Ленка... Не верю.

- А зря. Нет, в постели они с тем хорьком не лежали. Захожу, вижу: сидят голубки на кухне. Бутылочка вина на столе, сырок порезан. Лена вскочила, когда я в прихожую вошел, глаза сверкают, красная вся. А мужик тот, что с ней сидел, засуетился. Как здорово, что вы приехали, Вячеслав Павлович, у нас на работе событие - решили отметить. Какое, спрашиваю, событие может быть в санэпидемстанции? У сосновских школьников всех вшей вывели? Не дождетесь. Пока у нас, говорю, каждая гнида мечтает стать вошью - такому не бывать. Ты понял мой намек, Кира? Ленка завелась. Как ты смеешь оскорблять честного человека? Ардальон Казимирович порядочный, но очень одинокий

- и дальше в том же духе. Представляешь - Ардальон. Ну и имечко Казимир своему сыночку дал.

- И она ушла?

- Что ты! Мы вроде как помирились. Я даже перед этим... извинился. Представляешь? Конечно, гнида - это резковато.

- Резковато. А что было дальше?

- Да ничего. Как выпью - будто бес в меня вселяется. Фантазия начинает работать. Представляю, как Ардальон Ленку мою на кухне лапал...

- А если не лапал?

- Я же говорю - воображение. Завожусь. Начинаю с Ленкой отношения выяснять. Однажды возьми да скажи ей: "Этот Ардальон-шампиньон хоть целоваться умеет?" Знаешь, что она мне сказала?

- Догадываюсь.

- Вряд ли. В отличие от тебя, говорит, у него не только язык работает. Ну я и вмочил ей... Она повернулась и ушла.

- К сыну Казимира?

- К кому? Нет, к своей матери. Ну, давай, говори, что я свинья, что сам спровоцировал женщину. Давай. Ты же всегда любил на темы морали писать... А с другой стороны, - почти уже кричал Никонов, - она своим ответом фактически во всем призналась.

- Кто ты - решать тебе самому. А я тебе лучше стихи почитаю.

- Стихи?!

- Я, когда стихи читаю, всегда успокаиваюсь.

- Валяй, если это не очень длинно, - сказал озадаченный Никонов.

"Простить, это значит - забыть" -

Я слышал такое однажды.

Забыть... Будто гвоздик забить -

Так просто, так сложно, так важно.

"Прощаю", - скажу не солгу,

Лишь душу сомнением наполню:

Простил - то есть я не напому,

А вот позабыть не смогу.

- Здорово. В самую точку. Ты сочинил?

- Смеешься?

- Евтушенко?

- Игорь Козлов.

- Не слышал такого.

- Хороший поэт. Водит в море корабли и пишет стихи. Они помолчали.

- И что ты будешь делать дальше? - спросил наконец Михаил друга.

- Понятия не имею. Но к ней на поклон не пойду. Я человек тоже гордый. Я не прав?

- Откуда я знаю? Тебе ответишь - опять оппортунистом назовешь. Или гнидой. У тебя, Никон, не заржавеет.

- А мне, представь себе, не смешно. Козлов, в отличие от тебя, правильно все говорит: не могу забыть - и все тут. Какие могут быть здесь советы?

- Слава, - думая о чем-то своем, спросил Киреев, - детей, кажется, у вас не было?

- Не дал Господь, слава Богу.

- Не говори так... И все-таки, можно я дам тебе совет?

- Валяй. Заранее знаю, что скажешь: иди - мирись. А шиш ей с маслом, пусть сама придет.

- Не ходи.

- Ты это серьезно?

- Вполне.

- Интересно. Что же ты посоветуешь?

- Уже.

- Что?

- Посоветовал. И пока сидишь дома, представь, что все твои фантазии - верны. Ленка тебе изменила. И не раз, не два, а все дни, пока ты в Туле находился. Представил?

- То есть как это все дни?

- А вот так. Все мы люди, все мы слабы. Ардальон Казимирович, видно, опытный сердцеед. Ты в последнее время много жене внимания уделял? То посевная, то уборка, то опять посевная.

- Постой-постой. Зачем ты все это мне говоришь? Ты что, оправдываешь ее?

- Нет, я просто ее не сужу.

- Но она же не имела права... пока я там... вот здесь, в моем доме.

- А где ей это делать? Ей же не семнадцать лет.

- Слушай, Кира, ты... ты...

- Говори, не бойся.

- Нельзя же таким циником быть. Ты меня поражаешь. "Все мы люди, все мы слабы". А долг? А верность? Просто слова?

- Славик, только без пагеттики. Мы же не на обсуждении устава СССР. А когда ты пять лет назад ко мне в Москве со "старой знакомой" пришел и попросил меня на пару часиков комнату вам предоставить - это как? Или что положено Юпитеру, то не положено быку?

- Ой-ой-ой, вспомнил. Скажешь, ты перед своей Галиной чист?

- Не скажу. Просто очень хочу, чтобы ты понял: за все в жизни надо платить. Я заплатил. Галя теперь жена другого человека.

- Да ты что?! - не поверил своим ушам Никонов.

- Увы. Правда, если Галя будет с ним счастлива, тогда я только пожалею, что она не ушла от меня раньше...

- Кир, послушай, а может, у Ленки с этим... сыном Казимира ничего не было?

- Думаю, ничего.

- Тогда я есть последняя скотина? Только, знаешь, гордость - страшная вещь. Я ведь первым шаг не сделаю.

- Это ты точно сказал: страшная вещь. Скажи, где мой рюкзак?

- Я его в прихожей оставил. А зачем он тебе?

- Меня Мирей Петровна пригласила в гости. Сказала, что ее мама очень любит интересных людей. Ведь я - интересный человек?

- Да, интересный, - растерянно произнес Никонов.

- А еще она сказала, что у них осталось вишневое варенье без косточек. Это - моя слабость. А ты позвони ей, пожалуйста, скажи, что я уже иду.

- Но почему? Тебе разве у меня плохо?

- И еще одна просьба, - будто не слыша друга, продолжал Михаил. - Дай мне адрес матери Лены... ..Через десять минут он стучал в двери одноэтажного дома по улице Урицкого. Киреев не знал, что он скажет Лене. Почему-то в этот момент его занимала мысль: отчего в каждом русском городе есть улица Урицкого? Дверь открыла Лена.

- Простите, вам кого?

- Вас, Елена Станиславовна.

- Миша, ты?! Проходи. Вот встреча!

- Не могу. Спешу. Увидимся и поговорим завтра.

- Хоть на минутку зайти - я тебя целый век не видела. Куда спешишь?

- В дом, где меня ждет вишневое варенье без косточек. К сожалению, твой благоверный смог предложить мне только сало, елецкую колбасу и много водки. Бр-р, это ужасно.

- Мой благоверный? Да пошел он...

- Зачем же так, Елена Станиславовна? У меня, кстати, просьба к тебе.

- Какая? Что это я? Говори, конечно. Если в моих силах будет...

- В твоих. За несколько последних лет я не сделал ни одного доброго дела. Представляешь? Неужели ты не дашь мне шанса?

- Какого шанса, Миша? - Лена ничего не понимала.

- Помнишь фильм "Морозко"? Мужик с медвежьей мордой ходил и кричал: "Кому сделать доброе дело?" Это про меня... - И потом, на секунду замолчав, Киреев, посмотрев прямо в глаза Лене, сказал тихо, но очень твердо: - Возвращайся к Никонову.

- Когда? - только и нашлась что спросить Лена.

- Прямо сейчас. Слава, конечно, порядочная скотина - это его слова, но ты ему нужна. А он - тебе. И, не дождавшись ответа, Киреев повернулся и шагнул в темноту. Спустя несколько секунд уже из-за калитки до Лены донеслось:

- А Казимирычу не верь. Это я как старый бабник тебе говорю.

- Почему не верить, Миша? Он честный и...

- Одинокий? Поэтому-то и не верь. Если мужик хочет, чтобы его пожалели, - он хочет этого не бескорыстно.

Глава тридцать третья

Легкие шаги и шепот: "Не беспокойся, мамочка, я его не отпущу, пока ты не вернешься... Он такой необыкновенный... Пока".

Киреев открыл глаза. За окном вовсю сияло солнце, его лучи играли на стене, книжной полке, репродукции шишкинской картины "Рожь". С Михаилом так бывало и раньше: просыпаясь в новом для себя месте, он не сразу мог вспомнить, где находится. Так и на этот раз. Только через несколько мгновений Киреев осознал, где он. За дверью шептались дочь и мама Назаровы. Он сладко потянулся. Хорошо! Чувствовал себя Михаил просто здорово.

- Мирей, сколько времени? - крикнул Киреев. Почти мгновенно открылась дверь и в ней показалось сияющее лицо девушки. Видимо, Мирей была все время рядом.

- Половина одиннадцатого, Михаил Прокофьевич. С добрым утром!

- С добрым утром! Ничего себе, из-за меня вы на работу не пошли? Увы мне! Простите.

- Что вы! - замахала руками Мирей. - Сегодня же суббота! Выходной. Вставайте, будем завтракать. Из кухни запахло блинчиками.

- Вы говорите - суббота? А я и не знал. Это... блинчиками так чудесно пахнет?

- Блинчиками, - засмеялась Мирей. - Вишневое варенье уже на столе.

- Без косточек?

- Конечно. Да, вам Вячеслав Павлович звонил. Он так вас благодарил.

- За что? - удивился Киреев.

- Как же? У него вчера ночью медовый месяц по-новому начался. К Никонову Елена вернулась. Представляете?

- Представляю.

- Вы... вы просто волшебник! - Из глаз девушки буквально лились на Киреева солнечные лучики. - Только вчера к нам пришли и...

- И что?

- У нас будто изменилось все. В кои веки мне мой редактор сказал: "Голубушка Мирей". Обычно: "Назарова, с тебя еще сто строк. Поторопись!" Нет, правда, вы - волшебник.

- Я не волшебник, а только учусь, - Киреев был явно смущен восторгом девушки. Мирей накрыла завтрак в большой комнате. Такие дома, как тот, в котором жили мать и дочь Назаровы, в народе называют "финскими": частный дом на двух хозяев. Киреев успел осмотреться. Все уютно, красиво, но без излишеств. Много книг. Повсюду висели изделия из макраме.

- Я раньше увлекалась, - заметив его взгляд, пояснила девушка. - Михаил Прокофьевич, мы сейчас позавтракаем, а к обеду подойдет мама. Ее в больницу вызвали.

- Да я не хотел вас обременять столь долго...

- Обременять?! Мама обидится, если вы уйдете. Она бы не пошла на работу, да там у нее грудничок лежит...

- Кто?

- Грудничок. Мальш. У него веноч нет. Точнее, их трудно найти. Капельницу в головку ставят. Медсестры наши боятся, что не попадут, вот мама и ходит капельницы ставить.

- Это, наверное, очень трудно?

- Ой, и не говорите! Я бы точно не смогла. А вы не стесняйтесь, кушайте... Вам чай или

кофе?

- Мирей, а я не покажусь вам слишком... привередливым, если...

- Вы утром молоко пьете? Я к соседке сбегая. Киреев был искренне тронут таким гостеприимством.

- Спасибо, не надо молока. - При смущении он прибежал к самоиронии. Так было и на этот раз: - Вам это покажется странным, но нам, волшебникам, нельзя ни кофе, ни чая, ни тем более молока. От этого магическая сила уменьшается.

- Что же вы пьете, - выразительные карие глаза Мирей, казалось, занимали уже поллица девушки,

- простую воду?

- Зачем же? Есть одна травка, называется магикус мокрицитос.

- Магикус мокрицитос? - удивлению девушки не было предела. - А где же ее взять?

- У вас на огороде. Пойдемте, я сорву несколько листочков и буду счастлив. Огород у Назаровых был чист и ухожен, но Киреев без труда нашел то, что искал.

- Так это же мокрица! - засмеялась Мирей. - А мы ее вырываем и курам даем... Простите. Киреев еле сдержался, чтобы не засмеяться. Он сделал важное лицо:

- Пятый пункт устава волшебников гласит: "Старое золото редко блестит". Вы меня, конечно же, понимаете?

Мирей была явно сбита с толку. Она не понимала, шутит Киреев или говорит серьезно:

- Вы говорите: магикус мокрицитос?

Потом они пили - девушка чай, Киреев отвар мокрицы. Отвар горчил, но с вишневым вареньем это было в самый раз. Говорила в основном Мирей. О своей работе в редакции, о жизни в Сосновке. Михаил, маленькими глотками отхлебывая из чашки отвар, внимательно смотрел на нее. Смотрел - и будто по-другому видел, иначе, чем вчера или полчаса назад. Неожиданно для себя он заметил, что на девушке - короткий халатик, под которым проступали очень даже не маленькие формы. Девушку нельзя было назвать полной, скорее о таких говорят: "широкая кость". Огромные карие глаза, тонко очерченные брови, чувственный рот. Когда она вдруг наклонилась, чтобы взять сахар, Кирееву неожиданно открылась ее грудь. Если бы Михаил был эстетом, он наверняка отметил бы удивительную красоту этой груди. И пышной и изящной одновременно. Но у него просто перехватило дыхание, и желание, внезапное, жаркое, охватило Киреева. Такого с ним не было много месяцев. Мирей поймала взгляд Михаила и покраснела. Ее рука интуитивно потянулась к вороту халатика.

- А хотите... я музыку поставлю? У меня кассеты хорошие есть. "Иван Купала", кельтская музыка...

- Кельтская? - внезапно охрипшим голосом переспросил Киреев. - Поставьте. Пока Мирей ставила кассету, он мог со спины рассмотреть девушку. Михаил представил, что под халатиком больше ничего нет. И... горячая волна захлестнула его всего. Лицо Киреева пылало. Зазвучала музыка. Флейта. Жалобный, зовущий голос. Словно откликаясь на него, запела девушка. Пела она на незнакомом, древнем языке. Удивительно, как и с птицами, Киреев, не зная языка, вдруг стал понимать, о чем пела девушка. Звуки флейты, тихое пение незнакомой ирландки словно обволокли всю комнату. Девушка пела о разлуке с любимым, о зеленых холмах, которые осиротели без него. А когда-то эти холмы дарили им свою

нежность. Любимый собирал на их склонах цветы, а девушка плела венки. И когда звуки волынки звали деревенских девчат и парней в хоровод, никого не было красивее ее в белом платье и в венке из майских цветов. Киреева била дрожь. Из последних сил он старался скрыть ее. Мирей села на место, точнее, захотела сесть и, оступившись, покачнулась. Он подхватил девушку, и они оба упали в кресло.

- Какая я неловкая, - засмеялась Мирей. Но Киреев вместо ответа поцеловал пульсирующую жилку на ее шее. Девушка на секунду замерла, напрягшись, как тетива. Рука Михаила скользнула под ее одежду, и вот уже пышная большая грудь Мирей - в его руках. И вдруг девушка как-то обмякла, будто вошла в него вся, от волос на голове до розового мизинца на ноге. Рот полуоткрылся, глаза покрылись туманной пеленой. Солнечные лучики погасли и превратились в туманные звездочки.

- Михаил Проко... не надо... - Мирей сделала последнюю слабую попытку остановить Киреева. Но он, осыпая поцелуями ее рот, шею, глаза, грудь, уже обнажил девушку до пояса. Михаил раскалялся все сильнее и сильнее. Его руки теперь ласкали бедра девушки, сжимали ее ягодицы. Кирееву стало тесно в своей одежде - немного отодвинув от себя Мирей, он снял с себя футболку. А девушка в его руках стала подобной воску. Неожиданно в его мозгу, воспаленном похотью, мелькнула невесть откуда взявшаяся мысль: "А как же ее мама? Она ушла из дома, спокойная за дочь". Но другой голос резко перебил эту, только что родившуюся мысль: "Ты же не насильник! Посмотри, она хочет тебя. Посмотри на себя: в кои веки в тебе проснулся мужчина. Не сомневайся, ты сделаешь ее счастливой, ты не причинишь девушке зла..." И вот уже девичьи трусики оказались на полу. Киреев не давал опомниться ни себе, ни Мирей. Его губы скользили по ее животу, устремляясь все ниже и ниже. И опять неожиданно перед ним, словно живая, встала Софья. Московское кафе. Их столик в самом углу. Он тогда был так озабочен своим уходом, что не заметил, сколько жалости и нежности было в ее глазах. Синих-синих. А у Мирей они другие... Его автобус отходит, он, важный от сознания необычности происходящего, не замечает, как рука девушки пытается подняться в прощальном приветствии, но... Девушка стесняется, и рука замирает. И вновь сердитый голос: "Это она-то стесняется? Забудь эту чопорную красавицу. Посмотри, в твоих руках такое роскошное тело. Неужели ты думаешь, что Софья ведет себя, как монашенка? Не будь смешным. Не останавливайся, докажи, что ты - настоящий мужик..."

Нет, похоть не отступила, но Киреев уже смог увидеть себя со стороны. Причем увидеть буквально. В стеклах книжного шкафа отражались и он, и Мирей. Михаил увидел бородатого, тощего субъекта, который словно безумный целовал роскошное девичье тело. Вот именно - тело, ибо Мирей будто умерла, точнее, оцепенела. Закрытые глаза, полуоткрытый рот, висящие плетями руки. И еще Михаил вспомнил вдруг Волжский бульвар, кошелек, который он нашел там. "Глупый, и ты считал это искушением? Вот оно - искушение". Боже, как ему хотелось войти в это тело, как хотелось выплеснуть в него весь свой пламень. А может, у него еще могут быть дети... И вот тут Киреев окончательно очнулся. Он с трудом оторвал губы от девичьего лона.

- Я... хочу... тебя, - шепнула Мирей.

Он уже готов был остановиться, но... Оттолкнуть сейчас девушку означало бы нанести ей очень сильный удар. Женщина может простить мужчине все, включая измену, но она никогда не простит пренебрежения к себе. И спустя годы Мирей будет помнить с обидой

человека, оттолкнувшего ее в такой момент. Что же делать? Киреев вновь вспомнил о парадоксах: зачем они нужны, если годятся только для развлечения скучающего ума? Неожиданно для себя Михаил выскользнул из-под Мирей, оставив ее одну в кресле и снял с себя всю одежду. Напротив стоял диван с тремя небольшими подушечками. На подушечках было что-то вышито, но что - в этот момент Киреев не мог разобрать. Он подхватил на руки Мирей и перенес ее на диван. Сам же пристроился немного сбоку.

- Мирей, - позвал Киреев, - посмотри на меня. Она открыла глаза. Мерцающие звездочки в тумане. А грудь мерно вздымается, словно морская волна. Утонуть бы в этой волне, забыв обо всем. Себя, родимого, взгляды свои старорежимные, Софью с ее пульсирующей на шее жилкой и синими глазами. Но Киреев уже знал, что будет делать. Он расскажет Мирей о себе, о том, что ему завтра уходить. Что дорога зовет его, зовет настойчиво и маняще, и он уже не в силах противиться этому зову. А в Сосновку ему уже не вернуться. Никогда. Еще он расскажет, что вдвое старше ее, что неизлечимо болен, а она - юна и прекрасна. И Михаил стал говорить, говорить, говорить, при этом не произнося ни слова. Говорили его глаза и руки. Мужчина и девушка лежали, тесно прижавшись друг к другу. Его руки гладили ее плечи, руки, грудь. И девушка все поняла. Туман в ее глазах стал таять. Мирей вдруг стало стыдно своей наготы, но она быстро успокоилась, оценив то доверие, какое он оказал ей. Киреев тоже лежал нагой, и Мирей стала рассказывать ему о себе. Глазами и руками. Сердце Михаила бешено билось, и девушка, словно стараясь успокоить его, приложилась к грудной клетке своими губами. Она рассказывала Кирееву о своих мечтах, о Кольке Некрасове, которого проводила в армию и которому отдалась здесь же, на диване. Отдалась из жалости, как-то впопыхах, даже не осознав толком, что произошло. Было чувство неловкости и утраты, будто прощалась она с чем-то светлым и прекрасным. А вот сейчас все было по-другому. И еще Мирей рассказала Кирееву, что оценила и то желание, которое она вызвала у него, и ту бережную нежность, с какой он отнесся к ней. Она пыталась спросить Михаила подробнее о его болезни, но Киреев ответил глазами: "Не бери в голову, чем скорее ты меня забудешь, тем будет лучше". Мирей села. Теперь уже Киреев лежал с закрытыми глазами. Девушка провела двумя пальцами - указательным и средним - по всему телу Михаила, от лба до кончиков ног.

- Говорят, что мужчине... бывает плохо... если он не... - смущенная, она пыталась найти нужные слова. - Хочешь, я помогу тебе?

Киреев открыл глаза и удивленно посмотрел на нее. На него смотрела юная Женщина, древняя, как мир, впитавшая опыт тысяч поколений, живших на Земле до нее. Он ничего не ответил... Когда его тело сотрясала судорога, Мирей, прижав к себе голову Михаила, шептала со всей нежностью, на которую была способна ее девятнадцатилетняя душа: "Маленький мой, маленький... Все хорошо, хорошо".

* * *

- А у вас хорошая библиотека, - Киреев стоял у книжного шкафа и смотрел на корешки книг. - Паустовский, Грин, о, даже Кобликов есть.

- Ты читал его? - Мирей, уже переодевшись, неслышно подошла к Кирееву сзади и, прижавшись подбородком к его спине, обняла Михаила.

- Очень давно. Хороший писатель, жаль - рано ушел из жизни.

- А еще печально, что он почти не известен.

- Он при жизни был почти никому не известен, а сейчас совершенно забыт.

- Грустно.

- Да.

- А хочешь, я покажу тебе свою любимую книгу?

- Хочу.

Девушка достала из шкафа книгу в бордовом переплете.

- Интересно. "Мастер и Маргарита"?

- Я не поверю, что тебе не нравится эта книга.

- Как тебе сказать... Первый раз я прочитал ее буквально запоем.

- Я тоже.

- А вот недавно попробовал перечитать...

- И что же?

- Не пошло.

- Почему?

- Не знаю. И восхищение куда-то исчезло. И автора стало жаль. Еще больше, чем Кобликова.

- Про автора ничего не скажу, наверное, у всех настоящих писателей горькая доля. - Девушка явно не ожидала, что Киреев, которого она уже считала близким для себя человеком, не поддержит ее. - Но книгой этой, по-моему, не восхищаться просто нельзя. Михаил ничего не сказал, только взял книгу, нашел нужную страницу и стал читать вслух: "Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чуя ее за своею спиной, притих даже неутомонный Бегемот и, вцепившись в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распушив свой хвост". Голос Киреева звучал глухо, Мирей вновь показалось, будто тень коснулась его лица, а голубые холодные огоньки только подчеркивали эту сумеречность киреевского облика. Он продолжал читать: "Вряд ли теперь узнали бы Коровьева- Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подружки мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом..."

- Разве это не прекрасно? - прервала Киреева девушка. - Кто из современных писателей так может написать?

- Да, он чертовски талантлив, - согласился Михаил. - Только... Скажи мне, Мирей: прочтя этот роман, ты не захотела, чтобы в твою жизнь вошли Бегемот, Фагот, наконец, сам Воланд? Вошли, и если не стали бы друзьями, то, по крайней мере, отнеслись к тебе с уважением? Девушка задумалась, потом ответила не очень уверенно:

- Наверное, скорее - да.

- А ты знаешь, кто они?

- Конечно. Свита Воланда.

- То есть сатаны.

- Ты хочешь сказать...

- Я хочу сказать, что зло на самом деле так ужасно и отвратительно, что если бы

человек взглянул ему в "лицо", то ужаснулся бы. Понимаешь? Поэтому злу нужен туман, который скрывает его очертания... Когда я сказал, что мне жаль автора, я имел в виду нечто другое, чем ты.

- Что же?

- Мне хочется, чтобы ты сама ответила когда-нибудь на этот вопрос. Девушка заглянула ему в лицо и улыбнулась.

- Сама так сама. Знаешь, я не задумывалась раньше над такими вещами. Ну, пусть даже свита. Они же все карают зло, показывают негодяев. А мастер получает Маргариту и покой. Дай мне книгу. Вот. И теперь уже Мирей, найдя нужное место, стала читать: "- Он прочитал сочинение мастера, - заговорил Левий Матвей, - и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?"

- Мне ничего не трудно сделать, - ответил Воланд, - и тебе это хорошо известно. - Он помолчал и добавил: - А что же вы не берете его к себе, в свет?

- Он не заслужил света, он заслужил покой, - печальным голосом проговорил Левий".

- Ну как? - спросила Мирей, закрывая книгу. Киреев молчал. Долго молчал, потом тихо сказал, глядя в сторону и будто обращаясь к кому-то третьему:

- Покой в вечном мраке в царстве сатаны - по-моему, это ужасно.

- Ты хочешь сказать... - Мирей начала понимать Киреева, - что он его обманул?

- Воланд мастера? - притворился непонимающим Михаил.

- Воланд Булгакова.

Киреев кивнул.

- Похоже. Ведь не зря же в Евангелии сатана назван "отцом лжи". Без света покоя не бывает.

- А почему... почему мастер или Булгаков, я совсем запуталась, кто есть кто, поверил, что Бог не возьмет его с собой?

- Ты спрашиваешь меня? Я могу ошибаться, но не очень сильно. Искать не будем, попробую вспомнить по памяти. В этой книге сказано, что самый большой грех - это трусость. Это тоже неправда. Самый большой грех - отчаяние. Мне кажется, оно охватило Булгакова, если он посредником между Богом и собой считал Воланда...

- Постой, Михаил, - прервала его Мирей. - Но хоть Маргариту ты согласен признать... - она подбирала точное слово, - достойной уважения?

- Не могу. Знаешь, когда я первый раз книгу читал, то обратил внимание на такие слова... прости, если не точно процитирую: "Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца", или: "Никогда ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!"

- А разве это не так? Разве плохо сказано?

- Не берусь судить. Просто, когда я читал книгу второй раз, запомнились другие места.

- Какие?

- Как Маргарита Воланду поклонилась.

- Поклонилась?

- Помнишь, на балу, что она кричала по адресу сатаны?

- Помню. "Всесилен, всесилен!"

- А потом несчастному Алоизию Могарычу в лицо вцепилась: "Знай ведьму, знай".

- Она же из-за любви к мастеру..

Мирей не успела договорить, а Киреев ответить, как входная дверь скрипнула. Это пришла Вера Васильевна Назарова.

...Через два дня Киреев покидал Сосновку. Мирей проводила его до последнего дома самой крайней улицы. Накануне девушка крестилась, а ее крестным отцом стал Киреев. Священник нарек ее Марфой. И когда теперь Михаил называл ее новым именем, с непривычки она вздрагивала. Прощание было недолгим.

- У меня появилось такое ощущение, что тебя я, в отличие от Сосновки, еще увижу.

- И у меня тоже.

- Тогда - до свидания?

- До свидания, - Марфа протянула ему маленькую ладонь. Михаил бережно взял ее в свою руку.

- И береги себя, мой странник.

Слово "мой" девушка произнесла чуть слышно, но он услышал его.

- Обещаю. Если я себя, любимого, не буду беречь, тогда кто же? Да, чуть не забыл. Передай привет Никонову, пусть не обижается на меня: я ведь его так больше и не увидел. Скажи ему: Кирееву так ваш дом понравился, что он поленился из него выходить. Тем более, как ты сказала, у Славы теперь второй медовый месяц наступил. И передай, пусть пишет про меня, что хочет.

- Хорошо, передам.

- И еще. Тема есть одна. Я Никонову уже говорил. В Соболево живут несколько стариков из богадельни - их просто забыли.

- Я слышала об этом. Но ведь Никонов побоится это опубликовать. Он каждую строчку бегаёт в администрацию утверждать. Вот потому его и держат, хотя нас уже читать никто не хочет...

- Марфа, не суди человека, тем более заранее. Теперь ты моя крестница, имею право тебя уму- разуму учить. Будем считать, что мы с тобой даем ему шанс. Напишешь?

- А если не опубликует?

- В областном центре есть газеты?

- И не одна.

- Что же ты спрашиваешь? Когда через пять минут Киреев оглянулся назад, крошечная фигурка в светлом платье еще стояла на том месте, где они прощались. Ему стало немножко грустно. Михаил взмахнул рукой. Девушка увидела - и подняла в ответ свою. Киреев вздохнул. Еще один парадокс, подумалось ему. Чтобы найти - надо обязательно потерять. Пока не потеряешь, не поймешь, что имел. Впрочем, это было немного заумно. А впереди, то весело петляя, то убегая вверх-вниз, лежала перед ним дорога. Его любимая дорога - не покрытая асфальтом, поросшая спорышом, с зарослями донника по сторонам и озорными трясогузками, которые даже в самые одинокие дни странствий делили с Киреевым тяготы пути. Странно, но, отдохнув три дня в Сосновке, Михаил почувствовал, что ему уже не хватает всего этого и особенно серой бесконечной дороги, убегавшей за горизонт.

Глава тридцать четвертая

- Ух ты! - сидевший на заднем сидении "Сааба" Шурик нарушил молчание слишком, пожалуй, эмоционально для себя.

Юля удивленно посмотрела на него. Шурик читал местную газету, купленную в киоске. Компания обедала.

- На, прочти вот здесь, - протянул Бугаю газету Шурик.

- Не-а, - со вкусом пережевывая колбасу, замотал тот головой. - Я уже пять лет газет не читаю.

- Даже спортивные? - спросил друга Гнилой.

- Даже. Раньше астрологические прогнозы читал, потом бросил.

- Разуверился?

- Ага. - Бугай наконец пережевал кусок. - Дураком был, думал, раз в газете написано, значит, правда.

- И вправду дурак, - поддакнул Гнилой.

- Зато теперь ученым стал. После случая одного. Рассказать?

- Ты сначала прочитай, что в этой газете написано, - попросил Шурик.

- Да подожди ты, братан. Я же сказал тебе: не беру эту гадость в руки. Принципиально. Так вот, читаю однажды в прогнозе про свой знак. Неделя, мол, для вас будет просто сказочная. Вы буквально не узнаете себя. Все, абсолютно все будет получаться. А в выходные вас ждет любовное приключение, результатом которого будет... большая любовь, одним словом. На самом же деле неделя выдалась обыкновенной. Ничего, думаю, выходные еще не наступили. И точно: в субботу такую телку клею. Помнишь, - обратился Бугай к Гнилому, - кабачок неподалеку от Белорусского? Мы там еще двух ребят наших поминали...

- Помню. Рассказывай дальше.

- А чего рассказывать? Поехал к ней домой, на Сходню...

- Это там тебя так отделали, что ты потом с неделю на китайца похожий ходил?

- И ничего смешного, между прочим...

- Так что же ты на прогноз обижаешься? - перебил Бугая Гнилой. - Тебе сказали: буквально не узнаешь себя. Тебя бы и мать родная в тот момент не узнала.

- Юля, может, ты прочитаешь? - не выдержал Шурик.

- С удовольствием, - совершенно искренне ответила Селиванова: эстеткой она себя не считала, но привыкнуть к чавканью жующего Бугая ей так и не удалось. - Где читать?

- Вот здесь.

- Так. Статья называется "Дороги, которые мы выбираем". Послушай, где-то я уже это слышала.

- Не важно. Читай с самого начала.

- Ребят, а может, музыку послушаем, а? - попросил Бугай. Но Юля уже начала читать.

- "Ежедневно к нам в редакцию приходят десятки людей. Приходят за помощью или просто пообщаться, приходят, чтобы подсказать темы для новых статей и репортажей. Мы рады каждому. Но в тот день нас ждал самый настоящий сюрприз. Когда этот пропыленный, загорелый человек вошел в здание редакции, показалось, что вместе с ним ворвался ветер дальних странствий, романтика путешествий..." Слушай, Шурик, давай, действительно,

послушаем музыку.

- Юля, пожалуйста, еще несколько строк.

- Только ради тебя. "Впрочем, я не буду больше заинтриговывать читателей. К нам в гости пришел известный московский журналист, уроженец нашей области Михаил Киреев, совершающий большое пешеходное..." Киреев? - словно не веря прочитанному, спросила Юля.

- Киреев, - торжественно ответил Шурик. Он чувствовал себя героем. Бугай и Гнилой перестали жевать. Дальнейшее чтение статьи прошло при полной тишине.

- Поразительно, - когда статья была прочитана, прокомментировал Гнилой, - как можно при таком количестве слов дать столько мало информации. Хотя...

- Ты прав, - Шурик всегда отличался умением понять собеседника буквально с одного слова. - Спасибо этому В. Никонову и за то, что написал статью. Думаю, нам надо сейчас пойти к В. Никонову и выразить ему нашу горячую благодарность. Юля, есть идея?

- Обязательно.

Когда Марфа Назарова пришла в редакцию, ее встретила Зина.

- Где ты была? Тебя Славик с утра ищет.

- Я же ему говорила, что в Соболево поеду. Неужели забыл?

- Не знаю. Впрочем, ему сейчас не до тебя.

- Случилось что?

- Гости у него. Три мужика и баба. Говорят, что киношники.

- Киношники?

- Говорят. Только б видела ты рожи этих мужиков! Не такими я представляла... Дверь открылась. Первым вышел Никонов, за ним его гости. Все улыбались и были явно довольны друг другом. Проводив своих посетителей, Вячеслав Павлович заметил Марфу.

- Где ты с утра пропадала?

- В Соболево ездила. Он нахмурился:

- Не слишком ли спешишь?

- Но вы же Кирееву обещали...

- Обещал? Он, наверное, не так меня понял. Григорий Иванович, - и Никонов многозначительно поднял указательный палец вверх, - вряд ли будет в восторге. Я обещал помочь этим старикам, но для этого есть много путей, не обязательно надо статью писать.

- А я думала, что...

- Думать я буду, Назарова. Но об этом потом. Ты, кстати, видела людей, которые ко мне приходили?

- Видела.

- Из Москвы приехали. Члены киногруппы одного известного кинорежиссера, правда, фамилию просили не говорить.

- Почему? - удивилась девушка.

- Шумихи лишней боятся. Они пока всего лишь места для натуральных съемок ищут. Я им кое-что посоветовал поглядеть.

- Надо же. Зина считает, что они не очень на киношников похожи.

- Много понимает твоя Зина. Они профессионалы, сразу видно. Конкретные, четкие люди. И, между прочим, очень им наша газета понравилась. Сказали, что много по России

колятся, а таких интересных газет они мало встречали.

Марфа почувствовала, что в ней растет раздражение.

- Вячеслав Павлович, встречают людей, а газеты читают.

- Да, ослабил я дисциплину. Одна полдня мотается где-то, другая по телефону...

- Я не мотаюсь...

- Не перебивай. Глупости Зинкины повторяешь. "На киношников не похожи". Да для нее киношники - это Марецкая и Орлова, а на самом деле - это целая индустрия, понимаешь, ин-дус- три-я! Не хотел говорить, но скажу: если они выберут места для съемок в нашем районе и Михалков это утвердит, я у них консультантом буду. Зарплата - в долларах. Так-то!

- Так это Михалков снимать будет? А я читала, что он сейчас уже снимает фильм...

- Тьфу ты! Фома-невера. Снимет тот, другой начнет.

- А вы хоть документы у них попросили показать?

- Иди отсюда. С тебя двести строк и подпись к фотографии доярок.

- Хорошо. Только скажите, пожалуйста, что киношники эти у вас еще спрашивали?

Никонов задумался.

- Что еще? Статью мою про Киреева хвалили. Жалели, что он уже ушел из Сосновки.

- Почему?

- А эта девушка, она у них вроде как главная, его хорошо знает, они в Москве несколько раз встречались. Разумеется, я подсказал, как его можно найти.

- Вы про Елец рассказали?

- Конечно. Хорошие люди должны помогать друг другу, Мирей. Запомни это.

- Меня Марфой теперь зовут, Вячеслав Павлович.

- Не смейся. У человека может быть только одно имя, которым его при рождении нарекли... Ну все, хватит трепаться. Иди, работай.

- Странно это все, Зина, - говорила вечером Марфа машинистке, закончив диктовать статью.

- Ты о чем, касатка?

- Ну как же? Михалков собирается снимать фильм у нас. Положим, красивые места найти под Сосновкой можно, только гостиницу единственную год назад закрыли. До областного центра три часа на машине по бездорожью... Обещают Никонову должность консультанта.

- А что он будет консультировать?

- Если бы я знала. Женщина эта знает Михаила...

- Кого?

- Киреева, журналиста московского. Так радуются статье, что готовы его найти и едут ради этого в Елец.

- И правда, странно.

- Зина, у нас сегодня какой день?

- Четверг.

- Он в понедельник ушел... Они сегодня пришли... Зина, а вдруг они Михаила искали?

- Зачем, касатка?

- Не знаю... А если они действительно не киношники вовсе?

- А может, они охранники? Хотя... трое одну бабу охраняют? Нет, тут что-то другое. Да

не бери ты в голову, касатка. Какое тебе дело до Киреева этого? Пришел - ушел. Забудь. Тебе еще подпись под фотографией делать.

Но Марфа не слышала ее. Чистые души - наивны. Зло для них нечто абстрактное и очень далекое. А вот так - лицом к лицу... Да, много странного было в приезде этих киношников. Однако предположить что-то плохое для Киреева Марфа просто не могла. Но тревога, смутная и неясная, коснулась сердца девушки.

* * *

Когда свеча догорает, когда светить ей остается буквально несколько секунд, на какой-то миг, краткий и еле уловимый, она вдруг вспыхивает - трепетно и ярко - и угасает. Навсегда. Вот так же случилось и с Лизой. Ее работа над "птичьими картинами", работа увлекательная, почти азартная, захватившая девочку с головой, оказалась той самой последней вспышкой свечи. Когда Вороновой рано утром в субботу позвонила Наталья и сообщила, что у Лизы наступило резкое ухудшение состояния и что скорая помощь дважды за ночь приезжала к Бобровым, Софья не могла в это поверить:

- Как же так? Я от них уехала вчера в девятом часу. Лиза была бодрой, мы с ней... нет, этого не может быть!

- К сожалению, может, Сонечка. Такая это болезнь. Страшная. И коварная. Думаешь, что она отступила, а на самом деле просто затаилась.

- Что же теперь, Наташа?

- Я боюсь худшего, - в этих словах Софья услышала: "это конец". Котеночкина, пообещав держать Софью в курсе событий, попросила ее пока что не приезжать и не беспокоить Бобровых. И Софья согласилась с подругой, которой она полностью доверяла. Но ни в субботу, ни в воскресенье вестей от Наташи не было, как, впрочем, и в понедельник тоже. И только во вторник вечером Воронова услышала в телефонной трубке голос Ирины. Она с трудом узнала его: голос был какой-то безжизненный и, как показалось Софье, сухой:

- Соня, Лиза умирает. Только что приходил отец Борис, священник храма, куда мы ходим... Он причастил ее... Если сможешь, приезжай... Лиза хочет с тобой проститься. - И Ирина положила трубку.

Через тридцать минут Софья уже была у Бобровых. У нее перед глазами все стояло смеющееся лицо Лизы, когда они расставались в пятницу. Девочка тогда сказала:

- А коноплянку начну завтра. Только тебе я ее пока не буду показывать...

- Почему?

- Не понимаешь? Это же я себя рисую. Считаю, что стесняюсь... Лиза умирает? Поверить в это Софья не могла. До той минуты, пока не переступила порог квартиры Бобровых. Сильнее обычного пахло лекарствами и еще ладаном. На кухне, обхватив руками голову, сидел в одиночестве Виктор. Увидев Софью, он коротко кивнул ей - Воронова только успела разглядеть, что глаза его были воспалены, - и вновь опустил голову. Из комнаты Бобренка вышла маленькая девочка, которую Софья видела впервые.

- Это подружка нашей Лизы, - объяснила Вороновой незаметно подошедшая Наталья.

- А где Ира?

- Вышла на улицу покурить. Ты ее не встретила?

- Нет.

- Она молодец. Держится. А Витя... Витя совсем раскис.

- Тяжело ему.

- Да.

- А это действительно... конец? - Софья понимала всю наивность своего вопроса, но... Ей не хотелось верить в неизбежное.

- Тут вчера консилиум был... Впрочем, ты сама все увидишь. И только в этот момент Софья заметила, как осунулась Наташа. Все три дня она провела в квартире Бобровых.

- Делали все, что могли. Но... Уходит она, Софья, уходит. После незнакомой девочки к Лизе зашла мама Виктора - полная круглолицая старушка с добрыми подслеповатыми глазами. Вслед за ней наступила очередь Софьи. Увидев Лизу, она с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, - так изменилась девочка. Осунулось лицо, стали острее его черты. Вокруг губ появилась белая кромка. Побледнел и сам рот. Дыхание было тяжелым и прерывистым. Увидев Соню, больная улыбнулась. Худенькая, почти прозрачная ручка приподнялась в приветствии.

- Садись... ближе... Я так рада, что ты... пришла. - Было заметно, что девочка очень устала и говорит с трудом.

Софья собрала в кулак всю свою волю и постаралась говорить как можно спокойнее:

- Разве я могла не прийти? Только тебе, солнышко, надо беречь силы. Вот увидишь, все будет хорошо.

- Я бы... не поверила, что так... тяжело говорить. Но я должна сказать... самое главное... Я очень тебя полюбила, Соня...

Девочка сказала это так тихо и так просто, а внутри Софьи все мигом будто перевернулось. Ей стало стыдно перед этим маленьким мужественным человечком, стоящим на пороге вечности, за свою игру, бодрый голос. Слезы полились из глаз Софьи.

- И я... тебя... Не умирай, Лизонька, прошу, не покидай нас, - последние слова вырвались у Софьи помимо ее воли.

- Не плачь, Соня, не плачь... Поверь... мне хорошо... Правда, хорошо. А боли совсем нет. Даже странно. Только слабость... и все время спать хочется... Не плачь. Софья стояла на коленях перед кроватью девочки. Та пыталась гладить Соню по голове.

- Вчера... отец Борис сказал... Для Бога нет живых и мертвых... Понимаешь?

- Понимаю, - шмыгая носом, прошептала Воронова.

- Нет, пока не понимаешь. А я... понимаю.... Не плачь, а то мне жалко себя становится.

- Не буду, солнышко...

- Я должна тебе еще... сказать перед расставанием. Я раньше маму с папой... просила подарить мне сестренку.. Или братика. Вот... А ты мне стала сестренкой... Старшей. Правда?

- Правда, - и Софья поцеловала Лизу в щеку и, не отрывая губ, прошептала: - Сестренка моя.

- Как хорошо... Вот только коноплинку не успела нарисовать. Прости...

- Ну что ты говоришь?!

- Сестренка... Спать очень хочется... Дай мне руку.. Только не уходи, хорошо? Лиза положила голову на ладони Софьи и закрыла глаза. Соне было очень неудобно находиться в таком положении, но она боялась пошевелиться. Дыхание девочки вдруг стало тихим, почти неслышным. В комнату вошла Наталья, за ней Ира. Обе встали по другую сторону кровати. Было непонятно, спит девочка или просто лежит, не двигаясь. Ира тоже опустилась на

колени и осталась в ногах у Лизы, а Наташа внимательно всматривалась в лицо девочки. Все молчали. Только с кухни доносились всхлипывания - это плакал Виктор... Дыхание вновь изменилось. Оно стало еще тише, с мягким и низким звуком. Наташа вздрогнула и, повернувшись, почти бегом вышла из комнаты. Вскоре Софья услышала ее голос, обращенный к отцу Лизы:

- Витя, возьми себя в руки. Иди к дочери. Голова девочки, оторвавшись от ладоней Софьи, несколько раз будто потянулась вверх, ища воздуха. Воронова поднялась с колен и отошла назад. Ира взяла дочь за одну руку, Виктор за другую. Вздох... Еще один, последний. Наступила тишина. Самая страшная в жизни Сони... Лиза умерла. Через два дня ее отпевали, здесь же, в квартире, только в большой комнате. Оба этих дня Соня проплакала. Мещерская и Котеночкина помогали Бобровым, что-то организовывали, покупали, а Соня сидела дома и плакала. Двух близких людей до этого похоронила она - отца и дядю. Но еще никогда у нее не было такого чувства горькой и невосполнимой потери, как сейчас. А ведь Софья была знакома с Лизой от силы два месяца. Впрочем, разве было важно, сколько времени она знала эту удивительную девочку? И Софья плакала. Ей было бы легче, займись она, как ее подруги, организацией похорон, но Соня отчего-то решила, что должен позвонить Киреев. В последние недели он будто пропал - перестал присылать телеграммы. Ей очень хотелось, чтобы Михаил позвонил. Соня даже представила, как Кира позвонит, как она расскажет о постигшем их горе. Но Киреев не позвонил.

А потом были похороны. Сначала пришел священник, все тот же отец Борис. Молодой, но очень серьезный. Он был искренне печален - и это понравилось Софье. Проводить Лизу в последний путь пришло немного людей - десять-пятнадцать человек. Софья скромно стояла в самом дальнем углу комнаты. Но перед тем как началась панихида, она подошла к гробу. Лиза вновь изменилась. Исчезла та предсмертная бледность, так поразившая Софью. Лицо девочки было полно покоя. А рядом с гробом стояла на столе большая фотография, на которой была изображена Лиза Боброва в возрасте шести лет. Огромные глаза, пушистые ресницы, распущенные по плечам волосы. "Какая красавица была", - произнес кто-то. И это слово "была" словно ножом полоснуло Софью по сердцу. Вновь откуда-то из самой глубины души поднялась обида - на всех и на вся, на несправедливость этого мира - жестокого и равнодушного. Почему Лиза уходит, а мы, собравшиеся здесь, остаемся? Только не надо говорить, что Бог забирает лучших - это слишком неправдоподобно звучит, чтобы стать правдой... Но ее раздумья прервал высокий голос отца Бориса:

- Благословен Бог наш..

Впервые в жизни Воронова присутствовала на панихиде. Вначале она почти не слушала слов, произносимых священником. Больше смотрела на Лизу, на тех, кто входил в комнату. Последней вошла Мещерская. Она встала рядом с Софьей, поздоровавшись с подругой легким прикосновением руки.

Воронова догадывалась и раньше, что Бобровы были усердными прихожанами соседнего храма. Она видела, что Виктор, Ирина, а также две подруги Бобровой, с которыми Софья не была знакома, хорошо знали молитвы, которые читал священник. Потихоньку и Соня стала прислушиваться к тому, что он говорил.

- Боже духов, и всякия плоти, - неспешно, с чувством читал отец Борис, - смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру твоему даровавый: сам, Господи, упокой

душу усопшия рабы твоя Елизаветы, в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль, и воздыхание...

Эти слова хоть и не были просты, но постепенно доходили не только до сознания, но и до сердца Софьи. Ей опять вспомнились последние слова девочки: "Для Бога нет живых и мертвых". А священник продолжал:

- Святых лик обрете источник жизни, и дверь райскую, да обрящу и аз путь покаянием, погибшее овча аз есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя. Софья не совсем поняла, что означают эти слова и почему священник как бы говорит о себе - "и спаси мя", но с этого момента это было уже и не столь важно для нее: Софья перестала быть просто слушательницей. Незаметно для себя, опять-таки впервые в жизни, в те моменты, когда все крестились, стала креститься и она. Пусть не очень уверенно и умело, как, впрочем, и стоявшая рядом Мещерская, но крестилась.

И вновь вспомнилась Лиза, точнее, ее слова: "Нет, пока не понимаешь... А я понимаю". Что хотела ей сказать девочка? Что стало ей понятным на пороге вечности? Собственно говоря, все эти мысли пронеслись в голове Софьи буквально в доли секунды. И не мысли даже, а словно отблески от них. Сейчас она чувствовала сердцем, и только сердцем. И незаметно для себя повторяла вслед за отцом Борисом:

- Во царствии твоём, егда приидеши, помяни нас, Господи. Блажени нищии духом, яко тех есть царство небесное. Блажени плачуции, яко тии утешатся. Блажени кротцыи, яко тии наследят землю. Блажени алчуции, и жаждущии правды, яко тии насытятся. Блажени милостивии, яко тии помилованы будут. Разбойника Рая Христе жителя, на кресте тебе возопивша, помяни мя, председеал еси покаянием его, и мене сподоби недостойного. Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят. "Чистая сердцем - это про Лизу", - вновь промелькнуло в голове Софьи. Вслед за взмахами кадила в руке священника она сама словно входила в какой-то новый для себя ритм, новое измерение. Сейчас ей уже не надо было ничего объяснять. Священник молился и о Лизе, и о себе, и о каждом стоящем в этой комнате. То же делала и Софья. Она молилась - о Лизе, о себе, о священнике. И Лиза... она, наверное, тоже... молилась. И мысль эта не смутила, не удивила Софью. А когда отец Борис стал читать отрывок из Евангелия, Воронова уже не сомневалась, что маленькая девочка, названная сестренка, тоже слышит эти слова, как слышат их Ира, Виктор, Наташа, Софья Мещерская, как слышит их она, Соня:

- Братие, не хошу вас не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершая о Иисусе, приведет с Ним. Сие бо вам глаголем словом Господним, яко мы живуции оставшии в пришествии Господне, не имама предварити умерших. Яко сам Господь в повелении во гласе архангелов, и в трубе Божии снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первее. Потом же мы, живуции оставшии, купно с ними восхищени будем на облацех, в сретение Господне на воздухе, и тако всегда с Господем будем. Затем пели "Вечную память". Отец Борис сказал несколько слов от себя, сказал просто, но очень сердечно. Впрочем, Софья запомнила только первые слова священника:

- Почти каждый день, братья и сестры, мне приходится исповедовать умирающих, служить панихиды... И скажу вам, что никогда доселе и ни у кого не видел я столько веры, сколько было ее у усопшей Елизаветы... Лизы.

А через час на Митинском кладбище появилась свежая могилка. Вокруг холмика земли были аккуратно поставлены венки. А еще фотография, с которой широко открытыми глазами на мир доверчиво смотрела красивая девочка. А под фотографией подпись: "Боброва Елизавета Викторовна. 1.05.1989 - 21.07.1998 гг."

Глава тридцать пятая

- Йес, йес! Мы сделали их! - кричал какой-то прыщавый подросток. По телевизору шло молодежное шоу. А еще в спальне у Софьи на полную мощь работал магнитофон. Сама она сидела на полу и разбирала рисунки Лизы. Ни музыка, ни телевизор ей были не нужны, но после смерти Бобренка, после той страшной минуты, когда Лиза ушла из жизни, Воронова неожиданно для себя стала бояться тишины. Всякий раз, когда она оставалась одна, когда все стихало вокруг, ей вспоминалась та минута. Вспоминалась - и острая тоска входила в сердце. Конечно, это было наивно - спастись от страхов, окружив себя звуками, телефонными разговорами, погрузившись с головой в дела. О Лизе напоминало все. Будь ее воля, Софья бросила бы сейчас Москву и уехала в Старгород. К тому же смерть Бобренка заставила Софью признаться себе самой в том, что Киреев занимает в ее жизни значительно больше места, чем она думала. Вороновой вдруг захотелось приехать в свой родной город и ждать возвращения Киреева. Больше того, в своих фантазиях она ясно представляла себе такую картину: по грунтовой дороге, резко ведущей вверх на том самом месте, где начинаются первые дома Старгорода, идет усталый путник. Это Киреев. А она, Софья, встречает его в самом центре Старгорода, там, где когда-то стоял Соборный храм города... И он счастлив видеть ее. Но Михаил исчез где-то во глубине России. Даже ближайšie друзья Вороновой не знали, что по ее поручению в Старгород наведывался доверенный человек Софьи. Он привез неутешительные вести: Михаил в Старгороде не появлялся, его сестра и зять обустроили маленький домик на окраине городка, но в нем никто не жил. Исчезла и Юлия Селиванова. Какое-то внутреннее чувство подсказывало Софье, что Кира жив. Да и Лиза, маленькая мудрая девочка, ни на секунду - это Софья хорошо видела - не сомневалась в том, что ее старший друг жив и по-прежнему идет, как говорила Бобренок, "к себе".

Москва, изрядно опустевшая в эти летние месяцы и еще не успевшая узнать страшного слова "дефолт", все равно раздражала Софью. Раздражала своим беззаботным весельем, бурлеском ночной жизни, неонам площадей и проспектов. Софья понимала, что раздражение это несправедливо, но, что поделать, - ее названная сестренка, необыкновенно светлый человечек, ушла из жизни, а огромный город вокруг нее гулял, танцевал, веселился, совершенно не заметив этого ухода. Схожие чувства, наверное, переживал каждый, кто терял близкого человека. В эти дни Софья часто вспоминала свою первую встречу с Киреевым на дне рождения Аллы Петровой. Теперь она понимала, почему он, смертельно больной, буквально бежал из Москвы. Большие города - равнодушны. В огромном скоплении людей не чувствуется боли отдельного человека... Итак, Софья с радостью уехала бы в Старгород, но она помнила о своем обещании организовать выставку "птичьих работ" Лизы. На следующий день после похорон Ира передала их Соне:

- Возьми, может, пригодятся.

Но по выражению глаз Бобровой Софья поняла, что мама Лизы тоже помнит обещание Вороновой. А еще Ира передала Софье подарки от дочери - ей и Михаилу. Оказывается, Лиза приготовила своим ближайшим друзьям подарки - об этом знала только Ира. Софье девочка подарила маленькую иконку, на которой были изображены Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья, а Кирееву предназначался озорной фарфоровый волчонок.

- Ира, почему ты отдаешь его мне? - удивилась Софья.

- Это просьба Лизы. Ты же ее знаешь, то есть помнишь, - поправилась Ира, - особо моя дочь в объяснения не вдавалась. Передай, говорит, Софье - для дяди Миши. Он все поймет. А потом добавила: пусть этот тамбовский волчонок будет ему товарищем.

- Тамбовский волчонок?

- Что-то он, видимо, ей рассказал. Лиза любила его слушать... - Ира замолчала, что-то вспомнив... И вот Софья сидела на полу, окруженная работами Лизы. И чем больше смотрела она на них, тем больше ей нравились картины. Девочка не копировала фотографии птиц из книги. Это были скорее работы-фантазии, в которых красками была передана вся тоска маленькой девочки по той жизни, которая была ей недоступна. Тоска по небу, по просторам полей, прохладе тенистых лесов, журчанию родниковых струй... Не менее интересным для Сони стал и выбор Лизой своих "героев": два пеликана, плавающих по синим водам озера, славка-черноголовка, поющая на кусте цветущего шиповника, коростель, шагающий по луговой траве, погоньш, что-то ищущий среди болотной топи, - "прототипы" этих птиц Софье были известны из разговора с Лизой. А вот кто для девочки являлся источником вдохновения, когда она рисовала зарянку и лесного конька, скворца и жаворонка, чибиса, трясогузку и крапивника, - Воронова не знала. Всего было одиннадцать работ. Многие отдала бы Софья, чтобы перед ней лежала сейчас еще одна. Но коноплянку Лиза не успела написать. Хотя... Может, в том, что девочка не смогла этого сделать, был свой смысл, "знак", как сказал бы Киреев, - пока ей, Софье, недоступный? Девушка вздохнула и хотела было продолжить работу, но совершенно неожиданно поднялась и подошла к книжному шкафу. Когда-то в ранней юности ей нравилось гадать по книгам - загадать или просто открыть наугад страницу книги. Сейчас ей гадать не хотелось. Видимо, у Софьи возникла потребность облечь свои переживания в символическо-поэтическую форму

- так сказал бы психолог. Не будем спорить, а просто отметим, что Софья взяла с полки книгу японского поэта Такубоку. Поэт прожил совсем мало - всего двадцать семь лет. Очень давно Воронова не доставала эту книгу, а вот сейчас взяла и открыла на загаданной семьдесят седьмой странице. Почему именно семьдесят седьмой - Софья не смогла бы объяснить. Наверху был напечатан заголовок к циклу стихов: "Те, которых мне не забыть". А чуть ниже стихотворение - традиционная японская танка:

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядою дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

* * *

Прошло немногим больше недели, как Михаил покинул Сосновку, а ему казалось, что и с Марфой, и с Никоновым он простился очень давно. Новые встречи, новые деревни и города, новые реки вытеснили сосновские впечатления. Вот и Елец с его огромным собором и Аргамачьей горой, на которой, по преданию, великому завоевателю Тамерлану явилась Богородица, остался позади. Киреев покинул город рано утром и, шагая вдоль железной дороги, то и дело оглядывался назад. Вот уже зелень деревьев скрыла дома, ставшие неразличимыми, а собор все возвышался горделиво, как русский богатырь на былинном поле. Опять вспомнилось сказание о взятии Ельца Тамерланом. Неожиданно для всех

восточный деспот не пошел на Москву, в глубь России, а повернул обратно. Народ говорил, что видение Святой Девы так напугало бесстрашного Тамерлана. "Кто знает, - подумалось Кирееву,

- может быть, обратно войско иноземцев отходило из Ельца теми же самыми полями, по которым иду я?" Откуда-то из самой глубины памяти пришло четверостишие - отрывок из стихотворения, прочитанного им в детстве. Забылось имя автора, забылись остальные строки, а вот эти вдруг отчетливо вспомнились:

Доселе в памяти народной
Живет то чудо из чудес;
И славит сын Руси свободной
Царицу светлую небес.

Шагалось на удивление легко. А заметив на краю неба небольшие облачка и поняв, что ближе к вечеру вероятен дождь, Михаил смог даже прибавить шагу. Так незаметно он дошел до деревни Галичья Гора. Деревня была небольшая, вида довольно унылого, если не сказать - убогого. Вчерашний проливной дождь превратил ее единственную улицу в сплошное месиво. До темноты оставалось время, и Киреев решил идти дальше, хотя до Задонска с его прославленным монастырем надо было пройти еще немало. Но только он вышел из деревни, как увидел какой-то указатель. На указателе было написано: "Заповедник Галичья гора, 500 метров". Киреев даже растерялся. Кругом унылое ровное поле - почему-то в ненастье русские селения и русский пейзаж становятся унылыми - откуда здесь взяться заповеднику? С детства Михаил при слове "заповедник" представлял дремучий лес, редких зверей и птиц. Впрочем, пятьсот метров - это не пять километров, почему бы не свернуть с дороги в сторону и не увидеть все своими глазами? Так он и сделал. Вдалеке показались кусты. И еще одна табличка, гласившая: "Вход в заповедник "Галичья гора" только по специальным пропускам". Это становилось уже интересным. Киреев подошел к кустам, раздвинул их и... ахнул. На самом деле ахнул, увидев потрясающей красоты картину. Он стоял на самом верху горы, а внизу не очень широкой серо-голубой лентой протекал Дон. Высока была круча, и река казалась такой, какой ее, наверное, видят птицы с высоты своего полета. Но это было еще не все. Вершина горы состояла из огромных камней, валунов, пещер; где-то внизу летали ласточки - это так контрастировало с полем, которое находилось в полсотне шагов отсюда, с грязной деревенькой, что Киреев позабыл обо всем на свете. С мальчишеским азартом он залезал в пещеры, прыгал с камня на камень. А вокруг цвели растения, которых он никогда раньше не видел. Будто кто-то перенес его в другое время, в совершенно иную местность.

Забегая вперед, скажем, что несколько месяцев спустя в библиотеке маленького городка Кирееву с гордостью покажут старинную книгу по географии, и он с удивлением обнаружит в ней подробнейшее описание Галичье́й горы. И Михаил позавидует своим предкам, которых географии родной страны учили гораздо обстоятельнее и серьезнее, чем его. Много ли людей в России знают о прекрасной, захватывающе красивой Галичье́й горе? Киреев помнил, как они в школе зубрили экономические районы чуть ли не всего мира, всевозможные природные зоны, а о том, что находилось рядом - не знали. А в книге XIX века неизвестный автор подробно, не без дотошности, чуть сухова́то сообщал: "Мы заметим, что Среднерусская возвышенность вообще удобно разделяется на три части. Северо-

западная носила в старину характерное название Оковского леса. Две другие части Среднерусской возвышенности разделяются между собой линией, проведенной по верхнему течению Оки от Белева к ее истокам, а с истоков Оки на реку Тускорь до Курска, затем вверх по Сейму до ее истока. Часть Среднерусской возвышенности, лежащая к западу от этой условной линии, именуется Северной, к востоку - Муравской стороной, по имени пролежавшего здесь в старину Муравского шляха. С востока эта часть Среднерусской возвышенности ограничивается линией, идущей вверх по течению реки Осетр от его устья до Серебряных Прудов, отсюда на верхнее течение Прони, далее на реки Мокрая Табола и Дон, а затем Доном до самой границы области в Богучарском уезде Воронежской губернии. Линия эта резко очерчена благодаря большей частью обрывистым западным берегам названных рек, состоящим на Осетре и Проне из пород юрской и каменноугольной систем, на Мокрой Таболе и отчасти на верхнем Дону - из девонских известняков. На этой пограничной линии Среднерусской возвышенности известно немало высот и обрывов подчас очень внушительных и живописных, как, например, Осиновая гора в Данковском уезде Рязанской губернии, обрыв при г. Лебедяни Тамбовской губернии, Галичья гора на границе Елецкого уезда Орловской и Задонского уезда Воронежской губернии, Дивные или Дивьи горы Коротояцкого уезда Воронежской губернии и пр. Да, немного уцелело в Центре России мест, где первобытная, существовавшая в доисторические времена ее растительность осталась неприкосновенной. Таких мест нужно искать в особенности на не всегда доступных для земледельческой эксплуатации более или менее крутых скатах возвышенностей, обойденных ледяными полями ледниковой эпохи. К таким местностям относится, например, Галичья гора. Растительность, встречаемая на этой горе, носит на себе характер "реликтовый", то есть состоит из таких растений, которые вероятно унаследованы еще от третичного периода и ныне представляют вообще редко встречающиеся и по-видимому вымирающие формы. Так *Potentilla tanaitica* встречается только кое-где в субальпийской зоне Кавказского хребта..." Но тогда Киреев еще не держал в руках старинной книги и не подозревал, что срывает незнакомые цветы *Potentilla tanaitica* или мял подошвами своих кроссовок редчайшую *Artemisia setacea* на пару с *Onosma simplicissimum*. И не видел он фотографии из той книги: на вершине Галичьей горы группа людей - дети, несколько молодых женщин, мужчины. Одежда выдавала в них образованных, зажиточных людей. Мужчины прыгали по камням, как это делал сейчас Киреев, женщины сидели, явно позируя фотографу. Один подросток забрался на дерево... Если бы Михаил увидел тогда этот старый снимок, он обязательно бы еще и взгрустнул, как всегда грустил, когда смотрел на старые фотографии и думал о том, что людей, которых он видит, больше нет на земле... Нажал на кнопку фотограф, вылетела "птичка" - и остановилось мгновение. Смотрят на него из глубины времени, из мрака люди со старых фотографий. А он прыгает по камням, как до него прыгали они, кричит что-то

- и эхо разносит его голос далеко-далеко. Сидевший внизу рыбак поднял голову. Рыбак был величиной с большого рыжего муравья. Поднял голову и вновь уткнулся на поплавок. А Киреев сел и, замерев, словно изваяние, просидел несколько часов, глядя на камни, реку, безбрежные дали... Когда за Доном загорелись первые огоньки, он нехотя поднялся. Киреев с удовольствием остался бы здесь, да начал накрапывать мелкий дождичек, вестник большого ненастья. И вновь он в Галичьей Горе, только уже деревне. Ночевать его пустили в

покосившуюся избу, в которой жили сезонные рабочие - Иван и Андрей.

- А ночуй, нам не жалко, - сказали они. Оба были хохлами откуда-то из-под Донецка. После того великолепия, что Киреев увидел на горе, контраст был просто ужасающим. Похоже, пол в этой избе не мыли никогда. В углу, не стесняясь людей, скреблись мыши. Кругом грязь, вонь, какие-то тряпки. Михаил пытался разговорить своих хозяев, но они отвечали неохотно и односложно, больше озабоченные тем, даст им в долг самогонки местная винокурщица или нет. "Да, с Украины. Да, плохо там - простые люди бедно живут. Да, приехали заработать, но - работы полно, а денег платят маловато. Не обижают ли местные? А за что нас обижать? Мы люди тихие, мирные. Кстати, а вы поели чего-нибудь? У нас только хлеб и лук, если захотите - кушайте, нэ стэсняйтесь". Уставший Киреев отказался, поблагодарив, и лег, не раздеваясь, на постель, предварительно накрыв подушку своим полотенцем - защита от вшей не ахти какая, но все-таки. Разумеется, вшей могло в доме и не быть, и не факт, что мыши будут бегать ночью по комнате, но кто знает... Впрочем, постепенно более серьезные опасения овладели Киреевым. Иван и Андрей казались ему все более подозрительными. Иван, который был постарше, явно о тюрьме знает не понаслышке. Татуировка на руке, бритый, глаза бегают. И Андрей не лучше. Поди догадайся, что у них на уме. Уснешь, а они тебя ночью возьмут и зарежут. Или задушат. О чем они там шепчутся? А ведь и на самом деле: ты к ним пришел, когда уже стемнело, тебя никто не видел... Постепенно опасения переросли в самый настоящий страх. Его не ослабил даже сияющий вид Андрея, вернувшегося с бутылкой самогона и приличным куском сала. Ну, выпьют они эту бутылку, подумал Киреев, но что для таких бугаев одна бутылка? Разминка. Кстати, хохлы предложили и ему присоединиться к их компании, но он опять-таки отказался. Иван с Андреем, впрочем, особо не настаивали. Может, их остановит святая икона, подумал Михаил. Он достал икону и поставил ее у изголовья кровати. А заодно, будто ненароком, обмолвился о том, что идет завтра в задонский монастырь, к преподобному Тихону.

- Дело хорошее, - вот и вся реакция хохлов на его слова. Киреев долго боролся со сном, но в конце концов усталость и позднее время взяли свое. Когда он засыпал, Иван и Андрей сидели за столом и о чем-то оживленно разговаривали. Проснулся Михаил рано. На своем месте стояла икона, мирно спали Иван и Андрей. Стараясь не шуметь, Киреев быстро собрался и вышел на улицу. Деревня просыпалась. Хозяйки выгоняли на улицу коров. Дом, в котором ночевал Михаил, находился на краю деревни, а потому уже через несколько минут Киреев стоял возле знакомого указателя с надписью: "Заповедник "Галичья гора", 500 метров". Сходить бы, попрощаться с горой, да надо было идти в Задонск. В этот городок можно было попасть двумя путями: либо по автотрассе, перейдя через Дон, либо шагая поймой вдоль правого берега былинной русской реки. Оба пути проходили по живописной местности, но Киреев выбрал второй: километров на семь короче, да и идти не по асфальту. Часа через полтора он уже проходил Липовку - потом Михаил жалел, что не задержался в этом селе. Оказывается, именно здесь родился преподобный Тихон Задонский. От вчерашней непогоды не осталось и следа. Донская пойма благоухала ароматом душицы. Ее голубые соцветия словно отражали лазурь июльского неба. На пути Киреева после Липовки встретились две деревни с одинаковым названием - Колодезное, а также их родственница, село Невежеколодезное. Но Михаилу было не до размышлений на топонимистические темы. Угрызения совести стали расти в его душе, подобно снежному кому. Он даже не остановился

на традиционный свой привал, торопясь в Задонск, надеясь, что в монастыре обретет душевное равновесие. В последнем Колодезном добрая крестьянка угостила его вишней. Из ее двора он мог видеть монастырские купола Задонска, а через час Киреев уже шагал тихими улочками городка, по которым спокойно гуляли козы и бегали белобрысые ребятишки. Все располагало к умиротворению. Но душевное спокойствие так и не приходило. Михаил быстро нашел монастырь и хотел было уже войти в его ограду, но остановился. Пришло решение. Да, он должен вернуться. Немедленно вернуться в ту деревню, где сегодня ночевал. Вернуться, чтобы извиниться перед Иваном и Андреем. В своих мыслях он представил их чуть ли не убийцами. А они его приютили, предложили хлеб-соль... Да, свинья ты, Киреев, порядочная свинья. Иконой, как щитом, закрылся. Надеялся совесть в них разбудить, а о своей не подумал.

- Скажите, где у вас автостанция? - спросил он прохожего.

- А вот по центральной улице вверх пойдете, там и увидите автостанцию.

- Спасибо. И еще один вопрос. Как до деревни Галичьей Гора добраться?

- До Галичьей Горы? Садитесь в автобус, который в Донское идет, на липецкой дороге сойдете, а там до нее рукой подать.

- Благодарю вас.

- Да не за что. Пойдите. Вам и на липецком автобусе можно. Быстро уедете. Прохожий оказался прав: в автобус Киреев сел быстро. Михаил не думал о том, где будет сегодня ночевать, не думал о напрасно пройденных километрах, не знал, что скажет хохлам. Но он знал, что должен вернуться и извиниться перед этими людьми. Впервые за все время своего пути Киреев ехал, а не шел. В другое время он поразмышлял бы и на эту тему, но сейчас все его мысли были в Галичьей Горе.

* * *

- Ну и дыра! - других слов Бугай для этой деревни не нашел. - Неужели еще такие есть? Галочья Гора, говорите, называется?

- Галичьья, - поправила Юля.

- Один хрен.

- Неужели ты думаешь, что он здесь? - Из машины последним вышел Гнилой и, сощурив глаза, осмотрелся кругом.

- Чувствую, что здесь, - ответил за Селиванову Шурик. - Юля правильно скумекала: этот парень любит особенные места.

- Так что же здесь особенного? - удивился Бугай.

- Как что? Заповедник. Ты же не пошел вчера в краеведческий музей.

- А что я там забыл? Мы с Гнилым пивка попили...

- Ладно, хватит трепаться, - перебил друга Гнилой. - Давайте работать. Мимо шла старуха. На секунду остановившись, подозрительно посмотрела в их сторону.

- Не бойся, мамаша, - обратился к ней Бугай, - мы люди мирные.

- А кто вас знает. Может, чеченцы какие...

- Неужто похожи, мамаша? Чеченцы же другие с виду.

- А откуда я знаю, какие они?

- Ладно, ладно. Скажи лучше, в деревню вашу вчера или позавчера человек не приходил? Такой... вроде туриста. С рюкзаком.

- Бородатый? Среднего роста? В волосах вроде ленты или ремня?

- Точно!

- Вчера приходил. У хохлов заночевал. Может, и сейчас там. Что, знакомый ваш?

- Хохлы? А где они живут? - подскочил к старухе Гнилой, от апатии которого не осталось и следа.

- Так вы напротив их дома стоите.

Они с трудом вошли в маленькую дверь. Последним шел Бугай. То ли от волнения, то ли от излишнего возбуждения он все время говорил:

- Ребята, неужели мы его нашли? Ребята, неужели отмучились?

- Да помолчи ты, - цыкнул на него Гнилой. Он шел впереди, а потому первым увидел двух мужчин, сидевших за столом. - Здорово, мужики.

- Здравствуйте, - ответили оба, удивленно разглядывая неожиданных гостей.

- А где постоялец ваш?

- Кто?

- Дед пихто! - Из-за спины Гнилого вышел Бугай. Разумеется, он выразился несколько иначе, упомянув "кожаное пальто". Но, как вы поняли, в целях приличия Бугая и Гнилого нельзя цитировать дословно. - Человек ночевал у вас, где он?

- А зачем он вам? - спросил Иван. - И вообще, входите без стука, грубите. Извините, нам сейчас на работу идти.

- Вот что, братья-хохлы, не надо учить нас правилам поведения. - На этот раз вперед вышел Шурик. - Я мирный человек и не хочу, чтобы у вас были неприятности.

- Неприятности? - переспросил Андрей. - Почему?

- Потому, что не вы должны вопросы задавать. Где постоялец ваш? Хохлы переглянулись. Заговорил Иван:

- Да, заночевал у нас один человек. Но мы утром встали, его уже не было. Ушел, наверное. Пока он говорил, Гнилой ходил из одной комнаты в другую.

- Точно, нету. Скотина! - И он ударил что есть силы ногой по табурету.

- Зачем хулиганите, мужики? - возмутился Андрей. - Вам же ответили, а вы мебель ломаете.

- Ты кого учишь, щенок? - Гнилой схватил парня за ворот. - Куда гость ваш пошел? Только не ври, что не знаешь.

- Я не знаю...

- Оставьте его, ребята. Откуда нам знать, куда по... Удар ногой в живот не дал Ивану договорить. Бугай рассвирепел не на шутку.

- Может, они правда не знают, - попыталась заступиться за хохлов Юля. - Поедем, а вдруг перехватим его по дороге.

- Перехватим. По дороге. По какой? - заорал Гнилой. - Ты сама вчера сказала, что здесь развилка, Киреев и на Липецк мог пойти, и на Задонск, и еще хрен знает куда! Я что, опять буду как ненормальный по всем дорогам его ловить? Пожалела, твою мать! Ты мне все скажешь, - повернулся он к скорчившемуся от боли Ивану. - Слышишь, дружок? Все!

- Я не знаю... ничего. Уходите, а не то... Новый удар. Потом еще и еще. Только в кино бывают красивые драки. В жизни все наоборот. Нет ничего ужаснее картины, когда люди бьют друг друга. Юля, воспитанная на фильмах Сталлоне и Шварценеггера, не подозревала,

что это так ужасно. Тем более, когда это не драка, а избиение. После третьего или четвертого удара тщедушный Иван упал на пол. Андрей попытался броситься на выручку другу, но его крепко держал за ворот Бугай. А Гнилой словно озверел.

- Пожалей приятеля, браток. - Шурик, как всегда, был невозмутим. - Скажи, куда пошел бородатый, будет жить твой друг, а то ведь прибьют его.

- Не говори, - неожиданно простонал Иван. - Нелюди это...

- Ах, я не человек?! - взревел Гнилой.

То, что произошло дальше, потрясло Юлю. Гнилой схватил табуретку и с озверением стал бить ею по голове Ивана. Один раз, другой, третий. Стук ударяющегося дерева по человеческой голове - это было что-то страшное. Юля бросилась прочь из дома, но Гнилой, будто у него глаза были и на затылке, настиг ее у дверей.

- Нет, сука, смотри! Чистенькой хочешь остаться? Лицо, руки, рубаха Гнилого были забрызганы кровью несчастного мужика, который не подавал признаков жизни. Второй хохол, совсем еще молодой парень, плакал.

- Что вы сделали? - всхлипывал он. - Мы же славяне. Братья.

- Братан нашелся... - сплюнул Бугай. - Надеюсь, ты не будешь таким упрямым?

- Слышишь, что тебе говорят, славянин? - подошел к Андрею Гнилой.

- Я не знаю, куда пошел этот человек. Мы пустили его переночевать - вот и все.

- И все?

- Да. Места, что ли, жалко? Не убивайте меня, пожалуйста, - всхлипнул паренек. Ему было страшно.

- Бугай, оставь его, он же сказал, что не знает. - Шурик понял, что дело зашло слишком далеко.

- А я ему не верю.

- И я тоже. - Гнилой взял со стола нож, которым еще вчера резали сало. - Салом пахнет. Бугай, ты видел, как режут поросенка?

- Обижаешь. Я сам резал.

- Ну и как?

- Что человек, что свинья - какая разница?

- И то правда. Слышишь, парень? Я последний раз спрашиваю: куда пошел тот человек?

У тебя десять секунд. Шурик, считай вслух.

- Десять, девять, восемь, семь...

- Ребята, не надо! - закричала Юля. - Пожалуйста! Но на нее никто не обращал внимания, а Шурик считал, как автомат:

- Шесть, пять, четыре, три...

- Я прошу вас! Он просто не знает!

- Два, один...

Гнилой подошел вплотную к Андрею. Тот зажмурился.

- Я не знаю... - Это были последние слова Андрея в жизни. Юля закрыла глаза и заткнула уши. А когда открыла, молодой хохол уже лежал на полу, неестественно поджав ноги. Юлю начало тошнить. Она выскочила из дома.

- Слушай, Гнилой, - спросил Шурик, - а может, он вправду не знал, куда пошел Киреев?

- Может, и не знал. Что же, по-твоему, его надо было в живых оставлять? Ладно,

поехали, пора сматываться.

В машине на заднем сидении плакала Юля. Бугай и Гнилой молчали. Шурик пытался разрядить обстановку:

- Ладно, Юлька, успокойся. Это жизнь. А его мы найдем. В конце концов, я думаю, у Киреева два пути, а еще вернее - один. В Задонск. Ты же сама говорила, что он особые места ищет. А там монастырь.

- Так куда едем? - повернулся к ним Гнилой. - Прямо - на Липецк дорога, направо - в Задонск. И хватит реветь, тошнит.

- А меня от тебя тошнит. Зверюга! Он же просил тебя, я просила... Как свинью... Сволочь!

- Лучше замолчи, деваха, а то хуже будет. - Гнилой стал угрожающе спокоен.

- И впрямь, Юлька, не дури. Ребята разозлились. Посуди сама, третий месяц как проклятые по этой глуши мотаемся. А тут... вот он, рядом, и опять ушел. Обидно.

- Но зачем людей убивать, зачем? Высадите меня, я домой поеду.

- Домой, говоришь? - Гнилой нажал на тормоза. - Давайте-ка, ребятки, выйдем из машины. Все вышли. В это время мимо проехал рейсовый автобус. В нем сидел Киреев. Он рассеянно смотрел в окно. На обочине стояла белая иномарка, возле которой, сильно жестикулируя, что-то выясняли друг с другом трое мужчин и женщина. Автобус проехал мимо, и тут только до сознания Киреева дошло, что одного мужчину из этой группы он где-то видел. У Михаила была хорошая зрительная память, но вначале он засомневался: встретить знакомого, здесь? Наверное, похож на кого-нибудь. Тогда на кого? И вдруг он вспомнил: Кузнецкий мост, маленькое кафе, человека с пошехонским лицом...

- На липецком повороте будет кто выходить? - крикнул шофер.

- Будет! - Киреев, поблагодарив водителя, вышел на дорогу. До группы у белой иномарки было метров сто. Киреев не успел еще решить, что делать дальше, как возле него затормозил грузовик.

- Тебя куда, земляк?

- Вообще-то в Галичью Гору.

- Я так и подумал. Садись, подвезу. Через десять минут Киреев стучался в дом, который покинул сегодня утром. Никто не ответил. Он оперся на дверь и чуть не упал: дверь с грохотом открылась. Михаил шагнул через порог... Обрато Киреев почти бежал. Бежал туда, на липецкий поворот, где он увидел "пошехонца". Ему все стало ясно. Не думая о последствиях, Михаил спешил к тем людям. То, что они ищут его, что это они убили двух несчастных хохлов, Киреев не сомневался. Почему, зачем - это ему хотелось узнать. Но когда он добежал до поворота, "Сааба" уже не было. Михаил растерянно остановился, не зная, что делать дальше. Перед глазами стояла страшная картина, увиденная в домике Ивана и Андрея: два тела на полу, лужи крови...

И вновь знакомый грузовик. Веселый парнишка, который недавно довез его до Галичьей Горы, высунулся из окошка:

- Ну ты даешь, земляк! Уже посмотрел гору? Киреев молча кивнул.

- А теперь в какие края? Только сейчас до Михаила дошло, что к нему обращаются.

- Скажите, - обратился он к незнакомцу, - вы белую иномарку не видели?

- Белую? Не видел. Потеряли, что ль, кого?

- Вроде этого. А сейчас... куда едете?
- Вообще-то мне в Хлевное надо.
- А это где?
- От Задонска километров двадцать пять.
- От Задонска? Вас, простите, как зовут?
- Федором.
- Скажите, Федор, а до Задонска подбросите?
- Да ради Бога! Садитесь.

Но Киреев колебался. А вдруг белая иномарка поехала в сторону Липецка? Он с тоской посмотрел по сторонам. В сторону Липецка одна за другой мчались машины. Незнакомец поймал его взгляд.

- Так вам куда надо? В Липецк, что ли?

Вдаваться в объяснения Кирееву не хотелось. На развилку дороги присела трясогузка. Она сначала посидела на макушке донника, росшего на обочине, а потом весело поскакала по дороге, озорно покачивая своим хвостиком. Поскакала на юг, в сторону Задонска.

- Вот и знак.
- Что? - не понял водитель грузовика.
- Поехали в Задонск, земляк.

Глава тридцать шестая

- Миленькие мои, да вы что - одурели?! Рядом в деревне - два трупа, а мы стоим здесь, у всех на виду, митингуем, - Шурик почти кричал. - До Задонска - пятнадцать минут езды. Вы это понимаете?! Он будет вечером там. Там! Господи! Ну и что вы бычитесь? Бугай, скажи им!

- И правда, ребята, - не очень уверенно поддержал Шурика Бугай, глядя на Гнилого. - Может, того, закончим?

Но Юля и Гнилой молчали, с ненавистью глядя друг на друга. Шурик сделал еще одну попытку их примирить:

- Я согласен, Гнилой погорячился... не надо было убивать этих хохлов. Согласись с этим, - обратился Шурик к Гнилому. - Но и ты должна, Юлька, понять: за три месяца у человека нервы ни к черту стали. Да еще тот мужик спровоцировал Гнилого. Хамил... А теперь - поехали! Нутром чую - в Задонск он пошел. Поехали...

- И то дело, - неожиданно сказал Гнилой. - Поехали.

- Я останусь, - упрямо твердила Селиванова. Юлю трясло. Перед ее глазами стоял молодой украинец, его взгляд, полный страха, его слезы и мольба: "Не убивайте меня, пожалуйста". - Я не поеду с этой свиньей.

- Снова - здорово, - Шурик, обессиленный, плюхнулся на заднее сиденье. - Слушай, Юлька, давай договоримся. Если Киреева мы сегодня не встретим в Задонске, завтра ты уедешь. Хорошо? Юля пожалала плечами и села в машину.

- Вот и славненько, - сказал Шурик, когда "Сааб" рванул по направлению к Задонску. - Бугай, поставь что-нибудь повеселее.

- Сейчас, - с готовностью отозвался тот. - Слушай, - обратился он к Гнилому, - я тебя понимаю, но Шурик все-таки прав: поймал этого Киреева, и все будет о'кей. Пока не поймали гада - вот и шалят нервишки.

- Что будет о'кей? Я перестану быть свиньей? Эта сука вновь зауважает меня? - В отличие от Бугая, к которому вернулось хорошее настроение, Гнилой крутил баранку с мрачным лицом. - Молчишь? Вот сиди и молчи дальше.

- А я что? - обиделся Бугай. - Я же сказал, что с тобой тоже согласен, но... успокоиться надо... Кстати, когда в Москву вернемся, тачку на техосмотр поставь. По таким дорогам, сам понимаешь... Гнилой не поддержал разговор. Он смотрел вперед, желваки ходили без устали. Если бы не звучащая музыка, наступившее молчание стало бы тягостным. Юлю продолжало трясти. Шурик осторожно, чтобы не видели впереди сидящие, успокаивающе гладил ее по руке. Его взгляд будто говорил: "Все понимаю. Но потерпи еще немного".

"Сааб" миновал большое село. Пара-тройка километров - и началась лесная зона. Местность была очень живописная, но пассажирам "Сааба" было не до красот природы. То и дело от основной дороги отходили ответвления, в основном в сторону Дона. На одном из поворотов Гнилой резко затормозил. Юля мгновенно все поняла. На дороге под указателем "Турбаза" стояли люди. Скорость машины стала минимальной, и Селиванова решила выпрыгнуть на ходу - это был ее последний шанс. Она открыла дверь, но ставшая неожиданно жесткой рука Шурика удержала Юлю.

- Пусти, пусти! - закричала Юля. - Он же убьет меня. Ты еще не понял? Гнилой

расхохотался:

- Молодец, Шурик! Настоящий пацан. Не променял нас на бабу. Тебе это зачтется. Последним, как обычно, все понял Бугай.

- Правильно, Гнилой. Наказать суку надо. Раздухарилась - сил нет. Права качает. Трахнем Юлечку? Что, ты и порешить ее решил? Думаешь, заложит после? Тоже верно.

- Скажите, в вас что-то человеческое есть? - Страха у Юли, как ни странно, не было. Предательство Шурика, какая-то потрясающая обыденность, с которой Бугай говорил о ее предполагаемой смерти, - просто не укладывались в Юлиной голове. - Мы же все тяготы вместе делили. Я друзьями вас считала... За что убивать меня, Бугай?

Тот посмотрел на Гнилого:

- Ведешь ты себя неправильно. Да, Гнилой?

- Даже когда курицу убивают, ее жалко, но я же человек, живой человек.

- Пока живой, - хмыкнул Бугай.

Шурик сидел, опустив голову. "Сааб", съехав с дороги, остановился на небольшой лесной опушке.

- Выходи, - приказал Юле Гнилой.

Странно, он, похоже, не особенно заботился о маскировке: машину можно увидеть с дороги. Впрочем, место было довольно безлюдное. Все вышли из машины. Испуганный, взлетел с ветки вяза дрозд и затрещал на всю округу. Другие птицы в глубине леса подхватили крик. Страх не приходил, хотя Юля хорошо понимала, что ее ждет. А вот окружающий мир вдруг изменился. Все стало происходить словно в замедленной съемке. Вот медленно взлетел с ветки дрозд, вот шмель, будто сошедший из мультфильма, пролетел возле ее ног. Забавно, оказывается, шмель - это не просто то, что жужжит. Он - красивый. Темная головка, желтый воротничок, золотистая полоска опоясывает брюшко, а внизу пушистые оранжевые штанишки. Будто откуда-то сверху сошло на нее спокойствие. Вспомнилось, как она всего три месяца назад - Боже, как давно это было - планировала убить домработницу Вороновой. В лесу. А сейчас будут убивать ее. Все правильно и справедливо. Зло обязательно возвращается к тому, кто его породил. Глупая, все разбогатеть мечтала, верила, что только тогда и начнется настоящая жизнь... Вспомнился Киреев. Неужели эти подонки все-таки встретятся с ним? "Еще один мой грех", - думала Юля, глядя на шмеля. Смотреть на рожи своих спутников не хотелось. Кто-то говорит, кажется, Гнилой. Точно, он.

- ...потому что ты примитивен, Бугай. Трахнуть, убить - ты что, маньяк?

- Скажешь еще. Тоже мне, нашел Чикатилу!

- К этому же привыкаешь. Интересно ломать человека. Вот, посмотри на эту сучку. Гордая, нас презирает. А через десять минут ты, Бугай, увидишь другую Юлю, готовую выполнить любую твою прихоть. Скажем, захочешь ты, чтобы она стала белкой - станет.

- Как это?

- Сама засунет себе в задницу, к примеру, ветку - это ее хвостом будет - и ползет, голая, на дерево.

- Ух ты! Здорово. Я даже возбуждаться стал.

- То-то и оно, браток. Я всегда возбуждаюсь, когда человек ломается. Помнишь, как мы из двух деловых "бабки" выбивали? Друзья были, со студенческих лет вместе, одним делом

занимались.

- Помню, - радостно заржал Бугай. - Ты еще им сказал, что у одного из них есть шанс выжить.

- Точно. Как они за жизнь свою боролись? Как один замочил друга своего, а потом лизал нам сапоги?

- Но ты был не прав тогда, братан.

- Почему?

- Ты же его пристрелил все равно.

- Дурак, я его пожалел. Как бы он с такими угрызениями совести жил? Они же любят о совести говорить, о милосердии. А как смерть почуют, только о шкуре своей и думают.

- Я хочу прощения попросить, - подала голос Юля.

- О-ой, как рано, - разочарованно протянул Гнилой. - Не думал, что ты такая слабачка.

- Я хочу у свиньи прощения попросить. Полезное животное, да и не виновато оно в том, что люди ее именем друг друга называют. Ты не животное, Гнилой.

- Вот как? Кто же?

- Не знаю. Честно, не знаю. А имечко у тебя - в самый раз. Хороший, сразу видно, человек тебя им окрестил. А теперь делай, что хочешь. - И Юля устало опустилась на траву.

- Встань, падла, когда я с тобой разговариваю, - заорал Гнилой. Он явно не ожидал от Селивановой такого.

Юля улыбнулась:

- Уже начал возбуждаться? Шурик, ты тоже будешь ломать меня? Растерянный Шурик беспомощно взмахнул руками:

- Ребята, дурь какая-то получается. Пошутили - и будет. Гнилой, я поговорю с ней, дай мне десять минут. Она извинится перед тобой.

- Заткнись! - рявкнул на него бандит. - Слизняк!

- Первый раз соглашаюсь с тобой, Гниль, - почти с радостью поддержала его Юля. В эту секунду подошедший сзади Бугай со всей силы ударил ее по спине в район правой почки. Селиванова, вскрикнув, упала.

- Одну опустили! Ну-ка, пошути теперь.

- Только не очень старайся, Бугай, - попридержал дружка Гнилой. - Мне отбивная котлета не нужна.

- Обижает, я свое дело знаю. Неожиданно Юля заплакала. Из закрытых глаз потекли слезы:

- Я не переношу боли. Не бейте!

- Бугай, подними ее. Так. Теперь давай по левой почке. Тот все выполнил точно, и Юля вновь упала на землю. Шурик отвернулся, чтобы не видеть этого.

- Нет, ты смотри, - приказал ему Гнилой. - А не то больно будет и тебе... Так, а теперь, друг мой Бугайчик, сделай так, чтобы у мадам искорки из глаз посыпались, а то темнеет что-то.

- Понял, - ответил Бугай и что есть силы открытой ладонью ударил Юлю по лицу.

- Не бейте, - заскулила та, по-прежнему не открывая глаз.

- А где волшебное слово?

- Пожалуйста.

- Видишь, не одна ты у нас с юмором.
- Гнилой, а когда она белкой станет? - подал голос Бугай.
- Скоро, скоро, не спеши. Думаешь, она уже готова?
- А то, - с гордостью произнес Бугай. - И не таких ломал.
- А мы проверим сейчас. - И Гнилой скомандовал, обращаясь к Юле: - На четвереньки, сучка. Ползи к моим ногам.

Девушка встала на четвереньки и поползла.

- Повторяй за мной: я сучка.
- Я сучка...
- Я виновата перед тобой, Владик.
- Я виновата перед тобой, Владик.
- А кто такой Владик? - спросил Бугай.
- Дурак, меня Владиславом зовут.
- Понял, а меня Серегой. Скажи: и перед тобой, Серега.
- И перед тобой, Серега, - словно робот повторила Юля.
- И ты, Шурик, прости меня, засранку, - подсказывал Гнилой.
- И ты, Шурик, прости меня.
- Засранку!
- Засранку.
- Я сделаю все, что вы прикажете.
- Все, что вы.
- Я сделаю!
- Я сделаю все, что вы прикажете.
- Приказывайте, пожалуйста.
- Приказывайте, пожалуйста.
- Пусть голой на дерево лезет, - не унимался Бугай.
- Подожди, - цыкнул на него Гнилой. - Это после. И вообще, пока не встречай. И так, что же тебе приказать, сучка? У тебя нет никаких мыслей, Шурик? А у меня появилась одна. - И вновь Юле: - Повторяй. Мальчики, не будете ли вы так добры расстегнуть свои ширинки. У меня рабочий рот, и он готов доставить вам радость.

Юля повторила и это.

- Слушай, а и впрямь заводит. Лучше порнухи. - Бугай был в восторге. - А можно и я ей кое-что прикажу повторить?

- Можно, - великодушно разрешил Гнилой. У Бугая оказалась очень богатая фантазия, только чересчур уж грязная. Такой мерзости Юля даже не слышала раньше, а теперь вынуждена была все это повторять.

- Все, я готов! - радостно сообщил Бугай. - С кого она начнет?

- Не обижайтесь, ребятки, но главный хозяин у этой сучки я. - Глаза Гнилого блестели. - Ближе, - приказал он Юле, приспуская штаны. - И старайся, старайся, шалава. Если мне понравится, ты можешь рассчитывать на мою доброту... Э, нет. Ты глазки-то открой, люблю, когда сосут и смотрят на меня снизу.

Юля открыла глаза. Взглянув в них, Гнилой понял, почему она их не открывала все это время, понял, что совершил роковую ошибку: он не сломал Юлю. Но было уже поздно.

Селиванова перехитрила его. Лесную тишину прорезал жуткий, нечеловеческий вопль:

- Су-у-ка-а-а!

А потом крик прервался: видимо, болевой шок был таким сильным, что на какое-то мгновение Гнилой потерял сознание. Шурик стоял как замороженный, а Бугай не сразу понял, что произошло, а поняв, растерялся. Подбежал к Гнилому и Юле и пытался разжать ей зубы. Но у него ничего не получалось. Всю свою ненависть к Гнилому вложила Селиванова в этот укус. Бугай бил ее по голове, хватал за горло - бесполезно.

- Что стоишь, - заорал он на Шурика, - помоги оторвать ее. Шурик подошел и спокойно нажал двумя пальцами чуть ниже ушей. Зубы девушки разомкнулись.

- Я убью тебя, стерва, убью! - орал Бугай. Он только сейчас вспомнил, что в кармане куртки у него всегда лежит нож. Но то, что он увидел, заставило его забыть о Селивановой и о мести. Из Гнилого хлестала кровь, словно из зарезанного кабана. Шок прошел, Гнилой открыл глаза и, увидев, что сделала с ним Юля, завыл. Бугай пришел в себя:

- Слушайте, он еще держится... Надо в больницу... скорей.

- Скорей, вези в больницу, - скулил Гнилой. - А эту.. прикончи. Но Бугай не мог разорваться на части. Дорога была каждая минута. Весь низ живота любителя ломать других стал красным от крови. И хоть Бугая природа не обделила силушкой, в Гнилом было килограммов сто. Машина стояла рядом, и Бугай потащил к ней дружка, точнее, поволок по траве. Гнилой не мог ему помогать, держа двумя руками остатки бывшего достоинства.

- Терпи, браток, терпи. Все будет хорошо, вот увидишь.

- Быстрее, быстрее. Тише, не дергай так! - И вновь начинал выть.

- Шурик, - закричал красный от натуги Бугай, - заводи машину и прирежь эту гадину.

Шурик завел машину и стал помогать бандиту тащить Гнилого.

- Без тебя управлюсь. Иди, кончай девку.

- Может, лучше ты? А я потащу Гнилого.

- Твою мать! Я сказал, хлюпик, кончай ее. Или я тебя сейчас кончу. Было видно, что в Шурике шла борьба.

- А где пистолет?

- Какой пистолет? Сдурел?! Он без глушителя. Хочешь, чтобы нас повязали? Давай ножом! Около машины кряхтели и стонали бандиты, а Юля лежала на траве, спокойно глядя в высокое небо. Подошел Шурик.

- Прости меня, Юля. В этом мире каждый сам за себя. Я одинокий волк, который спасает свою шкуру. Я признаю это. Если бы ты знала, как я...

- Какой ты волк? Ты скунс, вонючка, - тихо отвечала Юля. - И вообще, отойди, не загромождай мне небо.

Шурик опустился на колени сбоку от Юли.

- Как ты его...

- Тебе же сказали: кончай девку. Вот и делай, что велели. Шурик заплакал.

- Мне еще тридцати нет, Юля. В Москве семья осталась, ребенок этой осенью в школу пойдет...

- Слушай, я не священник...

- Прости.

- Дурак! Как ты это себе представляешь? Я тебя прощаю, Шурик, режь меня спокойно?

- Закрой глаза. Пожалуйста!

- И не подумаю. Скунс. Юля читала, что в последние мгновения жизни перед человеком предстает вся его жизнь. Но ничего перед ней не представало. Только пришел на память князь Андрей Болконский из "Войны и мира", который, умирая, лежал после битвы и смотрел на небо. Но ей, в отличие от князя, никаких высоких мыслей в голову не приходило. Вот что значит не голубых кровей, усмехнулась она. Зато было легко и спокойно. И как, оказывается, здорово в лесу. Ну и глупая же она была: за столько лет жизни в Москве всего два раза выбиралась на шашлыки в Битцевский парк. Впрочем, там было не до шмелей и цветов...

Угомонились дрозды, и только шмель гудел и гудел, перелетая с одной кашки на другую. Высоко- высоко в небе парила незнакомая птица. Наверное, ястребок. Интересно, видит ли он сверху ее, Юлю?..

Засигналила машина.

- Ты что возишься, поскребыш? Считаю до десяти, а то и ты - покойник тоже, - орал Бугай. - И почему только Кузьмич тебя привечал?

Холодное лезвие ножа обожгло шею.

- Прощу тебя, закрой глаза.

Ей не захотелось даже отвечать этому человеку, а тем более закрывать глаза. Пусть ястребок, птица, парящая высоко в небе, станет последним существом, которое она увидит в жизни. Бугай еще не успел досчитать до десяти, как Шурик, всхлипнув и отвернувшись, наугад ткнул лезвием ножа в Юлькин живот. Она думала, что будет больнее. Только что-то теплое и липкое стало растекаться по платью. Наверное, кровь, успела подумать она - и потеряла сознание. Она уже не видела, как вскочил с колен Шурик, как машина, рванув с места, в несколько секунд исчезла за кустами ирги. А ястребок не видел Юльки. Ему и белый "Сааб" казался чуть больше муравья, бегущего по пыльной дороге и оставлявшего после себя облако пыли.

* * *

- У нас здесь райские места. Все есть - рыбалка, грибы, свежий воздух. Зачем куда-то за три моря отдыхать ехать? - Водитель грузовика оказался словоохотливым человеком. - Я один раз с семьей в Анапу съездил и чуть от тоски не помер. Конечно, море есть море, только... Вот гад! Куда ж ты летишь, собака бешеная?

Водитель успел нажать на тормоза, и Киреев со всего маху ударился лбом о стекло. Красивая белая иномарка на огромной скорости вылетела на дорогу откуда-то из леска и помчалась в сторону Задонска.

- Крутые, леший тебя заberi! Нажрутся, а потом людей вот так давят. И никто у них права не отнимет...

- Прости, друг, - перебил его Киреев, - ты не заметил, сколько в машине пассажиров было?

- Кажись, трое.

- Как тебя зовут?

- Федор.

- Я вижу, ты очень хороший человек, Федор, и не могу просить тебя ни о чем - ты и так со мной возишься.

- О чем просить? Вы скажите, может, я помогу вам.

- Вот эта дорога, откуда белая машина выскочила, куда она ведет?

- В лагерь пионерский. Еще дальше - турбаза. Впрочем, какие сейчас пионеры? Да и от турбазы одно название осталось.

- Тебе когда в Хлевное попасть надо?

- Да вообще-то, желательнее сегодня, - засмеялся Федор. - Ты скажи, надо что? - непринужденно перешел на "ты" шофер.

- Понимаешь, я и сам не могу все объяснить... Одни предчувствия. Давай проедемся потихоньку по этой дороге? Хорошо?

- Странно все. Впрочем, до лагеря всего два километра, давай проедем. Они поехали. С левой стороны было поле, с правой - лес.

- А что ищем, Михаил?

- После, Федя. Боюсь, мы за разговором прозеваем... Что это?

- Где?

- Вон там, на опушке?

- Может, платье кто оставил? Деревенские сюда девчат испокон веку водили, может, одна и забыла... Шутка. И впрямь, что это? Тормознем? Киреев так привык к своему рюкзаку, что не расставался с ним нигде и никогда. И пока он стаскивал его на землю, Федор ушел вперед.

- Господи, - услышал Михаил. - Женщина, вроде убитая! А крови, крови-то... Киреев побежал на крики Федора. С первого взгляда он узнал женщину, стоявшую час с небольшим назад у белой машины на липецкой дороге. Незнакомка застонала.

- Живая! - закричал Федор. - Что делать будем?

- У тебя в аптечке бинт есть? Надо кровь приостановить, а то не довезем ее до больницы.

- Сейчас посмотрю. - И Федор рванул к машине. Вскоре раздался его голос: - Только йод и валериановые таблетки.

- Что же делать? - Киреев открыл рюкзак и стал лихорадочно рыться в нем в поисках какой-нибудь тряпки. Тут он вспомнил, что еще месяц назад, когда целлофановый пакет порвался, он завернул икону в чистый льняной мешочек. Достав икону и развернув ее, Михаил бросился с мешочком к девушке. Но даже в столь сильном волнении и спешке он бережно положил святую реликвию на рюкзак.

- Федя, ты разбираешься в ранениях?

- Откуда?

- Как бы нам забинтовать ей рану?

- А может, просто держать этот мешок у нее на животе?

- Хотя бы так. Давай, понесем ее к машине. Сначала Юля услышала голоса. И первое, что она увидела, открыв глаза, сначала сквозь туманную пелену, затем все четче и четче - была икона. Она сразу узнала ее. "Наверное, я умерла, - подумала Юля, - и мне показывают икону. Судить будут за то, что украсть ее хотела..." Но вот Юлю подхватили чьи-то руки, и она почувствовала сильную боль в животе. Да и на небо, как, впрочем, и преисподнюю, это место не походило. Сознание медленно, но верно возвращалось к ней. Заросли ирги, боль в животе... Но голоса принадлежали не Бугаю и Шурику.

- Вроде бы худенькая на вид, а какая тяжелая, - произнес один голос. - Михаил, ты руку от ее живота не отрывай.

- Да что толку? - откликнулся второй голос. - Мешок уже мокрый весь. Боюсь, мы ее не довезем.

- Икона, - прошептала Юля.

- О чем она? - спросил Федор.

- Заботливая. Боится, чтобы я икону с рюкзаком не оставил.

- Надо же. Станный народ эти женщины.

Пока Федор усаживал незнакомку в кабину, Михаил вернулся за иконой, уложил ее в рюкзак и полез в кузов.

- Не надо в кузов. Мы все в кабине уместимся. Да и держать ее надо, а то будет рулить мешать.

- Хорошо. А теперь гони, Федя, что есть мочи. Если Бог дал этой девушке шанс, мы не должны его упустить.

- Понял. Гонки "Формулы-1" видел? Так вот, это детский сад по сравнению с тем, что сейчас произойдет.

- Федя, много слов!

- Понял. Как говорил Юрий Алексеевич, поехали!

- Какой Юрий Алексеевич?

- А еще интеллигентный человек. Темнота. Гагарин, вот кто!

* * *

Любое событие или явление можно объяснить несколькими причинами, подчас прямо противоположными. Исходя из своего опыта, возраста, воспитания и даже предрассудков, мы делаем свой выбор, останавливаясь на том или ином объяснении. Смеею предложить читателю, как говорится, на выбор, две версии произошедшего на задонской дороге ранним июльским вечером дорожно- транспортного происшествия - так на языке работников ГИБДД именуют то, что в народе проще и короче называют аварией. Вот первое объяснение. Бугай, давно не имевший водительской практики, да еще после перенесенного стресса, гнал "Сааб" по извилистой дороге со скоростью, превышающей сто километров в час. За Домом инвалидов дорога делает особенно крутой вираж. По случайному совпадению именно в этот момент Бугай обернулся назад посмотреть, как дела у Гнилого, который причитал всю дорогу:

- Быстрее, быстрее. Не хочу остаться евнухом! И опять-таки именно в этот момент коза Анчутка, гроза местных садов, воспользовавшись тем, что ее хозяйка тетя Маша заболталась с соседкой, решила перебраться через дорогу.

- Смотри на доро... - только и успел сказать Шурик. Бугай нажал на тормоза, и машина вылетела за обочину. Анчутка отделалась легким испугом, а "Сааб", перевернувшись, впервые на своем веку оказался на земле вверх колесами. Впрочем, шведы делают действительно хорошие машины, заботясь о безопасности пассажиров. Все три наших героя остались если и не совсем целы, то, по крайней мере, живы. Тетя Маша, охнув, бросилась за своей козой, а ее соседка с перепугу потеряла дар речи. Больше на дороге и возле нее никого не было... Да, "Сааб" - отличная машина, даже магнитола не перестала работать, но кто мог предположить, что после его трехмесячных мучений по русским дорогам совсем

разболтается аккумулятор, который и выпал после удара. Пока пассажиры стучали по стеклам и звали на помощь, потек бензин. Видимо, вспыхнула искра, и... Не прошло и тридцати секунд, как огромный столб пламени, охватив блестящее белое тело машины, поднялся в воздух.

Очнувшись от оцепенения соседка бабы Маши, бежал к машине водитель проезжавшего мимо "Запорожца" - все это уже не имело значения... А вот другое объяснение случившемуся, которого, признаться, придерживается и автор. Земля не захотела больше носить Гнилого и его приятелей. Юля была права: зло всегда возвращается к тому, кто его породил. Раньше или позже. Возомнившие себя вершителями чужих судеб, Владислав Семенович Марцевич и Сергей Александрович Булатов не знали, да и не хотели знать, что существует другая сила - терпеливая, милосердная, но одновременно и суровая, справедливо воздающая всем по заслугам. Видимо, кровь невинно убиенных Ивана и Андрея, страдания Юли стали последней каплей... Земной путь Гнилого, Бугая и Шурика был закончен. А баба Маша, ее соседка и водитель "Запорожца" с ужасом наблюдали, как кричали люди в машине, горя заживо. И только коза Анчутка невозмутимо жевала придорожную траву. Животное, что с него возьмешь... Жаль, что среди свидетелей последних секунд жизни Бугая, Гнилого и Шурика не оказалось никого, кто обладал бы философским мышлением. А то бы он оценил горькую усмешку судьбы: когда крики стали стихать, можно было расслышать песню, которая звучала из магнитолы. Хорошие магнитолы делают в Южной Корее. Пел любимый певец Юли Селивановой. Пел под музыку, стилизованную в стиле старинного менуэта:

Господа хорошие и господа плохие,
Выливайте водку, разряжайте пистолет,
Предлагаю позабыть про времена лихие,
Выходите строем, потанцуем менуэт.
Просвещенья жаждет человечия натура,
Мы пойдем на выставку, мы сходим на балет.
Есть такая штука, называется - культура...
А чей-то вы хватаетесь опять за пистолет?
К красоте душа стремится,
Дай, товарищ, мне совет:
То ль пойти опохмелиться,
То ль сходить нам на балет...
А может, все же на балет?

Глава тридцать седьмая

- Я же вам вчера русским языком объяснил. - Громкий голос, раздававшийся из-за двери, разбудил Юлю. - Она еще очень слаба, никакие показания дать вам не может... Я не кричу, вы еще не слышали, как я кричу.. Да хоть майор!.. Нет, меня это совершенно не волнует... Да, да. - Видимо, человек разговаривал по телефону.

Юля окончательно пришла в себя и осмотрелась. Похоже на больничную палату. Рядом стояла еще одна койка. Пустая. Что находилось на противоположном конце комнаты, она увидеть не могла - почему-то не хватало сил приподняться, а подушка была совсем низкой. И еще Юля поняла, что человек в коридоре говорил с кем-то о ней.

- Я хирург, понимаете? Вам что-нибудь такое имя - Гиппократ - говорит? Слава Богу. Я оперирую человека, а не фамилию... Вот сейчас вы правильно сказали: надо, видимо, подождать. Сколько дней? Дня через три позвоните, хорошо... Нет, я не обижаюсь. Да. Конечно, конечно. До свидания. Раздались звуки шагов, дверь в палату открылась, и в комнату стремительно вошел высокий полноватый человек в белом халате. "Это больница", - окончательно догадалась Юля, но ничего вспомнить не смогла. Вошедший заговорил, но с кем-то другим. Юля наконец-то смогла приподнять голову и увидела, что в палате кроме нее находится еще один человек. Он сидел на стуле у окна и при появлении хирурга поднялся.

- Михаил Прокофьевич, сейчас мне позвонили...

- Я все слышал, Вадим Алексеевич.

- Я действительно так громко разговаривал? Но этот капитан тоже хорош: стал мне лекцию читать.

- Спасибо вам.

- Бросьте! Ей действительно надо набраться сил.

- А ничего, что она третий день спит?

- Наоборот, хорошо. Человек, уважаемый Михаил Прокофьевич, во время сна и сил набирается, и выздоравливает.

- Вы ей даете что-нибудь снотворное?

- А вот это вас, уважаемый Михаил Прокофьевич, касаться не должно. Не обижайтесь. Лучше скажите: вы и вправду не знаете, как зовут эту счастливицу?

- Честное слово. А почему счастливица, Вадим Алексеевич?

- А как же иначе? Во-первых, тот, кто ее, пардон, убивал, был либо очень пьян, либо делал это впервые.

- Вот как?

- Да. Внутренние органы практически были не повреждены - такое ощущение, что нож, пардон, пыряли - другого слова не подберу - наугад. Это, как говорит моя внучка, раз. Быстро вы ее подобрали - два. Крови она, конечно, много потеряла, но учитывая то, что вы ее в грузовике везли, да по нашим дорогам - одним словом, три...

- Есть что-то еще? Хирург на секунду-другую задумался. Наконец ответил:

- Если честно, есть. Только я вам сразу скажу, что в чудеса не верю.

- Я это учту, Вадим Алексеевич.

- Не надо смеяться, уважаемый Михаил Прокофьевич. Мой покойный учитель Альбин Францевич Калиновский любил говорить, что самое большое чудо - это врач, который за

долгие годы своей практики с чудом ни разу не встречался.

- Он как-то мудрено выражался, этот ваш учитель.

- Не смейтесь. Он же не был журналистом, зато хирургом - от Бога.

- От Бога?

- Да не ловите меня на слове, - рассердился Вадим Алексеевич, - так говорят. Калиновский просто хотел сказать тем самым, что в жизни всегда есть и будут случаи, которые не поддаются логическому объяснению. Вот и в истории с девушкой, что сейчас мирно спит перед нами, мне... не все понятно.

- То есть?

- Когда ее положили на операционный стол, рана не кровоточила. Будто крови совсем не осталось.

- А такого быть, как я понимаю, не могло?

- Не могло, - желчно ответил хирург. - Вы ведь не перевязывали ее?

- Да что вы! С детства крови боюсь. Я только взял мешочек... и приложил.

- О чем вы задумались, уважаемый Михаил Прокофьевич?

- Да так... Вспомнил, что в мешочке этом одна древняя икона завернута была. Мешочек быстро кровью пропитался, покуда мы везли девушку. Признаюсь, я сильно растерялся. К тому же у нее что-то вроде бреда началось. О каком-то гнилом Шурике все вспоминала, про шмеля говорила. А потом стала икону просить. Я подумал, может, верующая. Кто знает, о чем человеку перед смертью думается.

- Вы же сказали, что она бредила.

- А вдруг это не бред был, а какое-то переживание? Говорю же, растерялся я тогда. Достал икону, а она прижала ее к себе, плачет, у кого-то прощения просит.

- И к чему вы это мне все рассказали?

- Вы же не понимаете, почему рана перестала кровоточить.

- Хотите сказать, это икона кровь остановила?

- Не знаю. Честно, не знаю. Но то, что она икону к себе прижимала...

- Бросьте, уважаемый Михаил Прокофьевич. Свои сказки для бабушек оставьте... Они не договорили. С кровати, где лежала девушка, раздался слабый голос:

- Скажите, вы - Киреев?

Мужчины дружно повернулись в ее сторону.

- Киреев. Но вам вроде как нельзя разговаривать.

- Вас... убить хотят, Михаил Прокофьевич.

- Вы даже имя мое знаете?

- Это не важно... это потом. Вас убьют.

- Милочка, - вступил в разговор хирург, - вы еще успеете наговориться, а пока поберегите силы.

- Вы же сказали, что я счастливая... Мне хорошо. А вот Михаила Прокофьевича... убить могут. Хирург посмотрел на Киреева.

- Так вы знакомы?

- Нет, уважаемый Вадим Алексеевич. Как оказывается, есть общие знакомые. И, наверное, общие интересы.

Михаил взял стул и поднес его к кровати Юли.

- Вообще-то, ей отдыхать надо. - Было видно, что хирург колеблется. - Ну, хорошо. Сегодня даю вам пятнадцать... нет, десять минут. И ни минуты больше. Если я буду нужен, Михаил Прокофьевич, спросите меня в ординаторской.

- Спасибо, - ответил Киреев. - За все спасибо.

- На здоровье. Кстати, я так и не спросил: вы где остановились? В гостинице?

- Сначала в гостинице. Даже одну ночь в ней переночевал. А потом меня оттуда забрал Федор Новиков, тот шофер... Славный человек.

- Понятно. Сегодня я ночью дежурю, а завтра вечером - милости прошу ко мне в гости.

- Вообще-то, я завтра уходить из Задонска собирался.

- Уйдете послезавтра. У меня есть альбом старых фотографий о Воронеже - пальчики оближете. Я же оттуда родом. А заодно и про Вейнингера договорим. У меня из его работ только "Пол и характер имеется". Вчера перечитал, но той мысли не нашел.

- Какой мысли, Вадим Алексеевич? - не понял Киреев.

- Да вы сами цитировали: никогда человек не бывает в такой степени самим собой, как тогда, когда он любит. Прекрасно сказано, но я - товарищ дотошный, все проверять люблю, а этой мысли, повторяю, не нашел...

- А, вот в чем дело, - догадался Михаил. - Это цитата из его работы "Пер Гюнт" и Ибсен".

- Вот оно что. Не читал.

- А у вас хорошая память, Вадим Алексеевич.

- Не жалуюсь. Ну, ладно. Значит, договорились?

- Спасибо, я с удовольствием к вам зайду.

- Я говорю сейчас о десяти минутах, уважаемый Михаил Прокофьевич. Ровно через десять минут сюда придет Маргарита Петровна, наша старшая медсестра, - и я не завидую вам, если вы вовремя отсюда не ретируетесь.

- Понял. Юля с трудом дождалась, когда словоохотливый хирург уйдет. Ей было не понятно, почему Киреев так спокойно реагирует на ее предупреждения.

- Он страшный человек... берегитесь.

- Кто?

- Гнилой.

- Гнилой Шурик?

- Просто Гнилой. Шурик - это другой. А еще Бугай... Они убьют вас.

- Это ваши друзья? - спросил Селиванову Киреев, глядя ей прямо в глаза. - Вы хотели... забрать у меня икону?

- Раньше хотела. - Юля не отвела взгляда. - Теперь - нет... И разве друзья могут так... поступить, как они со мной?

- Не могут.

- Они не люди. Особенно Гнилой. Я... я покалечила его.

- Покалечили? - удивился Киреев.

- Это... не важно. Вы самое главное услышать не хотите. Они убьют вас, а икону заберут. А что я покалечила его, так он от этого еще злей станет. Киреев взял ее руку в свою.

- Зовут вас как? Впрочем, давай лучше на ты. Похоже, икона слишком сильно нас связала.

- Юля. Селиванова Юля. Но я не могу вам на "ты".

- Как знаешь, а мне так легче. Опростился я в дороге - всем подряд "тыкаю". - А потом добавил:

- Ничего, Юленька, прорвемся. Все будет хорошо. Вот и Вадим Алексеевич, кстати, классный мужик, это он тебя оперировал, говорит, что ты счастливая.

- Как кобыла сивая.

- Ну, если юмор вернулся, значит, точно скоро выздоровеешь. Июль - твой месяц.

- Почему?

- Так он в честь тебя назван. Кстати, надо будет спросить, какое сегодня число... Так вот, Юля, - продолжал Киреев, - никого Гнилой больше не убьет. Ни он, ни дружки его. - И замолчал. Глаза, ставшие вдруг незрячими, уставились куда-то поверх Юли. Потом Михаил словно очнулся: - Иван с Андреем последними их жертвами стали... Ты, слава Богу, выжила.

- Это те... из Галичьей Горы?

Киреев едва заметно кивнул.

- Я... не могла их остановить. Хотела, но не могла. Поверьте, Михаил Прокофьевич.

- Давай лучше по имени? А то пока мое отчество произнесешь - последние силы потеряешь. Да и время уходит, нам с тобой отведенное.

- Вы сказали, что Гнилой никого не убьет. Почему? Их задержали?

- Его уже нет. А ты и правда ничего не помнишь? Юля удивленно посмотрела на Киреева.

- Когда мы на грузовике тебя везли, смотрим, машина кверху колесами лежит. И пылает.

- Белый "Сааб"? - Юля боялась поверить своим ушам.

- Ты знаешь, я даже "Москвича" от "Жигулей" не отличаю. Но точно - иномарка. И когда-то была белой.

- А они?

- Сгорели. Жуткая смерть. Федор считает, что, когда машина перевернулась, они еще живы были.

- Есть Бог! Есть! - неожиданно воскликнула Юля. - Спасибо тебе, Господи!

- Юля, они, конечно, подонками были, но нельзя радоваться смерти...

- Подонки? Нет, это мягко сказано, - перебила Киреева Юля. - Считайте меня тоже кем угодно, но сегодня - лучший день в моей жизни. Сгорел! Сгорел! Киреев не стал с ней спорить. В конце концов, он не знает, что довелось пережить этой девушке. Мысль о том, что именно Юля навела бандитов на икону, а значит, и на него, особых эмоций у Михаила не вызывала. А вот себя он не переставал винить за гибель Ивана и Андрея.

- Знаешь, Юленька, наше время, похоже, истекло. Завтра, я надеюсь, мы поговорим побольше и обо всем договоримся.

- Обо всем?

- Да. Тут по твою душу местная милиция прийти желает. С таким покровителем, как Вадим Алексеевич, нам пока бояться нечего. Так что отдыхай, а я кое-какие вопросы постараюсь решить. Не скучай.

- Вы правда придете? Не бросайте меня, пожалуйста.

- Самое плохое осталось позади, девочка. Все будет хорошо, вот увидишь.

- Михаил, постойте.

Уже в дверях Киреев остановился.

- Да?

- Вы сможете... меня простить? Когда-нибудь?

- Как сказал тогда Федор Новиков: женщины - странный народ. Вас, как Россию, умом не понять.

* * *

У дверей вороновской квартиры Наталья столкнулась с домработницей Софьи. Спросила:

- Хозяйка дома?

- Софья Николаевна? Вторую неделю сиднем сидит. Проходите, она вам рада будет. А я пойду на рынок сбегая.

Наталья тихо вошла в прихожую, затем заглянула в комнату. Босая, одетая только в длинную клетчатую рубаху, Софья сидела на полу. Играла тихая музыка, голова девушки была запрокинута назад и лежала на диване, глаза закрыты. Воронова что-то говорила, но, как успела заметить Котеночкина, больше никого в комнате не было. Наталья прислушалась

- Софья читала стихи:

Ответа нет... Живые

Не так приходят к нам.

Их поступь тяжелее,

И руки у живых

Грубее и теплее

Незримых рук твоих.

- Где ты была? - Ответа

Не слышу на вопрос.

Быть может, сон мой - это.

Невнятный стук колес

Там, на мосту, за речкой,

Где светится звезда.

И кануло колечко

В криницу навсегда.

- Ты думаешь, его уже нет в живых?

Софья вздрогнула.

- Наташа? Молодец, что зашла. Ты давно здесь стоишь?

- Душевно ты стихи читаешь... - Увидев, что смутила Софью, Наталья решила пошутить:

- Только не подумай, отмычками не пользуюсь. Даша впустила.

- Проходи, - тихо сказала Софья.

"Какая она нежная стала, - невольно любуюсь Софьей, подумала Наташа. - Неужто и вправду влюбилась?"

- Спасибо. Кстати, а можно я тоже на пол сяду?

- Ради Бога. Пить что-нибудь будешь?

- Мне еще к моим бабушкам ехать. Так что - увы. Но ты на мой вопрос так и не ответила. Софья пристально посмотрела на Котеночкину, потом улыбнулась:

- Знаешь, чем вы с Киреевым схожи?

- Чем же?

- О чем думаете, о том и говорите.

- Разве это плохо?

- Не знаю, - ответила Софья и почти без паузы продолжила: - Если б от моих думок что зависело... Надеюсь, жив он.

- Знаешь, я тоже, только... Не знаю, как сказать. - Было видно, что Наталья смущена. Софья обняла подругу:

- Я тебя поняла, Котик. Ты у нас сердцевед.

- Я права? Ты его любишь?

- Я когда-то читала, что в середине века рыцари и благородные дамы влюблялись друг в друга заочно, по портретам. Забавно, правда?

- Забавно.

- У меня получилось еще смешнее. Когда я увидела Киреева в первый раз, он мне показался ужасно нелепым. Затем этот человек стал меня все время удивлять. А когда он ушел в свое странствие... - Софья умолкла, подбирая слова. - Не знаю, любовь ли это, но мне не хватает его голоса, глаз, улыбки. И еще я очень волнуюсь за него. Если что-то с ним случится - я себе никогда этого не прощу.

- Почему? - удивилась Наташа. - Ведь это был его выбор - идти пешком по России.

- Ты не знаешь всего, Котик. И я не уверена, должна ли...

- Разве мы не подруги? Разве мне Михаил не друг?

- Вот поэтому я ничего тебе и не рассказывала. Расскажу, а ты после этого меня не захочешь больше видеть.

- Обещаю: такому никогда не бывать, - торжественно произнесла Наталья.

- Ой, не зарекайся. Хорошо, слушай мою печальную повесть. И Софья рассказала Наташе о своем покойном дяде, о Юлии Селивановой, о том, как икона оказалась у Киреева. Закончив рассказывать, Соня замолчала. Они будто поменялись местами. Теперь Котеночкина обняла подругу:

- Сонечка, родная моя! Знаешь, что?

- Что?

- У тебя есть коньяк?

- Армянский, французский?

- Вот вы, аристократы, всегда так. Вечно в неловкое положение ставите.

- Кто это - мы?

- Шучу. А какой лучше?

- А кому как.

- Тогда давай французский. Завтра на работе буду хвастаться. Когда подруги пригубили ароматного напитка, Наталья сказала:

- Ты заметила, что мы с Киреевым о чем думаем, о том и говорим. Знаешь, это не всегда так. Есть такие вещи, о которых я не могу говорить. Господи, какое косноязычие! А когда выпьешь, вроде легче. И язык вроде как без тормозов.

- Я слушаю, Наташа. Мне тебя всегда интересно слушать. Ты среди нас самая умная.

- Ну, спасибо. Мне кажется, не важно то, каким ты был, важно, каким ты стал... Ты много плохого говорила о той Софье, с которой я не знакома. Я знаю другую Софью.

- А если эта Софья - не настоящая? Та, которая сейчас перед тобой?

- Если бы эта Софья была не настоящая - она вряд ли ждала бы возвращения Киреева. И ее вряд ли бы назвала сестрой Лиза.

- Спасибо.

- Еще по одной?

Выпив, помолчали немного.

- Странная это штука - любовь, - наконец произнесла Наталья. - Иной раз думаешь, все - влюбилась. А через год встречаешь предмет своей любви и не понимаешь, что ты в нем раньше могла находить.

- К чему ты это?

- Просто так.

- А ты своего мужа любила?

- Почему любила? Люблю до сих пор.

- А Киреев?

- Киреев?

- У меня все время было такое чувство, что ты относишься ко мне с каким-то пристрастием. Из-за него?

- Если честно, возник момент, когда мне по-бабьи стало ужасно жаль его. Мой муж умер мгновенно, может, даже не поняв, что произошло, а Киреева, представила я тогда, ждет долгая мучительная смерть. И никого рядом.

- И что?

- А ничего. Минутная вспышка - он все понял. А потом нашел слова, для меня в тот момент самые нужные... Почему не спрашиваешь - какие?

- Какие?

- Он вспомнил Сент-Экзюпери: "Мы в ответе за тех, кого приручаем". А потом добавил: "Не приручайся до конца, а то мне будет больно уходить..." Я знаю, Сонечка, тебе не понравится то, что я скажу сейчас. Но я твоя подруга, а потому скажу. Ты сильная, это так. Но... подумай еще. Пока есть время.

- Подумать? О чем?

- Не приручайся до конца. Дядя, Лиза, а теперь вот Киреев. Пусть ему легче будет... в общем, ты понимаешь.

- Почему ты его хоронишь, Наташенька?

- Потому, что я не верю в чудеса. Ушла Лиза, уйдет и Киреев.

- Не говори так.

- Я знаю, что Киреев согласился бы со мной, Соня.

- А разве воля или разум помогут мне разлюбить? Ты сказала, что по-прежнему любишь мужа. Разлюби его!

- Зачем?

- Его же нет рядом, он же покинул тебя.

- Он со мной, Соня, - тихо ответила Наташа. - Я знаю, звучит слишком книжно...

- Нормально звучит, - перебила ее Софья. - Нормально. Только видишь - советовать всегда легче.

- Я поняла: ты уже приручена. Прости. Софья улыбнулась:

- Бог любит Троицу?

- Не откажусь. Выгонят меня, Сонечка, с работы.

- Таких, как ты, нельзя выгонять. Пусть только попробуют.

- Слушай, - неожиданно засмеялась Котеночкина, - и впрямь - забавно. Любви с первого взгляда у тебя не было. Встречались вы от силы три раза, потом Михаил исчез. Все-таки ты не средневековая дама, тебя окружают столько реальных мужчин - молодых, богатых, красивых. Нет, я ничего не понимаю.

- А я тебя не понимаю. Сама ты чего хочешь?

- Чтобы тебе было хорошо.

- А Кирееву? Предположим, ты права. И ему осталось жить совсем немного. Кира будет уходить в муках и одиночестве... Рядом - никого не будет. Твоя вспышка прошла, а моя - нет. Наталья опустила голову.

- Прости, я не подумала об этом. Я очень хочу, чтобы Миша вылечился, но, повторяю, я не верю в чудеса. Понимаешь, не верю.

Софья молчала. Молчала и Наталья. Наконец, Котеночкина попыталась подняться:

- Мне пора.

- Постой, Котик. Пожалуйста. Посиди еще, а я попробую вспомнить.

- Что - вспомнить?

- Когда он меня приручил.

- Хорошо, - согласилась уже не очень трезвая Наталья. - Пока ты будешь вспоминать...

Хороший коньяк.

- Поняла.

- А себе? Хотя бы символически.

- Уговорила.

- Ты вспомнила?

- Наверное, это было, когда он мне Тарковского читал. У него в квартире, мы собирали вещи. С каким восторгом он про отца моего говорил... Нет, наверное, в кафетерии. Кстати, он тогда меня искренне удивил. Знаешь чем?

- Чем?

- Я до знакомства с Киреевым была убеждена, что каждый интеллигентный человек обязан любить кофе и разбираться в нем. А этот тип не понял разницы между дешевым баночным кофе и сваренным из элитных сортов. Вот. И в той кафешке он вдруг стал рассказывать мне, что можно видеть и "видеть". Я возьми и спроси его, какой он "видит" меня. Любой из моих прежних знакомых, ты только не подумай, я не хвастаюсь, стал бы мне... ну, да не будем об этом.

- А он?

- Он сказал, что видит маленькую заблудившуюся девочку. Очень одинокую, которой кажется, что, коллекционируя игрушки, одушевленные и неодушевленные, она заглушит тревогу, возникающую в душе. Но девочка ошибается. А потом добавил, что девочка эта - добрая и застенчивая, нежная и верная...

Софья замолчала. Потом, поднимаясь, сказала:

- Спасибо, что выслушала. Приходи почаще.

- Приду. Только коньяк больше не предлагай.

- Почему?

- Сопьюсь.

- Не успеешь. И Боброву приводи.

- Хорошо, что напомнила. Ты не могла бы ей работу подыскать? Вообще-то Ира по образованию учитель начальных классов - с этой работой проблем нет...

- Понимаю. Ей тяжело будет видеть весь день ровесников дочери?

- Да.

- У меня есть знакомая, уже третий или четвертый магазин открывает. Что-то из этой области Иру устроит?

- Спасибо. Думаю, устроит. Ей отвлечься надо. Да и деньги не помешают. Тем более что Виктор...

- Что с ним?

- Не знаю, стоит ли говорить...

- Стоит.

- Раскис он после смерти Лизы совсем.

- Пьет?

- Пьет, козленок. Ему с работы звонили. Он просился в отпуск, а они его послали далеко-далеко. Лето, говорят, на дворе, работы полно, ты у нас и трех месяцев еще не числишься.

- Понятно. Попросить за него?

- Не надо. Он мужик, сам о себе должен позаботиться. А вот Ире помоги, если можешь.

- Договорились.

Уже у двери Котеночкина остановилась.

- Самое главное забыла спросить. Как выставка?

- Мешенков на днях приступит к монтажу экспозиции. Плакаты я уже заказала. Прессу предупредила. Все нормально.

- Когда хочешь ее открыть?

- Двадцать девятого августа.

- Почему именно двадцать девятого?

- Лизе сорок дней исполнится. Да и, как сказал бы Киреев, знак хороший.

- Какой знак?

- Я посмотрела по календарю: двадцать восьмого - Успение Богоматери, а двадцать девятого - Нерукотворный Спас.

- Кажется, я понимаю... Счастливая ты, Соня.

- Почему? - искренне удивилась Воронова.

- Ты еще веришь в чудеса.

- Обещаю, что и ты будешь верить, Котик.

- Ты и впрямь еще маленькая девочка... Слушай, а от меня сильно пахнет?

- Совсем не пахнет.

- К одной бабушке я все-таки схожу. Обещала, ждет, наверное, бабуля. Побегу. И Софья вновь осталась одна.

Глава тридцать восьмая

- Говори правду - и все будет нормально, - ответил Киреев Юле на вопрос, что ей говорить в милиции.

- То есть как - правду? - удивилась Селиванова. Она уже рассказала Михаилу свою сагу, начиная с того самого дня, когда к ней домой пришел Гришаня, и заканчивая событиями в Галичьей Горе и на лесной поляне под Задонском. - Рассказать, как они... как мы вас убить хотели? Меня же посадят. Несмотря на то, что на душе у Киреева было очень тяжело, он не мог сдержать улыбки:

- Юлечка, в нашей земной жизни любая правда относительна. Я благодарен тебе за искренность, но история с иконой касается тебя, меня и Софьи. Зачем оперуполномоченному Редькину или Петькину это все знать? Знаешь, мне порой кажется, что это не я несу икону, а она ведет меня.

- И меня тоже?

- Наверное.

- Когда меня Шурик... ножом, я подумала, что все, это конец. А потом открываю глаза, а рядом икона. Знаете, я даже сначала подумала, что ее мне на том свете показывают.

- А потом пришли два ангела и потащили тебя куда-то, - вновь засмеялся Киреев. - Тебе рановато о том свете думать. Кстати, Вадим Алексеевич сказал, что тебя завтра в общую палату переведут. Больно быстро на поправку идешь.

- Михаил, так что мне этому Редькину говорить?

- Повторяю, правду. Ту, которая касается его. Назовешь свое имя и фамилию. Они по своим каналам проверят. Здесь тебе, надеюсь, нет резона врать?

- Конечно. Пусть проверяют.

- И проверят, не беспокойся. Тебя эти бандиты убить хотели? Хотели. Ограбили?

- Нет.

- А где же твоя сумочка и прочие вещи?

- В машине. Вместе с ними уехали.

- Почему же тогда - нет? Это все в машине сгорело?

- Вместе с документами и деньгами.

- Но ты же не поручала им свои вещи? Получается, ты потерпевшая, с какой стороны ни подойди.

- А если спросят, знала ли я их раньше?

- Интересный вопрос. Скажи мне, как их звали?

- Бугай, Гнилой, Шурик.

- Бугай. Хорошо. А как его фамилия? Где он работал, где жил?

- Не знаю.

- Вот и отвечай: не знакома я с ними.

- Здорово получается. "Что же тогда ты в их машине делала?" - спросит меня Редькин.

- Опять повторяю: правду говори. Хотела до Задонска доехать.

- Спросят: зачем?

- Ты думаешь, это Редькину будет интересно? Хорошо, скажешь, что увлекаешься автостопом, решила таким образом до Черного моря добираться. Из Ельца тебя до

липецкого поворота хороший человек довез, но ему нужно было в сторону Липецка, а тебе... Пришла пора рассмеяться Юле.

- Михаил, вы знаете, как в наше время называют девушек, которые стоят на дорогах и путешествуют автостопом?

- Я об этом не подумал. А что ты на меня так торжествующе смотришь?

- А мне интересно, как бы вы в такой ситуации правду стали Редькину говорить?

Оторвались от жизни, Михаил Прокофьевич. А еще журналист.

- Бывший, Юля, бывший. Послушай, а ты кроме массажа, маникюра для дам чем еще в жизни занималась?

- Легче сказать, чем не занималась. Два года в Строгановку поступала - без толку, матрешки разрисовывала и на Арбате их продавала, потом...

- Стоп. Так ты рисовать умеешь?

- Михаил Прокофьевич, в нашей земной жизни любые знания и умения относительны. Когда изостудию при Дворце пионеров закончила, наш преподаватель был уверен, что из меня вторая Галина Серебрякова получится, на худой конец - Ангелика Кауфман или Маргарита Жерар. Но экзаменационная комиссия в Строгановке с этим, увы, не согласилась.

- А почему ты в третий раз поступать не стала?

- А жить на что? У нас с Софьей Николаевной Вороновой оказались разные стартовые возможности.

- Понятно, - хмыкнул Киреев, - у вас с Вороновой еще и идеологические противоречия.

- А разве справедливо, когда одним в руки все само плывет, другие пашут, как проклятые, а пробиться все равно не могут. Скажите, это справедливо?

- Юля, в нашей земной жизни любая справедливость - относительна. Они рассмеялись.

- Я не знаю, какая ты была прежде, но, похоже, чувство юмора к тебе вернулось окончательно. Это хороший признак.

- Если честно, я и сама этому рада. В обществе Гнилого себя постоянно чувствуешь кроликом, на которого смотрит удав... Ну, да ладно. Вернемся к Редькину.

- Вернемся. Поскольку мы пришли к выводу, что все в мире относительно, ты скажешь, что, готовясь поступать в Строгановское училище...

- Но я же не собиралась.

- Откуда ты знаешь? Еще не поздно. А вот мне кажется, что поступишь - Бог любит Троицу, и станешь Галиной, Ангеликой и Маргаритой в одном лице. И Воронова сочтет за честь в своей галерее иметь твои работы. Не спорь. Об этом достаточно. Места здесь красивые. Впрочем, почему только здесь? Ты же и Елец видела, и Сосновку, и Одоев, и Болхов.

- А где же мои зарисовки, альбомы, этюдник?

- Сгорели, милая. Сгорели. Вместе с машиной. И вообще, это хороший знак.

- Знак?

- Да. Не падал тот, кто никогда не ходил. Считаю, что вместе с паспортом сгорела и та часть твоей жизни, о которой тебе вспоминать стыдно. Начинай жить.

- С чистого листа?

- Зачем же? Все светлое, доброе, что было в твоей жизни, оставь. А пока... Мне сейчас надо уходить.

- Киреев поднялся и протянул Юле конверт. - Загостился я в Задонске.
- Куда вы теперь?
- А Гнилому не расскажешь? Шутка. К тому же неудачная. Прости. В этом пакете адрес моей сестры в Новоурьевске. Адрес и телефон Софьи ты знаешь.
- Софьи?
- Ты хорошая актриса, но сейчас переигрываешь. Станет получше, позвони ей. Расскажи обо всем. От меня... привет передавай. Или не передавай. Как хочешь.
- Хорошо. А зачем деньги? Господи, и столько много! Нет, я не возьму.
- Они теперь твои и делай с ними что хочешь. Тут неподалеку женский монастырь есть. Я договорился с настоятельницей.
- О чем?
- Что ты поживешь там после больницы, пока не окрепнешь.
- Я и монастырь - понятия несовместимые, - не без гордости сказала Юля.
- Обожаю парадоксы. Будем считать, что я присутствую на рождении еще одного... А между прочим, как ты относишься к Блоку?
- К блоку НАТО?
- К поэту Блоку.
- "Ты, право, пьяное чудовище, я знаю, истина - в вине". Это помню. А еще про улицу, фонарь и аптеку.
- А мне у него одно стихотворение очень нравится. Вот пообщался с тобой - и вспомнил его.
- Прочитайте, пожалуйста.
- Лучше я попрошу Вадима Алексеевича тебе томик Блока принести и то стихотворение отмечу, а то я в последнее время профессиональным декламатором становлюсь... Да, прости, я на твой вопрос не ответил. Рассказали мне про один монастырь в Курской области. Маленький монастырь, еще до конца не восстановили его, но там настоятель - архимандрит Илларион. Говорят, удивительный старец. Хочу с живым старцем поговорить.
- А сил дойти хватит?
- Не знаю. Но вот пока здесь живу, ничего вроде не болело. Наверное, некогда было. Только душа болит.
- Почему?
- Ты же говорила, что не можешь забыть, как тех мужиков в Галичьей Горе убивали. Вот и я не могу.
- Но вы же...
- Ладно, не будем об этом. Выздоровливай. Вадим Алексеевич и Федор тебя не бросят и никому в обиду не дадут.
- Спасибо. За все - спасибо. Деньги я отдам. Заработаю и отдам. - Юля пыталась приподняться. - А Софье Николаевне я обязательно позвоню. Удачи вам. Киреев улыбнулся в ответ.
- А еще одну просьбу можно? - вдруг спросила Юля.
- Ну если только последнюю.
- Икона у вас?
- Понял.

Киреев снял рюкзак. Он бережно достал икону и передал ее Юле. Девушка так же бережно взяла ее в руки.

- Не тяжело?

- Нет. - И вдруг неожиданно для Михаила Селиванова поцеловала образ. Киреев пристально посмотрел на девушку. Перед ним была другая Юля. Откуда только взялись эти одухотворенные глаза, в которых можно было разглядеть и благодарность, и трепет, и печальную нежность.

- Спасибо, - тихо прошептала Юля, возвращая Кирееву икону. И добавила еще тише: - Берегите себя.

Михаил в ответ тихо пожал ей руку, взял рюкзак и уже направился к выходу, но вдруг повернулся и, облокотившись на спинку кровати, стал декламировать:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.
Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.
И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.
И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, - плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.
И, поклонившись низко-низко, Киреев вышел.

"А ведь, действительно, вся жизнь - сплошной парадокс, - думала Юля. - Кто бы мог подумать, что Киреев спасет мне жизнь, которая будет висеть на волоске после удара Шурика, которого я считала своим другом. Шурика больше нет - и мне совсем не жалко его. Киреев ушел дальше вместе с иконой, и так хочется, чтобы он остался жив. Чтобы... как это он читал сейчас: "усталые люди светлую жизнь себе обрели".

В палату вошел Вадим Алексеевич:

- Проводила друга?

Юля сначала хотела возразить, что Киреев ей не друг, но потом подумала: "А кто же он мне тогда?" И ответила:

- Проводила.

- Тут вот какое дело, уважаемая Юленька. По твою душу пришли.

- Редькин?

- Не понял? Какой Редькин?

- Да так, собирательный образ. Милиция пришла?

- Она, родимая. Вроде допрашивать тебя собирается. Договоримся: как только устанешь,

зови меня

- Я их мигом выгурю. Не хватало еще, чтобы у тебя проблемы возникли.

- Вадим Алексеевич, в нашей земной жизни любые проблемы относительны. Так что зовите вашего Редькина.

* * *

В детстве Кирееву очень нравилось, как образно, но лаконично описывались странствия героев: "долго ли, коротко ли", "за тридевять земель, в тридевяти царстве, в тридесятом государстве", "за семью горами, за семью долами, за синими реками". Вот так и он, долго ли, коротко ли, шагая бесконечной дорогой, пришел в Древлянск. Позади остались Ливны с их собором, о котором писал отец Сергей Булгаков, вспоминая в эмиграции, в Париже свои детские годы; очень тихие, даже для провинции, Колпны; пыльные Щигры и Льгов, почему-то обозначенный на карте как Льгов I, Льгов II и Льгов III и запомнившийся Михаилу приветливостью его жителей. Древлянск как-то сразу не показался Кирееву. Была ли тому причиной страшная жара - торопясь поскорее попасть в монастырь, он пренебрег в тот день традиционным дневным отдыхом, а потому входил в город еле волоча ноги, или виной всему стало воскресенье - у нашего странника сложилось впечатление, что весь Древлянск

- это один большой рынок. Среди продавцов преобладали украинцы - сказывалась близость границы. Почти час плелся Киреев до монастыря, расположившегося в одной из пригородных слобод Древлянска у слияния двух рек. В отличие от Троице-Сергиевой лавры или Оптиной пустыни, где всегда многолюдно, Свято-Николаевский монастырь порастил его патриархальной тишиной и безлюдностью. Большинство строений находилось в полуразрушенном состоянии. Вместо ухоженных дорожек из асфальта или плитки, привычных в известных монастырях, здесь было настоящее раздолье для травы. На вечерней службе присутствовало, не считая трех монахов, поющих на клиросе, три или четыре человека. Служба была длинная, в конце ее Киреев мечтал только об одном

- поскорее упасть на кровать и уснуть.

Иеромонах Гавриил, встретивший Михаила у монастырских ворот, после окончания службы отвел Киреева в келью к отцу Иллариону, который в тот день немного занемог. Он оказался еще не очень старым человеком. Отец Илларион внимательно посмотрел на вошедшего в келью гостя умными, добрыми глазами, а затем сказал:

- Брат Варлаам покажет вам монастырь, а потом отдохайте. И все. Аудиенция закончилась, не успев начаться. Киреев был слегка разочарован, но в то же время и благодарен настоятелю монастыря, который, в отличие от эмоционального брата Гавриила, сразу потащившего его на службу, увидел, как Михаил устал. Иеромонах Варлаам, к которому подвели Киреева, воспринял поручение старца без ропота, но, как показалось Михаилу, и без особой радости. Это был высокий мужчина лет тридцати, с очень тихим голосом и мягкими манерами. "Кроткий" - почему-то назвал его про себя Киреев. Отец Варлаам неспешно, принаравливаясь к шагу гостя, водил Михаила по монастырю и его ближайшим окрестностям, произнося словно экскурсовод хорошо заученный текст:

- Наш монастырь во имя Святителя Николая Чудотворца возник еще в конце XIV века, но первое историческое упоминание относится к 1614 году. В 1615 году обитель была сожжена польско- литовскими войсками Лжедмитрия, идущими на Москву, и лишь с начала XVIII века на месте стоявших ранее деревянных храмов были выстроены новые каменные

храмы. Их сейчас в монастыре три: Никольский, Воздвиженский и Троицкий. Никольский храм - двухэтажный с нижним зимним этажом в честь иконы Божией Матери "Знамение Курская-Коренная". Двадцать лет этот храм строила семья знаменитого древлянина и великого деятеля России Шелехова. Воздвиженский храм наиболее ярко подчеркивает своими формами умело выполненную копию в камне прежнего деревянного храма. На средства помещицы Забелиной был построен третий храм. К сожалению, не уцелел Тихвинский храм с прилегающим к нему больничным корпусом. Завершает ряд монастырских строений шестиярусная колокольня. В 1926 году обитель была закрыта и являлась воинской частью до середины пятидесятых годов. Затем использовалась различными хозяйственными учреждениями города и района, что привело замечательный памятник духовной и национальной культуры в жалкое запустение. Большею частью сохранились массивная каменная ограда с угловыми башнями. Уцелели и до сих пор используются игуменский и братский корпуса. Как и все строения в обители, они требуют срочного капитального ремонта. Лишь в 1991 году монастырь был возвращен Епархии и с Божией помощью и посильными усилиями христиан в нижнем храме Никольского собора совершаются богослужения и теплится Лампада у Престола Божия. Возле монастыря находится целебный источник Святителя Николая Чудотворца, который издавна являлся местом многочисленного паломничества притекающих к нему верующих, и в наше время получающих здесь исцеление... Произнося последние слова, иеромонах впервые за все время посмотрел в глаза Кирееву, будто желая сказать: "С вас довольно или еще будут вопросы?" Вопросы у Михаила были, но отец Варлаам отвечал на них односложно, скупороняя слова. И тогда Киреев прибегнул к своему старому испытанному приему. Еще будучи журналистом, он из всех газетных жанров больше всего не любил интервью. С одной стороны, неудобно лезть в душу человека, а с другой - не хотелось отделяться общими, стандартными вопросами типа: "Расскажите о ваших новых творческих планах". Но если не взять интервью было нельзя, он при знакомстве с новым для себя человеком использовал прием, который сам называл "шоковой терапией наоборот". Киреев буквально выворачивал свою душу наизнанку. Разумеется, собеседник мог подумать, что перед ним болтун либо что у Киреева "не все дома". Но чаще посторонний человек в ответ на искренность странного журналиста отвечал доверием и в свою очередь становился искренним.

И вот когда Михаил с отцом Варлаамом стояли у источника, Киреев стал рассказывать иеромонаху о себе. О своей болезни, странствиях, о том, что случилось с ним в деревне Галичья Гора. Впрочем, это не было холодным расчетом, да и само слово "прием" здесь явно не подходило. Кирееву захотелось, чтобы этот человек не относился к нему как к очередному туристу, волею судеб занесенному в эти места, чтобы хотя бы кто-то понял, как болит мучаемая угрызениями совести его душа.

- Вы правильно сделали, что пришли к отцу Иллариону. Он - удивительный, необыкновенный старец. - От былой сухости иеромонаха не осталось и следа. Оказалось, что отец Варлаам - прекрасный рассказчик, и когда он говорил о своем настоятеле, становился таким же восторженным, как и отец Гавриил. - Вы про старца Иоанна Крестьянкина слышали? Это духовный друг нашего старца. Восемнадцать лет отец Илларион пробыл на Афоне. Я в свое время во многих святых местах побывал, у мудрых людей совета о том, как жить, искал. А с отцом Илларионом поговорил - и бросил все:

работу в "ящике", свой родной город Жуковский, друзей, прежние привычки и уклад жизни - и остался здесь. Я сначала послушником был. Нас здесь всего шесть или семь человек тогда подвизались. Сказать, что трудно пришлось, значит, ничего не сказать. Без помощи Божией и без окормления старца... - Иеромонах задумался, подбирая слово, но так и не найдя его, сказал: - Вы понимаете меня?

- Понимаю.

- Народ в этих местах непростой очень. Колдунов много, хулиганистый люд тоже не в диковинку. К нам приходили с ножами, грабили нас, хотя что у монахов можно было взять? Мы думали, что убьют нас. Бежим, помню, к старцу, а он спокойно так говорит: "Чего вы боитесь? Если убьют нас - станем мучениками. Только достойны ли мы этого? Давайте будем уповать на Господа, и Он все образует". И что же вы думаете? Те лихие люди вроде стали тише, а потом и вовсе оставили нас в покое. А один из них теперь нашим братом стал. А колдуны... Тянет их нечистая сила к святому месту, тянет что-то пакостное сделать. Так тянет, что ломает их. А старец нам вновь говорит: "Уповайте на Господа, и не оставит Он нас". Вы сегодня в храме не обратили внимание на темное пятно на полу?

- Нет.

- Завтра обязательно посмотрите. - И, сделав приличествующую в таких случаях паузу, иеромонах продолжил: - У меня послушание - я чтец. В тот день, как сейчас помню, читаю, как обычно, на службе, народу мало. Женщина какая-то стоит. Вся в черном. Не крестится, но ведь народ разный приходит. Бесноватые к отцу Иллариону издалека приезжают. Он их вот здесь на источнике отчитывает. Одним словом, стоит женщина, я на нее мельком посмотрел и читаю дальше. И вдруг она из сумки какую-то банку выхватывает и кидает ее что есть силы, - тут отец Варлаам перекрестился, - прости нас, Господи, грешных, в чудотворную икону Божией Матери. Мы сначала замерли все. Потом братья, кто пел на клиросе, бросились к этой женщине. Она кричит что-то бессвязное, руками машет. В воздухе чем-то едко- кислым запахло. Все, думаем, святотатство свершилось, да еще на наших глазах. И что же вы думаете? Стекло на иконе вдребезги, пузырек тот тоже, а на икону ни капельки не пролилось. Чудо, настоящее чудо! - Отец Варлаам опять перекрестился. Это же совершенно произвольно для себя сделал и Киреев. - Ведь что колдунья задумала? Мы же то пятно с пола так смыть и не смогли, а запах несколько дней стоял. До сих пор не знаем, что за жидкость в банке была.

- Отец Варлаам, - спросил Киреев, - а почему вы думаете, что та женщина колдунья?

- А кто же она еще? - удивился иеромонах. - Нормальный человек, хоть он и неверующий, разве сделает такое? А над колдунами дьявол силу огромную имеет. Говорю вам, она даже выла - так не хотела это черное дело делать, а сделала...

Они вернулись в монастырь. По дороге отец Варлаам еще много рассказывал о монастыре и старце. Но Киреев заметил, что его спутник устал. Ему стало совестно так долго злоупотреблять добротой этого человека. Напоследок иеромонах показал Кирееву свою келью. Внутри все было по-военному просто и по-монашески скромно: кровать, иконы, несколько книг. Больше ничего.

- Вы, наверное, устали, отец Варлаам, - сказал, прощаясь, Киреев. - Отдыхайте. Только... Можно вопрос напоследок?

- Конечно.

- Вы ни разу не пожалели, что оставили прежнюю жизнь?

- Ни разу, - без раздумья ответил иеромонах.

- А как же близкие люди? О них не грустите?

- Из близких одна мама в живых осталась. Она... она поняла меня. А здесь хорошо.

Правда, хорошо. Кстати, когда мы с вами поднимались сюда, не обратили внимания на семинариста, который нам повстречался?

- Честно говоря, не обратил.

- Приехал он сюда просто так, из любопытства - это Александр сам рассказывал. А с отцом Илларионом поговорил - и уже третий год в семинарии учится.

- Как-то просто все получается.

- А знаете, что сказал братии отец Илларион, когда этот мальчик после первого визита сюда уехал?

- будто не услышав реплики Киреева, продолжал иеромонах. - Что придет время, и он будет нашим настоятелем... Прозорлив батюшка. Так что обязательно поговорите с ним. Да хранит вас Господь!

- Пойдите, отец Варлаам. Еще один вопрос. Самый последний. Скажите... вам не скучно? Вот вы придете сейчас в свою келью... - Киреев, как недавно его собеседник, не мог сформулировать свою мысль.

Отец Варлаам улыбнулся:

- Скучно? Что вы, Господь с вами! Я же молюсь, когда мне скучать?

- А молиться... это трудно?

- Это такая сладость. Бывает, что к молитве с нуждением приступаешь, бывает, что леньность вдруг нападет. Лукавый ведь не дремлет и не спит никогда. В отличие от нас. Но Господь помогает. А сладость от молитвы остается. Вы можете не поверить мне, Михаил, и, не дай Бог, подумаете, что я хвастаюсь, но вижу, что вы - из новоначальных, а потому скажу: я всегда жду, когда останусь один и смогу молиться...

- А сколько нужно молиться?

- Спросите у старца. По мне, так весь день, все двадцать четыре часа.

- А как же спать? - наивно спросил Киреев.

- Извините, но вы говорили о последнем вопросе, - мягко произнес отец Варлаам. Поклонившись Кирееву и вновь повторив: "Да хранит вас Господь", он распрощался с гостем. Оставшись один, Михаил вдруг почувствовал острую боль в желудке - видимо, сказывался тяжелый день. Ложиться уже не хотелось, и Киреев вышел на улицу. Вечер принес долгожданную прохладу. Возвращались с поля и фермы монахи, имевшие хозяйственные послушания. Молодая женщина мыла посуду, оставшуюся от ужина. Приветливо поздоровалась с Михаилом и предложила ему потрапезничать. Он отказался, но разговор с женщиной завязался. Ее звали Надеждой. Она оказалась москвичкой, работала программистом в одном из научных институтов. В монастырь приехала на время отпуска, уже третий год подряд. Ее послушание - помогать братии на кухне.

- Работы здесь для монахов много. И монастырь восстанавливать надо, и хозяйство монастырское поднимать. А мы, несколько женщин, которые к старцу приезжают, стараемся на кухне им помогать. Местные тоже помогают, но все-таки здесь к монастырю пока еще настороженно относятся. Вот мы и стараемся так время рассчитать, чтобы все время кто-то

здесь был. Через неделю я уеду, меня Елена Петровна сменит. Жаль, мало времени могу в монастыре находиться. Работа, сами понимаете, семья. А вы кваску холодного не выпьете? - Все это Надежда проговорила на одном дыхании, продолжая мыть миски и тарелки.

- С удовольствием. Скажите, Надежда, а вам не жаль весь отпуск проводить вот так? - И Киреев показал глазами на гору посуды.

- Вовсе нет. У каждого свое послушание. А для молитвы время всегда остается, да и службы здесь каждый день. А самое главное, к старцу близко. Он окормляет нас. - И, взяв кружку, женщина направилась в столовую, но вернулась оттуда явно огорченной.

- Надо же, выпили все. Да и понятно: жара-то какая!

- Ничего страшного. Я в святом источнике водицы набрал.

- Ее для обратной дороги, для дома поберегите. Пойдите, - вдруг вспомнила она, - у меня в погребке должен еще квас оставаться.

И, не слушая возражений Киреева, взяв ключ, Надежда направилась к погребу, который был неподалеку. Но если не везет, то не везет во всем. Замок не хотел открываться.

- Катерина! - громко позвала Надежда. - Катерина, где тебя носит? На ее зов прибежала белобрысая загорелая девчушка лет девяти. Судя по всему, дочка Надежды.

- Молись, - приказала ей мать. Приказала вроде бы строго, но было видно, что этот тон идет скорее от желания как-то приструнить Катерину, вертевшуюся как волчок. Да и любви в этих словах было больше, чем строгости.

- Мам, я с дядей Иовом к коровам пойду? Лады?

- Пойдешь, - сдерживая улыбку, сказала мать. - А сейчас помолись. Девочка замерла у дверей погребка, закрыв глаза и что-то шепча губами. Надежда еще раз вставила ключ в замок - он открылся. Заметив нескрываемое удивление Киреева, женщина, дождавшись, когда Катерина умчалась, пояснила:

- Отец Илларион говорит, что детская молитва - самая чистая и не зря ведь Господь сказал: "Будьте, как дети". Когда у кого-то что-то не ладится, все зовут мою дочь. Она, конечно, шалунья порядочная, но свято верит, что Господь любую молитву исполнит.

- Любую?

- Конечно. Надо только веру иметь, хотя бы с горчичное зерно. Вот у Катерины моей такая вера есть

- это не я, как отец Илларион сказал.

Квас оказался холодным и очень вкусным. Киреев сделал глоток, второй... От страшной боли его буквально скрючило.

- Вам плохо? - испугалась Надежда.

- Не беспоко... не беспоко... койтесь, - с трудом выдохнул Михаил. - Хронический гастрит... не ел весь день... бывает. - Он постарался выпрямиться. Боль стала чуть тише.

- Я же не знала... Квас-то на хрене, по старинному монастырскому рецепту.

- Ядреный квасок, однако.

- Еще бы! Жаль, нет Елены Петровны. Она врачом работает. Да здесь и без врача ясно: с гастритом разве можно весь день ничего не есть?

- Ничего, ничего. Пойду прилягу.

- Вас проводить? - И Надежда, не слушая возражений Киреева, позвала на помощь. Из двери братского корпуса показался тот самый семинарист, о котором говорил отец Варлаам.

Михаил сначала хотел отвергнуть предложенную помощь, но боль была все еще сильной, да и комнату, где его поселили, он мог не найти. И еще Киреев подумал, медленно поднимаясь по высоким ступеням братского корпуса: "А ведь это хороший знак, если разобраться: будущий настоятель меня до места ночлега провожает". В том, что этот семинарист когда-то станет настоятелем Свято- Николаевского монастыря города Древлянска, Киреев не сомневался: отцу Иллариону он уже сейчас, до разговора со старцем, верил больше, чем себе.

Глава тридцать девятая

"Работайте Господеви в веселии, внидите пред Ним в радости" - сквозь дрему услышал Киреев. Только-только успокоилась боль, и он наконец-то уснул, а его соседи, в основном послушники, поднимались на работу. Старик Пахомыч, чья кровать стояла рядом, молился перед старенькой картонной иконкой Спасителя, стоящей на подоконнике. Это его голос слышал Киреев. Удивительно, но старик, внешне похожий на крестьянина прошлого века, без молитвослова произносил наизусть слова псалма: "Уведите, яко Господь той есть Бог наш: Той сотвори нас, а не мы, мы же людие Его и овцы пажити Его". Кажется, девяносто девятый псалом, подумал изумленный Киреев. Но изумлялся он недолго: глаза слипались сами собой. Посплю еще немного, решил Михаил, и проснулся, когда солнце уже высоко поднялось над крышами Древлянска. В комнате никого не было. Михаил вскочил, как ошпаренный. И кто это сказал, что утро вечера мудренее? Вчерашнее спокойствие в душе, радость от предстоящей встречи, предстоящего разговора с отцом Илларионом сменились беспокойством и неуверенностью. Служба заканчивается, хорош же он будет, когда заявится в храм к самому концу литургии! И все-таки это была отговорка. Какая-то неясная сила гнала Киреева из монастыря. "А если старец спросит: ты хоть раз в жизни исповедовался? Что я скажу ему: нет и не собираюсь пока? А о чем мне спрашивать старца? Спрошу, как мне успокоить совесть? Сколько осталось жить? Или попросить его дать богословское определение искушению?" Михаил оделся, взял рюкзак и, стараясь остаться незамеченным, покинул братский корпус. Со стороны это напоминало бегство. Но видеть Киреева, с малодушной поспешностью покидающего монастырь, могла только рыжая дворняга, в одиночестве слонявшаяся по пустынному двору. Что за сила гнала Киреева из монастыря - этого он не мог объяснить, да и не искал Михаил в этот момент никаких объяснений. Зато чувство собственной ничтожности перед людьми, живущими здесь, перед силой их веры, чувство, появившееся совершенно внезапно, захватило Киреева целиком. Он подошел к воротам монастыря, последний раз обернулся назад... "Господи, как легко поучать других! Помнишь, как ты говорил Марфе: самый большой грех - отчаяние. И куда ты пойдешь сейчас, с унынием на сердце и отчаянием в душе? Учитель мудрости, ядрена вошь!" Киреев резким движением снял рюкзак, положил его здесь же и пошел к храму. В конце концов, неужели у него не хватит мужества и силы воли приложиться к той иконе, о которой рассказывал вчера отец Варлаам, попрощаться со старцем и братией, сказать им спасибо за приют. Но чем ближе подходил Михаил к дверям храма, тем меньше походил он на волевого человека. Все та же неведомая сила тянула его назад. Но Киреев все-таки вошел внутрь храма, пусть робко, стараясь не привлекать к себе внимания, но вошел.

Поразительно, подумал Михаил, окинув взглядом храм, верующих перед алтарем на этот раз не было. Если вчера стояли человек пять-семь, сегодня - никого! Но литургия, тем не менее, шла своим привычным чередом, подходя к концу. На клиросе - три монаха, среди которых Киреев заметил и отца Варлаама. Вел службу отец Гавриил. Михаил перекрестился и пошел в центр храма: деваться ему было некуда, все равно он один перед алтарем. Впрочем, Киреев ошибался. У дальней стены на маленьком табурете сидел отец Илларион. В руках четки, лицо опущено вниз, будто старец дремал. В отдельных местах службы он поднимался с табурета, потом опять садился. Вот уже хор запел "Отче наш...". Михаил знал,

что обычно эту молитву поет весь народ, присутствующий на службе. И потихоньку вслед за монахами на клиросе тоже запел: "...да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя". Куда-то исчезла робость, и та сила, что вела его прочь, словно отступила, затаясь... Молитва закончилась. Положив перед Святым Престолом земной поклон, отец Гавриил обратился лицом к народу, то есть в данном случае к нему, Кирееву, благословил Михаила, произнеся: "Мир всем". Хор ответил: "И духови твоему". При этих словах Киреев поклонился отцу Гавриилу. Сейчас перед ним был не вчерашний эмоциональный и, как показалось Михаилу, несколько легкомысленный человек, а священник, внутри которого будто кто-то зажег светильник. Киреев почувствовал трепет, исходивший от иеромонаха, и трепет этот словно передался ему. Он даже забыл посмотреть на знаменитое пятно на полу. Хор запел: "Един Свят. Един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь. Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних". В этот момент кто-то прошептал Кирееву сзади: "Извините, вас просит подойти батюшка". Обернувшись, Михаил увидел невесть откуда взявшегося послушника Александра. Старец сидел в прежней позе, перебирая четки. Киреев подошел к отцу Иллариону и остановился в нерешительности, не зная, как себя вести.

- Причаститься хотите? - вдруг спросил старец.

- Да, - неожиданно для себя ответил Киреев. - Но я ни разу не исповедовался.

- Не беда, - спокойно ответил отец Илларион. - Вот сегодня и начнете. - Старец всем своим видом показал, что слушает Михаила.

Так, наверное, щенка бросают в воду. Киреев словно упал с разбега в холодную реку. Перехватило дыхание. И он стал говорить, говорить, говорить. Вспоминал те или иные поступки, повторяя услышанное или прочитанное раньше: "грешен, батюшка". Но волновался и говорил скороговоркой Михаил еще и по другой причине: краем глаза он видел, что отец Гавриил уже шел с Чашей и ждал. Ждал его, как ждали Киреева и монахи. А у Михаила с детских лет было три "пунктика", если можно так выразиться: он терял самообладание и контроль над собой, когда при нем унижали человека, мучили животных, а еще когда он заставлял других ждать себя.

- Успокойтесь, - вдруг мягко сказал старец, - не надо волноваться. Вы еще не сказали... - И к огромному удивлению Киреева, батюшка напомнил ему один эпизод из прошлого, за который Михаилу всегда было стыдно. Затем второй, третий.

Кирееву оставалось соглашаться и каяться в своих прошлых деяниях и поступках. Так дошли они

- вместе с батюшкой - до дней совсем недавних. Михаил только начал рассказывать о том, что произошло в деревне Галичья Гора, заново переживая случившееся, но старец остановил его:

- Не надо так подробно... Вы теперь поняли, что важно не богословское или литературное определение искушения, а нечто совсем иное?

- Да, - ответил уже переставший чему-либо удивляться Киреев.

- Вы раскаиваетесь в том, что мысленно осудили людей, которые за вас потом свои души положили, как за брата своего?

Киреев заплакал.

- Да, - прошептал он.

- Хорошо, - ободряюще сказал батюшка, неожиданно улыбнувшись, правда, одними

глазами. - Никогда и ни в чем не надейтесь на себя - и Бог избавит вас от любого искушения. А если оно все же придет - даст вам силы выстоять в борьбе. Но для начала привыкните осуждать только одного человека - самого себя. И тогда Бог вас не осудит. А не осудит Бог - не страшны будут искушения.

- А они еще... будут... у меня? - Слезы буквально душили Киреева. Впервые за все время исповеди отец Илларион посмотрел Кирееву прямо в глаза.

- Не правда ли, - будто не услышав вопроса, спросил Михаила старец, - не пойти к экстрасенсу, узнав, что у тебя рак, оказалось легче, чем вернуть найденные деньги? А победить похоть оказалось еще труднее. А еще труднее обуздать свой язык, осуждающий брата своего... Киреев опустил голову.

- Вы все правильно про меня говорите.

- Нет, я простой и грешный монах. Это Господь - сердцевед. Будут ли у вас еще искушения? - вновь улыбнулся старец, на этот раз не только глазами. - Так ведь дорога ваша еще продолжается. Вы отныне православный человек и, значит, должны знать: чем дольше будете идти, тем больше будете понимать, что путь на самом деле бесконечен, а вы только в самом его начале.

- Зачем же тогда... отправляться в дорогу?

- Помните, своим ученикам Господь говорит, что только милостью Божией может спастись человек. Вот вам и ответ. Милость - это дар любви. Любви Бога к нам, грешным и недостойным. Он и призывает к нам ежечасно и ежеминутно: "Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы". Если Он зовет нас, то как же не идти? Легким и сладостным был бы наш путь, если бы не гордость и себялюбие, что живет в сердце каждого из нас.

- Но ведь были же святые люди, батюшка.

- Един Бог свят. Вот скажите, почему вы так осуждали тех деревенских людей, хотя они последний кусок хлеба вам предложили и приютили на ночь? Почему заранее приписали им дурное?

- Сам не знаю. Но я пытаюсь бороться со своей гордыней, если она - причина моих дурных поступков.

- Это хорошо, но без Него мы не можем ниче соже. Вот и очищает Он сердца наши скорбями и болезнями. И вам великая милость была дана - через страдания искупить прежние грехи свои. Нужно ли спрашивать: идти мне или не идти? Не спрашивайте - идите. Носите в сердце упование на Него - и идите. А если покажется вам, что вы уже пришли, что вы уже спасены и теперь вокруг вас спасаются тысячи - значит, шли вы совсем в другую сторону.

- Простите, батюшка, но разве преподобный Серафим...

- Нет, он не совсем так об этом говорил. "Радость моя, - сказал преподобный одному человеку,

- молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя". Мирный дух - это признак того, что мы идем к Богу, а не бежим от него, что мы со смирением принимаем все, посылаемое Им... Все, - как-то устало произнес старец, - давайте я отпущу ваши грехи и идите - причащайтесь... Теперь целуйте крест, Евангелие... Давайте я благословлю вас. Вы хотели спросить меня о своей болезни?

- Да, батюшка. - Киреев чувствовал себя открытой книгой, которую легко читает этот удивительный человек.

- Господь еще не призывает вас.

- Я еще... не очистил... сердце? Поэтому я... буду жить? - Киреев не верил своим ушам.

- Правда странно? Вот вам еще один парадокс, раз вы их так любите. Недавно вы были бы счастливы, узнав, что еще будете жить и что близкая смерть вам не грозит, а сейчас вы даже разочарованы.

- Разочарован? Да, похоже на это, батюшка. Один человек... еще тогда сказал, что завидует мне...

- Пути Господни неисповедимы... Да и молился кто-то о вашем телесном здравии, сильно молился и продолжает молиться. Вы видели вчера маленькую девочку? Вот у нее нам всем учиться надо. Бог внимает чистым сердцам, особенно если они уже предстоят перед Ним.

- Лиза... умерла? - спросил Киреев, хотя он уже все понял. Старец помолчал, затем ответил:

- Умереть - не очень... верное слово. Еще один парадокс, согласитесь: многие хорошие слова для нас приобрели противоположное значение, и наоборот. Слово "прелесть", то есть "обман, ложь", стало похвалой... Да... Раньше на Руси говорили "преставился". Понимаете? Человека как бы переставили. Он в другом измерении, но он стоит, он жив... А еще есть такое слово - "успение".

- Какое-то соединение "сна" и "уснуть".

- Так оно и есть. Успеть спастись... Она вымолила вас, эта девочка... - были последние слова, которые Киреев услышал от отца Иллариона.

Может быть, от того, что огорошила его весть, полученная через старца, но само причастие запомнилось ему гораздо меньше исповеди. Нет, он с волнением и трепетом подходил к Чаше, но внешне ничего особенного в его душе не произошло. Михаил отныне ни на секунду не сомневался, что Лиза по-прежнему жива, только находится в другом измерении. Земной путь ее был завершен. Но от сознания того, что он никогда не увидит свою дорогую коноплянку, Кирееву стало невыносимо грустно.

Подошедший после окончания службы отец Варлаам поздравил Михаила с принятием причастия и подарил большую просфору. Простившись с ним и другими монахами, Киреев отправился к воротам, где все на том же месте лежал его рюкзак.

- Куда теперь пойдете? - спросила Михаила подошедшая Надежда. - А то бы остались...

- Старец пока не звал. А после будет видно... Куда пойду сейчас? Городок такой есть - Бобров называется. Не слышали?

- Нет.

- А оттуда уже точно - в Старгород, - скорее себе, чем женщине ответил Михаил.

- Тоже не слышала.

- Вот теперь будете знать.

- Ангела-хранителя вам в дорогу. А старец будет молиться за вас. И вы его тоже не забываете!

- Что вы!

- А то оставайтесь. Я для вас без хрена квас сделаю.

- Надо идти. Спасибо.

- Я вот тут вам хлебушка и огурчиков малосольных положила. Идите с Богом! Киреев вновь прошел через весь Древлянск. Но теперь город показался ему совсем другим - тихим, сонным и очень уютным. Он зашел на почту и хотел позвонить в Москву. Отстоял длинную очередь - единственная телефонистка работала очень медленно, а потом Киреев передумал звонить. Что он скажет Ире и Виктору? И Михаил послал Бобровым телеграмму, в которой было всего пять слов: "Я плачу вместе с вами".

* * *

Киреев оказался прав. Оперуполномоченный не усомнился в показаниях Юли, а Вадим Алексеевич и Федор не оставили девушку в одиночестве. Хирург вообще-то здорово помучил ее. Он заставлял Селиванову много ходить - сначала по палате, потом по коридору и, наконец, по маленькому больничному парку. Разумеется, Юле это не нравилось: лежать в постели было гораздо комфортнее, при ходьбе же начинались боли. Но с каждым новым днем девушка ходила все увереннее и увереннее. При выписке Голубев дал Юле, как он сам выразился, ЦУ - ценные указания и обязал ее каждый день приходить на перевязки.

- Вадим Алексеевич, - спросила она хирурга, - я у вас в неоплатном долгу, но ответьте мне: почему вы так заботитесь обо мне?

- По многим причинам, уважаемая Юля.

- Киреев - одна из них?

Голубев на секунду-другую задумался. Потом ответил:

- Он - редкий человек.

- Потому что ходит пешком?

- Потому что неделю просидел возле твоей постели и ни разу не попросил меня, хирурга, посмотреть его самого. Думаешь, я не понял, чем он болен? А вообще, - Вадим Алексеевич улыбнулся, - уважаемая Юля, разве чувство приязни, дружбы всегда логически объяснимо? Хотя, не спорю, мне было приятно, как большому поклоннику Канта, встретить в нашей жизни единомышленника.

- Михаил Прокофьевич вам сам сказал, что любит Канта?

- Зачем? Когда тебя привезли в приемный покой, то я позволил себе процитировать Иммануила: "Удел женщины - владычествовать, удел мужчины - царить..." А Михаил Прокофьевич неожиданно

- для меня, разумеется - закончил мысль Канта: "...потому что владычествует страсть, а правит ум". Юля возмутилась:

- Вас, что, на такие глубокие мысли навело мое распростертое тело?

- Не обижайтесь, уважаемая Юля. У женщин мысли рождаются из переживания, а у мужчин переживания из мыслей...

- Это тоже сказал Кант?

- Нет, это сказал хирург Голубев... Мне трудно объяснить женщине ход своих мыслей, но, поверьте, и Киреев, и я, и тот молодой человек, кажется, его зовут Федор, все мы переживали за вас.

- Я это знаю и благодарна вам всем. Но все-таки, что в моем тогдашнем положении вызвало в вашей памяти эту цитату?

- Вы не понимаете?

- Не понимаю. А Киреев понял вас или только показал свою эрудицию?

- Как у вас глазки заблестели! Вот вам и ответ. Если бы миром правил ум, а не страсть!

- Получается, что во всем виноваты женщины?

- Да нет же! Разве настоящий мужчина мог так поступить с вами? Все перемешалось в этом мире... - Голубев громко вздохнул. - Вы умирали тогда. На лице ни кровинки, зато в крови обе руки. Это правда, что все хирурги в той или иной степени являются циниками. Но не потому, что они бессердечны. Это защита организма, если хотите. И все равно, когда умирают дети или молодые люди

- к этому, уважаемая Юля, невозможно привыкнуть... - Голубев замолчал.

- Кант - это форма самозащиты? - спросила Юля.

- Вот видите, столько я слов потратил, а вы одной фразой объяснили, - улыбнулся Вадим Алексеевич. - А можно сказать несколько иначе: я в тот момент призвал себя к бесстрастию.

- Зачем?

- Чтобы у вас стало больше шансов выжить. А вот Федор Новиков не вел с Юлей философских разговоров. Он приходил, приносил козье молоко - "подарок от тещи", свежие ягоды и фрукты. Сидел молча, не зная куда деть свои большие руки. Сначала Юля чувствовала себя не очень ловко, особенно когда Федор стал продолжать навещать ее в монастырской комнатке, где она поселилась, выписавшись из больницы. В жизни Селиванова твердо усвоила правило: если тебе оказывают внимание, значит, от тебя что-то хотят. Первым исключением из правила оказался Киреев. Неужели Федор будет вторым?

- Вы, я думаю, образцовый муж, Федор, - сказала однажды Новикову Юля.

- Почему так думаете?

- Вы заботливый. Хозяйственный. Немногословный. Наверное, руки у вас золотые. Федор засмутился:

- Скажете еще! Вам Михаил расскажет. Он тогда на меня прикрикнул даже: много, мол, говоришь.

- Вы удивили меня. А я думала, что вы - молчун.

- Да я сам себе удивляюсь. А вот про то, что хозяйственный... У нас иначе нельзя. Жить-то надо.

- А чем вы занимаетесь?

- Да всем. Фермерствовать пробовал. Когда за солярку пришлось весь собранный урожай отдать, а налогами меня просто задушили, понял, что с фермерством завязывать надо. Кое-что продал - грузовичок старенький купил. Однажды решил мясным бизнесменом заделаться.

- Каким?

- Мясным. Объездил окрестные деревни, мяса скупил и поехал в Москву продавать. Наивный.

- Почему наивный?

- Пока ехал, на одном посту ГИБДД остановили - пришлось дать гаишникам мяса, на втором, третьем... А в Москве на рынке подошли три...

- Бугая?

- Да, здоровые ребята. И сказали, по какой цене я должен мясом торговать. Я даже бензин не смог окупить. Прогорел, одним словом. Никудышным оказался бизнесменом.

- А чем сейчас занимаетесь?
- Чем придется. Дрова и уголь бабкам вожу, сено. Ничего, жить можно. Нам двоим хватает.
- Простите, у вас нет детей?
- Есть. Павлик.
- А почему вы говорите - вдвоем?
- Вдвоем. Я не женат.
- А как же... теща? - растерялась Юля.
- Обыкновенно. Мать жены - теща. Жены не стало - теща осталась. Анна Алексеевна - хорошая женщина. Не знаю, в кого только моя Настя пошла.
- Настя - это жена?
- Бывшая. Мы развелись с ней. Пока я землю пахал, она... короче, недоглядел я за Настюшкой. По-черному она загуляла.
- Что же вы не уследили?
- А как уследишь? Она в магазине работала. Там и пить начала... Я и так с ней пробовал разговаривать, и сяк. И хоть она из меня посмешище делала, ради Пашки терпел. Но когда с очередным хахалем в Липецк на полгода уехала, даже матери об этом не сказав и с сыном не попрощавшись... Короче, не интересно это, - горестно махнул рукой Федор. - Анну Алексеевну жалко. Одна у нее Настя была.
- Почему была?
- Когда она из Липецка приехала, ее никто узнать не мог. Будто лет на десять постарела. Да разве такая жизнь красит? Два дня Настя у матери пожила и опять пропала. То в Ельце ее видели, то в Ефремове, говорят, на вокзале бутылки собирала. А потом исчезла... будто не было. Федор умолк. Молчала и Юля, не зная, что сказать. Неожиданно Новиков встрепенулся:
- Только, ради Бога, не подумайте, что я вас разжалобить хочу или что клинья к вам подбиваю. Я же понимаю, кто вы, а кто я...
- Юля даже поперхнулась от таких слов:
- Федор, вы о чем говорите? Я такой же человек, как и вы. Разве не так? Только... вы совсем не знаете меня.
- Юля, я же сказал, что у меня плохих мыслей в голове не было и нет. Да вы пейте молоко, пока оно теплое. Оно целебное. Поправитесь - и в Москву, я же понимаю.
- Послушайте, Федор. Все совсем наоборот. Я... Господи, ну как это сказать... Вы - хороший, добрый человек. Только в одном я ошиблась: думала, что вы молчун...
- А оказался болтуном?
- Нет, просто общительным человеком. А молчали, видно, из робости?
- Есть немного, - совсем по-детски улыбнулся Федор.
- Вы и вправду славный. Даже жену свою... бывшую Настей называете.
- А как же иначе? Не шлюхой же, простите. Она же мать Павлика, да и жалко ее. Настя не плохая была. Просто - слабая.

Юля с удивлением смотрела на этого рыжеватого парня с пронзительно-серыми глазами. Раньше, когда ее бросал очередной любовник, Юля говорила себе: "Все мужики - сволочи", хотя на самом деле в это не верила. И когда появлялся какой-нибудь Гришаня, она

открывала ему двери, в глубине души надеясь, что вот этот окажется настоящим. Странно, а Федору открыла бы она двери своего дома?

- Понимаете, Федя, я очень дурная женщина. Вы думаете, порядочная девушка окажется в такой ситуации, в которой я оказалась сейчас? Поверьте, кое в чем я могу дать фору вашей жене.

- Бывшей жене.

- Да, бывшей жене. И за многие поступки, что я делала, мне очень стыдно. И перед теми людьми, что так заботливы ко мне, - стыдно.

- Послушайте, Юля, зачем вы наговариваете на себя?

- Наговариваю?

- Конечно. Всякого человека по глазам видно - хороший он или плохой... И зря вы смеетесь.

- А Настя была хорошей?

- Да. Но слабой. Я с ней развелся не потому, что меня ребята знакомые рогоносцем называли...

- А почему?

- Потому, что ей Пашка не нужен был.

- А зачем мне наговаривать на себя?

- Не знаю, - пожал плечами Новиков. - Засиделся я. Пора мне. Завтра заехать не смогу, а послезавтра обязательно буду.

- А я думала, что мужчин в женский монастырь не пускают, - пошутила Юля, стараясь скрыть легкую досаду: ей отчего-то захотелось услышать от Федора ответ на свой вопрос.

- Да, матушка-настоятельница - человек хороший, но строгих правил. - Новиков, похоже, не почувствовал шутливой нотки в голосе Юли. - Но мы с ней ладим. Я им на грузовике то уголька подвезу, то дровец... Только не подумайте, что за деньги - монастырь все-таки.

- Приходите, - вдруг сказала Юля. - Я буду рада. И еще. Мне помощь ваша нужна будет.

- Говорите, - с готовностью откликнулся Федор.

- Позвонить надо в Москву. Городок ваш хоть и маленький, но мне еще трудно ходить.

- Довезу. Могу и в Елец, могу в Липецк - там связь лучше работает.

- Спасибо. Меня Задонск вполне устраивает. Кстати, а сколько из Москвы до вашего городка на машине ехать?

- На хорошей машине?

- На очень хорошей.

- Часов пять.

- Понятно.

- Ну, я пошел?

- Спасибо... тебе.

Но Федор топтался на месте и все не уходил. Потом еще раз сказав: "Я пошел", закрыл за собой дверь.

Когда он ехал на своем грузовике в Хлевное, где ждал его семилетний Пашка, то всю дорогу думал о том, что скоро эта необыкновенная девушка уедет в свою Москву и забудет его, такого нелепого со своими яблоками, козьим молоком и грязными от угля руками. А

Юля представила себя в роли жены Федора, доящей коз, окучивающей картофель, варящей щи на русской печке. Нелепая получалась картина. Но смеяться почему-то не хотелось... Между прочим, настоятельница была действительно женщиной строгих правил. Однажды она сказала Юле, что праздность - мать всех пороков. Затем, немного помолчав, добавила:

- По-моему, залежалась ты, дочка. Это пусть мужики над тобой пчелками порхают, у нас все-таки монастырь.

- Гоните, значит? - без обиняков спросила Юля.

- Упаси Господь! Вижу, что ты еще не совсем здорова. У нас сестры трудятся в меру своих сил. Вот я и пытаюсь узнать твою меру.

- Отжиматься от пола еще не могу, а на ногах уже стою.

- Ну и славно. В хоре пела когда-нибудь?

- В музыкальной школе пела. Правда, давно это было...

- Вот и помоги сестре Евфимии. Приказывать я тебе не могу, тем более знаю, что скоро ты в Москву уедешь. Но сейчас праздников много наступает, а хор у нас маловат. Да и слабоват, надо признать.

Юля сначала едва не рассмеялась, потом, поняв, что это будет невежливо, решила культурно отказаться. И вдруг неожиданно вспомнила, как Михаил читал ей стихотворение Блока...

- Но я не пела в церкви... никогда. Вдруг - не получится?

- Ты думаешь, я всю жизнь настоятельницей была?

- А на вас посмотришь, матушка Валентина, и кажется, что всю.

- Язык у тебя... - засмеялась настоятельница. - Я пятнадцать лет бухгалтером на фабрике отработала.

- А как же...

- Так же. Призвал Господь - и пошла. Не обо мне речь. Так поможешь сестре Евфимии?

- Сестре и не помочь? Только я сутану вашу черную не одену.

- Сутану? - опять засмеялась матушка Валентина. - В чем сейчас ходишь, в том и пой. Между прочим, одежду и белье Юле купила на задонском рынке Ирина Васильевна, жена Голубева. Покупала "на глаз", а потому Селиванова не очень ловко себя чувствовала в этой одежде.

- Только краситься не надо и не забывай платком голову покрывать. Считаю, это будет твое послушание, - добавила матушка.

- Хорошо, - Юля даже растерялась от того, что обычно суровая и не улыбочивая настоятельница так озорно рассмеялась.

Селиванова вообще переступила порог монастыря с огромным количеством накопленных ранее предубеждений. Например, ей казалось, что в монастырь идут либо пожилые, либо жизнью обиженные люди. А если Юле и доводилось что-либо читать или слышать о монастыре, то это сводилось в основном к рассказам о якобы прорываемых между мужскими и женскими монастырями подземных ходах. С какой целью прорываемых, объяснять, надеюсь, не надо. Разумеется, подземного хода она не обнаружила. А вот среди сестер обители увидела и пожилых, и действительно обиженных жизнью, но также и молодых, и даже красивых девушек. Это еще больше озадачило Юлю. Смущали, правда, вечно опущенные долу глаза некоторых монашек и осуждающие взгляды, направленные в ее

сторону. Но когда Селиванова стала ходить на спевки небольшого монастырского хора, когда она почувствовала, с каким терпением и тактом относятся и к ее шуткам, не всегда безобидным, и к ее ошибкам на репетициях, а они в свою очередь поняли, насколько искренна и добра эта девушка, то отчуждение растаяло, как льдинка на мартовском припеке. Юля перестала разгадывать психологические загадки, а приняла этих людей, называвших друг друга сестрами, а ее - Юленькой, такими, какие они есть. Когда же она первый раз спела на службе вместе с сестрами Трисвятое: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас", когда увидела глаза двенадцатилетней Вареньки, девочки-сироты, нашедшей приют в обители, в которых отражался отблеск свечей, когда услышала проповедь тихого батюшки Сергия, в которой говорилось о том, что Господь преобразился на горе Фавор, а мы тоже должны преобразить свои жизни, - Юля перестала чувствовать себя здесь чужой. Она не могла, да и не собиралась идти по пути матушки Валентины, сестры Евфимии, других девушек, ставших монахинями или послушницами, но теперь Юля открыла новый для себя мир. И поняла, что будучи лишённой этих тихих молитв, колокольного звона, зовущего к вечерне, пения, от которого у нее в некоторых местах мурашки бежали по спине, - она была лишена чего-то очень родного и светлого...

Юля отказалась от того, чтобы ей носили еду в комнату, а с разрешения настоятельницы ходила в трапезную. Во время трапезы кто-нибудь из сестер обязательно читал - обычно это были выборочные места из житий святых. Однажды матушка Валентина попросила почитать Юлю. Все посмотрели на нее. Неожиданно для себя Юля смутилась:

- Я не умею по церковно-славянскому.

- Жаль. А какие-нибудь приличествующие для этого места стихи ты знаешь?

- Стихи?

Юля на секунду задумалась, а потом стала читать - про девушку, которая пела в церковном хоре, о радости, которая обязательно будет, об усталых людях, мечтающих обрести покой... Последний раз она читала стихи на пионерском сборе в седьмом классе, а потому от волнения не заметила, что никто во время ее чтения за столом не ел... Кроме глухой древней старушки, которую все звали сестрой Клавдией. Клавдия доедала пустые щи и бормотала про себя: "Добрые щи, но укропчику можно было побольше положить".

Глава сороковая

Если и оставалось темное облако на Юлькином жизненном небосклоне в эти августовские дни, то это было невыполненное обещание, данное в больнице Кирееву. Она так и не позвонила Софье. Когда "мой угольщик верный", как Селиванова за глаза называла Федора, напоминал Юле о просьбе довести ее до телеграфа, она, ссылаясь на занятость (Новиков при этих словах удивленно поднимал свои белесые брови), говорила: давай лучше завтра. Завтра все повторялось вновь. На самом же деле Юля каждый вечер проговаривала этот разговор. Она хотела и боялась его. В конце концов Селиванова не выдержала и пошла за советом к настоятельнице.

- Да ты у нас и впрямь настоящей православной становишься! - искренне удивилась матушка Валентина. - Вот уже совета спрашиваешь.

- А что, быть православным, значит, обязательно советоваться надо? - Все-таки Селиванова не была бы собой, не задай она этого вопроса.

Настоятельница внимательно посмотрела на нее.

- Да как тебе сказать? И в этом тоже. Если же ты будешь слушать других еще и со смирением - будет вообще хорошо, - ответила матушка Валентина. Потом добавила мягче: - Зачем, дочка, задаешь такие вопросы, ответы на которые еще не готова услышать? Юля смутилась.

- Извините, пожалуйста. Мне действительно ваш совет нужен. Вы - мудрая женщина...

- Остановись. Кто я - ни мне самой, ни тебе не известно. Вопрос задавай, а льстить мне не надо. Мой совет на сердце не ляжет - пойдешь к отцу Сергию. А что касается мудрости... Она, дочка, состоит не в том, чтобы говорить, а в том, чтобы знать время, когда стоит говорить.

- Вы только не подумайте, что я вам льстю... льщу, но это вы хорошо сказали. У вас в Задонске одни философы, наверное, живут.

Настоятельница вновь не выдержала и засмеялась:

- Это не я сказала, а авва Исаяя.

- У меня есть друг, впрочем, вы его знаете - Михаил Прокофьевич Киреев. Вот бы им поговорить втроем.

- Кому им?

- Исаяе, Кирееву и врачу вашему, Голубеву. Тот, когда меня увидел раненую, так сразу Канта стал цитировать, а Киреев ему помогал. Им бы авва сказал, что иной раз лучше помолчать. Матушка Валентина смотрела на Юлю и с радостью про себя отмечала, что девочка оттаяла. И это сочетание своеобразного юмора, по старой привычке еще направленного на то, чтобы "подколоть" собеседника, но в то же время уже незлого - с наивностью, присущей натурам чистым, создавало забавную "смесь". Разговаривать с этой девушкой было радостно, но, будучи опытной настоятельницей, матушка опять приняла строгий вид.

- Интересная мысль. Но, вообще-то, авва Исаяя жил на Синае еще до того, как Русь христианство приняла. А теперь давай, выкладывай, с чем пришла... Уже через два часа Юля ждала, когда ее соединят с Москвой.

- Третья кабина, Москва на связи, - громко объявила телефонистка по селектору. В эту

минуту раздался телефонный звонок и в квартире Софьи Вороновой. Вообще-то, Софья забежала домой на минутку - взять кое-какие документы для Иванова. Москва в эти дни словно обезумела. Ранее незнакомое слово "дефолт" повторялось всеми с утра до ночи. Софья могла себе позволить относиться к панике, охватившей людей, спокойно. Давний друг ее дяди, банкир с редкой для этой профессии фамилией Иванов, заранее предупредил ее о готовящемся обвале. И в знак уважения к памяти Владимира Николаевича взял на себя все необходимые хлопоты, чтобы деньги, вложенные Вороновой в его банк, не пропали. К тому же Софья хорошо помнила слова дяди о том, что золото, земля и предметы искусства никогда не подлежат инфляции. Земли у нее не было, а все остальное она имела.

А вот для той же Аллы наступили черные дни. Этим летом она расширяла свой бизнес и взяла приличную сумму в кредит. Разумеется, в долларах. Теперь Петрова ежедневно звонила и плакалась Софье, сетуя на несправедливость судьбы. Воронова сочувствовала подруге, но, если честно, ее гораздо больше занимала выставка работ Лизы, открывшаяся в "Белой розе" двадцать девятого августа. Когда-то один старый художник рассказывал ей о своем несчастье: его единственная выставка в Москве совпала с проведением в городе Олимпийских игр, а потому осталась незамеченной. Осталась незамеченной и выставка Лизы Бобровой. Так вначале думала Софья. Сославшись на непредвиденные обстоятельства, не пришли знакомые журналисты. Плакаты, с которых на людей смотрела красивая маленькая девочка, не привлекли внимание москвичей: их в эти дни занимали совсем другие проблемы. "Кто услышит коноплянку?" - так решила назвать Софья выставку. "Никто не услышит", - переживала она, видя, как за несколько минут до открытия выставки оставался пустым зал, где висели работы Лизоньки. Но и впрямь, что Бог ни делает - все к лучшему. Собрались те, кто знал и любил девочку. Пришли несколько робеющие Ира и Виктор, Софья Мещерская привела всю свою семью. Разумеется, первой помощницей Вороновой была Наталья Михайловна. С ней пришли сотрудники хосписа, в котором Котеночкина работала. К радости Иры, подошли и несколько девочек, подружек Лизы. Странное дело, будто не сговариваясь, все - от старика Мещерского до семилетней девочки Вероники - принесли с собой по две белых розы. Они клали их к большому портрету Лизы. Речей, разрезания ленточек не было. Забежавшая было на "огонек" юная журналистка, узнав, что фуршета не будет, быстренько удалилась. Из магнитофона звучали трели птиц, записанные на пленку. А в кабинете Софьи стояли стаканы с ананасовым соком - любимым соком Бобренка. А потом вдруг стали приходиться посетители. Входили тихо, читали написанную Вороновой аннотацию к выставке, смотрели на картины. Софья заметила, что, обойдя выставку, они опять подходили к портрету Лизы и долго всматривались в ее лицо... А на следующий день ко входу в галерею подъехал автобус. Привезли детей из какого-то подмосковного санатория. Видимо, элитного. Дети были нарядные, шумные, веселые. Но потом и они стали вести так же, как вчера вели себя взрослые. Стихал смех, дети вполголоса спрашивали друг друга, какая "птица" им понравилась больше, а потом подходили к портрету девочки, которая была их ровесницей. И долго смотрели в ее лицо. Молодцом оказалась Женя, секретарь Софьи. Она обо всем позаботилась заранее и вынесла детям стаканы с ананасовым соком, когда те собирались уже уезжать.

Минуло еще несколько дней. В огромной вазе, стоявшей на полу, все больше появлялось белых роз. Кто-то принес свечи и несколько иконок. Женя предположила, что это дети из

воскресной церковной школы, приходившие вместе со своими учителями. А в книге отзывов появлялось все больше и больше записей. В конце каждого дня Софья прочитывала их. Иногда одна, иногда вместе с Ирой и Натальей, которые почти целыми днями находились в галерее. Читала и поражалась, какие теплые и душевные слова находили люди... Некоторые даже писали стихи. Одна девочка, подписавшаяся "Маша из Химок", написала:

Коноплянку тот услышит,
К людям кто любовью дышит.
Она петь для тех согласна,
Кто живет легко и ясно.

Единственное, что огорчало Софью, - так это отсутствие Киреева. Она даже почувствовала что-то вроде легкой обиды на него. Ей казалось, уж Михаилу никак нельзя было не прийти в этот зал, где на самом видном месте висел киреевский двойник - коростель. И в то же время Софья очень хотела, чтобы Киреев оценил и ее работу - саму выставку. Вороновой было важно доказать Кире, что она - не праздная богатая и легкомысленная дамочка, не скужающая филантропка, а...

- Задонск на линии, - услышала Софья вместо ожидаемого ею всхлипа Аллы. - Говорите.

- Какой Задонск? - удивилась Воронова.

Но на том конце провода уже молчали. Затем - щелчок, и откуда-то издали, словно из-под земли, раздался голос:

- Здравствуйте, Софья Николаевна.

- Здравствуйте.

- Вы не узнали меня?

- Извините, не узнаю... Юля? - От неожиданности Воронова растерялась, что с ней происходило крайне редко. По определению, как выражалась Мещерская.

- Ты где? - только и могла спросить Софья.

- В монастыре, - не менее глубокомысленно изрекла Юля. Будучи более готовой к разговору, она решила взять инициативу в свои руки: - Плохо слышно. Вы удивлены, я понимаю... Мне хочется у вас попросить прощения... за все...

- Что с Киреевым? - перебила ее Воронова, понявшая слова Юли по-своему.

- Он привет вам передает. Жив он, жив. И даже успел меня спасти. Он сейчас... Голос Селивановой пропал совсем. Но то, что Киреев жив, это Софья расслышала.

- Говори громче!

- Не могу, я и так на весь телеграф ору. Софья Николаевна, у меня к вам есть предложение. До Задонска пять часов езды. Приезжайте!

- Когда?

- Если сейчас выедете, будете у нас к вечерней трапезе. Матушка Валентина благословила, чтобы вы приехали.

- Матушка... благословила... Это что, розыгрыш? Какая матушка, какой монастырь? Ты меня вообще за абсолютную идиотку принимаешь?

- О, Господи! Почему, когда врешь, тебе верят, а когда правду... Одним словом, мне есть что вам рассказать. О том, что произошло, о Михаиле Прокофьевиче. Приезжайте. Прокричав адрес монастыря и сказав: "Жду вас", Юля повесила трубку. В конце концов, она

выполнила все, что обещала - себе и Кирееву. Извинилась, передала привет от Михаила, пригласила приехать. Почему-то Селивановой казалось, что Софья не приедет.

- Куда мне ехать? - спрашивала сама себя Воронова, продолжая держать в руке телефонную трубку. Но она этого не замечала, как не замечала и того, что разговаривала вслух сама с собой. - Я что, ненормальная? Они, наверное, Киреева не смогли найти и теперь хотят, чтобы я... Но зачем для этого надо ехать в Задонск? Или они перехватят меня на дороге... Господи, какая каша в голове! Надо позвонить Мещерской и посоветоваться...

Поскольку мысли в голове Софьи роились подобно встревоженному пчелиному рою, она не договаривала до конца фразы. Наконец ей удалось прийти в себя. Только тут Софья заметила, что лихорадочно листает Атлас автомобильных дорог... Хорошо, что Мещерская оказалась дома.

- Славка-черноголовка, привет! Ты можешь спросить у своих мужиков, по какой дороге в Задонск надо ехать?

- Что случилось, насмешливая моя? Кстати, как выставка проходит?

- После, после, Сонечка. Приеду, все расскажу. Если приеду.

- Да ты что?! Жди меня, я сейчас к тебе бегу - все расскажешь, тогда и решим, куда тебе...

- Мещерская! Не буди во мне зверя! Я уезжаю сейчас, немедленно. - Но, почувствовав, что на том конце провода обиженно задышали, Воронова сказала так мягко, как только могла в этот момент: - Сонечка, милая моя! Я тебе все расскажу, я еще надоем тебе, вот увидишь, но сейчас я должна ехать. Поверь мне.

- Верно, сумасшедшая. Про Задонск я тебе и сама скажу. В Воронеже была когда-нибудь?

- Нет.

- Короче, по Каширскому шоссе шпарть до Ельца, а там и Задонск. Главное, не сворачивай с трассы никуда. Ферштейн?

- Натюрлих. Передавай своим ребятишкам привет. Я приеду - позвоню.

- Когда тебя ждать?.. Трубку положила. И правда - сумасшедшая. Вот что любовь с людьми делает.

- С какими людьми, солнце мое? - спросил Мещерскую муж.

- В данном случае с твоей любимой Софьей Николаевной.

- А ты не ошибаешься? - скептически хмыкнул Илья Ильич.

- Если у Софьи выставка Лизы проходит, а она все бросает и в Задонск мчится, что это означает, по- твоему?

- Что?

- Только одно: похоже, этот таинственный Киреев нашелся. Ну и хорошо, а то совсем девчонка издергалась.

- Похоже, солнце мое, ты не рада этому.

- Почему?

Мещерский показал в сторону соседней комнаты:

- Думаешь, я не догадывался, как ты хотела нашего Ферапонтика и Софью...

- Оставь! - неожиданно сердито перебила мужа Мещерская. - Самое печальное, что эта любовь для Софьи - большое горе. Говорю тебе не как мать твоего сына, а как ее подруга.

- Почему? - Пришла пора удивляться Илье Ильичу.
- Когда находишь, а потом теряешь - это грустно? - вопросом на вопрос ответила Софья.
- Можешь не отвечать.
- А почему ты думаешь, что она должна потерять этого человека?
- Это слишком грустная история, мой месяц ясный, чтобы я могла ею разбередить твое нежное и ранимое сердце. Лучше пойдешь - завари кофейку.

* * *

От Древлянска до Боброва те же пять часов езды. Ну, пусть семь-восемь, учитывая, что дороги в тех краях - не чета Каширскому шоссе. Сколько дней шагал до воронежского городка полевыми дорожками да лесными тропами Киреев - один Бог знает. Близилась осень. Ее приближение днем не чувствовалось, даже наоборот, казалось, что до осенней поры еще очень далеко. Местные жители говорили, что последний раз такая жара в этих местах стояла лет двадцать пять тому назад. Киреев знал, что онкологическим больным такая погода не на пользу, но, к своему удивлению, он чувствовал себя гораздо лучше, чем в начале и середине своего путешествия. А вот ночи стали холодными. Если в июне и июле Михаил, ночуя в поле или лесу, мог позволить себе не влезать в спальник, то теперь он все чаще и чаще просыпался по ночам от холода, даже свернувшись калачиком в спальнике. Проснувшись, Киреев смотрел в огромное ночное небо, усыпанное крупными звездами. Смотрел и не мог насмотреться. Вообще-то, Михаил старался в такие минуты ни о чем не думать. Постепенно сон опять брал свое, глаза смыкались. И так хорошо ему было в такие минуты, что он даже забывал о своей боли, о растертых в кровь ногах. И почти в бессознательном состоянии Михаил шептал строки стихов, что сами приходили к нему. Странно, но все чаще и чаще это были стихи Никитина. Впрочем, сам Киреев этому и не удивлялся, объясняя все приближением к воронежской земле, чьим уроженцем был поэт. Видимо, вечно живут не только души, но и мысли, тем более те, что когда-то облагались в поэтическую форму.

"Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.
Шапку вверх кидает,
Ловит - не глядит,
Пляшет - приседает,
Соловьем свистит.
Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...
Звезды над полями.
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души..."

- шептал Киреев и незаметно засыпал. Через час-другой Михаил просыпался вновь - и

все повторялось. Прошло время, когда он чувствовал себя чужаком в мире полей, звезд, ручьев и птиц. В этом мире уже не было прежней таинственной загадочности, но теперь Киреев восхищался им еще больше и больше. То, что раньше казалось хаосом, - теперь изумляло своей гармонией и мудростью. Взять тех же птиц: казавшиеся Кирееву раньше чуть ли не олицетворением того самого хаоса, они стали для Михаила эталоном организованности и порядка. Например, оказалось, что благодаря птицам можно легко определять время. Если, просыпаясь, заводила свою песенку горихвостка, Михаил знал, что времени - половина второго ночи. Ровно в два часа вслед за горихвосткой начинали славить новый приход солнца иволга, кукушка, малиновка. А самыми сонными, как ни странно, оказались воробьи. Если Киреев, просыпаясь, слышал их веселое и задиристое чириканье, он понимал, что пора подниматься и готовиться в дорогу...

Впрочем, боюсь, я не очень удачно выразился, написав, что Киреев "к своему удивлению, чувствовал себя гораздо лучше, чем в начале и середине своего путешествия". Все на свете относительно. Гораздо - это все же перебор. Бывали дни, когда Киреев буквально еле волочил ноги, мечтая даже не об отдыхе, а о тени над головой. Бешенно лупило сердце, огнем горела гортань, кружилась голова. В такие минуты Михаил негромко произносил молитву, которой научил его старец Илларион. Молитовка была короткой - всего восемь слов. Старец велел произносить ее вслух, начиная с тридцати трех раз в день, с каждым днем все увеличивая это число. Сразу прошу прощения у читателя: не считаю себя вправе передавать то, что сказано втайне одним человеком другому. Хотя, с другой стороны, эта молитва - не собственность старца и Киреева. Эти восемь слов православный народ громко, шепотом или одним сердцем произносил и сто, и тысячу лет назад. Давайте поэтому поступим так: молитва, которую шептал идущий по жаре Киреев, зашифрована в этой книге, причем зашифрована просто, чисто символически. Прочитав книгу до конца, читатель легко прочитает и молитву.

Однако вернемся к нашему страннику. Киреев заметил, что когда он произносит молитву, будучи, как Михаил говорил, "при силах", ранним утром, в начале пути или после дневного отдыха, его ум с поразительной быстротой убегал от смысла молитвы. Губы произносили слова, а думал он о чем-нибудь другом. Или о ком-нибудь. Например, о Софье. Михаил чувствовал, что об этой девушке он думает иначе, чем о Наталье, Юле, Марфе и даже о своей бывшей жене. Признаться себе в том, что Софья теперь для него не просто знакомая, случайно встреченная им в бесконечной суете московской жизни, не только землячка и владелица иконы, которую Киреев должен принести в Старгород, а человек, при воспоминании о котором в душе неспроста рождалось что-то очень нежное, давно забытое, - "особливый человек", как любила говорить его бабушка, - признаться в этом даже себе самому Михаил пока не мог.

А вот когда сердце вот-вот было готово вырваться из груди, когда приходили мысли о том, что в этом поле, на этой дороге наступит последнее мгновение его земной жизни, слова молитвы вместе с дыханием словно входили сначала в его сознание, затем - в сердце. Однажды Михаила так увлекла эта молитва, что, перестав перебирать шарики на четках, подаренных ему отцом Илларионом, он лишней час прошагал по изнуряющей жаре...

...До Боброва оставалось не больше четырех дней пути. Киреев перешел Дон в районе Павловска и шел вдоль реки Осередь по направлению к знаменитому Шипову лесу -

зеленому островку в степи, оставшемуся от некогда громадного леса, росшего здесь в былинные времена. Самой реки Михаил не видел - она была скрыта за домами длинных-предлинных сел, коими так богата воронежская земля. Села в пять, десять и даже пятнадцать километров в тех краях не редкость. Причем иной раз было не ясно, где заканчивается одно село, а начинается другое. Вот и в тот день Киреев не заметил, когда, пройдя Александровку, он очутился в Воронцовке. Именно там и произошло то, что Михаил после называл "воронцовским чудом" или "осередской сказкой". Он дошел уже до середины этого старинного села, в котором в конце XIX века на десять тысяч человек населения приходилось три церкви, три школы, богодельня, больница, множество лавок, одна паровая, пятьдесят ветряных мельниц, пять небольших заводиков, три еженедельных базара и четыре ярмарки, - как дорога резко повернула влево. Кирееву оставалось перейти мост, и он входил бы в ту часть Воронцовки, которая непосредственно вдавалась в Шипов лес. Мостик был небольшой, как, впрочем, и речка, через которую его перекинули. Сколько раз Михаил с надеждой всматривался в речные воды, лелея в глубине души мечту увидеть прекрасную реку своего любимого сна. А сейчас он спешил под спасительную сень огромных вязов и дубов, которыми так славен Шипов лес. Дома, дома, дома - десятки, сотни домов так утомили глаза Михаила, что он, забыв о реке, не чаял поскорее увидеть зелень векового леса. Дойдя до середины моста, Киреев рассеянно посмотрел налево и... замер, пораженный. Если бы сейчас перед ним приземлилась летающая тарелка и из нее дружной толпой вышли зеленые человечки в шлемах - он удивился бы меньше. Киреев увидел речку. Не широкую - от одного берега до другого шагов пятнадцать, не больше. Огромные и спокойные ивы росли вдоль берегов, образуя что-то вроде зеленой крыши, сквозь которую пробивались солнечные блики. Блики играли на темной воде - не быстрой и не медленной, по крайней мере, рано упавшие желтые листья ив, похожие на остроконечные лодочки, плыли по речке не медленно и не быстро. Листья не вертелись в водовороте, а плавно покачивали своими острыми носиками. С моста казалось, что листья не плыли, а неспешно парили в воздухе. Вода чудилась темной, даже черной от густой тени вековых ив, на самом деле она была удивительно прозрачной. Всмотревшись, Киреев без труда разглядел белые камешки в крапинку, усеявшие дно реки. Вот промелькнула крошечная рыбка, ловко проплыв меж гибких и тонких стеблей редких, но очень крупных кувшинок. К левому, более высокому берегу реки вплотную примыкали сады и огороды. От каждого к воде вели земляные ступеньки, по которым можно было спуститься к маленькому мостику. Некоторые из мостиков почти утонули в воде... Киреевский сон стал явью. Шипов лес мог подождать - Михаил забыл обо всем на свете. Так и не перейдя мост, он, облюбовав один из деревянных маленьких мостков, положил на него рюкзак, разделся и, даже не остыв, бросился в речные струи...

...Сначала Киреева будто обожгло. Вода ли была холодной или кожу так нагрело солнце, но вначале Михаилу показалось, что у него на какое-то мгновение остановилось сердце. А потом забилось - быстро-быстро. И - радостно. Вдруг задышалось - легко-легко. Счастливый путник лег на спину, раскинув руки и ноги, и поплыл, отдав себя на волю реке. Солнечные блики играли на его коже, он ловил, а потом опять отпускал "на волю" бурые, желтые и зеленые листья-лодочки. Неожиданно течение вынесло Киреева на очень мелкое место. Листья понеслись дальше, а Михаил, встав на ноги, пошел обратно. Затем повторил все

снова. И вновь - обжигающая ласка речных струй, игра солнечных зайчиков на коже, плывущие листья... Вдруг прямо перед Киреевым вынырнула водяная крыса. Мордочка у зверька, оторопевшего от неожиданной встречи, была презабавнейшая. Михаил перевернулся на живот и, протянув к крысе руку, весело закричал: "Привет, микротус террестрис! Как жизнь?" Но микротус террестрис, она же крыса водяная, видимо, не совсем правильно поняв плавающего человека, предпочла исчезнуть под огромной корягой. Киреев потерял счет времени. Он вновь и вновь бросался в прозрачные струи Осереды и сливался с рекой, небом, солнцем, ивами, даже с этим забавным зверьком, сидевшим сейчас в своей норке под корягой. Время от времени Михаил что-то кричал, пел, декламировал. Удивительно, но пока Киреев купался в Осереды, он не увидел ни одного человека. Где-то далеко, будто в другом измерении, шумели моторы проезжающих машин, лаяли собаки, но до сознания Михаила эти звуки не доходили. Только река, небо, деревья и солнце. И еще - необыкновенная, какая-то изначальная, древняя, как Шипов лес, а может, еще старше, тишина. Не та тишина, наступающая, когда умолкают звуки и голоса, а другая, для которой совсем не важны ни голоса, ни звуки. Киреев услышал ее и... На мостик выходил из Осереды совсем другой человек. Не вытираясь, Киреев быстро оделся и покинул берег реки, которую он уносил в своем сердце. Перейдя мост, Михаил последний раз обернулся назад и скрылся в древнем лесу.

До наступления осени оставалось три дня.

* * *

- ...так я и оказалась здесь. - Это были последние слова почти двухчасового Юлькиного рассказа. В комнате стало тихо-тихо. Юля сидела на кровати, ее гостья - на единственном стуле. Неожиданно Софья поднялась, села рядом с Юлей и обняла ее. Так они и сидели, обнявшись. В этом порыве Вороновой были и жалость, желание утешить, и благодарность. Селиванова, вспоминая события последних месяцев, не обеляла себя. Она рассказала Софье то, что не узнали ни Киреев, ни матушка Валентина. Чем могла ответить Юле Софья? Какие могла найти слова, что оказались бы способны утешить, поддержать, выразить признательность за искренность, от которой у Софьи мурашки бежали по коже, особенно тогда, когда Юля рассказывала о том, как ломал ее Гнилой. Воронова слушала и пыталась представить себя на месте этой девушки. И не могла представить. Но оказалось, что не всегда слова нужны. И когда Софья обняла Юлю, она тем самым сказала Селивановой все. Юля, опустошенная и признательная, затихла на груди у Софьи.

- Я... так боялась, - сказала наконец Юля.

- Чего? - удивилась Софья.

- Простите ли вы меня.

- Слушай, а ведь мы, кажется, ровесницы?

- Поняла, - шмыгнув носом, ответила Селиванова. - Слава Богу.

- Ты, видно, с Киреевым от души наобщалась. Загадками говорить стала. Что - слава Богу? Что мы будем отныне на "ты"?

- Понимаете... понимаешь, слезы у меня полились. Не от страха, обиды или зависти, а хорошие. Впервые за много лет.

- Хорошие?

- Хорошие. Плачешь, а с души твоей будто кто камень снимает. Слушай, - спохватилась

Юля, - ты же еще ничего о себе не рассказала. Киреев, кстати, о девочке говорил... Кажется, ее Лизой зовут? Как ее дела?

- Умерла Лиза, - тихо ответила Софья. Девушки вновь замолчали.

- Я тебя завтра заберу, Юля.

- У меня даже ключа от своей квартиры не осталось. Как, впрочем, и паспорта. Киреев говорит, что мне ужасно повезло - жизнь начинаю как бы заново... Кстати, а ты о нем не хочешь спросить? Не интересно?

- Интересно. Только что толку в моем интересе? - грустно улыбнулась Софья. - Лучше скажи, что за парень у тебя в комнате сидел?

- Федор Новиков, - неожиданно смутилась Юля, - водитель грузовика.

- Понятно.

- Знаешь, Соня, я, с одной стороны, по Москве соскучилась, а с другой...

- Что - с другой?

- Федор, матушка Валентина, сестры... Люди здесь хорошие, Соня. Сердечные. Федор мне каждый день молоко носит. Разве обо мне кто так в Москве будет заботиться?

- Может, не поедешь тогда? - Софья пристально посмотрела на девушку.

- Поеду, - Юля о чем-то задумалась, потом очнулась: - Они другие. Думаешь, я не вижу, какими глазами на меня Федор смотрит?

- А как ты на него?

- Ты представляешь меня хозяйкой тридцати соток, коровы, двух поросят и дюжины кур?

- Не очень. Хотя... В жизни ведь все бывает.

- Это точно. Только поеду-ка я завтра в родную златоглавую.

- Опять - массаж, маникюр?

- Все профессии важны, все профессии нужны. Так, кажется? А эта кормит. На хлеб с маслом себе заработаю. - Юля засмеялась. - Я Кирееву рассказала о том, что два года подряд в Строгановку поступала.

- В Строгановку? - удивилась Софья.

- Не похоже? А он мне сказал, что Бог Троицу любит. Обязательно, говорит, в третий раз поступишь. Только я не поняла, куда.

- А ты мне покажешь что-нибудь из своих работ?

- Ой, до этого дожить надо! Сейчас меня волнует, как я домой попаду.

- Попадешь, - улыбнулась Софья. - Впрочем, завтра мы обо всем в дороге поговорим. И о Кирееве ты мне расскажешь, как миленькая. Кстати, а где находится Древлянск? Впрочем, вряд ли он там нас дожидаться будет... Юля, а теперь я бы поспала часиков так десять.

- Десять не обещаю, Софья Николаевна, а восемь гарантирую, если сами не захотите раньше встать.

- Зачем?

- На службу сходить.

- А ты пойдешь?

- Конечно, я ведь последний раз на клиросе петь буду.. Представила, что уеду - и даже грустно стало...

- Тогда возьми и меня на службу.

- Хорошо. - Юля посмотрела на часы. - Но тогда отправляйтесь... отправляйся в свою комнату. Если сейчас уснешь, то часика четыре поспишь.

- Гарантируешь?

- Гарантирую. Девушки громко рассмеялись, но, вспомнив, где они находятся, смолкли. Потом Юля еще долго ворочалась с боку на бок, заново переживая утреннюю беседу с матушкой, свой телефонный разговор с Софьей, приезд Вороновой в монастырь. А Соня, едва ее голова коснулась подушки, уснула, как убитая. И уже не слышала, как в монастырском саду запела свою песню, встречая новый день, горихвостка...

Глава сорок первая

Шипов лес тоже остался позади. Как и Бобров - маленький, симпатичный городок на удивительно красивой реке Битюг. Киреев долго ходил по улицам Боброва и думал о Бобренке. И много позже, когда речь заходила об этом городке на Битюге, он вспоминал только Лизу и название одной из улиц Боброва - Ранняя Весна. Затем дорога привела его в райцентр с удивительным названием Анна. Так и шел Киреев по серой и бурой, пыльной и грязной, веселой и грустной дороге. Теперь он понял - ей нет конца, как нет и начала. Пройдя воронежскую землю, разве мог Михаил не пройти по Тамбовщине

- краю своих предков? Когда бабье лето было уже на исходе, Михаил, дошедший до Шацка, резко повернул на запад. Теперь он уже спешил, чтобы попасть в Старгород до холодов и осеннего ненастья. После Осереды Киреев забыл о боли и тошноте. В день он проходил до тридцати верст. Его странствия заканчивались. Но не кончалась дорога. То петляющая, как змейка, то прямая, как стрела, вела она Киреева по России.

Россия... Что Михаил, русский по крови и, как ему казалось, по духу, знал о России? Как оказалось

- ничего. Уже в первые дни своего пути Киреев понял, что жил раньше мифами о стране под названием Россия, мифами, почерпнутыми из книг, газет, телепередач, своего московского бытия. А когда Киреев сбил уже вторую пару кроссовок, когда ностальгия по прежней городской привычной жизни навсегда оставила Михаила, еще один парадокс потряс его. "Для того, чтобы увидеть, как прекрасна моя Россия, какие удивительные люди живут в ней, я должен был заболеть смертельной болезнью", - думал он. И только теперь дошел до него смысл бунинских строк:

За все Тебя, Господь, благодарю,
Ты после дня тревоги и печали
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.

Да, чем дальше Киреев шел, тем глубже в самую его душу входило убеждение: нет на свете более прекрасной земли, чем Россия. Ему было обидно: почему-то в каждой области, где он побывал, самые живописные места называли "русской Швейцарией". В какой стране, в какой Швейцарии есть место, подобное Дивогорью? Представьте себе: на большой горе стоят Дивы - огромные меловые столбы, которым за многие века ветер и дожди придали самые удивительные формы. В самой горе, у основания Див, приютилась пещерная церковь. Когда-то здесь на вершине стояла хазарская крепость. Поднявшись на гору, Киреев огляделся вокруг - и у него остановилось дыхание. Он не был восторженным человеком, но то, что увидел, стоя на остром "зубе" одной из Див, заставило его замереть. Стоял тихий летний день. Внизу тоненькой серебряной змейкой протекала Тихая Сосна. В высокой речной траве, в синих струях купалось августовское рыжее солнце. И далеко-далеко, во все стороны горизонта - Россия. Михаил видел и безбрежную степь, и могучий лес, стоявший стеной за Доном. На заливных лугах паслись мирные стада. Пастухов он не смог разглядеть - так было высоко. Под ногами пролетали птицы... Он плакал, и на память приходили слова, написанные неизвестным русским человеком в 1237 году, когда Русь опустошило монгольское нашествие: "О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! и многими

красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обительными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руськая, а прававерная вера християнская!" "Светло светлая", - шептал Киреев. Как часто, сидя на кухне с друзьями, он тоже "хоронил" "свою" Россию. Но ведь и тот безвестный русский человек прощался со своей "землей Руськой". А она жива. И в зное августовского дня, в стрекотне кузнечиков, песне жаворонка он не слышал погребального звона. "Светло светлая"

- и хотелось жить дальше, жить и благодарить Бога за то, что Он сделал его частичкой этой великой прекрасной земли под названием Россия. Стоя здесь, на Диве, Михаил как никогда понимал чувства великого Суворова, однажды воскликнувшего: "Какое счастье! С нами Бог, мы - русские!" Конечно, места, подобные Дивогорью, встречались ему не часто. Но с таким же трепетом стал относиться Киреев и к тихим рощицам, и к полям, бескрайним, как сама Россия. Что уж говорить о его самой большой любви - к русским рекам. Его записная тетрадь хранила названия рек, речек, речушек, в которых Киреев купался, умывался, на берегах которых сидел долгими летними вечерами, ловя в их водах последние отблески вечерней зари. Названия рек звучали для него как ангельская музыка. Благодаря им он и Россию стал представлять себе чем-то одушевленным. Если дороги - это нервные узлы, сухожилия Руси, то реки - ее кровеносные сосуды. Мистика - скажет кто-то. А пусть и так! Но после Осереды мог ли Киреев не стать мистиком? Он шел по любимой своей России, а в записной книжке все меньше и меньше оставалось свободного места: Польной Воронеж, Ламочка, Осетр, Мостья, Ранова, Красивая Меча, Непрядва, Вырка, Иста, Снежедь, Кудесна, Гусь, Любошевка, Колпенка, Рать, Большая Курица, Гаврило, Данило, Проня, Мошка, Ворона, Улыбыщ, Скнига, Орлик, Дубрава, Крапивенка, Ягодная Ряса, Ястреб... А были реки, чьи названия так и оставались тайной для Киреева - ведь ушли в небытие древние народы, некогда жившие на их берегах. И только реки сохраняли отголоски почти мертвых языков. Почти - потому что другой народ, русский, принял как наследство эти названия: Дандур, Никур, Нинор, Насмир, Судогда, Шиворонь, Клязьма, Мокшур, Ирмес, Нугрь, Кермись, Войнинга... Можно даже сказать, что по рекам Киреев стал самым настоящим специалистом, если так можно выразиться. Это только на первый и к тому же поверхностный взгляд реки отличаются шириной и глубиной. У каждой реки свой характер, свои особенности. В отличие от северных, реки центра России более древние - на них нет порогов, которые сгладило бесконечное время. Только на Зуше под Новосилью встретил Киреев пороги. А еще он узнал, как начинаются реки

- совсем не с голубого ручейка, как поется в детской песенке. Рождение русской реки практически нельзя проследить. Обычно начало реки - это один или два сухих лога в поле, покрытых луговой травой. Старики могут показать вам место, где когда-то, во времена почти былинные, вытекал ручеек. Но сейчас на десятки метров - сухо. Но вот через версту - несколько логов сливаются в один, большой. Если неподалеку находится деревня, в ней обязательно вы увидите первый искусственный пруд, но и он еще не источник реки - его наполняет таяние снегов и легкие паводки. Вы идете дальше - и вот уже перед вами "ржавцы" - лужицы сначала стоячей и ржавой воды, а затем все более чистой. Вокруг -

заросли осоки и другой болотной травы. Близ следующей запруды обыкновенно можно видеть очертания первых речных берегов, хотя настоящие ключи, бьющие, как правило, из обнаженных глин или известняков, появятся ниже. Ключей все больше и больше, из них бьется хрустальная ледяная вода. Но бьется тонкой слабой струйкой, не достигающей поверхности. И только из самого последнего ключа бежит маленький ручеек и сливается с таким же. Люди такое место и считают истоком реки, хотя без сухих логов, ржавцев ее не было бы... Нрав, характер реки Киреев определял сразу же, с первого взгляда. Не любитель классификаций, более от нечего делать, он разделил тем не менее реки тех мест, где проходил, на шесть видов. Первый: река течет в широкой и глубокой долине. Правый берег - высокие глиняные и песчаные обрывы с множеством оползней. Левый, низкий берег с обширными заливными лугами и многочисленными старицами. Дно у таких рек песчаное, вода чистая, ровная и прохладная. Много мелей. Самая известная из рек такого типа - Ока. Второй вид: река течет в более узкой, но и более глубокой долине. По берегам, часто болотистым, много ключей. Дно глинистое, вязкое. Вода мутная, вверху - теплая, а внизу - ледяная из-за обилия ключей. На таких реках много омутов, в одном из которых Киреев едва не утонул. Течение слабое, а потому река часто цветет. Это Упа и ее притоки. Третий вид: ленивая река, течение медленное, берега низкие, почти без долины. Дно - сплошной ил, зато кувшинок - изобилие. Вода прозрачная и очень теплая. Дно от самого берега глубокое, мелей нет. Таких рек особенно много на границе Рязанской и Тамбовской областей, где они называются Рясами. Есть Ягодная Ряса, Становая Ряса... Четвертый вид: крутые берега, узкая, прихотливо выющаяся речная долина, каменистое дно. Вода холодная, течение быстрое. В половодье такие реки разливаются не в ширину, а вышину. Это Красивая Меча, Зуша, Дон в пределах Среднерусской возвышенности. Пятый вид, очень редкий: глубокая и широкая долина. На низменном берегу - прекрасные пойменные луга и старицы. Вдоль реки тянутся то ли рощи, то ли леса, их еще называют уремами: корни деревьев часто растут в воде. Дно песчаное, вода чистая и ровная, с одинаковой температурой на дне и наверху. Много мелей, течение среднее. Это Ворона. И, наконец, последний вид, к которому относятся Псел или Оскол: среднее течение, теплая и чистая вода, песчаное дно, много мелей, пойменный левый берег.

Быть может, читатель несколько утомился от подобных подробностей. Пригодится ли все это ему

- не знаю. Автор просто хотел показать, насколько глубоко и серьезно увлекся наш странник реками. А вот озер на его пути попадалось очень мало, а потому Киреев до сих пор относится к ним равнодушно. "Не зацепило", как любил говорить он сам. А люди... Люди, встреченные им в пути, "зацепили". Случай в деревне Галичья Гора стал для Михаила переломным. Но и до него он другими глазами уже смотрел на многое. Во время странствий и после Киреева часто спрашивали: вам не страшно одному в наше время ходить, да еще пешком? Михаилу только и оставалось, что пожимать плечами. В самом деле: страшно ему не было, но это, согласитесь, не повод ни для хвастовства, ни для восторгов. Везло ли ему, Господь или чьи-то молитвы хранили, но так получалось, что Кирееву встречались сердечные и хорошие люди. А в конце странствий он уже мог с гордостью сказать, что знает русских людей не понаслышке, не по телепередачам или книгам классиков. Киреев легко находил общий язык и с пожилыми крестьянками, имеющими четыре класса образования, и

с профессорами высших учебных заведений, и с юными школьницами, и убеленными сединами монахами. Правда, особой своей заслуги в этом Михаил не видел. Он сумел понять одну простую истину: хочешь открыть сердце другого человека - открой сначала свое. А это было сделать труднее, чем изучить все созвездия на небе или научиться бесшумно ходить по сухим веткам. Для начала Кирееву предстояло стать одним из этих людей и в то же время остаться самим собой. А еще суметь смирять собственную гордыню, признавая за другими достоинства, которых не было у него, не впадая, однако, в мнимую смиренность, от которой за версту пахнет ханжеством и еще большей гордыней. Михаил в дороге учился не только обходиться без часов и спичек. Он учился прощать и просить прощения, учился, разговаривая с человеком, не только слушать, но и слышать. Оказалось, что даже найти ночлег - это целая наука. Нет, еще были заповедные места, например, Мещора, где в глухих лесных деревнях люди спорили за право взять себе на ночлег пришлого человека. Но потому такие места и называют заповедными, что они редки. Чаще Киреев сам искал, где остановиться на ночь, если была такая необходимость. Все-таки обычно Михаил предпочитал, никого не беспокоя, спокойно расположиться на ночлег где-нибудь в поле или старом саду. Но ведь дожди в наших краях не редки, да и после 14 сентября начинаются заморозки. Так вот, если подойти к первому встречному и попроситься на ночлег, как бы добр и милосерден тот человек ни был, он почти наверняка откажет, ибо в душе у него родится вопрос: "Почему из всех обратились ко мне?" Затем он подумает: "Как бы чего не вышло". И в мыслях таких нет ничего обидного. Опыт, который дала Кирееву дорога, научил его тому, что, просясь на ночлег, надо прежде всего... не проситься на ночлег. Исходя из своей любимой теории парадоксов, Михаил пришел к выводу, что чем сильнее чего-то хочешь, тем у тебя меньше будет шансов это получить. Не жди многого от людей, а будь благодарен им за улыбку, приветствие, доброе слово, разговор. Киреев знал, что Бог в любом случае не даст ему пропасть, а потому совершенно спокойно, не думая о том, где сегодня он будет ночевать, говорил с человеком о его деревне, видах на урожай, наиболее короткой дороге или о том, какой гриб для посола лучше - белый или свинух. Проходило какое-то время - и между двумя людьми (это было похоже на таинство) вдруг возникала невидимая связь, интерес, симпатия. И Киреев не удивлялся, когда встреченный им человек неожиданно спрашивал его: "А где вы будете ночевать?" - "Не знаю", - совершенно искренне отвечал Михаил. И благодарил, если его приглашали в дом. И не роптал, и не обижался, если оставался без ночлега, если в деревне или селе ни один дом не открывал перед ним свои двери. Вот это была вторая истина, которую он постиг: мало

- просто не обижаться, надо благодарить Бога, других людей даже за тот отрицательный опыт, который выпадает на твою долю. Попадались ли ему явно плохие люди? Все в мире относительно. Язык не повернется назвать хорошими Гнилого и Бугая. Однако сам Киреев так и не повстречался с ними. Однажды в тамбовской деревне Юрловка Киреева буквально выгнал, нет, не из общежития, где он остановился, а из деревни председатель местного колхоза. Этот мужик орал на Киреева, обещал спустить на него собак, бил себя в грудь: "Я здесь хозяин, моя воля - закон". Рядом, в комнате, испуганно вжавшись в свои стулья, сидели то ли украинцы, то ли молдаване, работавшие в колхозе по найму. Киреев спокойно выслушал председателя, пожал руку людям, которые хотели приютить его, и ушел из деревни. Испугался ли он хама-председателя? Нет. Мог ли, воспользовавшись наличием

разных журналистских "корочек", отомстить за себя? Безусловно. Для этого надо было попасть в райцентр и начать добиваться справедливости. Да, ему пообещали бы прилюдно наказать зарвавшегося "нового колхозника", а потом просто пожурили бы юрловского владыку, посоветовав ему быть в следующий раз умнее. Разумеется, можно было потешить собственное самолюбие и написать статью в газету. Но Киреев почувствовал не гнев, а только жалость к бесправным жителям Юрловки, по году не получающим зарплату, к молдаванам, которых обирал председатель, и к самому председателю. Не удивляйтесь. Этот мужик орал на него, размахивая руками, а Киреев видел бегающие глазки, в которых был нескрываемый страх. Председатель боялся, что люди все расскажут приезжему журналисту, а тот захочет поинтересоваться, откуда у председателя колхоза, где все развалено-переразвалено, - такой прекрасный коттедж. Если бы хоть один человек в Юрловке осмелился поднять голос в защиту Киреева, ведь такое дикое нарушение законов гостеприимства явно противоречило всем обычаям русского народа, - он бы остался, дабы поддержать их. Они смолчали. Но Михаил знал, что завтра в любом случае ему идти дальше, а этим людям здесь жить. Другой вопрос, надо ли так жить? Но это, как говорится, уже совсем другая история. Киреев вечером того же дня пришел в село Туровское, где познакомился с чудесными людьми, супругами Туровскими, их многочисленными детьми и внуками. А заночуй он в Юрловке - этого знакомства просто не было бы.. И головы Конфуция будет недостаточно, чтобы разобраться во всем этом, думал Киреев. Ведь выходило, что он должен был сказать спасибо председателю за то, что встретил Туровских. А больше... больше, пожалуй, Киреев и не мог вспомнить ничего плохого. Более того, не раз и не два его до глубины души, до слез трогало гостеприимство русских людей, их радушие, щедрость... Было это под Бобровом. Дорога шла через лес. Надвигалась ночь, а до города еще предстояло идти и идти. Судя по карте, деревень в этих местах не должно было быть. И вдруг в просвете среди деревьев - огонек. Киреев не поверил своим глазам. Но глаза его не обманули. Посреди зеленого луга, окруженного сплошным лесом, стоял домик - последнее напоминание о деревне Зеленый Луг, некогда находившейся здесь. В домике с недостроенной крышей, без электричества жил переселенец из Киргизии Александр Лебедев. Ради жены и двух дочерей-школьниц бросил он трехкомнатную квартиру, хорошую должность и вернулся на родину предков.

- Понимаете, - говорил Александр Кирееву, - и в Киргизии, и в Казахстане у русскоязычных, на мой взгляд, нет будущего. Там забыли, кто учил их элементарной грамоте. Теперь же они все делают для того, чтобы мои девочки стали людьми второго сорта. Здесь, в России, я дам им образование, чего бы мне это ни стоило. Конечно, нам тяжело, но я стараюсь не раскисать. И вообще, я по природе оптимист, но порой сидишь под этим прекрасным звездным небом и думаешь: "Почему мы никому не нужны?" Чиновники в Боброве спрашивают, зачем, мол, вы приехали. Работы фактически нет. Продали все, старенькую машину не продаю только потому, что иначе дочки за десять верст в школу не доберутся, особенно зимой.

Долгим был этот грустный монолог. Александр действительно держался с достоинством. Не без гордости он рассказал Михаилу о том, что пусть и влез в долги, но купил корову. Теперь она их кормилица. Сам Александр сторожит поля сельхозтехникума, недостроенный дом принадлежит той же организации. Получает мало. Когда последний раз

ел мясо, он и не помнит, сахара купить не на что.

- Я готов работать. И день, и ночь. Но в Боброве своих безработных много. Тут мне директор сельхозтехникума говорит: мы озеро за твоим домом выкопали, гусей будем в него запускать. Выращивай, мол, тебе тоже прибыль будет. Какая прибыль?! Да, озеро выкопали, гусей запустили, а построить ограду - денег не хватило. Вокруг лес, лисиц - полным-полно. Я - с одной стороны озера, эти рыжие бестии - с другой. Короче, теперь я в долгах, как в шелках. Утром Киреев проснулся от шепота хозяев. Встав, он понял все: Ольга, жена Александра, собрав последние остатки муки, испекла ему на дорогу блинов. Ему, которого они никогда больше не увидят, для кого Зеленый Луг - только короткая остановка на пути... Когда все завтракали, маленькая восьмилетняя Ира проговорила: "Мам, а говорила, что блинов испечешь только на мой день рождения..."

Киреев шел к большаку, а Лебедевы стояли у своего домика и махали ему вслед: Саша, Оля, Олеся и Ирочка...

...А в Лихвине он ночевал у супругов Иконописцевых. На центральной площади своего родного городка, самого маленького в России, Георгий Алексеевич Иконописцев развел прекрасный яблоневый сад. Развел не по приказу, не ради денег или славы, а просто ради того, чтобы Лихвин стал еще уютнее и краше.

Они сидели за богато накрытым столом - Иконописцев, его жена Евдокия Даниловна и Киреев. Георгий Алексеевич - маленький, очень живой, супруга же наоборот - большая, спокойная, молчаливая.

- Понимаете, - говорил Иконописцев, - человек для чего ведь должен жить? Для того, чтобы земля, на которую он приходит, стала хоть чуточку красивее. Я знаю, надо мной многие смеются. И когда я специально в Киев ездил, чтобы привезти оттуда черенки плакучей ивы и посадить их на могиле нашего героя Саша Чекалина, - тоже смеялись. А сейчас всем нравятся мои северные ивушки. И сад мой нравится. Брат мой родной по тому же пути решил пойти: у пожарной каланчи грушевый сад разбил.

А потом супруги пели песни, которые сочинил сам Георгий Алексеевич. Пели, как жили и работали, - душевно. Только муж заводил высоким голосом, а жена Евдокия Даниловна подпевала низким, грудным.

Совсем другие песни пели Кирееву в курской деревеньке Курносовка Софья Ивановна Мордвинова и ее дочь Валентина Григорьевна. Эти песни сочиняли старушки-богомолницы, странствующие монахи, которых в хрущевские времена прятали по домам набожные люди. И совсем другая Русь вставала перед Михаилом в тех песнях. Особенно запомнилась ему одна песня-молитва, которую сочинил слепой странствующий монах Валентин.

Крест тяжелый, крест тяжелый,
Нету сил его поднять,
А нести его ведь надо -
В нем Господня благодать.
Крест тяжелый, путь далекий,
Кто поможет донести?
Помоги мене, Спаситель,
Здесь на жизненном пути!
Крест тяжелый, крест тяжелый,

Сам Господь его поднял,
Нес Он с трудностью великой,
Посреди пути упал.
И упал с крестом Спаситель,
Никто руку не подал...

Это была долгая песня, описывающая крестные часы жизни Спасителя. Напев простой, немного заунывный, но никогда с Киреевым такого раньше не было: каждая строка песни сразу запоминалась, будто заученная наизусть. Так кирпич подгоняется к кирпичу, когда каменщик кладет стенку. А заканчивалась эта песня словами:

Если будешь раб ты верный,
То ты дальше крест неси,
Ороси свой след слезами,
В путь за Господом иди.
И Царицу, Мать небесную,
Ты на помощь призывай,
Помогать Она тебе будет,
Только ты не унывай.

И когда потом в пути Кирееву приходилось несладко, он вспоминал эти строки: "Только ты не унывай".

Каких только людей не встречал Михаил в пути! С кем-то и поговорить удавалось с минутой, а теплое чувство, оставшееся после разговора, еще долго держалось в душе. В Судогде он спросил дорогу у девушки, оказавшейся медсестрой, идущей домой с ночного дежурства. Они поговорили - и пошли в разные стороны. А потом, пройдя с десятков метров, вдруг обернулись одновременно. Обернулись и улыбнулись смущенно. И во взгляде каждого была грусть. Может быть, о чем-то несбывшемся? Киреев так и не узнает никогда, как зовут эту медсестру из Судогды. Как не узнает имени чудного мужичка, упорно хотевшего затащить Михаила в свою избу, чтобы показать изобретенную им машину с вечным двигателем, над которой он работал пятнадцать лет. Не спросил Киреев и как зовут бабушку, бросившуюся ему на помощь, когда огромная уличная собака, сорвавшись с цепи, кинулась на Михаила.

- Ах ты, отродье, ах ты, бестия, зачем на человека кидаешься, злыдина? - храбро отбивала бабушка его от собаки. А потом сказала Кирееву: - Пойдемте, я вас до конца деревни провожу. У этой зверюги жуткие зубы, она всех прохожих перекусала.

Не надо думать, что Киреев смотрел на Россию, на русских людей как бы сквозь розовые очки. Нет, он видел и жуткое пьянство, и грязь, и нищету, и хамство, и беззаконие, и покорность этому беззаконию, и потакание хамству.. Но Михаил любил эту страну, этих людей. Нельзя человеку говорить все время: "Ты свинья, свинья, свинья" - он и в самом деле тогда захрюкает. Ему даже пьяненькие, жадненькие и грязненькие люди виделись другими. И для них у него находилось доброе и искреннее слово. Киреев даже образ придумал: лежит на земле алмаз. И засыпан алмаз навозом, грязью, мусором. Не поленись, разгребь мусор, выброси грязь - и в твоих руках засверкает алмаз. Боишься испачкать руки, говоришь - не может быть в этой земле алмаза? Бог тебе судья... После странствий по всем этим проселкам, дубравам, затерянным в глуши деревушкам, после посещения городов, сонно

смотрящих окнами старых домов в спокойные воды рек, у Киреева уже не проходило ощущение, что он прикоснулся к чему-то чистому-чистому, светлому-светлому. С горькой усмешкой вспоминал он теперь "мудрецов", живущих в столицах, делящих людей на элиту и толпу, определяющих, кто есть совесть нации, кто достоин звания первого интеллигента, а кто - второго и так далее - по ранжиру. Вспоминал их эмоциональную надрывность, страсть к позе, любовь к патетике, громкой фразе. А здесь, в глубинке, были другие люди. Они мало говорили, внимательно слушали, никогда не спешили с выводами. Но если открывали другому душу, то открывали без утайки, до доньшка. И разве было зазорно учиться у них? Когда в одной тульской деревеньке Николай Петрович Дацков, бывший колхозный конюх, говорил с Михаилом о жизни, тот только диву давался мудрой живописности языка этого человека. По телевизору в этот момент говорили, что "всем нам так не хватает терпимости". Старик, услышав это, буквально взорвался:

- Ты понимаешь, Прокофьич, куда этот сукин сын клонит? - спросил он Киреева.

- Куда?

- Знаешь, как в России называли публичные дома?

- Не знаю.

- Домами терпимости. А теперь хотят всю страну сделать... Тьфу, - старик даже плюнул.

- Николай Петрович, но этот, как вы сказали, сукин сын вроде бы добра всем нам хочет...

- Не верь, Прокофьич, не верь. Терпимости в России, видишь, мало. А вот Господь приказывал быть кроткими, чистыми сердцем, жаждать правды - разве не так?

- Блажени, милостивии, яко тии помилованы будут, - неожиданно произнесла доселе безмолвно сидевшая Елизавета Петровна, вдовья сестра хозяина дома.

- Вот! - обрадовался подсказке Дацков. - Правильно! Милосердными быть надо. А о терпимости ничего не сказано. Знаешь, Прокофьич, почему?

- Почему?

- Если человек терпим - значит, не любит никого.

- Ну ты загнул, братик, - вновь подала голос Елизавета Петровна.

- Не любит! Они теплохладные - все эти терпимые. Когда мою внучку будут убивать... ладно, ладно,

- поправился старик, - не убивать - жизнь ей портить станут, соблазнять... Не знаю, кто - сектанты, наркоманы, человек какой плохой, да кто угодно, - я смогу относиться к этому терпимо? А где-то сейчас, в Туле или Москве, с внучкой, дочерью или сыном другого человека происходит такое. Соблазняют, душу поганят, ядом сладким сердце отравляют. Меня это вроде не касается. И, знаешь, мне легко быть терпимым, когда меня это не касается.

- Но ты же не такой, Николай. Что на себя наговариваешь?

- И слава Богу, сестра, что не такой. Пойми, Прокофьич, все эти слова о терпимости - сладкий яд. Зло сначала всегда в меньшинстве. А потом живешь, живешь, и тебе кажется, что оно, зло, - везде. Кругом одно зло. Почему? А ты представление имеешь, как действует любое меньшинство?

- Какое меньшинство, Петрович? - спросил сельского философа Киреев.

- Любое. Сначала оно, меньшинство, скулит: не бейте, пощадите. Пощадите. Вот такие терпимые, как те. - И старик показал на экран телевизора, где уже все в студии убеждали

друг друга в том, что Россия никогда не станет цивилизованной страной, пока у нас так мало терпимости. - Меньшинство уже без скуления просить начнет: да, мы другие, но почему вы за это презираете нас? Хорошо, такие так такие. И вдруг резкий окрик. Это меньшинство уже требует у большинства: не кажется ли вам, господа хорошие, что пора нам местами меняться? И меняются они, Прокофьич, местами, меняются! И запомни меня, старика: как только меньшинство становится большинством, оно тут же забывает о терпимости...

- Ты о голубых, что ли, говоришь? - спросила Елизавета Петровна.

- Я про все цвета радуги объяснял, - парировал Николай Петрович. - Дело не в цвете - он для удобства дается, дело в сущности. Почему не спрашиваешь, Прокофьич, о какой я сущности говорю?

- И то правда, о какой? - послушно откликнулся Киреев.

- А о той самой. Дело ведь не в том, кого больше и насколько. Завтра, предположим, все терпимыми станут, а я все равно буду себя большинством считать.

- При Хрущеве это культом личности называли, - сестра философа явно была не обделена чувством юмора.

- Ты только о Никите мне ничего не говори, - вскипел старший брат. - А то я здесь такого наговорю. Я потому буду большинством, что знаю: я за Добро против Зла. Не перебивай, сестра! Да, надо мной можно посмеяться, мол, возомнил о себе, да и откуда мне знать, за Добро ли я на самом деле. За Добро. Потому что хочу быть милосердным, жаждать правды и быть кротким.

- А можно быть кротким и нетерпимым одновременно? - спросил Киреев.

- И можно, и нужно! Получается не всегда, но нужно. Тут нам давеча священник наш про Марка и про Унию рассказывал. Как его бишь звали...

- Эфесский? - подсказал Киреев. - Если про Унию, то это Марк Эфесский.

- Точно! Ведь все тогда эту треклятую Унию с Римом приняли, даже епископы. А он один остался или почти один. Его уговаривают: смотри, мол, какие люди согласились, не чета тебе. Соглашайся и ты. И знаешь, Прокофьич, что Марк им сказал? - Хороший рассказчик, старик сделал эффектную паузу. - "А хоть весь мир согласится, а я все равно не изменю Богу". Богу! Вот кого держаться надо! Никогда я с Ним не буду в меньшинстве, понимаешь, Прокофьич?

- Понимаю, Николай Петрович. Мне один очень мудрый... нет, не так... Очень святой жизни человек сказал: люби Бога - и делай, что хочешь.

- Правильно. Вот мы и дошли до сути. Вспомним, как сказано: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим...

- ...и возлюби ближнего твоего, как самого себя, - закончила цитату Елизавета Петровна.

- Точно. Возлюби ближнего, а возлюбишь по-настоящему - и уйдет вся твоя терпимость в тартарары.

А потом Киреев просто перестал удивляться, так много повстречал он в дороге философов, изобретателей и поэтов, хоть по жизни числились все они конюхами, рабочими, учителями, библиотекарями. Ведь важно не кто ты, а что у тебя в голове и сердце. Впрочем, один раз Киреева все-таки удивили. В маленьком городке Тишанске, меньше которого в России разве что Лихвин, он заночевал у местного краеведа, в прошлом учителя истории

Олега Игоревича Толстикова. В свое время Киреев читал речь Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве, в которой Федор Михайлович написал о всемирной отзывчивости нашего русского гения, о том, что именно Пушкин разделяет с народом нашим эту способность. Главнейшую способность нашей национальности - подчеркивал Достоевский. Но все равно, то, что увидел Киреев в захудалом городке, поразило его. Оказывается, на квартире Толстикова каждую неделю собирался кружок любителей английской поэзии. Правда, входило в него всего шесть человек. Но представьте себе: Тишанск, древний городок, потерявший даже статус районного центра. Из предприятий работает только хлебозавод. По вечерам отключают свет. Зарплату и пенсии задерживают по полгода и больше. И вот именно здесь Кирееву посчастливилось попристутствовать на заседании кружка любителей английской поэзии. Опять отключили свет, начавшаяся осень бросала в окно маленького домика на улице Урицкого желтые листья. На столе самовар. Встречаемый бурными аплодисментами хозяин ставит керосиновую лампу на стол. Аплодисменты предназначались лампе, но Толстиков все равно кланяется. Он и открывает очередное заседание кружка, на котором обсуждался всего один вопрос: чей перевод стихотворения Джона Китса "Кузнечик и сверчок" лучше - Маршака, Пастернака, Сухарева, Спендиаровой, Покидова, Новиковой или Чухонцева. Вежливости ради специально для гостя Олег Игоревич прочитал сначала стихотворение на английском, а затем в маршаковском переводе, считающемся классическим, чтобы Кирееву было понятно, о чем идет речь.

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листве,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участием в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуто или две.
Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,
И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

Олег Игоревич читал, а Киреев вспоминал дом матери на Тихоновской горе. За окном завывал осенний ветер, пусть еще не злой, ноябрьский, но все равно сердитый. До Старгорода оставалось идти еще неделю. "Я хорошо походил, - думал Киреев, - сколько кузнечиков пели мне свои песни. Пора послушать сверчка..."

А дискуссия в комнате шла не шуточная. Михаил смотрел на этих людей и окончательно - раз и навсегда - понял всю мудрость тютчевских строк: "Умом Россию не понять". И он верил в Россию, как и Тютчев, как миллионы живых или уже ушедших в мир иной русских людей, верил, что рано хоронить страну, где есть такие городки, как Тишанск, а в этих городках - вот такие кружки. Подошел к концу вечер. Стали голосовать. Два голоса получил

Маршак, два - Пастернак и два - Спендиарова.

- Надо же, - огорченно вздохнул единственный ветврач Тишанска Егор Юрьевич Юрьев, - опять ничья. Говорил вам, надо нам седьмого искать. И вдруг все разом посмотрели на Киреева. Его первой мыслью было: "Мне бы ваши заботы", второй: "Ну, если просят", третьей: "Вообще-то, мне и Маршака перевод нравится, и Спендиаровой. А за кого голосовал Олег Игоревич?" И неожиданно даже для себя стал читать перевод Спендиаровой, за который проголосовал и Толстиков:

Поэзии в природе нет конца:

Когда в жару на ветках деревца
Притихнут птицы, из травы нагретой

Раздастся голос нового певца.

Кузнечика. В великолепии лета

Блаженствует он, опьянев от света,

Звенит, стрекочет, а найдет ленца,

На миг замолкнет, притаившись где-то.

Всегда жива поэзия земли:

За теплой печкой, в зимний вечер вьюжный,

В глухую пору, с тишиною дружный

Невидимый сверчок поет в щели.

И чудится в дремотном сновиденье

Кузнечика полуденное пенье.

Читал Киреев в удивленной тишине, а когда закончил читать - вдруг раздались аплодисменты. Михаил смутился, но ему было приятно признание этих людей. "Наш человек", - сказал ветеринар Юрьев, и эти слова стали едва ли не самой дорогой похвалой, которую Михаил Прокофьевич Киреев слышал в своей жизни...

А еще Киреев открыл для себя, что более поэтического народа, чем наш, русский, на земле не существует. А в качестве доказательства Михаил теперь готов был привести... названия рек, а также деревень, сел, городов, где он побывал. Даже когда Киреев жил в Москве, его просто выводили из себя местечковые юмористы, осмеивавшие по телевизору и с концертных эстрад все и вся. И когда один из них произносил в монологе слова: "В Лондоне тепло, а в деревне Гадюкино опять идут дожди", а зал покатывался со смеху, Киреев свирепел: "Над кем смеетесь? Над собой смеетесь". Только младенец не мог бы понять, какую символику несла в себе деревня под названием Гадюкино, где в отличие от всей планеты всегда идут дожди, всегда грязно, холодно и сыро. Но, выросший на некрасовских "Кому на Руси жить хорошо" и помня все эти деревни Неурожайки, о которых писал поэт, Киреев тогда молчал. С классиком не поспоришь, думал раньше он. Но вот прошагал Михаил русскими путями-дорогами - и не встретил деревни Гадюкино - ни в прямом, ни в переносном смысле. Зато побывал в десятках Березовок, Липок, Ольховок, Сосновок. Имя много говорит не только о человеке. Принимая то или иное название, деревня, город словно выбирает себе судьбу. Десятками исчислялись и встреченные Киреевым села Троицкие, Спасские, Петровские, Никольские, Архангельские, Успенские... Встречались и Дураковки, Хмелевки - куда же без них, но их было мало. Зато однажды на Тамбовщине пришлось проходить ему деревню Альдию. Оказалось, что когда-то один

помещик, похоронив любимую арабскую кобылу, так назвал в честь нее свою деревню. А в Тульской области он ночевал в деревне под названием Кинь-Грусть. Славное название, не правда ли? Вот и захотелось мне напоследок перечислить хотя бы названия части тех сел, деревень и городов, через которые вела дорога Киреева. Не сомневайтесь, все они есть на карте России. Степь, Троица, Летогоще, Орловка, Соколово, Желанное, Боголюбовка, Сестрички, Пески, Большие Голубочки, Поляны, Ясенки, Дубрава, Майское, Серебряные Ключи, Благодать, Ласково, Малиновка, Рябиновка, Мирный, Травнино, Муромцево, Натальинка, Загорье, Калиновка, Горки, Щегловка, Ольгинка, Сретенка, Луговка, Лермонтово, Грунин Воргол, Галичья Гора, Задонск, Сапожок, Бобров, Анна, Свобода, Беломостье, Горностаевка, Вязовик, Красное, Стрелецкое, Казачье, Дивогорье, Пухово, Колодезное, Зеленый Луг, Марьино, Софьинка, Соловьи, Коноплянка, Красивка, Соболево, Серебряное, Карион, Богословка, Свечиное, Дубки, Вишнево, Варваринка, Лужки, Ухорь, Ясное, Дворяниново, Лев Толстой, Лебединь, Перемышль, Суворов, Крапивна, Богородицк, Тюртень, Раево, Шарик, Завидное, Золотая Поляна, Зеленый Бор, Иконки, Александро-Невский, Дикое Поле, Златоустово, Солнцево, Луна, Восток, Заря, Сумерки, Рассвет, Большая Дорога, Невеличка, Казачка, Бабенка, Казачий Дюк, Красный Уголок, Наша, Соловьи, Гоголь, Баранчик, Ясная Поляна, Гоголь, Бежин Луг, Новый Свет, Мыс Доброй Надежды, Сново-Здорово...

Глава сорок вторая

- Надейся на Бога, нас не забывай. В престольные праздники старайся приезжать - мы будем рады.

Служба закончилась, и матушка Валентина вместе с сестрами вышла проводить Юлю к воротам монастыря. Софья скромно стояла в сторонке. Все-таки прав Кира, думала она, наблюдая за ревущей Юлей, прощавшейся с настоятельницей и сестрами монастыря. В этом мире парадоксально все. Полгода не прошло, как познакомилась она с этой девушкой. Алчная, расчетливая, жестокая, готовая ради достижения цели пойти на что угодно - такой до вчерашнего дня представляла Софья Селиванову. Ту самую Селиванову, которая, как ребенок, сейчас размазывает слезы на щеках, повторяя все время только одну фразу: "Спасибо вам, миленькие мои! Спасибо вам, миленькие мои!" Почему Юля так переменялась? Или была такой всегда, просто Софья раньше не смогла "увидеть" ее, как сказал бы Киреев? Зашмыгали носами и сестрички. Они подарили Юле скромные подарки - обшитые бисером иконки, книгу, банку варенья. Какая-то юная послушница, совсем еще девочка, сказала сквозь слезы: "Ангела- хранителя вам в дорогу". Эти слова подхватили и остальные.

- Можно по городу ехать потише? - уже в машине попросила Юля Софью.

- Ты думаешь, он еще должен появиться?

- Вряд ли, - потихоньку прекращая плакать, ответила Селиванова. - Наверное, у Федора срочная работа. А так бы он приехал... проститься.

- Может, заедем к нему?

- Не стоит. Ты и так со мной столько времени потеряла.

- Не говори глупостей.

- Нет, правда. Я очень тебе благодарна. Да и не знаю я, где он живет. Теща у него в Хлевном, а где это Хлевное, Бог один знает.

- Не грусти, Юля, - очень тихо сказала Софья. - Понимаю, тебе тяжело...

- Нет, Сонечка, совсем не тяжело. Мне здесь хорошо было. Больше нигде так не будет. А с Федором у нас все равно ничего бы не получилось... Ладно, давай о чем-нибудь веселом.

- Давай.

- Кстати, а у тебя еще есть время?

- Говорю же тебе, что есть. Куда нам надо заехать?

- Заедем на минутку в больницу, а потом поедem в Москву по донской дороге, если ты не возражаешь.

Софья сразу поняла Юлю. Девушка, с одной стороны, хотела на прощание увидеть те места, где так круто изменилась ее жизнь, а с другой - отблагодарить Воронову: Юля чувствовала, что любое упоминание о Кирееве будет приятно для Софьи. В больнице Селиванова действительно задержалась всего на несколько минут, и вот уже Софья в "БМВ" вез подруг по той самой дороге. Вез не спеша, чем вызвал недовольство своих менее "породистых" родичей, которые, сигналивая что есть силы, обгоняли "иностранца". Впрочем, самим девушкам это, похоже, было абсолютно безразлично. Юля словно вела экскурсию:

- Видишь, обгорелая трава - там, слева? Туда братки кувыркнулись. И сгорели... А вот тот самый поворот.

- Хочешь, заедем туда?

- Не надо! Сплю я спокойно, но лучше не надо.

- Про шмеля ты красиво вчера рассказывала. И про птицу.

- Смешно.

- Ты о чем?

- Я тогда смерти ждала, а жалела только о том, что за несколько лет в настоящем лесу ни разу не была. Прав Киреев, в этом мире...

- Все парадоксально? - подхватила Софья. Подруги рассмеялись.

- А вот эта самая развилка. Михаил здесь из автобуса вышел, а мы чуть подальше стояли...

- Федор Киру здесь подобрал?

- Два раза... Представляешь, а если бы они разминулись? Я сейчас подумала об этом - и мне страшно стало.

- А там, я понимаю, - показала Софья направо, - знаменитая Галичья гора. Давай заедем туда?

- В деревню? - испугалась Юля. - Ни за что на свете.

- Нет, на гору. Ты мне сама рассказ Михаила передавала, как он на горе полдня просидел, обо всем позабыв. Поедем?

И вот Софья и Юля стоят на вершине огромной кручи. Обе молчат, каждая думает о своем. Легкий ветерок ласково играет с волосами девушек, перепрыгивая на кусты, деревья - и бросается вниз с обрыва. Но не падает в реку, а поиграв с ней и вызвав легкую рябь, вновь развеивает волосы девушек.

- Такой песчинкой себя чувствуешь, - первой нарушила молчание Софья.

- Я тоже об этом подумала. И еще знаешь о чем?

- Знаю, - улыбнулась Воронова. - Потому что я тоже хочу.

- Что - хочешь? - удивленно посмотрела на подругу Юля.

- Быть птицей. Расправить крылья, то есть руки, - и полететь. Над морями, над лесами, над зелеными лугами.

- Нет, лучше просто парить. Как тот ястребок или сокол - я не разбираюсь. Представляешь, Соня, он высоко-высоко. И будто висит в воздухе. Не шелохнется.

- А потом ка-ак бросится вниз, на добычу. - Софья неожиданно схватила Юлю за плечи.

- Напугала, сумасшедшая! - охнула Селиванова. - Так и зайкой можно сделать... А о Кирееве неужели сейчас не думала?

- Юленька, ты помнишь, что сказал Александр Сергеевич? Чем меньше мужиков мы любим, тем больше нравимся мы им. Вот! Отсюда надо делать соответствующие выводы.

- Ну ты даешь! Он наоборот все написал.

- А мы переделали. Ты хочешь что-то спросить? По глазам вижу, что хочешь.

- Опять читаешь мысли? Хочу. Как ты думаешь, у меня получится?

- Что?

- Начать жизнь набело?

- Поживем - увидим. Но ты же ведь не это хотела спросить. Правильно ли ты сделала, что уехала из Задонска? Так?

Юля кивнула и с какой-то верностью и надеждой посмотрела в глаза Софье. Воронова

поняла, что шуткой здесь не отделаться.

- Маленького принца помнишь?

- Кто тебя выдумал, звездная страна, - пропела Юля.

- Снится мне издавна... Да. О том, что мы в ответе за тех, кого приручаем, - помнишь?

- Помню. Думаешь, я его приручила?

- Думаю - да. А он тебя?

- Честно? Не знаю.

- Вот ты и ответила сама на свой вопрос. Когда поймешь, тебе не понадобятся мои советы. Давай я тебе лучше стихи читаю.

Стихи она читала нараспев, голос девушки звучал нежно. Соня слегка раскачивалась в такт стихам:

В полях под снегом и дождем,
Мой милый друг, мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг, от зимних вьюг,
И если мука суждена
Тебе судьбой, тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой, делить с тобой.
Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом, где тьма кругом,
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем, с тобой вдвоем.
И если б дали мне в удел
Весь шар земной, весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной, тобой одной.

- Вы с ним как две половинки одного целого, - после некоторого молчания сказала Селиванова.

- Ты ошибаешься, Юленька.

- Он мне тоже стихи читал.

- Какие?

- О девушке, которая пела в церковном хоре.

- Помню.

- А ты чьи стихи сейчас читала? Градский такую песню пел.

- Бернса. Роберта Бернса. Когда он умирал, очень тяжело умирал, за ним ухаживала простая девушка. Вот Бернс и решил отблагодарить ее... Софья заплакала, глядя вдаль.

- Соня...

- Что?

- Ты его приручила.

- Думаешь?

- Я это поняла. Не у тебя одной интуиция.

- Ладно, поедem, пора уже.

- Мне сон сегодня под утро приснился. Говорят, надо над тянущей водой его рассказать, чтобы он не сбылся.

- Не сбылся? Плохой был сон?

- А может, и не сон вовсе, а видение. Кстати, однажды при мне Михаил с Голубевым, хирургом, о снах спорили. Киреев говорил, что есть сны пустые - они забываются сразу, как встал, а есть вещи.

- Так что тебе снилось?

- Что Кузьмич в Москву приехал. И превратился в огромную серую крысу. И ищет эта серая мерзость меня. Я сижу на кровати, сжалась вся, хочется невидимой стать, а крыса по комнате ходит, ходит, принохивается, принохивается, а потом как поднимет морду - и видит меня. Я даже закричала. Проснулась в поту вся.

- А если он и правда в Москве? Будет он тебя искать?

- Наверное, будет. Три его гарных хлопца куда-то делись - как не искать?

- Слушай, - встревожилась Софья, - а если это серьезно? Юля пожала плечами.

Неожиданно маленький камешек скатился вниз. Стукнул раз, другой - и полетел вниз.

- Это знак! - сказали обе и засмеялись.

- У меня идея! Ты не поедешь в Москву!

- А куда же я поеду? - растерялась Юля.

- В Старгород. К моей тетке. Мирная женщина. Верой Ивановной Григорьевой зовут. Будешь жить у нее.

- В Старгород? - Юля растерялась еще больше. - А как же московская моя квартира, паспорт? На что я буду в Старгороде жить?

- Ты же говорила, что тебе Киреев много денег дал.

- Но мне же ему их отдавать...

- Забудь. Он все равно не возьмет. С квартирой и паспортом все уладим.

- Как у тебя все легко и просто.

- Не все. Кузьмич - это не просто. Я не говорила тебе, что Гришаня повесился?

- Не может быть! - Юля машинально схватилась за сердце.

- Может. Ты веришь, что он мог на себя наложить руки?

- Нет, не мог. Не такой это был человек. Любил парниша жизнь.

- И я думаю, что не мог. Поедем. Старгород от ростовской трассы в десяти минутах езды. От Москвы Старгород в двух часах. Я буду тебя проведывать. А ситуация успокоится - вернешься. Если захочешь.

- Как-то неожиданно все, - неуверенно сказала Юля.

- Не переживай. Ты раньше о Задонске вряд ли слышала, а как с ним прощалась...

- Софья, ты думаешь, смерть Гришани с твоим дядей связана?

- Вообще-то, Гришаня говорил, что...

- Он врал. Я все расскажу. Он у меня был тогда. И...

- По дороге расскажешь, - перебила ее Воронова. Юля будто не услышала Софью.

- Но тогда и тебе нельзя в Москве быть.

- Мне можно.

- Почему?

- Я богатая и красивая, - засмеялась Софья. - Шучу. Мне нельзя сейчас, Юлечка, из

Москвы уезжать. Поедем. Слышишь, какая-то машина приехала? Здесь заповедник, сейчас разгонят нас...

- Слава Богу, застал! Так и думал, что вы сюда заедете, - раздался откуда-то сверху мужской голос.

- Федор! - удивлению и радости Юли не было предела.

- Собственной персоной. Только у нас проездом в Бердичев великий и ужасный Федор Федорович Новиков!

Соня заметила, как Юля словно засветилась изнутри. Было видно, что забыла она вмиг о Гришане, Кузьмиче, обо всем.

А Федор, стараясь скрыть смущение, говорил и говорил.

- Не смог утром проводить. Свояк просил доски из лесничества привезти. Потом за молоком к теще заехал. Боюсь, прокиснет молоко. Приезжаю в монастырь, а вас и след простыл. Сначала я расстроился, а потом подумал, что на гору вы эту попасть захотите. Угадал!

- А говорила - молчун, - засмеялась Софья. - Слушайте, ребята, у меня предложение есть. Молоко и в самом деле прокиснуть может. Как думаешь, Федор Федорович?

- Запросто, Софья Николаевна.

- А где мы еще такого молока попьем, Юля? Вот давайте здесь роскошный прощальный обед и устроим.

- А ты мне на дорогу только молока привез? - уже придя в себя от радости, спросила Юля.

- Не только. Огурчиков, яиц, хлеба домашнего. Софья даже зажмурилась.

- Домашний хлеб с молоком... Это что-то! Неси гостинцы, Федор Федорович. А мы тебе заодно и про наши планы расскажем.

- Зачем? - засмуцалась вдруг Юля.

- Вот тебе раз! Как гостинчиков - так что привез, а о том, как дальше собираешься жить, - человек, выходит, не обязан знать?

Федор с благодарностью посмотрел на Софью.

- Эх, Софья Николаевна, не умею красиво говорить, а то сказал бы.

- Представь, что умеешь. Говори.

- Говорить? Хороший вы человек. Спасибо. А теперь я пойду за гостинцами.

* * *

Новоюрьевск поздним вечером производил впечатление покинутого города. Киреев шел по пустынным улицам, и только полная луна на темном небе сопровождала одинокого путника. Михаил нежно любил этот город, где ему был знаком каждый дом, каждое дерево. Когда Киреев, где бы он ни находился, слышал первые аккорды песни "Где-то есть город, тихий, как сон", в памяти вставал Новоюрьевск. В детстве ему все здесь казалось огромным - двух- и трехэтажные дома, вязы и тополя на широких улицах...

Где-то есть город, тихий, как сон,

Пылью тягучей по грудь занесен...

А ведь были времена, когда по сравнению со своим ближайшим соседом - стариком Старгородом

- Новоюрьевск казался молодым, полным сил человеком. Работали шахты, заводы,

фабрики, ради которых на месте бывшего рудника и был построен Новоюрьевск. Постепенно из Старгорода перешли сюда все учреждения и организации. На улицах всегда было полным-полно молодежи, детей. Телевизоры тогда были редкостью, а потому вечерний досуг старались проводить "на людях". Мужики резались в домино, играла гармошка, кипели футбольные и волейбольные баталии. Билеты на вечерний сеанс в местный дом культуры невозможно было достать. Бок о бок жили русские, украинцы, немцы, татары. Свадьбы, похороны, проводы становились событием не только одной семьи, а всего двора.

Постарел Новоюрьевск. А может, это Киреев постарел? Двухэтажные дома показались маленькими и какими-то беззащитными. Или это он, беззащитный и маленький, ищет спасения в детстве? Так, наверное, бывает у всех, кто не в ладах с настоящим и ничего не ждет от будущего. Киреев вздохнул. Попытался пошутить: "Вход в город великого путешественника оказался не замеченным сидящими у телевизоров новоюрьевцами". Захотелось выкинуть какую-нибудь шутку. Как в студенческую пору, когда он, подвыпив, кричал по ночам: "Люди, вставайте, я солнце!" Но вместо этого Михаил вполголоса запел ту песню:

В медленной речке вода, как стекло,
В мире есть город, в котором тепло,
Наше далекое детство там прошло...

Но сестра, ее муж и их семилетний сын встретили его так тепло, так радушно, что грусть улетучилась, будто ее и не было вовсе.

- Бог мой, и даже тушеный кролик! Откуда?

- Володя от своей мамы привез. Картошку помогал выкапывать и привез, - пояснила Женя.

- И что-нибудь к кролику... в смысле выпить - имеется?

- Обязательно, - гордо сказал Володя.

- Так тебе разве можно? - Все-таки сказывалось, что младшая сестра Киреева работала в школе. В голосе слышался металл.

- Женечка, - мягкий Володя умел быть убедительным, - во-первых, такая встреча. Во-вторых, мы понемножку. А в-третьих, это же не магазинное. Миша, ты попробуешь и скажешь, пил ли что-нибудь подобное раньше. Двойная перегонка, на травах настоящая. Пятьдесят градусов, а пьется легко-легко.

- Да там и сорока нет, - фыркнула, собирая стол, Женя.

- Вот видишь, ты пила и не заметила градусов. Согласен, пятидесяти нет, но сорок пять - точно. А белобрысый Илюша и вовсе не отходил от дяди. Он притащил из своей комнаты маленький рюкзак, перешитый из холщовой сумки, и стоял молча, ожидая, когда на него обратят внимание.

- Вот, дядя Миша, мы к походу готовы. Илюша, расскажи, как ты тренировался? - попросила сына Женя.

- Зубы чистил.

- Это очень важно. Молодец, - похвалил племянника Киреев.

- А еще я мышей не боюсь!

- Замечательно, а я вот до сих пор их боюсь. Представляешь, в одном доме меня на чердак спать положили. Сено свежее, запах чудесный, мягко - благодать, одним словом.

Только засыпать стал - вокруг меня что-то зашуршало. В одном углу, в другом, потом, чувствую, и подо мной что-то шевелится. Бр-р!

- А ты? - Глаза у Ильи стали абсолютно круглыми.

- Дал деру.

- Чего дал?

- Убежал с чердака, одним словом. А хозяева уже спят, будить их не хочется. Что же делать?

- Обратно на чердак лезть! - подсказал Илюша. Все рассмеялись.

- Нет, я же не герой, как ты. Постелил прямо на земле спальник, благо, трава была мягкая, густая - спорыш называется, - так и уснул.

Племянник недоверчиво смотрел на дядю. Рассказ явно не вязался с героическим обликом, который был уже нарисован в воображении ребенка.

- А еще чего ты боишься?

- Больше ничего, - спохватившись, что завтра у родителей возникнет проблема с чисткой зубов сына, сказал Киреев.

- Даже волков? - обрадованный Илья добивал свои последние сомнения.

- Откуда в наше время волки? - вмещалась в их разговор Женя. - Пойдемте к столу, все остывает.

- Это ты напрасно, сестренка. Я про волков, а не про стол. Их очень даже много развелось. А в Шиповом лесу с целой семьей волков нос к носу столкнулся. Точнее, у меня один, а у них четыре носа.

- И что?

- Пришлось всю ночь на вершине сосны сидеть. Шучу.. Володя не хвастал. Его напитки и впрямь оказались просто божественными. Уставший Киреев явно воспрял духом, да и силенок будто прибавилось. От него требовали рассказа о путешествии, поэтому сорокапятиградусная настойка на чабреце оказалась как нельзя кстати.

- А про волков ты пошутил? - спросила Женя.

- Нет. Раза четыре встречался. Кабанов и лосей много стало, деревни обезлюдели, вот и волков стало много.

- Страшно было, когда в лесу на них набрел?

- Если скажу, что нет - не поверите. Хотя страха не было. Пять месяцев лесной жизни кое-что значат. Главное не показать, что ты их боишься. В глаза не надо им смотреть. Когда волк один - смотри, сколько хочешь, все-таки человека они боятся. А тут три взрослых и детеныш.

- А у тебя ружье было, дядя Миша? - Илью попросили сидеть за столом молча, но он не смог удержаться.

- Не было, - засмеялся Киреев. - Я с ними поздоровался, объяснил, что не могу, к сожалению, пообщаться подольше, и спросил, правильно ли я иду на Ергышевку.

- Дядя Миша, а они?

- Сказали, что иду правильно, только посоветовали быть поосторожнее. В поле за Ергышевкой по ночам семья кабанья ходит кормиться. Кабан, говорят, уж больно горяч, настоящий неврастеник.

- Да ну тебя! - возмутилась Женя. - Трепещься.

- Не верить твое право.

- И как же ты с ними разговаривал? Выл, что ли?

- Зачем же? С волками и без вытья можно. По-человечески. И, представляете, не обманули - кабанов я действительно повстречал. Красивое, я вам скажу, зрелище. Ночь, луна - огромная- огромная. Поле. С трех сторон - лес стеной стоит. И они идут.

- Кабаны?

- Кабаны, племящ, кабаны. Клином. Я раньше смотрел фильм "Александр Невский" и не понимал, почему князь говорил, что немцы клином, "свиньей" идут. А тогда за Ергышевкой понял. Клин самый настоящий. А впереди этот неврастеник. Идут, сопят.

- Ну и что, с ними тоже пообщался? - съехидничала Женя. - Или сразу деру дал, как с чердака?

- Не веришь, а зря. И разве со свиньями можно разговаривать? Тебе об этом еще две тысячи лет сказано: "Не мечи бисер перед свиньями". А поскольку вежливо с ними нельзя говорить, то лучше молчать. Так я и сделал.

- А они?

- Прошли мимо. Там посадка маленькая была, я представил себе, что превратился в молоденький дубок. А ветер с их стороны дул. Все просто. Они и прошли, даже не заметив меня. Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот вечер. Оставшись один, Киреев долго не мог уснуть. Затем встал и подошел к книжной полке. Свет луны был таким ярким, что он без труда мог прочитать названия книг. Да в этом и не было необходимости - многие из них он помнил с детства. Как этот томик Бернса. Киреев вспомнил, что в годы первой влюбленности он гадал на стихах. Открывал наугад страницу книги, думая о конкретном человеке. Сейчас Михаил думал о Софье. Когда-то он мог с ней спокойно общаться, разговаривать - и думать совсем о других вещах. Глупый, неужели ты ничего тогда не замечал? А сейчас, сейчас, сколько бы отдал Киреев, чтобы вновь услышать ее голос. Как менялась ее интонация! Иронично- колкая, когда Софья отчитывала Киреева: "Меня всегда бесит мудрость, идущая от возраста, а не от ума". А когда она вспоминала о детстве, об отце, то в голосе были грусть и нежность: "Мне тоже нравится. Сразу что-то давнее вспоминается, русское. Деревянный домик, печурка... Папа любил все это. Даже ложки деревянные собирал". И ее последние слова при расставании: "До свидания, вестник..."

Киреев взял с полки книгу Бернса и открыл ее наугад. Подошел к окну, чтобы лучше было видно, ткнул в страницу пальцем. Палец показывал на две строки:

Во тьме я солнце бы нашел

С тобой вдвоем, с тобой вдвоем.

- Да... - усмехнулся Киреев, - у Бернса мудрость шла не от возраста, как у некоторых, а от ума. И писал он эти стихи, кажется, перед смертью. Что ж, славно погадал. Но когда дряхлеющие силы, дорогой Роберт, царство тебе небесное, нас начинают покидать, мы все чаще повторяем слово из двух букв - "бы". И у тебя было так, и у меня: укрыл бы плащом, солнце нашел бы, и если бы дали в удел весь шар земной, тогда владел бы...

Грустно. В дверь постучали. Раздался голос Жени:

- Миша, ты с кем разговариваешь?

- С Робертом Бернсом.

- О, Господи! Говорила, не пей.

- Вот и он тоже советует.
- Кто?
- Бернс. Говорит, у пьяных старых мальчиков мечтательность появляется, а это вредно.
- Да ну тебя! Ложись, спи.
- И то верно.
- * * *

В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Вдовинки, в Старгород вошел еще не старый человек лет сорока. Он так долго ждал этого дня - ждал и боялся его, так долго представлял свое возвращение, что даже не поверил в реальность происходящего. Человек, а это, как вы догадались, был Киреев, перейдя через Хлыновский ручей, пройдя уже убранное поле и поднявшись на Тихоновскую гору, все ждал чего-то. Ведь должно что-то произойти. Но не гремел гром среди ясного дня, как, впрочем, не происходило и других стихийных явлений. Поскольку шел Киреев больше задворками, то и людей он практически не видел, а те, кого видел, - не замечали его. И только девочка лет шести, игравшая возле кирпичного дома с зеленой крышей, вдруг подошла к нему и, глядя на Киреева снизу вверх, спросила:

- Дядя, а вы откуда?
 - Отсюда.
 - А почему я раньше вас не видела?
 - Почему? Как зовут тебя, любопытная?
 - Маша Иванова. Мне шесть лет.
 - Ну, ладно, Маша Иванова, счастливо оставаться. Мне пора домой. Обещаю, мы еще увидимся.
 - А вы, наверное, устали, пока на гору поднимались?
 - Устал.
 - Мне дедушка Вася говорит, что на гору всегда тяжело подниматься, а вниз идти - легко.
 - Умный твой дедушка. Вниз легко, особенно кубарем. А мне вверх надо. Пока, Маша Иванова. Киреев не сделал еще и десяти шагов, как девочка вновь окликнула его. В руках Маши Ивановой было яблоко. Большое, красивое, почти прозрачное от наливавшегося сока.
 - Возьмите, - сказала она и убежала.
 - Спасибо. - Киреев долго смотрел ей вслед... А вот и Белое озеро. Сердце от волнения, а может, просто от того, что Тихоновская гора со стороны северо-запада была крутовата, забилося сильнее. Знакомая улочка. Дед Сидор Потапыч в неизменном треухе сидит на скамейке перед своим домом. Сколько ему сейчас лет? Наверное, далеко за восемьдесят.
 - Здорово, мил человек. "Надо же, - подумал Киреев, - глаза у деда еще видят" и поздоровался в свою очередь. Потом спросил у Сидора Потапыча:
 - А что, отец, невесты у вас в городе есть?
 - Кому и кобыла невеста.
- Михаил засмеялся:
- За что я тебя всегда уважал, Сидор Потапыч, так за начитанность твою. Классику помнишь.
 - Никак Михал Прокопыч? Сын Марьи Алексеевны?

- Собственной персоной.

- Вернулся? А к кому, прости за любопытство? Дом-то твой пустой стоит, почитай, лет пятнадцать.

- Стоял. К себе я вернулся, понимаешь?.. Но окончательно сразил Киреева Григорий Иванович Печников. Этот хозяйственный и пронырливый мужик в отличие от деда Сидора в молодые годы увлекался не книгами, а более материальными вещами. Печников что-то мастерил во дворе. Когда Киреев подходил к своему дому, Григорий Иванович приподнял голову и спросил:

- Домой, Прокопыч?

- Домой, Иваныч.

- И то дело. - И стал продолжать работу. Спросил так, будто не виделись они несколько часов, а не пятнадцать лет.

Глава сорок третья

Осеннее небо,
Пустое от края до края...
Ни тени не видно на нем.
Как ты одиноко, небо!
Хоть ворон бы пролетел.

Эти строчки японского поэта Такубоку Кирееву часто приходили на ум не потому, что наступила поздняя осень. И одиноким он себя не чувствовал. Одиночество страшно тому, кто его боится. Такубоку его боялся, иначе бы не написал:

Сверчок звенит в траве,
Сижу один
На камне придорожном.
Смеюсь и плача,
Сам с собою говорю.

Да и о каком одиночестве Киреева можно было говорить, когда в маленьком его домике иной раз целыми днями на закрывались двери. Кроме Васильковых, время от времени заглядывали старые новоюрьевские друзья - молва о том, что в Старгород вернулся Киреев, быстро облетела округу. Приходили поболтать соседи. Часто на огонек к Михаилу заходила Юля Селиванова, поселившаяся у Веры Ивановны Григорьевой, тети Софьи Вороновой. Воронова. Даже фамилия эта стала носить для Киреева особый смысл.

Хоть бы ворон пролетел.

Но вот что интересно. Юля, с которой Михаил очень подружился, много раз пыталась завести с ним разговор о Софье. Но всякий раз, когда шуткой, когда молчанием, он обрывал его. И однажды Юля не выдержала:

- Что вы за человек? Вроде бы мы с вами не чужие люди. Я вам про себя все рассказываю, письма Федора показываю, а вы...

- Прости, Юля, но мне нечего показывать - не пишет никто.

- Не собьете. Я все скажу. Гордые вы оба. Одна там, в Москве, переживает, другой здесь... Вы хоть поговорите о Софье - легче будет. А вы меня в душу не пускаете.

- Ты не права, победительница гнилых Шуриков.

- Почему?

- Я тебя давно уже пустил. В душу. А почему не говорю? Один святой старец сказал: "Молчание - таинство будущего века".

- Вы о ней - молчите?

- Нет, говорю молча. А вот про гордость - это ты напрасно.

- Что же это - трусость?

- Опять не то. Когда вырастешь - поймешь.

- Что - пойму?

- Что любить - это не обладать, не завоевывать, а отдавать. И чем больше ты любишь человека, тем... тем...

- Тем больше хочешь ему отдать?

- Разумеется, но я не то хотел сказать. Попробую с другого конца. Один замечательный

поэт, звали его Николай Рубцов, однажды написал:

Улетели листья с тополей
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели.
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

- И что все это значит? Стихи-то хорошие, но они как раз о другом говорят.

- Нет, о том же. Много любви, Юлек, и нежности много. Только на моем календаре ноябрь. Листья уже облетели. Пока все тихо, но вот-вот зашумят метели...

- А на Софьином календаре?

- Май, Юлек, май... Чудесная пора: ласточка с весною в сени к нам летит, лазурь небесная смеется, сыплет черемуха снегом...

- Вас пугает разница в возрасте? - неожиданно спросила Селиванова, стараясь не обращать внимания на шуточный тон Киреева.

- Опять не то. Хорошо, хоть не люблю слова я эти цветастые, но скажу: если бы я чувствовал в себе силы, умение, возможность отдать Софье все то, что она заслуживает, я бы давно... ты понимаешь меня?

- Да.

- Иной раз я думаю: будь она некрасива, случись что-нибудь с нею - слепота, авария, болезнь - я помчался бы к Софье и не отходил от нее. Но так бывает только в женских романах, а в жизни... Мне нечего ей дать, а быть старым вьюном, сосущим соки из молодой розы, я не хочу.

- Может, я действительно молода и глупа... С одной стороны, вы вроде бы правы. Любить - отдавать, вьюн - роза. А с другой...

- Хочешь сказать, что это все-таки трусость?

- Именно так и хочу сказать. Когда вы все бросили и больной ушли в неизвестность - разве это, исходя из логики, из здравого смысла, не было безумием? Киреев пожал плечами.

- Наверное.

- Вот вы сейчас здесь. Кроме вашей еще и моя жизнь круто изменилась. А если она должна измениться и у Софьи? Она же вас вестником назвала. Но теперь вы с точки зрения здравого смысла заговорили.

- Постой...

- Нет, это вы постойте. Я гляжу на вас обоих - вы будто две половинки одного целого. Я Софье это уже говорила, а вот теперь вам говорю. Если судьба свела вас или Бог - почему вы противитесь? Гордость, Михаил Прокофьевич, гордость.

- Она-то здесь при чем?

- А при том, что вы Рубцова цитируете, а в мыслях и разницу в годах держите, и ее положение, и свой домик старенький, и ее иномарку. Держите, держите. И она тоже гордая, но Соня хоть женщина. Вы позовете ее - вмиг примчится, бросит все и примчится. Я знаю. Но вы трус.

- Ты разошлась не на шутку.

- Не нравится? А правда никому не нравится, между прочим. Еще вы боитесь, что поживет Софья у вас - да и вернется в Москву. Боитесь, боитесь. Но если любите, чего бояться? Даже если уедет - пожелайте ей счастья и сидите до старости с этим дедом, что неподалеку от вас живет. Такую же шапку купите - и сидите, про политику рассуждайте. Неужели для этого вы из Москвы уехали? Юля замолчала. Киреев сидел, опустив голову. Потом грустно улыбнулся:

- Я сдаюсь. Жаль, что ты вчера не пришла.

- А что было вчера?

- Письмо от Софьи.

- Письмо? Что же вы молчали?

- Не успел сказать... Длинное письмо. Софья все новости сообщила. У Аллы Петровой дела опять в гору пошли. У нее теперь в магазине Ира Боброва работает. С Витей они хотят разводиться - он пьет. Наталья вся в работе, впрочем, ты ее не знаешь. Пишет, что ты можешь приезжать - она тебя на какие-то курсы устроила, после которых можно куда угодно поступить, даже в Строгановку. Кузьмич, оказывается, на тот свет отправился, так что смело в Москву поезжай. Да, икону просила оставить и самому решить, что с ней делать. А в конце письма - несколько строк. Голос Киреева стал глухим, взгляд отсутствующим, устремленным куда-то далеко-далеко:

- О чем я? Да, несколько строк. Соня написала, что... любит, и спрашивает... - Михаил опять замолчал.

- Что спрашивает?

- Как-то неловко обо всем этом говорить. Спрашивает, можно ли ей сюда приехать?

- А вы?

- Я? Сел и написал два письма. Одно получилось очень красивым. Можно сказать, художественное получилось письмо. Я написал, в сущности, о том, о чем говорила ты. О разнице в возрасте, о том, что "она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним", о том, что здесь другая жизнь и "БМВ" у моего забора будет выглядеть так же, как сотовый телефон в руках Потапыча. Короче, прочитал ей мораль по полной программе. А закончил стихами Арсения Тарковского. "Помнишь, - пишу я ей, - при нашей первой встрече я читал тебе его стихи? Давай закончим стихами Арсения наш последний разговор..." И написал эти строки.

- Какие это были стихи?

- Тебе интересно?

- Иначе бы не спросила.

- Хорошо, прочту:

Я свеча, я сгорел на ветру,

Соберите мой воск поутру,

И подскажет вам эта страница,

Как вам плакать, и чем вам гордиться.

Как веселья последнюю треть

Раздарить и легко умереть.

И под сенью случайного крова

Загореться посмертно, как слово.

- А потом, - продолжал Киреев, - я написал второе письмо. В нем было всего два слова: "Люблю. Приезжай".

- Михаил, не томите. Дальше что?

- Пошел на почту. Стою у почтового ящика и не знаю, какое из двух писем опустить в него. По привычке жду знака, а его все нет и нет. Вдруг, смотрю, идет какой-то человек. Немного пьяненький, пошатывается. Мил человек, говорю, возьми любое из этих писем и порви. Он не понял сначала, потом попросил на пиво и порвал. А другое я опустил в почтовый ящик.

- И он порвал...

- Да, короткое.

- Эх, Михаил Прокофьевич! Разве можно свое счастье отдавать в чужие руки, тем более что при этих руках была не очень трезвая голова. Хорош знак... Послушайте, Михаил, - вдруг оживилась Юля, - а вы в Москву поезжайте, быстрее письма у Софьи окажетесь. Сами будете ответом. Киреев покачал головой.

- Я не правду тебе сказал... Письмо от Софьи пятнадцатого ноября пришло. А сегодня...

- Знаю, тридцатое, - печально произнесла Юля.

- Честно признаться, я так захандрил после этого, что даже к Вере Ивановне не сходил и не передал слова Софьи, предназначавшиеся тебе. Прости.

- Ладно, что там. Я тоже не поеду. Ко мне через неделю Федор приезжает.

- Вот здорово!

- Можно он у вас поживет?

- О чем речь? Конечно.

- Он ненадолго. Хочет осмотреться, узнать, сколько здесь жилье стоит.

- В Задонск не возвратишься?

- Мне нравится здесь. Москва близко, Тула. Да и у него больше возможности работу хорошую найти. А в Задонск будем ездить в гости. Как на праздник - он к бывшей теще, друзьям, я к матушке Валентине, сестрам.

- Постой-постой. Честным пиром да за свадебку? Юля засмушалась.

- Он хороший. Надежный. Меня любит. Всю жизнь я кого-то любила, впервые полюбили меня.

- А ты его не любишь, что ли?

- Я очень Федора уважаю. Надеюсь, у нас еще будет время и я его полюблю. Вот увидите.

- А как же Строгановка?

- Разве на ней свет клином сошелся?

- Думаю, что не сошелся.

- Мне захотелось иконы писать. Говорят, специальные мастерские появились, где этому учат. Федор одобрил. А вы как считаете?

- Тебе важен совет трусливого гордеца?

- Вы обиделись? Я же переживаю за вас. Вы... - Юля осеклась, - вы как старший брат мне. И еще друг.

- Спасибо. Я не обиделся. Мне один человек сказал мудрые слова, я не перестаю их

всем повторять. Больше ничего не говорю, не учу других уму-разуму - хватит, отучил. А эти слова повторяю: люби Бога и делай, что хочешь.

- А если человек не верующий? Вы ему тоже это говорите?

- Ты это про себя?

- Нет, я верую.

- Неверующих людей, Юля, не бывает. Только не все об этом знают. Но тем, кто и знать не хочет, я говорю немножко по-другому.

- Что говорите?

- Живи сердцем.

- И все?

- А разве этого мало? Учись на моем горьком опыте. Видишь, как получается? Подчас два слова скажут больше, чем сотни самых правильных и мудрых слов. Такой вот парадокс.

* * *

Новый год Софья встречала на даче у Мещерских, заранее попросив подругу:

- Старшая, только можно я не одна приду?

- Киреев приехал, тетка? - Мещерская спросила об этом чересчур спокойно, чтобы в это можно было поверить.

- Нет, - просто и спокойно ответила Воронова. Так, как умела отвечать только она, - и собеседник больше не хотел задавать вопросов. - Я хочу с Наташей Котеночкиной к вам прийти.

- Конечно, о чем речь? Будем только рады.

- Спасибо. Она одна, я одна - вот мы и скооперировались, как говорил Смок.

- А Ира? Может, ее тоже... В смысле, пригласить?

- Старшая, у тебя и так полон дом гостей будет. Да и уехала Ира на праздники в Вышний Волочок, к маме.

- Что, Виктор пьет?

- Наташа говорит, что да. Но мне кажется, это не главное. Сломался он после смерти Лизы. Ирочка всю жизнь тростинкой была, гнуло ее, гнуло, она до земли сгибалась, но так и не сломилась. Алла на нее нарадоваться сейчас не может - благодарит меня чуть ли не каждый день. А Витя как дуб - не шелохнется. Крепко стоял. Он в семье как солнышко был - домой приходил, Ира расцветала сразу, Коноплянка петь начинала.

- Ты о Лизе, тетка? - тихо спросила Мещерская.

- Да... А когда дочери не стало, он и рухнул сразу. Каждый день на кладбище ходит, часами у могилки сидит... Так что я не осуждаю его.

- И правильно делаешь. Ну, ладно. Я вас жду. Праздник получился на славу. Впрочем, у Мещерских по-другому и не бывало. В полночь к елочке, росшей у дома, которую всегда наряжали, вышла даже не очень хорошо чувствовавшая себя Аглая Серафимовна и пригубила шампанского. Народу под елкой собралось много, после двенадцати часов подошли и некоторые из соседей. Один из них, высокий рано полысевший блондин с тихим вкрадчивым голосом, будто ненароком все время оказывался возле Вороновой. Софья раньше несколько раз видела его у Мещерских, старшая говорила, что этот человек покупал картины Ильи Ильича и что работает он "где-то высоко" - как выражалась Мещерская. Когда вернулись в дом, блондин пригласил Воронову на танец. Мещерская, танцевавшая с кем-то

из гостей, подмигнула подруге:

- Держись, тезка, Аркадий Ревазович у нас знаменитый сердцеед.

- Хочешь сказать, что Аркадий Ревазович каннибал? - Мысль о том, что Мещерская специально устроила эту встречу-смотрины, была Софье неприятна, но она быстро отогнала ее. В прошлом блондин засмеялся:

- У вас замечательное чувство юмора. Мне нравятся такие женщины. "По ходу сюжета я должна, видимо, спросить, почему у него такое редкое сочетание имени и отчества", - подумала Софья. И, разумеется, продолжала молчать.

- Не правда ли, редкое сочетание имени и отчества? - спросил, наконец, Софью Аркадий Ревазович.

- Чье?

- Мое. Все обычно спрашивают.

Воронова пожалала плечами. У нее было отличное настроение, однако ее бесили типы, самоуверенные сверх всякой меры. Но она умела и с ними разговаривать. В этом конкретном случае надо было просто сбивать собеседника с размеренного, много раз успешно до этого опробованного ритуала знакомства и ухаживания.

- Нормальное сочетание. Отец - русский еврей, мать - грузинская еврейка. Тут главное не комплексовать.

Софьин партнер издал нервный смешок.

- Да я и не собирался. У меня много кровей намешано. Бабушка по отцу из старинной казацкой семьи, а прадед по материнской - из древнего грузинского рода. Представляете, какая смесь получилась?

- Представляю. В старости ваш внук будет пикировать на скрипке, жена готовить вам сациви, а вы, играя в шахматы, будете мурлыкать под нос песню: "По Дону гуляет казак молодой". Закончилась музыка, Аркадий Ревазович, несколько ошарашенный, все-таки галантно проводил Софью до места и шепнул ей на ухо: "Пообещайте, что сегодня вы танцуете только со мной". Софья пристально посмотрела ему в глаза. От парня почему-то сильно пахло козлом. Наверное, вспотел сильно. Но как блестят глазки!

Аркадий Ревазович не отвел глаза. Он по-своему истолковал молчание девушки и еще более томно сказал: "Я очень прошу вас", делая ударение на слове "очень". Затем взял руку Софьи и поцеловал ее.

- Я не люблю однообразия, Аркадий. Но так и быть...

- Благодарю.

- Обещаю вам еще один танец. Потом опять пили, ели, пели, опять пили. У Аркадия оказался недурной голос, несильный, но приятный. Софья понимала, что ее продолжают обольщать. "Недавний блондин", так она про себя стала называть нового знакомого, Аркадий пел с чувством, время от времени бросая на Софью короткие, но очень выразительные взгляды:

- Тьмою здесь все занавешено

И тишина, как на дне,

Ваше величество женщина,

Как вы решились ко мне...

Большая компания разбилась на несколько групп. От Вороновой старалась не отходить

Наташа, несколько робевшая в новой для себя обстановке. К ним подошла Мещерская:

- Наташенька, вам не нравится у нас?

- Что вы, Софья. Все чудесно. Правда. И семья у вас замечательная. И друзья.

- Спасибо. Тезка, а как тебе Коваленко?

- Кто?

- Аркадий Ревазович.

- Мы с тобой еще поговорим на эту тему, старшая. После.

- Соня, думаешь, я специально его звала? Он тебя у нас весной видел, все спрашивал, кто ты да где. Я сегодня его не приглашала.

- Так выгони.

- У нас так не принято.

- Извини. А на другом конце стола Коваленко подчеркнуто громко рассказывал Илье Ильичу:

- Страна дураков - вот вам весь мой ответ. Ну не любят у нас умных, сжирают сразу. Когда Кириенко пригласили в Кремль, я ему сразу сказал: "Сережа, подумай. Наше время еще не пришло. Скушают тебя. Или подставят". Он же умница, светлая голова...

- Ты поняла, с кем за одним столом сидишь? - спросила Воронова Наталью.

- С кем? - простодушно спросила Наталья.

- Потом расскажу. Кстати, старшая, - Софья решила похулиганить, - а кем этот козел работает?

- Тезка, разве так можно?

- Соня, действительно, разве так можно? - поддержала хозяйку Наташа.

- Девочки, но от него, правда, козлом пахнет. Сейчас подойдет на танец меня приглашать - примножайтесь.

Все трое засмеялись.

- Тезка, фи!

- Молчу и каюсь. Только... плохо мне без Лизы и Киры. С ними не надо было притворяться. Эх, вы, девушки из высшего общества!

Подошел Аркадий. Галантно поклонился: "Разрешите?" Было заметно, что он уже явно навеселе. В танце попытался сократить дистанцию. Софья покачала головой: "Нет".

- Но мы же не пионеры, Сонечка.

- Аркадий Ревазович, мое имя еще более обыкновенное, чем ваше: Софья Николаевна.

- Меня весь вечер один вопрос мучает, Софья Николаевна. Вы не обидитесь, если я его задам вам?

- Чтобы потом мучилась я?

- Я серьезно. Вы такая... красивая... Нет, совсем не то я говорю.

- То есть некрасивая?

- Вы необыкновенная! Я никогда таких не встречал. И вдруг - одна. В такой праздник. С замиранием жду вашего ответа: у вас есть... любимый человек?

- Есть. - Софья вдруг отчетливо представила сначала Лизу, потом Киреева. Имеет ли она право обвинять подруг в неискренности, если сама, в сущности, ломает весь вечер комедию. И вновь повторила тихим голосом: - Есть.

- А где же он? Нет, я не верю вам.

- Ваше право, Аркадий Ревазович.
- Но Софья мне сказала...
- Что сказала?
- Только не выдавайте меня, хорошо? Сказала, что он отказался от вас, хотя, если честно, он действительно странный: как можно отказаться от такой девушки?
- Про странность тоже Софья сказала?
- Что-то в этом роде.
- Аркадий Ревазович, вы спросили, есть ли у меня любимый человек. Так?
- Да.
- Я вам честно ответила: есть. Если б даже он от меня отказался, я не перестала бы его любить. Но мой любимый человек не отказывался от меня.
- А что же он сделал?
- Отпустил. Как птицу из клетки.
- Почему?
- Потому что любит.
- Не понимаю. Так не бывает.
- Бывает, Аркадий Ревазович. Ему сейчас очень тяжело. Моему любимому оставили жизнь...
- Оставили? Кто?
- Неважно. Он считает даже, что незаслуженно подарили. И он растерялся, не зная, что ему делать дальше. Вы всегда знаете, что нужно делать дальше?
- Сначала все взвешиваю, анализирую и... В общем, знаю.
- А он действительно странный человек, живет сердцем. Знака ждет. Думает, что если метели зашумели, то это навсегда. Простите, я запутала вас. Это слишком лично... и сложно.
- Зачем вы все время хотите меня обидеть? Я не глупый человек.
- Извините, - неожиданно мягко сказала Софья, - я вовсе не хотела вас обидеть. Просто
- это жизнь другого человека, и чтобы понять ее, одного ума мало.
- И все равно, Софья Николаевна. У нас есть общие друзья. Валерий Каза...
- Не надо. Верю. Продолжайте мысль, Аркадий Ревазович.
- Хорошо. Они много рассказывали о вас, говорили, что вы - душа общества, обаятельны, умны...
- Любвеобильна, доступна.
- Любве... Простите, я не то хотел сказать.
- Не смущайтесь, продолжайте.
- И вдруг вас словно подменили. Владик Хабилава даже предположил, что вы решили пойти в монастырь. Нельзя же так жить!
- А это кто сказал, что нельзя - Владик или вы?
- Все ваши друзья и я.
- И всем моим друзьям нравилось, как я жила раньше?
- Так и надо жить!
- Может, вы правы.
- Конечно!
- И когда начнем так жить? Сегодня? Кстати, вы женаты? Коваленко растерялся. Он не

понимал, шутит эта девушка или говорит серьезно. И чем дольше он общался с ней, чем больше не понимал, тем сильнее его тянуло к ней. Хабилава хвастался, что был ее любовником, Казаков тоже говорил об этом. Но сейчас Аркадий Ревазович плевать хотел на все их разговоры. Он потерял голову.

- Я очень одинок, Соня.

- Софья Николаевна.

- Очень. Но не подумайте, ради Бога, не подумайте, что у меня... Я очень, очень серьезно...

- Аркадий Ревазович, вы четыре раза сказали слово "очень". Кстати, и музыка закончилась. Спасибо вам за танец. И за то, что я еще раз вспомнила прежнюю жизнь. Не обижайтесь, но мне моя нынешняя нравится больше. Как и мои нынешние друзья. Прощайте.

- Пойдите, Софья Николаевна. Вы меня плохо знаете. Я преследовать вас буду, я вас розами засыплю. Я хочу сказать...

- Вы много выпили, Аркадий Ревазович, остыньте.

- Он что, околдовал вас, этот ненормальный? Софья сначала хотела обидеться за "ненормального", но подумала, что в сущности слово-то не обидное. Если Киреев другой, то для Аркадия Ревазовича он действительно ненормальный. Воронова засмеялась.

- Вы правы. Он действительно колдун. Или мистический странник. Посмотрел мне в глаза и дал установку. Прощайте, Аркадий Ревазович.

* * *

Наступил Рождественский сочельник. Киреев жил тихо, можно сказать, незаметно. Сначала его часто приглашали в гости, но он вежливо отказывался. И приглашать перестали. Соседи за глаза называли его Бирюком. Женя и Володя тоже взяли перерыв до весны - на занесенную снегами Тихоновскую гору забраться, да еще вместе с Илюшей, было очень трудно. И только верная Юля каждый день, обутая в валенки, торила тропинку через всю Воронью слободку. Впрочем, в доме Киреева появилось два постояльца. Сверчок и лисенок. Сверчка Михаил назвал Домовенком. Оставлял ему крошки хлеба и был очень доволен, когда под шум вьюги Домовенок заводил свою песню. А вот лисенка Кирееву принес знакомый охотник еще в ноябре. По его словам, лисенок был "поздньюшом", оставшимся без матери.

- Возьми себе, Прокопыч. Жалко мне его. У меня собаки, куры - нельзя лисе жить. А у тебя голый двор. И сад какой. Возьми.

Глаза-пуговицы лисенка глядели на Киреева со страхом и надеждой. Тощее тельце била дрожь.

- Чем хоть кормить его, Георгий Петрович?

- Что сам ешь, то и ему давай. Только понемногу корми. А то изголодался он дуже. Киреев сначала захотел назвать лисенка Рыжиком, потом Чубайсом, но вовремя вспомнил, что на его улице есть два кота с такими кличками. В этот момент затянул свою песню Домовенок.

- Это "знак". Быть тебе Сверчком, дружище. Сверчок оказался очень смышленным зверьком, быстро приручился. Когда к Кирееву зачем-то зашел Печников, то обомлел:

- Так это ж лиса, Михал Прокопыч! Она всех кур задушит, а потом все равно в лес убежит. Или ты на шапку ее вырастить хочешь?

- Я всегда знал, Григорий Иванович, что душевный ты человек. Только ведь не лиса это.

- Не лиса?

- Карликовая колли. Шелти называется. Кур на дух не переносит. Зато слушается! - И Михаил скомандовал гонявшемуся за собственным хвостом лисенку: - Сверчок, к ноге! Зверек послушно подбежал.

- Лежать! Лег.

- А теперь иди отсюда. Убежал.

- Чудны дела твои, Господи! - только и смог сказать Печников. Потом добавил: - Эх, доверчивый ты человек, Михал Прокопыч. Обманули тебя. Вместо Коли этого лису подсунули. Сколько заплатил?

- Триста.

- Рублев?

- А то чего же? Слов у Григория Ивановича не нашлось. И вот тут это случилось - в первый раз. Посмотрев на старика, Михаил неожиданно почувствовал, что из того места, где у человека располагаются почки, от Григория Ивановича исходит тусклый, немножко мутный свет. Свет усилился, а затем будто на экране перед Киреевым предстал образ почек старика.

- Иваныч, - сказал неожиданно Михаил, - камешков много в почках. В левой четыре, в правой три. Пьешь что-нибудь?

Дед, забыв о Сверчке, уставился на Киреева.

- Потаскаю чего-нибудь, прихватывает... А ты откель знаешь, что камни? Да еще посчитал...

- Да так, - уклонился от ответа Киреев. А потом добавил: - Есть такая трава - марена красильная называется. Да где ж ее тебе достать? Вот что: попей осиновой коры. Найдешь?

- Да у нас осин, как у греков апельсин.

- А пока будешь пить, собирай от куриных желудочков пленку. Высушивай их. Когда соберешь сорок штук - придешь ко мне, я тебя научу, что дальше делать. Всю ночь у Киреева жутко болела голова. К утру боль немного улеглась, только черные мушки летали перед глазами.

А утром пришла жена Печникова, тетя Дуся. Пожаловалась, что сильно печень болит. Киреев сначала хотел послать старушку куда подальше, но вдруг словно на экране вновь увидел образ. Это был какой-то человек, очень похожий на одного из местных жителей.

- И будет болеть, - опять совершенно неожиданно строгим голосом сказал Киреев. Неожиданно прежде всего для себя. Будто какая-то сила вкладывала эти слова ему в уста. - В церковь ходишь?

- Хожу, - испуганно пролепетала бабка.

- Причащаешься?

- А как же иначе?

- А ты знаешь, что, подходя к причастию, надо всем прощать, раз Бог тебе все прощает? Почему ты зло на... - и он назвал имя, - столько лет носишь? Вот тебе зло печень и разрушает. Печень на себя всю злобу нашу принимает.

Бабка, завыв, выскочила из избы. Все. И началось. Молва о том, что Киреев способен определить не только болезнь, но и назвать ее причину, вмиг облетела Старгород и

окрестности, а потом шагнула дальше. К нему уже ехали из дальних мест. Он сердился, не хотел принимать, ему предлагали деньги, плакали. И Киреев сдавался. Нет, денег он не брал, но слез не мог выносить. Потом потянулись те, кого, по их словам, он вылечил. Началось просто безумие. Поскольку изба Михаила была мала, он упросил соседей помочь ему - пустить к себе людей, чтобы они не мерзли, ожидая своей очереди. Киреев страшно исхудал, по ночам у него жутко болела голова, но, странное дело, ему все это начинало нравиться. Во-первых, он помогал людям, но главное было в другом. Когда Михаил появлялся среди людей, то слышал за собой шепот. Постоянно подбегали, кланяясь, какие-то бабки, за что-то благодарили... Киреев пытался говорить, что не он лечит, а Бог, но его будто не слышали. Молва приписывала ему уже просто удивительные деяния. Будто он предсказал одной матери, что ее дочери не надо готовиться к свадьбе

- у нее будет другой жених. И через неделю девушка умерла. Что способен он и бесов изгонять, только какой-то старец запретил ему это делать, пока Киреев не примет монашество. Он улыбался, слыша это, - и не спорил. Теперь Михаил понимал, что есть на свете то, что сильнее денег, - духовная власть над людьми. Сам Киреев считал свой открывшийся внезапно дар следствием целого ряда причин. "Наверное, Бог, - думал Михаил, - хочет, чтобы я, как перенесший сам болезнь, помогал другим". Денег, продуктов за помощь и лечение Киреев не брал. Иногда за день через его дом проходили десятки людей. Михаил буквально падал от изнеможения. Ночью приходили боли. И он уже чувствовал себя почти что мучеником, ради людей несущим непосильный крест. Но в один день все рухнуло. Он запомнил число - двадцать девятое марта. Киреев принял тогда очень много людей. Сначала приехавших издалека - до него добирались уже из соседних областей, затем из дальних мест района, а потом уже страждущих из Новоюрьевска и Старгорода. Почувствовав, что силы на исходе, Киреев вышел на улицу и извинился:

- Простите, люди добрые, не могу я вас принять. Очень устал. Приходите завтра. Никто поначалу не взроптал. Люди вздохнули: что же делать, понимаем.

- Завтра вы будете первыми, я обещаю... И вдруг из толпы вышел человек. Киреев узнал его, это был местный житель.

- Принимай сегодня. Или деньги вертай обратно. Киреев похолодел. Внутри все оборвалось.

- Какие деньги?

- Да ладно из себя святошу строить! С меня сто рублей взяли, вот с них тоже. Скажите, - обратился мужик к толпе, - что не вру я.

- Взяли, - отозвались в толпе.

- Кто взял?

На Киреева было страшно смотреть. Люди притихли, а мужик попятился назад. Михаил все понял. Несколько соседей, у которых больные дожидались очереди, объединившись, похоже, устроили нечто вроде "акционерного общества". Больным говорили, что Киреев не берет денег, но мечтает построить храм на Тихоновской горе. Была установлена и минимальная такса для пожертвований - сто рублей. Только теперь понял Киреев, почему так зачастили к родителям дети некоторых его соседей, почему появилось столько желающих помочь ему с приемом приезжих... И вспомнился ему старец Илларион, вспомнились напутственные слова перед уходом из монастыря.

- Вам сейчас отдадут деньги. Возьмите и скажите всем, что Киреев больше никого не будет принимать. - Повернулся и ушел.

Когда вечером пришла Юля и постучала, то не услышала привычного "открыто". Вошла. Ее встретил Сверчок.

- Привет, рыжий. А где твой хозяин? - И вдруг она услышала плач. Михаил лежал на постели и плакал. На столе стояла икона. Юля была потрясена:

- Михаил Про.. Мишенька, что вы, что вы? Не надо!

- Я же добра им всем хотел, Юля! За что они меня так? Богом себя возомнил, сквозь людей смотрел, камни в почках и опухоли видел, а тех, кто был рядом, не разглядел.

- Не надо, не надо. Ты стольким помог, не плачь, - как ребенка, уговаривала Киреева Юля. Он и был сейчас ребенком, у которого отняли любимую игрушку или который узнал, что в мире есть не только добрые люди.

- Старец мне говорил... про искушения... говорил, а я... - не слушая девушку плакал Киреев. Кто-то кашлянул. Юля и Михаил подняли головы. В дверях стоял Сидор Потапыч.

- Стучу - не открывают. Можно войтить?

- Входи, отец. - Киреев поднялся и пошел на кухню умыться. Потом вернулся. - Говори, Потапыч, зачем пришел. Только покороче, будь ласков.

- А ты не торопи меня, не торопи. Я к тебе вроде как уполномоченный. От общества.

- От какого общества?

- Знамо какого, старгородского. Я тут слышал про твои слова. И вот что тебе скажу, Михал Прокопыч. Ты ведь про всех плохо не думай. В любом стаде есть паршивая овца. Мы, тутошние, от Новоюрьевска до Камышевки, знаем, что к чему. А чрез нас другие узнают. Те, кому ты помог, я в том числе, благодарят тебя. И кланяются. - Неожиданно старик встал и отвесил земной поклон. Юля посмотрела на Михаила. У него не дрогнул ни один мускул. Сидел, почерневший, и смотрел в пол. Старик сел и продолжил:

- А вот что Богом себя возомнил - то плохо. В том кайся. Ты, Михал Прокопыч, про искушения говорил... Не знаю, о чем ты, но вот что я думаю, хоть и не монах, а простой деревенский дурачок, над которым всю жизнь смеялись. Ежели ты сейчас на весь мир озлобишься, если ненароком людей презирать будешь - тогда все. Не выдержал ты... Ну вот я и все тебе сказал. Прощевай. И ты, барышня, прощевай тоже.

- Спасибо тебе, старик. - Киреев поднялся. - Ты прав. Я знаю, что мне теперь делать. Ранним утром Киреев вышел из дома и пошел за церковные развалины в сторону поля. Прошел Поповскую посадку, миновал Дьякон - маленькое озерцо, где по преданию утонул пьяный дьяк. Идти становилось все труднее. Кончились тропы, снег доходил до пояса, но Киреев упрямо шел и шел вперед. Через час он дошел до места, которое в народе называли Долиной четырех дорог. Когда-то в старину здесь сходились несколько дорог. Если встать на перепутьи и пойти на юг, то можно было прийти в Чернигов и Киев, на север - в Тулу и Москву, на восток - в Муром и Владимир, на запад - в Козельск и Смоленск. Сейчас от этих дорог не осталось и следа, и только в том месте, куда пришел Киреев, можно было увидеть их фрагменты. Встав на перекресток, Киреев повернулся лицом на восток. Снял шапку. Поднималось солнце. Уже не студень, но еще и не теплый ветер играл в волосах.

- Господи! - Михаил опустил на колени. - Если этот дар - от Тебя, оставь его. Я помогу всем, кто ко мне придет. Если не от Тебя - пусть его не будет. Господи, услышь меня.

- Киреев молился, как молилась Катерина в монастыре, не сомневаясь нисколько, что его слышат. Молился он долго, а потом по своим следам пошел домой. Перед домом на пути повстречалась хозяйка одного из тех домов, где с людей брали деньги. Женщина бросилась испуганно в сторону, но Михаил спокойно поздоровался и прошел мимо.

Вечером он позвал Юлю.

- Будь добра, встань к окну.

Юля не спорила. Встав, спросила:

- Мне раздеться? Или как?

- Как хочешь, но вообще-то не обязательно. Надо бы лучше Сидора Потапыча позвать, у тебя болячек, наверное, и так нет.

- Ты, чай, не извращенец, Михал Прокопыч? - сказала Юля, подражая интонации старика Потапыча.

- Не разговаривай. Все. Нет тусклого света. Экрана тоже нет. Потом он подошел к иконе и, опустившись на колени, произнес: "Спасибо, Господи! Владычица Небесная - слава Тебе!"

Встал и, обернувшись, улыбнулся Юле. На нее смотрел прежний Киреев.

- Ты как насчет картошки в мундире? И стаканчика молочка?

- А два стаканчика?

- Хоть три. Сегодня гуляем, Юля... Кстати, а кто у тебя на свадьбе подружкой будет?

- Софья.

- А другом жениха?

- Вы. Мы с Федором уже решили. И не надо на меня так смотреть.

Глава сорок четвертая

Гусиная стая, возвращавшаяся с далекого юга к родным северным озерам, над этим огромным скоплением домов, труб, машин и людей старалась пролететь как можно быстрее. Гуси летели сосредоточенно и безмолвно.

Киреев проснулся. Увидев, что часы показывали уже восемь утра, вскочил с постели.

- Надо же, что только не приснилось! Какие-то гуси, дороги, иконы... Жаль, все остальное забылось, что-то любопытное было, - с недавних пор у Михаила Прокофьевича Киреева выработалась привычка говорить вслух. - К чему снятся птицы? Надо посмотреть сонник. А икона? И тут он вспомнил, что не время разговаривать, а пора бежать в больницу, на консультацию. Михаил Прокофьевич изрядно нервничал, но что-то подсказывало ему: все будет хорошо. Ждал он недолго. Заранее записался в числе первых, так как сегодня у Киреева было множество дел. Самое главное - рандеву с банкиром Хайкиным. Дай Бог, чтобы все задуманное получилось, дай Бог.

- Киреев! - Это вызывали его.

- Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку. Молодой врач, судя по табличке - Кравчук Владислав Игоревич, осматривал Киреева долго и внимательно.

- Вот здесь больно?

- Да, немножко. И левее еще. Угу, вот тут. Что-то серьезное, как вы думаете? Взгляд врача упал на пиджак Киреева, висевший на спинке стула. Точнее, на значок, приколотый к лацкану: "Торпедо".

- Вы торпедовец, Михаил Прокофьевич? - неожиданно спросил врач.

- Да, - удивленно ответил Киреев. - Почти тридцать лет болею. Еще когда Стрельцов играл. Тогда у нас команда была! Великая команда!

- Я вообще-то за "Спартак" всю жизнь болею. Но "Торпедо" уважаю. Наши, конечно, опять первыми будут, а ваши, думаю, за третье место поборются.

- Да я надеюсь. У них вроде тренер новый. А что у меня, Владислав Игоревич? Что-то серьезное?

- Пустяки. Ваша Марина Петровна перестраховщица. Банальный гастродуоденит. Сейчас я рецептик вам выпишу. А так - порежимьте с месяц, поменьше волнений - и все будет нормально. Они простились как лучшие друзья. С плеч будто гора свалилась. В вестибюле у Киреева сработал мобильный телефон.

- Ты где пропадаешь? - его старый друг свободный журналист Костя Веничкин чуть ли не орал в трубку. - Быстро в банк поезжай.

- Все, еду. Я из больницы. У меня все хорошо.

- Ты даже не знаешь, как у тебя хорошо. Иоська тебя ждет.

- Что, согласен дать интервью?

- Не угадал! Гони бутылку, что это я, - ящик коньяка: тебя на работу в банк берут.

- Кем? - опешил Киреев.

- Замом Хайкина. Будешь курировать связь с общественностью.

- Слушай, сегодня не первое апреля, а седьмое.

- Да не шучу я, старик. Сам в трансе. Ему твои статьи показали, досье на тебя.

- Досье?

- Милый мой, это же крупнейший банк, государство в государстве. Но он статьи и читать не стал, на морду твою посмотрел и как отрезал: берем, говорит.

- Почему?

- Политика, брат. Сам посуди: ты у нас блондинистый, глаза голубые, добрые. На тебя посмотришь

- и тебе верить хочется. Скумекал, наконец?

- Да. То есть нет.

- У них раньше на твоём месте некий Рябинин работал...

- Фамилия мне ни о чём не говорит.

- Старик, фамилия говорит только тогда, когда твою фамилию все знают. А это - уровень Хайкина и выше. Так вот, на этого Рябинина только посмотришь - сразу видно: жулик. А ты - честный человек.

- Откуда ты знаешь?

- По крайней мере, на данном этапе. Да ещё и с внешностью аборигенской нации. Я же тебе сказал

- это политика. Скумекал, наконец?

- Кажется, да. Что я должен сейчас делать?

- Одеть лучший костюм.

- Уже.

- Одел уже? Лучший? На котором значок "Торпедо"? - Вздох в трубке. - Если это лучший... Ничего, скоро прибахлишься. Только "Торпедо" сними, а вдруг он за "Динамо" болеет? И мчись сюда. Что есть духу.

Когда вечером немного пьяный и очень счастливый Киреев пришел домой, дверь, к его удивлению, была открыта. На кухне, как ни в чём не бывало, суетилась Галина.

- Ты что здесь делаешь? - опешил Михаил Прокофьевич.

- Котик! - И Галина бросилась на шею мужа.

- Постой, постой. А как же этот, Павлов?

- Ну вот, я думала, он обрадуется...

- Я обрадовался, но ты же к нему ушла.

- Да дурак этот твой Павлов.

- Мой?

- Не придирайся к словам. Ты сам просил меня вернуться. Ну все, все. Обними меня. Вот так. Хороший мой. Кстати, а это правда, что ты у Хайкина будешь работать? ...Киреев вскочил, как ужаленный. Где сон, а где явь? Он осмотрелся. Это не московская квартира. На столе стоит икона, под ногами, свернувшись калачиком, спит Сверчок. Как же хорошо стало сразу Кирееву!

- Вставай, рыжий, а ещё зверь называешься, - тихонько толкнул Михаил ногой Сверчка. - Хоть с тобой поделюсь радостью. Просыпайся, кому я сказал! Представляешь, вот парадокс так парадокс. У меня во сне сбылось все, о чём я мечтал год назад. И как мечтал, рыжий! А сейчас я проснулся в холодном поту. Но к чему этот сон? Так, часов у нас нет, календаря тоже. Когда вчера я брал молоко у Потапыча, он сказал... Что же он сказал? Вспомнил: к нему завтра, то есть сегодня, придут дом страховать. Обещали, говорит, двадцать девятого апреля. Теперь все понятно! То, что его сегодняшней сон не случаен, Киреев Сверчку

рассказывать не собирался. Но теперь и сам все понял окончательно: первого мая - день рождения Лизы. А он ни на могилке ее не был ни разу, ни родителей девочки не видел. Да и вообще, не слишком ли долго он отходит после мартовского стресса? То необычно ранняя Пасха, то хлопоты с переездом в Старгород Федора. Парень - умница, купил дом совсем недалеко от киреевского и сейчас обустроивает его. Домик запущен немного, но Федор обещается к июлю - они с Юлей решили сыграть свадьбу в день своей необыкновенной встречи, в конце июля, - все справить. Михаил в меру своих сил помогал и помогает Новикову. Потихонечку принимает больных - два раза в неделю приходит в старгородскую поликлинику, где его друг, главврач Владимир Петрович Онежский, выделил ему кабинет. Приходят к Кирееву с уже поставленным диагнозом, и он просто рекомендует больным те или иные травы. Владимир Павлович сам упросил об этом Михаила. Бюджет практически не выделяет больше средств, даже йода и бинтов купить не на что. Онежский замыслил, что с весны несколько его санитарок будут собирать по окрестным полям и рощам травы, которые потом больные смогут купить по цене более дешевой, чем в обычной аптеке. Понятно, что ключевой фигурой в этой цепочке становился Киреев, который должен рекомендовать, какие травы надо больному пить. Михаил долго сомневался, но из уважения к другу и после благословения местного священника отца Николая согласился. Поставив, правда, два условия: Онежский не должен платить ему денег, а только обязан был приставить к нему молодого врача, который должен или должна будет потихоньку перенимать эту науку. Друзья ударили по рукам. Киреев быстро собрался в дорогу. Отдал Юле Сверчка - и уже вечером того же дня был в Москве. Москва показалась ему похорошевшей и более светлой. Но все равно, в первопрестольной Киреев чувствовал себя гостем. Ночевал он у старинного приятеля, впрочем, особо ему не надоедал: утром уходил, приходил вечером. Съездил в Коломенское, побродил по тем местам в центре города, где любил ходить в молодости. Было у Киреева огромное желание съездить на прием к Кравчуку. Да, это было бы очень эффектно, зайти к нему и небрежно бросить: "Хок эрат ин фатис" - "Так было суждено". Но правы те же древние: "Альтисима квэкэ флюмина минима сону лябунтур" - "Самые глубокие реки текут с наименьшим шумом". Эффектно, но глупо. Что можно сказать этим приходом? Что Кравчук Владислав Игоревич ошибся, заранее похоронив его? Так не ошибается тот, кто ничего не делает. Сказать, мол, передайте вашим больным, чтобы никогда не теряли надежды? Но ведь его случай действительно очень редок. А надеяться надо всегда. Одним словом, в больницу Киреев не пошел, зато сходил на футбол. Ему было интересно рядом с молодыми ребятами в черно-белых торпедовских шарфах. Киреев купил себе такой же, а потом прокричал от души полтора часа на трибуне "Лужников". Получив дозу адреналина, поехал к маме одного своего друга, увы, уже ушедшего. К своему стыду, за три года, как умер Коля Канищев, Киреев ни разу так и не побывал у Клавдии Сергеевны, его мамы... Не менее насыщенно прошел и второй день. Наступило первое мая.

* * *

Ира решила так: кому дорога память о Лизе - тому ничего не надо напоминать, а потому никого в этот день она не звала. Раньше всех, в десять утра, пришел Виктор.

- Давай я тебе помогу.

Он уже три месяца жил у своих друзей в ближнем Подмосковье. Ира подала заявление

на развод, но не хватало, как ей объяснили, судей, и их дело все никак не могли рассмотреть. Сегодня Ира не стала ругаться. Спросила:

- Деньги есть?

- Немного.

- Возьми в обычном месте, в шкафу, сбегай в магазин, я не все купила.

- Хорошо, давай сумку.

- Уже забыл, где сумки лежат?

- Не забыл, но не хозяин я теперь здесь. Может, кто другой появился? - Видимо, этот вопрос волновал Боброва.

- Не болтай ерунды. Когда появится - узнаешь первым. Обещаю. Еще через час пришла Наташа. Они теперь виделись очень редко. Узнав, что Котеночкина часто бывает у Вороновой, Ира вначале даже немного ревновала, но потом смирилась. Наверное, все-таки их больше объединяла Лиза. А сегодня Наташа прямо с порога предложила:

- Говори, что делать надо. Я специально пораньше пришла, чтобы помочь. Когда еще через некоторое время пришла Софья Воронова и тут же, не раздеваясь, попросила:

- Ирочка, давай мне фронт работы, - то Боброва не выдержала и рассмеялась:

- Уже все готово, помощники. Как сговорились. Впрочем, много гостей Ира и не ждала.

Ее две подруги уехали на свои дачи, друзей мужа она не видела давно. Последней подъехала Мещерская. Воронова удивилась:

- Я думала, ты на даче.

После встречи Нового года отношения между подругами заметно охладели. Инициатором стала Софья- младшая. Заверения Мещерской, что, приглашая Коваленко, она действовала из лучших побуждений, только усугубили положение. И хотя внешне мало что изменилось и обе Софьи перезванивались друг с другом, прежней сердечности в их отношениях уже не было. Но сейчас Воронова была искренне благодарна Мещерской за то, что она, отказавшись от традиционного семейного праздника на даче, осталась в Москве, чтобы помянуть Бобренка.

Впрочем, Ира сразу же сказала, когда пять человек уселись за стол:

- Дорогие мои друзья! Сегодня у нас не поминки. Сегодня - день рождения моей... нашей Лизы. Если буду плакать... вы уж простите. Ровно год назад мы отмечали ее десятилетие. Из тех, кто сейчас находится здесь, на нем были мы с Витей и Наташа. Это был замечательный день рождения. Другого такого у Лизы... - Ира заплакала.

- Ира, сядь, успокойся. - Виктор обнял жену за плечи.

- Я спокойна. Ничего. Просто... теперь я понимаю, что самое страшное на свете - пережить своего ребенка... Мы с Витей это пережили, а может, и не пережили... Я обещаю, что больше сегодня плакать не буду... Лиза была светлым человечком. Наверное, Бог ее и взял к себе потому, чтобы вся эта грязь, которой так много в нынешней жизни, ее не касалась. Она была светлой и очень жизнерадостной девочкой. А потому давайте представим, что она здесь, рядом с нами... Господи, ведь обещала... рядом с нами и... Не умею я говорить, но, надеюсь, вы меня поняли.

- Поняли, Ирочка, - сказала Наташа, которую поддержали и другие.

- Я еще последнее хочу сказать. Сегодня я... сегодня мы с Виктором никого не звали. Никому не напоминали о том, что у Лизы первого мая день рождения. Вы пришли по зову

сердца. Спасибо вам. Всех вас Лиза очень любила. Жаль, нет еще одного человека - вы знаете, о ком я говорю. Значит, он не смог приехать... Помню, как она готовила вам свои прощальные подарки... Для меня это было самым тяжелым. Мам, говорит мне она... - Тут Ира разрыдалась. Поднялся Виктор.

- Ира, все, отдохни. Ты правильно все говоришь, а потом реветь начинаешь. Лиза бы огорчилась... Давайте помянем... мою дочку и... - заплакал и он.

- А ну вас, - рассердилась Наташа. - Я беру власть в свои руки... Они выпили. Потихоньку завязался разговор. Уже более спокойный, без слез. Неожиданно в дверь позвонили. Наташа посмотрела на Воронову, та на Котеночкину. Вошел, смущаясь, отец Борис.

- Извините, опоздал. Можно я присоединюсь к столь достойным людям?

- Проходите, батюшка, - захлопотала обрадованная Ира. Виктор побежал в кухню за стулом.

- Ты думала, что он приедет? - тихо спросила у Софьи понявшая все Мещерская.

- В глубине души надеялась, но не то чтобы очень.

- Младшая?

- Что?

- Аркадий Ревазович от тебя отстал?

- Пока нет. Как и обещал, я по уши в его розах.

- Куда их ставишь?

- Даша их в мусоросборник выносит.

- А ты не принимай их.

- Спасибо за совет. Он розы через посыльных передает. Звонок - вам букет - распишитесь.

- Прости меня, - вдруг сказала Мещерская.

- Да что уж там. Ты ведь и правда хотела как лучше. Слушай, ты еще хлюпать будешь!

- Подожди. Ты еще не знаешь всего. Я...

- Знаю, - улыбнулась Воронова. - У тебя замысел коварный был. Бабник Коваленко пудрит мне мозги, я перестаю думать о Кирееве, но тут появляется Феррапонтик.

- Ты меня презираешь?

- Да люблю я тебя, хотя не знаю, за что. Дело ведь не в Кирееве, старшая.

- А в ком?

- Во мне. Я другая стала, понимаешь? И благодаря Бобренку тоже. Мещерская пожалала под столом руку Софьи.

- Спасибо. Я отошью этого Аркадия.

- Я сама справлюсь.

- Кстати, мы давно с тобой сердечно не общались. Недавно Феррапонт девушку домой приводил знакомиться. Нам с Ильей понравилась. На тебя чем-то похожа.

- Я рада. Правда, старшая, очень рада. Вот только жаль, пойдут внуки - забудешь ты меня совсем. Мещерская не успела ответить. Воронова, взяв бокал и поднявшись, попросила:

- Если позволите, я хотела бы сказать несколько слов. Все замолчали.

- Я здесь младше всех и не имею, наверное, права говорить прежде Наташи, которая

столько лет была для Бобровых надеждой и опорой.

- Перестань, - засмузилась Котеночкина.

- Отец Борис должен бы как священник говорить прежде меня. Да и Софья Мещерская, с легкой руки Лизы ее все стали называть старшей, тоже - она все-таки создала тот фонд, о котором мы так мечтали в прошлом году. Я отошла от участия в этом деле, Наташа, загруженная сверх меры, - тоже, а Софья не сдалась.

Пришла пора смущаться и Мещерской:

- Ничего я особенного и не сделала.

- И все-таки, почему я взяла слово и именно сейчас? Хочу сказать вам то, что еще никому не говорила. Во время моего прощания с Лизой мы... В русском языке есть слово "побрататься", то есть стать братьями. Мы стали сестрами. И получается, Ирочка и Витя, я стала вашей названной дочерью, хотя понимаю, что по возрасту не намного младше вас. То, что я скажу сейчас, считайте, говорю и по поручению Лизы.

В этот момент от цветка одной из белых роз, стоявших перед портретом Лизы, упал лепесток.

- Странно, свежие вроде розы, - сказала Наталья.

- Не странно, Котик, это знак. Лиза подтверждает мои полномочия. Так вот, Ира и Витя. Витя и Ира. Если вы расстанетесь, если распадется ваша семья, знайте, вы предадите память о своей... о нашей Лизе. Вот. - Софья села и заплакала.

- Одна я сегодня не ревела... Но я поддерживаю каждое слово моей подруги, - сказала Котеночкина.

Ира и Виктор сидели, опустив головы. Боброва теребила пальцем краешек стола.

- Поскольку, как сказали, я была надеждой и опорой, то я скажу тоже, - продолжила Наташа.

- Если о нас, то не надо больше ничего говорить, - глухо произнес Виктор. - Это я во всем виноват. Ира здесь не при чем. Ей нужна была в тот момент моя помощь, а я раскис... Ира посмотрела на Виктора.

- Нет, я тоже... виновата. И ты прости меня. Вновь раздался шорох. Еще один лепесток упал.

- Ну ты смотри! А сказали, свежие, - стала сокрушаться Наташа.

- Тебе же объяснили, - Мещерская кивнула в сторону Софьи, - это знак.

- Это красиво, конечно, но в эти знаки верят только два ненормальных человека - Софья Николаевна и сама знаешь кто. Не будь, старшая, третьей. Не советую.

- Не кипятись, Наташенька, - попросила Котеночкину Ира.

- Да нет, я просто знаю, что это совпадение. Игра. Спросите православного священника, он вам скажет. Скажите им, батюшка.

И таким забавным получился у Наташи переход от главной тирады к "скажите им, батюшка", что все рассмеялись.

- А я в это верю, - тихо сказал священник. - У меня не большой стаж работы, если можно, конечно, назвать работой то, чем я занимаюсь, но, поверьте, мог бы рассказать вам много удивительного. Один случай запомнился. Я ходил и продолжаю ходить в очень достойную семью. Муж и жена - верующие люди. Их сын был летчиком-испытателем, служил где-то под Мурманском. Однажды я зашел к ним в гости. Стали пить чай. А на стене

висел портрет их сына. На нем - молодой, красивый парень. Портрет большой, под стеклом в рамке. Чуть левее часы висели. Старинные, с боем. Зазвенели часы, я посмотрел - три часа дня. И вдруг фотография падает - стекло вдребезги, рамка ломается... А потом оказалось, что в этот же день, в это же мгновение их сын погиб. Самолет разбился... Такая история. Но я хочу сейчас присоединиться к тому, что здесь сказали.

- И отец Борис обратился к Бобровым: - Вы люди венчанные, перед Богом обет давали. "Не Богу ли повинется душа моя? От Того бо спасение мое".

- "Ибо Той Бог мой и Спас мой, Заступник мой, не подвижуся наипаче", - продолжил другой человек.

Все обернулись на голос. В дверях стоял никем доселе не замеченный Киреев. Священник впервые видел этого мужчину, но отец Борис понял - его здесь ждали. Понял по той реакции, которую вызвало появление незнакомца. Ира быстро встала и бросилась к Михаилу. Они обнялись.

- Миша! Пришел! Вот видишь, похоронили мы звездочку нашу. Ира плакала, а Киреев молча гладил ее по голове. Потом подал руку Виктору. Всем остальным низко поклонился.

Мещерская с любопытством смотрела на вошедшего, тоже поняв, кто пришел. Наталья во все глаза смотрела на Михаила. Вроде он, а вроде не он. И дело не в тесемке из бересты на лбу, которой раньше не было. Изменилось все - осанка, жесты, взгляд. И говорить он стал по-другому: не быстро, не медленно, как-то веско, с паузами между фразами. И тут только Наташа вспомнила про Софью. Воронова сначала побледнела, но в целом держалась уверенно. На поклон Киреева ответила кивком головы, что-то спросила у Мещерской.

Ира представила Михаилу отца Бориса и Софью Мещерскую. Два легких поклона. Стул Кирееву поставили на углу стола, между Ирой и Наташей. Когда Виктор налил Михаилу в рюмку водки, Киреев вдруг спросил:

- Можно, я чуть позже? Мне хочется пока быть трезвым. Абсолютно.

- С одной рюмки разве опьянеешь? - спросил его Виктор.

- Я немного волнуюсь, а когда волнуюсь - мне лучше не пить. Вот получится то, что задумал, - тогда напьюсь вдребезги, - улыбнулся Киреев. Потом попросил Боброва: - Виктор, можно мне обратиться к народу?

- Так не я здесь главный, - сказал Виктор, выразительно посмотрев на Наталью.

- Понятно. - Киреев был серьезен, но глаза его улыбались. - Стоило мне уйти ненадолго, и все - никакого порядка. Объясните, Наталья Михайловна. Котеночкина растерялась, она не понимала, шутит Киреев или говорит серьезно.

- В чем? Ты бы видел, какие здесь слезы лились, вот я и взяла власть. Но я ее отдаю. Пожалуйста.

- Здравствуй, Наташа, - вдруг тихо сказал Киреев. - Я рад тебя видеть.

- И я.

- Я очень скучал по тебе.

- И я.

- Не думал, что мы еще свидимся.

- И я.

- Только одно огорчает: пока меня не было, твой словарный запас сократился до двух слов, да и то самых коротких.

Все засмеялись.

- Ну вот, пришел и сразу осмеял. Спасибо, Михаил Прокофьевич.

- Не обижайся, солнышко. Смеяться над собой - признак душевного здоровья.

- Так что же ты надо мной смеешься, а не над собой?

- Над собой я смеюсь без устали, тем паче представив то, что я сейчас буду говорить.

- А ты хочешь говорить? - спросил Виктор.

- Привет, а для чего я тебе власть возвращал?

- Для чего?

- Чтобы ты дал мне слово, и я мог обратиться к широким трудящимся массам. Витя, не тормози. Мещерской с каждой минутой все больше нравился этот человек. Его ирония была какой-то доброй, даже грустной. Но, наблюдая за тем, с какой радостью общались с Киреевым Бобровы и Наталья, Мещерская не могла понять, почему Михаил ни слова не сказал Вороновой и даже не посмотрел в ее сторону.

Наконец, Киреев получил от Виктора слово.

- Родные мои, за то время, что мы не виделись, не было дня, когда бы я не вспомнил тех, с кем простился почти год назад. И вот я вернулся. Ненадолго - завтра уезжаю. Но мне есть что вам сказать, а потому, увы, я вынужден быть многословным... Я уходил, прощаясь с жизнью. Оказалось, что я только-только начинал учиться тому, как надо жить. И меня оставили здесь, с вами. Один мудрый человек, встреченный мною на пути, я ему верю теперь больше, чем себе, сказал, что меня вымолила одна маленькая девочка, которая предстала пред Господом. Я сразу же понял, о ком идет речь...

...Я знал, что именно сегодня я увижу всех вас, очень близких мне людей... Во время странствий мне удалось понять простую - теперь я это понимаю - в сущности вещь. Любить - значит быть ответственным за тех, кого любишь... Не думайте, что перескакиваю с мысли на мысль, просто я хочу сказать о самом главном. А главное для меня - и Лиза, и вы, и Россия. Не говорю сейчас о Боге, но я нахожусь среди тех людей, которые понимают друг друга с полуслова, они, знаю это, поймут и меня... Я очень счастливый человек. Одна девушка благословила меня в дорогу, дав мне на хранение икону. Оказалось, что эта икона стала хранить меня, точнее, Та, чей образ был на ней запечатлен. Впервые глаза Софьи и Михаила встретились.

- Я рада, что ты сегодня с нами, Кира... Он ничего не ответил Соне. Только тихо улыбнулся. Одними глазами.

- И вот еще о чем я хочу вам сказать. Нас за этим столом - семь человек. Не ошибусь, если скажу, что все мы - русские. Я мог бы долго вам говорить, как прекрасна наша страна, но не хочу сейчас доказывать это. Детям не надо доказывать, что их мать - лучшая на свете. Другой вопрос, довольна ли мать своими сыновьями.

- Ты говоришь о матери вообще или о России? - спросил Бобров.

- Не сбивай меня, брат Виктор, я и сам собьюсь. Ты же все понял.

- Прости.

- Нет, это я должен просить у вас прощения, если вам покажется, что я читаю вам лекцию.

- Мы так не считаем, Кира, - сказала Наталья.

- Спасибо. Странную особенность я мог наблюдать в пути. В России живет много

народов, я уважаю каждый из них. Меня принимали к себе на постоянной татары, армяне, белорусы. Два украинца отдали за меня... Нет, об этом я пока не могу говорить... Но что я заметил? Если встречаются два армянина, или еврея, или татарина, или осетина - они могут не любить друг друга, но они всегда помнят, что это - не просто человек, а его соплеменник - армянин, еврей, татарин, осетин. Почему-то у нас, русских, этого нет. Куда-то ушло чувство родства.

- Может, не осталось нас, русских? И не русские мы уже? - задумчиво спросил, скорее, самого себя Виктор.

- Тогда кто мы? Граждане мира? Вселенной? Почему нас не осталось? Я - русский. Понимаешь, Витя? И ты - тоже... Есть такое слово - род. От него - Родина, родители, родиться... Мы в России живем словно соседи, которых волею судьбы свело жить в один большой дом. Но вот парадокс: я буду двадцать лет жить, тридцать - и не узнаю, как зовут соседа на другом этаже. У вас здесь, в Москве, спорят, как обустроить Россию. Не надо ее обустраивать. До нас мудрые люди, жившие тысячу, пятьсот, двести лет назад, ее обустроили.

- Надо все восстановить? А как? - перебила Михаила Мещерская. - Каждый из нас - хороший человек. У каждого - свое дело, которое он делает честно. Вот мой муж рисует картины. О России. Очень хорошие, поверьте, картины - Софья не даст мне соврать. Но есть вопросы, которые решаются за нас там, наверху. Что мы можем сделать?

- Я же не зря говорю о роде. Мы ждем хороших законов, мудрых правителей. Но проблема - в нас самих. Вот два чудесных человека, - Киреев показал на Бобровых. - Взяли и решили разбежаться. Стать сначала соседями, потом - чужими людьми. Но вы, собравшись здесь все вместе, нашли слова и вразумили их. А они вас послушали, ибо любят вас, видя в вас не соседей, а близких людей - родичей.

- Откуда ты все знаешь? - удивилась Наташа.

- По вашим глазам, - уклончиво ответил Михаил. - Но не сведи вас сегодня вместе Лиза - и все, свершилось бы непоправимое. А ведь еще год назад я любовался этими людьми, их отношением друг к другу. Всего один год прошел...

Бобровы сидели, как ученики, которых ругает учитель. Но - и это заметили все - Виктор взял руку Иры в свою, а она не отняла ее. Киреев продолжил:

- Недавно мне приснился сон. Будто я возвратился на год назад, в тот день, когда узнал, что у меня рак. Но во сне у меня болезни не оказалось. Все, о чем я мечтал тогда, - сбылось. Я проснулся - и чуть не заплакал от радости, что это только сон. Какое счастье, думал я, проснувшись, что то, о чем я мечтал, - не сбылось. Это - мой опыт. Но я хочу, чтобы он стал и вашим. А опыт Виктора - моим, ибо он испытал то, что не испытывал я... Вот я подошел к самой сути. Вы меня можете спросить: если бы Бобровы были, скажем, не Бобровыми, а Бобриками, изменилось ли бы мое отношение к ним, к Лизе? Наверное, нет. Но это была бы уже и не Лиза, не Ира, не Виктор. И не я. И если Бог захотел, чтобы я родился русским, чтобы я встретил вас всех и полюбил, - значит, у Него был для этого свой умысел? В Старгороде я не могу сказать своим соседям: живите вот так или так. Они спросят меня: почему ты должен нас учить жить? Но я не учить их хочу! Мне больно, когда они, трудолюбивые, добрые, вдруг... Одно слово - соседи. Эх, трудно мне передать все то, что чувствую... - Он замолчал.

- Мы понимаем тебя, - сказала Ира. - Правда, понимаем. Ты хочешь, чтобы мы все

поехали в Старгород?

- И жили так, чтобы твои соседи увидели, как надо жить? - подхватила Наташа. Киреев кивнул.

- Но это же не реально, Миша, - мягко, стараясь не обидеть Киреева, сказала Ира.

- Почему? - Киреев пристально посмотрел на Боброву.

- Бросить Москву и уехать?

- Да, бросить и уехать.

- Но что мы будем там делать?

- Наташа уже сказала. Я добавлю: будем восстанавливать Россию. Мы все прошли через страдания, они сделали нас чуточку мудрее. И тем, что мы приобрели, - мы обязаны поделиться с другими. А еще мы будем трудиться. Люди сейчас словам не верят.

- Начнем с меня. У меня здесь работа, любимая работа, - сказала Наташа.

- Ты уедешь, твой хоспис развалится?

- Нет, конечно, но...

- А у нас в районе сотни онкобольных, среди них много детей. Что такое хоспис и с чем его "едят", никто не знает. Есть у меня друг, главврач больницы, Владимир Петрович, бьется в одиночку как может, но что он может один? А у тебя такие знания, такой опыт. О квартире не беспокойся. Москву на наши края обменяешь в один день. В Старгороде и Новоюрьевске хорошие условия: газ, вода, ванна - все есть. Цены на жилье с вашими несопоставимы. Поезжай. Владимир Петрович тебя уже ждет.

- Как это ждет? - опешила Котеночкина.

- А так. Кстати, он вдовец, на пять лет старше тебя. И такой же зануда, как и ты. Славная будет парочка.

- Кира, ты меня поражаешь, - засмуцалась Наташа. - Ты что говоришь такое?

- Даю шанс, Наташенька. Точнее, я же вестник, это через меня тебе дают шанс.

- А мы что там будем делать? - одновременно спросили Бобровы.

- Подожди, Ира, я скажу, - сказал Виктор. - Мы за квартиру не держимся. Здесь могилка Лизы, работа, друзья, столько лет прожито.

- Ты работаешь? - неожиданно резко спросил его Киреев.

- Нет, но я...

- О могилке не беспокойся. Захотите, мы Лизин гробик перевезем. Но вообще-то до Москвы от нас чуть больше двух часов езды... Друзья? Опять прошу прощения за резкость: если друзья те, кто пил с тобой, так не волнуйся - пить перестанешь, ты им будешь не нужен. Теперь о работе. Раньше в Старгороде было восемь церквей, сейчас ни одной. То же в Новоюрьевске. Есть маленькая церквушка в окрестной деревеньке - и все. Там, где я живу, раньше храм стоял, в котором икона Божьей матери находилась. Та самая, которую мне Соня передала. Вот мы и будем строить храм. Но я в строительстве - полный профан, а ты - мастер. И помощник у тебя славный будет - жена. Она у Петровой хорошую школу прошла.

- А на какие деньги мы будем строить? - удивился Виктор.

- Господу будет угодно - все найдется. Главное, было бы кому молиться - и Господь не оставит нас. Найдутся деньги для храма.

- Ты должен понимать, это все не так просто. Землеотвод, деньги, организация работ, - не сдавался Бобров.

- Вот мы и будем вам помощниками, а вы с Ирой - нашими командирами. Бобры, говорят, славные строители. А развернуться, Виктор, там есть где. Гора высокая - на ней раньше древний славянский город стоял. С нее далеко все видно. Красота!

- А большой храм будем строить? - спросил Виктор.

- Ты посмотри, уже загорелся! - встрепенулась Ира.

- Сейчас и ты загорись, солнышко, - улыбнулся Киреев. - Большой ли будет храм или маленький - там видно будет. Если получится так, как я задумал, то храм мы посвятим Софьиной иконе - Одигитрии.

- Почему моей? - спросила, вздрогнув, Софья.

- Хорошо, нашей. И будет два придела. Один - посвященный Николаю Угоднику - в древности в Старгороде стоял Никольский храм, а второй, - Киреев посмотрел на Иру, - чудотворице Елисавете. Пока построим, у нас свой иконописец появится.

- Кто? - тоном заинтересованного человека спросил Виктор.

- Это Юлия Селиванова. Впрочем, ее из присутствующих только Софья знает.

- И я тоже, - сказала Мещерская.

- И я, - подхватила Котеночкина. И сама же первая засмеялась. - Да ну вас.

- Хотя, - опять заговорил Киреев, - скоро, надеюсь, она станет Новиковой. Для тех, кто не знает, Федор Новиков - очень славный парень. Из Задонска. Он Юлю, собственно, и спас. У него, кстати, есть свой грузовик.

- Это хорошо, - сказал Бобров. - Нам машина нужна будет.

- Не спорю. Но, если честно, я рассчитывал на Федора как на фермера.

- А когда построим церковь Елисаветы, - спросила Ира, - нам же священник будет нужен? И все посмотрели на отца Бориса. Тот смутился:

- Во-первых, как я понимаю, это будет не церковь Елисаветы, в честь чудотворицы у нас будет придел.

- Я понимаю, - поправилась Ира. - В честь иконы будет храм.

- А во-вторых, я согласен!

- Вот это слова не мальчика, а мужа, - одобрил отца Бориса Киреев.

- Нет, правда, нас в храме пять священников. Мы с матушкой давно хотели куда-нибудь в глубинку уехать. Богу везде служить можно. Конечно, надо будет с владыкой договориться. Но, думаю, это реально.

- Вас я не зову, Софья, - обратился Михаил к Мещерской.

- Я уже поняла.

- Нет, мы не бросаем вас. Вы будете нашим чрезвычайным и полномочным представителем в Москве. Посол Старгорода в столице. А летом пусть ваш муж приезжает на этюды, а когда построим храм - ждем и сына: Юле его помощь пригодится.

- А что делать со мной, товарищ генерал? Или режиссер? - В голосе Вороновой звучала обида. - До меня есть кому-нибудь дело?

Все посмотрели на Киреева.

- Не то и не другое. Просто - Кира. Не обижайся, Соня. Во-первых, эта икона все-таки твоя, во-вторых, только для нас с тобой Старгород - родной город, тебе сам Бог велел туда возвращаться.

- Вот как? А в-третьих?

- А в-третьих, ты не обидишься, если я тебя попрошу на пять минут перейти в другую комнату?

- Это - шутка?

- Нет. Чтобы не было скучно, возьми с собой тезку.

- Может, мне все это снится? - подала голос Ира. - Михаил, ты ворвался, все запутал.

Народ куда- то ехать собрался.

- Народ состоит из отдельно взятого человека. Из тебя, меня, Натальи. Я не заставляю, Ира, я даю вам шанс. Нас, кстати, там уже трое. А еще вот-вот подъедет из Сосновки девочка одна. Марфа. Журналистка. Я втравил ее в одну историю... Марфу теперь вместе с матерью в районе подвергли обструкции.

- Что за история? - поинтересовался Виктор.

- Марфа статью опубликовала в областной газете про стариков брошенных. Мой друг... бывший друг с подачи районного начальства девочку выгнал... Короче, я ее с матерью в Старгород позвал. Кстати, Наташа, мать Марфы - классный инфекционист. Так что мы живем!

- Только учителей не хватает, - сказала Котеночкина.

- Есть учителя. Моя сестра с мужем. Да и Ира, когда построим храм, может вернуться к родной профессии. Молодец, Наташа, ты мыслишь стратегически: школа, больница, храм - это самое главное, - похвалил Кира Котеночкину.

- Ира, - подала голос Софья, - этот друг вас опять заговорил. Ты что-то пыталась в мою защиту сказать? Или мне показалось?

- А ты напрасно еще здесь сидишь, - Киреев уже полностью владел обстановкой.

- Я что, вовсе бесправная? Виктор, ты же хозяин!

- Виктор, скажи Софье Николаевне, что ее права будут соблюдены. Я обещаю.

- Сонечка, Киреев обещает.

Обе Софьи вышли в другую комнату.

- Друзья мои, - обратился к тем, кто остался, Михаил. - Поскольку я редко выбираюсь в Москву, то решил сделать сразу несколько дел.

- Например? - задала вопрос Котеночкина.

- Например, жениться.

- На ком? - изумилась Ира. - Вообще-то, глупый вопрос.

- Вот с этого тебе и надо было начинать, - Наталья даже подпрыгнула от радости.

- Котик, ты помнишь, что Мюллер сказал Штирлицу?

- Нет, - честно призналась Наталья.

- Он сказал: мне лучше знать, с чего начинать.

- Поняла. От нас что требуется?

- Очень мне хочется, чтобы все по традициям народным происходило. Как некогда в России. Кто-нибудь знает, как происходило в старину сватовство? Виктор стал чесать затылок.

- Я помню немного...

- Откуда? - удивилась Ира.

- Из кино, кажется. Что-то про князя... Ага, вспомнил, у вас князь, нету у нас князя, а кто же у вас?

- Приехали, - подвела итог Котеночкина. - А у вас в квартире газ.
- Ты прав, Миша, - вдруг сказала Ира. - Какие мы, к чертям собачьим, русские. Своего друга сосватать не можем.
- А почему, думаешь, я не сосватаю? - возразил ей Виктор.
- Ты же обряда не знаешь.
- А инстинкт на что?
- Какой инстинкт?
- В генах которой. Национальный. Значит так. Пойдемте все, кроме батюшки. Ты, Миша, тоже сиди здесь. Позовем.
- Давайте я сначала благословлю вас, - отозвался священник. Все подошли под благословение.
- Интересный ты какой, а что нам говорить? - Ира продолжала переругиваться с мужем.
- Или бесплатными приложениями возле тебя стоять?
- Если тебе Михаил друг, найдешь, что сказать. Пошли. Обе Софьи сидели на маленьком диванчике. Когда вошли сваты, они переглянулись.
- Что случилось, ребята? - спросила Софья.
- Соня, мы вообще-то не с тобой должны разговаривать, - сказала Ира, толкая мужа в бок. - А с матерью твоей.
- Ты что, Ира? Ну, у Киреева крыша поехала, ты-то что с ума сходишь? У меня мать умерла. Очень давно.
- Слушай, Софья, да не придурайся ты тоже, - не выдержала Наталья. - Сваты мы, понимаешь, сваты! А сватаются к родителям. У тебя их нет. Вот Софья-старшая за мать будет. Будешь за мать, Софья?
- Буду, - с готовностью согласилась Мещерская.
- Вот. Ну, говори, Виктор, - стала толкать Боброва уже и Наталья.
- Говорю. У вас лебедушка, у нас князь. Короче, вижу, мать, согласна ты. Выходи из комнаты, пусть они сами промеж себя поговорят.
- Но Мещерская, осадив Виктора, стала, нахваливая "дочь", требовать доказательств, что князь "не ударит лицом в грязь". В шуточных препирательствах прошло еще несколько минут, которые показали Кирееву вечностью.
- * * *
- Михаил тихо вошел в комнату. Встал у двери. Софья сидела на диванчике, опустив голову.
- Глупо все получилось? - спросил он.
- Если честно, то есть немного.
- Прости. Но вообще-то, молодцы ребята, старались очень...
- И Софья-старшая тоже молодчина, - подхватила Воронова. А потом вдруг неожиданно спросила: - Кира, а ты не поторопился всех их в Старгород звать? Если что не получится, вряд ли ты своим "прости" отделаешься.
- Они давно были готовы ехать в Старгород, Соня. Нужен был кто-то, кто бы сказал: поехали, ребята, на сборы вам - десять минут. Это как на перекрестке. Можешь поехать налево, направо, а можешь повернуть назад. У них есть еще время подумать и отказаться.
- Целых десять минут. А у меня?

- Ты про поездку или женитьбу?
- Про женитьбу я еще ничего от тебя не слышала.
- Разве? Прости.
- Зачем ты косишь под интеллигента, Кира?
- Действительно, зачем? Больше не косю, то есть кошу. Надо же, не скажешь, как надо.

Короче, с сей минуты я торжественно отказываюсь называться интеллигентом.

- Между прочим, Кира, мне за последние четыре месяца уже пять предложений руки и сердца поступило.

- Шесть.

- Что - шесть?

- Шесть предложений. Я тоже предлагаю. Руку и сердце. Наверное, будь я на твоём месте, то послал бы меня, то есть себя, куда подальше, но я сейчас на своём месте и прошу тебя: окажи мне честь, стань моей женой.

- Сколько мне дается времени на раздумье?

- А сколько давали те пятеро?

- Я им сразу отказала.

- Вот видишь, у тебя есть опыт.

- Я согласна взять твоё сердце и твою руку. Кира, что ты стоишь?

- А что я должен делать?

- Наверное, поцеловать меня.

- Слушай, может, я поспешил? Я даже не знаю, умеешь ли ты целоваться?

- Скажи, а обратно согласие можно взять?

- Не имеешь права. На тебя весь русский народ обидится.

- При чём здесь русский народ?

- А при том. Ты же на его традиции начихать хочешь.

- Ты вообще-то можешь быть серьёзным?

- Поживём - увидим. Вообще-то, сейчас я серьёзен, как Джордано Бруно перед повешением.

- Кажется, его сожгли...

- Разве? Тем более...

- Кира, у меня к тебе ещё один вопрос. Ты каждому предложил работу в Старгороде. А я что буду там делать? Говорить всем, что я - хозяйка иконы? И что мой отец здесь родился?

- Но ведь и ты там родилась. Родная земля что-нибудь тебе обязательно подскажет.

- Например?

- Например, слабо нам с тобой сделать на горе, рядом с церковью, музей русской культуры, в котором будет всё - от гончарной посуды до картин Ильи Мещерского, других твоих... наших друзей? Представляешь, на горе - музей, а через дорогу - храм. Ещё несколько шагов в сторону - озеро. Наше Белое озеро. Кстати, его чистить надо, а то оно заросло совсем. Детишки будут на гору приезжать целыми классами. А один зал мы отведём для картин Лизы.

- Поняла. Не слабо. Четыре года.

- Что - четыре года?

- Через четыре года там будет музей и сад. Представляешь, огромный сад, в котором

будут расти яблони, вишни, груши.

- Заросли сирени, черемухи, малины... А ведь неплохо! Есть ради чего жить... Ты теперь довольна?

- Вполне. А то Наталью весь район ждет...

- А тебя я...

Вдруг они оба замолчали.

- Ты не знаешь, почему мы так много болтаем? - спросила наконец Софья.

- Знаю. От смущения. Это бывает.

И он провел ладонью по ее волосам. Софья закрыла глаза. Жилка на тонкой шее пульсировала сильнее обычного. Киреев поцеловал Соню - сначала в шею, потом в подбородок. И только после этого - в губы. Поцелуй был долгим-долгим. Глаза они открыли одновременно.

- Я буду хорошей женой, Кира, вот увидишь. Михаил сначала хотел ответить: "А кто бы сомневался", но, увидев, какая нежность была разлита в ее глазах, убил иронию в зародыше. И только сказал:

- А я тебе обещаю, что у нас будет много полей, снега, дождя, солнца, травы...

- И ты укроешь меня от дождя и снега своим плащом? - улыбнулась Софья.

- Укрою. И буду владеть тобой одной.

- Ты забыл сказать: с каким же счастьем...

- С каким же счастьем...

- Без этого дурацкого "бы". Да?

- Без него.

- Поцелуй меня еще раз.

- Нельзя. Нас ждут. Пять человек.

- Шесть. Ты о Лизе забыл. В этот момент дверь платяного шкафа со скрипом отворилась, и с полки упал белый платочек Лизы. Они переглянулись.

- Это знак, Кира?

- Знак.

- А Натка не верит.

- Ничего. У нее еще есть время исправиться.

Глава сорок пятая

От маленького окошка через полумрак комнаты пробегал солнечный луч. Лежащая на диване молодая женщина, не открывая глаз, следила за игрой света. На ее груди безмятежно спал голенький младенец. Одной рукой женщина бережно придерживала ребенка, а другая ее рука чертила в воздухе какие-то иероглифы или руны. На самом деле Софья Киреева пыталась повторить прихотливую игру пылинок в луче. Молодая женщина так увлеклась, что не заметила, как в комнату тихо вошел мужчина. Вошел и замер, очарованный увиденным. На мужчине была дорожная белая куртка и выдавшие виды черные джинсы. Он стоял долго, любуясь красотой женщины, слушая дыхание ребенка. Наконец мужчина чуть слышно постучал по косяку двери, и Софья заметила его.

- Пришел? - улыбнувшись, спросила она.

Всего одно слово, но столько вместило оно любви, заботы, нежности и радости, что Киреев почувствовал комок, подступивший к горлу. Может быть, поэтому Михаил смог только кивнуть головой.

- Кира, - прошептала Соня, боясь разбудить ребенка, - вчера приходили Виктор и Ирина. Очень довольные: какой-то человек на свои деньги купил машину кирпича, а у Натки проблема, горсовет не хочет...

Киреев приложил палец к губам:

- Тс-с. Потом, все потом. Бери Лизу, пойдем, я вам что-то покажу.

- Мишенька, она недавно уснула, - все так же шепотом отвечала Соня. - Наверное, зубки резаться начали. Спасибо Домовенку: когда он пел, она его слушала и успокаивалась немного. Даже улыбалась.

- Нет, моя хорошая. Зубкам резаться еще рановато. Ночью был сильный ветер, груднички его чувствуют. Пойдем, можем не успеть.

- Не успеть? Кира, может, я оставлю ее здесь? Мы же быстро вернемся? Лиза ведь все равно ничего не поймет.

Но Киреев был неумолим.

- Мы теряем время. Говорю тебе, можем не успеть. А Лизу ты зря недооцениваешь. Она все услышит, все поймет.

- Каким образом? - улыбнулась Софья. Бережно подняв ребенка, она вышла за Михаилом из комнаты.

- Через дыхание, - то ли пошутил, то ли серьезно ответил Кира. - И это останется в крови навсегда.

Они вышли во двор, завернули за угол дома, прошли мимо подросткового Сверчка, увлеченно гонявшегося за соседским котом Чубайсом, и вступили под сени старого сада. Пора цветения уже миновала, и лепестки цветков яблонь и груш покрывали землю. Михаил шел немного впереди, готовый в любую секунду поддержать жену и ребенка. Софья шла босая. Бархатистая трава ласкала ее ноги. Тропинка резко нырнула вниз. Софья поняла, что Михаил вел их к самому дальнему уголку сада, туда, где прямо за зарослями черемухи и жасмина протекал небольшой ручей. В прошлом году они с Кирой придумывали названия для своих владений. Этот уголок сада Софья назвала куртиной Восточного ветерка. Ей очень понравилось встреченное в словаре старых русских слов именно вот это слово - куртина,

обозначавшее уголок, часть сада. Когда поднимался восточный ветер, то верхушки лип и черемух, кусты жасмина начинали тихо шелестеть. Софья любила приходить сюда и слушать, как шорох деревьев сливается со звоном ручья, названного Михаилом Златоструем. Но сейчас к этому звону примешивался другой, пока еще непонятный для Сони.

- Тише! - предупредил Кира. - Смотри туда. - И он указал на куст жасмина. - Видишь ее?

- Кого? - Как ни всматривалась Соня в куст, она так ничего и не увидела. Зато услышала нежное птичье пение.

- Коноплянку. На самом верху куста.

- Да, - обрадовалась Софья, - теперь вижу. Маленькая, чуть меньше воробья птичка самозабвенно пела, не замечая никого вокруг себя.

- Давай подойдем ближе, - предложил Кира. Они прошли еще несколько шагов по траве, стараясь идти как можно тише. Лиза спала как убитая, забавно приоткрыв ротик.

До куста жасмина осталось не более десяти шагов. Коноплянка умолкла, замерли и они, скрываемые только кустами черемухи. Теперь Софья могла разглядеть птичку. Спинка у коноплянки была скорее буроватого, чем серого цвета, а вот бока и брюшко белесые. Над клювом - небольшое малиновое пятнышко, зато грудка выделялась ярким карминным пятном.

- Самец, - шепотом пояснил Кира. - Самочки у них попроще, серенькие. У птиц красота - удел самцов, я хотел сказать - мужчин. Видишь, как он перед ней старается? Ну, пой же, пой, голубчик, почему замолчал? - чуть ли не взмолился Михаил. То ли из-за мужской солидарности, то ли потому, что птичка успокоилась, но почти сразу после слов Киры коноплянка запела, поворачиваясь из стороны в сторону и приподняв хохолок. И даже ветер замер, словно внимая певцу. Чистые и нежные мелодичные свисты и трели уносились в небо, долетали до самых дальних уголков сада. Но этого коноплянке, видимо, было мало. Она неожиданно вспорхнула с ветки высоко-высоко и сделала несколько кругов в воздухе, будто стараясь, чтобы эту песню радости, песню любви и весны услышал весь окрестный мир. Затем, медленно спланировав, коноплянка опустилась на прежнее место и продолжила пение. Михаил обернулся к Софье, чтобы сказать ей что-то, но слова замерли на его губах. Молодая женщина плакала. Слезы, светлые и чистые, как песнь коноплянки, текли по щекам, пока одна, затем вторая капля не упали на лицо ребенка. Лиза открыла глазки. Ребенок удивленно смотрел, ничего не понимая. Затем узнал маму и улыбнулся. Михаил взял у жены дочь и повернул ее лицом к жасминовому кусту.

- Смотри, маленькая моя, смотри - это коноплянка, - не переставая плакать, шептала Софья, обняв мужа и дочь.

Так и стояли они, обнявшись, а коноплянка, не умолкая, все пела и пела свою песню. Что слышалось им в этом пении? О чем или о ком вспоминали они, стоя на крошечном пятачке зеленого луга? Впрочем, на все ли вопросы нам надо знать ответы, дорогой мой читатель? Давай оставим этих троих в старом саду у Златоструя. Они нашли друг друга на беспокойной дороге жизни, нашли свой ручей, свою поляну под тенистыми кронами деревьев. А еще слышали пение маленькой птички коноплянки. Поверь мне, читатель, всего этого вполне достаточно, чтобы быть счастливым. Услышишь ли ее ты? Если твое сердце принадлежит родной земле, а душа стремится к небу, как птица, - обязательно услышишь. Даю тебе слово.

От автора

"Коноплянка" смогла увидеть свет только благодаря помощи многих добрых людей, которым мне хотелось бы выразить свою искреннюю признательность. Особая благодарность за моральную и материальную поддержку В. В. Алфименкову, Ю. А. Антонову, А. Ф. и Г. И. Ануфриевым, А. Ю. Афанасьеву, Е. Г. Багно, А. А. Балакиреву, А. М. Балдину, Л. В. Березиной, В. Г. Бородину, О. А. Будариной, Е. Т. Васляеву, В. Г. Габленко, И. В. Герасимову, Н. В. Гончаренко, И. Н. Данилкиной, В. И. Демиденко, А. В. Долголаптеву, С. Н. Доценко, А. Н. и Е. Г. Елецким, А. В. Ефремову, Т. Я. Жабицкой, Н. И. Захарову, А. М. Золотареву, Н. С. Исаевой, В. С. Каляшину, А. Г. Кикотю, В. В. и О. В. Киреевым, И. В. Клитину, А. Д. Коваленко, А. Н. Козину, В. И. Кондратьеву, В. Ф. Королеву, С. В. Королеву, В. Г. Култышкину, Е. Б. Кунченко, В. К. Лукьянову, В. И. Любавину, Ю. Н. Любцеву, А. И. Малахову, Л. А. Малову, Ю. Г. Матькову, Н. А. Матюхину, А. Б. Мищенко, семье Монаховых, Л. Ш. Мурзаевой, Ю. К. Недачину, А. А. Нестеренко, О. В. Нестерову, А. А. Никольскому, В. В. и Г. А. Павленко, А. А. Павлову, В. В. и Е. А. Пальчик, В. П. Плотникову, А. Б., Л. Г. и Б. А. Поповым, Н. Н. Прислонову, В. Э. Проху, В. И. Пыжову, Д. П. Савельевой, А. Н. Сасиной, С. А. Серженко, В. С. Синьковой, Ю. Г. Сницару, С. А. Соболеву, И. М. Тарасовой, Ю. Н. Текучеву, В. А. Ткаченко, И. А. Трижцинской, В. Н. Трусову, В. В. Ульяновскому, И. В. и Ю. Н. Узиковым, С. И. Федотову, С. Л. Федяеву, А. С. Фефилову, С. Н. Филатову, В. Н. Хохлову, А. Д. Цесарскому, В. В. Чернышеву, А. А. Чупрову, Т. С. и М. Д. Шаовым, Б. Б. Шемякину.

19 мая 2008 года не стало Виктора Лихачева, автора этой книги. Анна Лихачева, вдова писателя, любезно разрешила разместить произведения писателя в нашей библиотеке. В качестве благодарности и по личной просьбе Анны Александровны, пожалуйста, оставьте отзыв о книге на сайте памяти Виктора Лихачева по ссылке <http://www.liha.ru/memory.html>